

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**АКТУАЛЬНЫЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

**ВСЕРОССИЙСКАЯ МЕЖВУЗОВСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

Москва
2017

ББК 67.404

А 43

А 43 Актуальные теоретические и практические вопросы развития юриспруденции / Материалы Всероссийской межвузовской научно-практической конференции (для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов). 1 декабря 2016 г. / Под ред. А.А. Березиной, М.В. Гудковой. – М.: Международный юридический институт, 2017. – 530 с.

Составители:

Гудкова М.В., к.психол.н., научный сотрудник Смоленского филиала Международного юридического института.

Лукьяненко В.В., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Смоленского филиала Международного юридического института.

Пучкова В.В., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Смоленского филиала Международного юридического института.

Колмаков А.Г., к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Смоленского филиала Международного юридического института.

Бойкова Н.Г., старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Международного юридического института.

1 декабря 2016 г. в Смоленском филиале Международного юридического института состоялась Межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные теоретические и практические вопросы развития юриспруденции», приуроченная ко Дню юриста.

В сборнике представлены научные доклады и статьи студентов, магистрантов, аспирантов, профессорско-преподавательского состава вузов, практических работников правоохранительной системы, принимавших участие в работе конференции.

Адресуется преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов, научным и практическим работникам.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Теория и история государства и права: единство теории и практики	
<i>Анисимов А.Р., Фомин О.Е.</i>	
ПРОЦЕДУРА ОТВОДА СУДЬИ В РФ.....	10
<i>Верхоглядова С.С.</i>	
ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЕДИНСТВА ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА.....	20
<i>Востриков С.В., Богатчикова К.С.</i>	
О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ КРИЗИСЕ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАКАНУНЕ 1917 г.	32
<i>Лисичкин М.А., Васильева С.В.</i>	
МОНАРХИЯ КАК ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ	41
<i>Масягина Ю.Б.</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМЫ ПРАВА И ИСТОЧНИКА ПРАВА.....	47
<i>Миксюк А.С.</i>	
ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ РАННЕГО ЗОРОАСТРИЙСКОГО ПРАВА.....	51
<i>Сидорова С.А.</i>	
КОЛЛИЗИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ.....	60
<i>Уваров И.А.</i>	
КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	70
Раздел 2. Тенденции и перспективы развития гражданского законодательства и практики его применения	
<i>Абушова А.Э., Усова Е.В.</i>	
ПОРЯДОК ПРИСВОЕНИЯ ИМЕНИ РЕБЕНКУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	78
<i>Белякович В.С., Лукьяненко В.В.</i>	
НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД: БУДУЩЕЕ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?.....	84
<i>Бувайлик С.И., Столяров Д.А.</i>	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА	91

<i>Васильева А.А., Шендорова О.Б., Лукьяненко В.В.</i>	
СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СУПРУГОВ КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО ПРАВА	99
<i>Гончарова О.Н., Сирик Н.В.</i>	
СИСТЕМА ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	108
<i>Гудкова М.В.</i>	
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	116
<i>Дургарян К.В.</i>	
ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	121
<i>Евтуховский В.В., Лукьяненко В.В.</i>	
СУДЕБНЫЕ ИЗВЕЩЕНИЯ И ВЫЗОВЫ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ	127
<i>Константинова Е.О., Лукьяненко В.В.</i>	
К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРЕТЕЙСКОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ	133
<i>Кудрявцева Л.С., Дургарян К.В.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ ЕГРН.....	144
<i>Куницкая О.М.</i>	
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ.....	152
<i>Липская О.Н.</i>	
ШТРАФНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	164
<i>Лукьяненко В.В.</i>	
СУД ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ В СИСТЕМЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	170
<i>Ляшко А.А., Пунько Т.Н.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РАМКАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВСУБЪЕКТНОСТИ	176
<i>Лыткина А.М., Лукьяненко В.В.</i>	
ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДЕБНЫХ РАСХОДАХ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	182

<i>Максимова О.Ю.</i>	
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСОКОГО ПРОЦЕНТА ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ КРЕДИТОМ.....	187
<i>Молдованова А.Н., Лукьяненко В.В.</i>	
НОВОЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ.....	193
<i>Тимошкина К.С.</i>	
РОЛЬ ДОГОВОРА КАК РЕГУЛЯТОРА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	197
<i>Петрова В.В., Усова Е.В.</i>	
ВОПРОС ОБ ОТКРЫТИИ НАСЛЕДСТВА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	206
<i>Потапченко С.И.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	213
<i>Пучкова В.В.</i>	
СТАДИИ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН В РФ.....	221
<i>Сирик Н.В.</i>	
К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ТУРИЗМЕ.....	227
<i>Столяров Д.А.</i>	
ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НИЧТОЖНЫХ И ОСПОРИМЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ (ОТ РИМСКОГО ПРАВОВОГО ОПЫТА К СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ)	235
<i>Тремасова О.Е., Усова Е.В.</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИСВОЕНИЯ ИМЕН В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ РФ И БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ	244
<i>Филатова А.А., Усова Е.В.</i>	
ПРАВО НА ИМЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ	251
<i>Шункенова А.Т., Иванова Л.А.</i>	
ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	256
<i>Юшина М.И., Михалева Н.В.</i>	
ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕРЕПИСКА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	264

Раздел 3. Уголовно-правовое законодательство: актуальные изменения и проблемы правоприменения

Абдурахманов А.А.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА
В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 271

Бойкова Н.Г.

РОЛЬ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КООРДИНАЦИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ
ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 281

Бражникова В.В., Шевелев Н.В., Сидоренкова И.В.

КОНТРАБАНДА ОРУЖИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ 290

Витязев А.С.

ОБЩИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ 297

Воронцов В.М.

СНЯТИЕ СУДИМОСТИ ПО АМНИСТИИ 304

Вырьева Э.В.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПО МАТЕРИАЛАМ
СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 310

Глухова О.В.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 317

Ипполитова Ю.С.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОРРУПЦИОННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ 328

Карпова Н.А.

О РОЛИ ПРОКУРОРА В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА 334

Корнеев О.В., Ревенко Я.Д.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ
ПОБОЕВ 342

<i>Лахов В.Г., Афиногенов П.А.</i>	
РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	350
<i>Лопатин М.Ю.</i>	
ОСОБЕННОСТИ КОРРЕЛЯЦИОННОЙ ЗАВИСИМОСТИ НЕГАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ И НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	357
<i>Лукина Ж.А.</i>	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АМНИСТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	364
<i>Михалева Н.В.</i>	
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЧАЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА	370
<i>Наливкин К.Н.</i>	
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В РОССИИ	376
<i>Поленкова А.М.</i>	
ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАЕМНИЧЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ.....	381
<i>Ревенко Я.Д., Мельник С.Л.</i>	
ВЕДОМСТВЕННЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ НЕ СООТВЕТСТВУЮТ ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УПК РФ.....	387
<i>Русанова Е.В.</i>	
ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	396
<i>Рыстакова Е.А.</i>	
ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СНИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	400
<i>Сайнук А.И., Бойкова Н.Г.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ	409
<i>Сеножанская О.В., Фролов М.Г.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ	418
<i>Сидоренкова И.В., Очеретнюк В.В.</i>	
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	427

<i>Сотченков Р.М.</i>	
ОЦЕНКА ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО.....	432
<i>Фомин О.Е.</i>	
МУСУЛЬМАНСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).....	439
<i>Яковлев М.М.</i>	
ФАКТЫ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	448

Раздел 4. Роль общественного контроля в формировании гражданского общества

<i>Васильева С.В.</i>	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКОГО ОМБУДСМЕНА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ.....	455
<i>Емельянова А.М., Абдурахманов А.А.</i>	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)	460
<i>Карташова Л.Э.</i>	
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	466
<i>Колмаков А.Г.</i>	
ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ.....	474
<i>Летуновский П.В.</i>	
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И КОРРУПЦИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	480
<i>Лопатина Т.М.</i>	
МИГРАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ.....	487
<i>Лукина Ж.А.</i>	
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ	492
<i>Лукьяненко В.В.</i>	
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ	501

<i>Пучкова В.В.</i>	
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ И ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	505
<i>Сморгунова Ю.А.</i>	
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ	513
<i>Шумякина Ю.А., Долгова Ю.В., Сидоренкова И.В.</i>	
ОБЩЕСТВЕННЫЙ АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	519
Сводная Резолюция научно-практической конференции	528

Раздел 1
Теория и история государства и права:
единство теории и практики

ПРОЦЕДУРА ОТВОДА СУДЬИ В РФ

**PROCEDURE DISQUALIFICATION OF A JUDGE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Анисимов Андрей Романович

студент 4 курса

Международный юридический институт

Тульский филиал

Фомин Олег Евгеньевич

канд. юрид. наук,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Тульский филиал

Anisimov A.

4th year student,

Tula branch of the International law Institute

Fomin O.

candidate of science in law,

head of the Department of criminal law,

Tula branch of the International law Institute,

***Аннотация.** В данной статье рассматривается порядок разрешения заявлений об отводе судьи, выделяются и раскрываются проблемы, существующие в данном вопросе, предлагается ряд решений этих проблем.*

***Abstract.** In this article are describes how to permit statements on disqualification of the judge, allocated and disclosed problems existing in this matter, proposes a number of solutions to these problems.*

***Ключевые слова:** суд, судья, отвод, судопроизводство, право, законодательство.*

Key words: *court, judge, disqualification, judicial proceedings, law, legislation.*

Институт отвода в процессуальном законодательстве Российской Федерации – это один из основополагающих и важнейших институтов в судопроизводстве.

Положения об отводе закреплены во всех нормативных правовых актах, регулирующих рассмотрение того или иного дела в суде, а именно в Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ и в Кодексе административного судопроизводства РФ.

Данный институт имеет отношение к достаточно большому количеству субъектов, круг которых зависит лишь от того, в рамках какого судопроизводства рассматривается дело. Так, например, если дело рассматривается в рамках административного судопроизводства, то положения об отводе будут распространяться на судей, прокуроров, секретарей судебного заседания, экспертов, специалистов и переводчиков, а если дело рассматривается в рамках уголовного разбирательства, то отводу могут подлежать, помимо вышеназванных лиц, также следователи, начальники органа дознания, начальники подразделения дознания, дознаватели, защитники и представители потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика.

Отвод выступает в качестве гаранта независимости, беспристрастности и объективности при рассмотрении дела. И, разумеется, такая функция отвода наиболее существенно проявляется в положениях об отводе судьи, так как именно судья – это центральная фигура в осуществлении правосудия, носитель судебной власти.

Ф.Н. Багаутдинов отмечает, что совершенствование норм об отводах в судопроизводстве приобретает особое значение, так как оно связано с комплексом антикоррупционных мер, предложенных руководством страны. Исходя из этих соображений, нормы законодательства об отводах наряду со всеми остальными функциями должны оказывать антикоррупционное влияние на судебное производство в целом и на деятельность судьи в частности [9, с. 93].

В данной статье хотелось бы затронуть процедуру отвода судьи, а точнее порядок рассмотрения отводов, заявленных именно судье. Актуальность темы усматривается в вышеперечисленных положениях, подтверждающих важность такого правового института как отвод судьи. Ведь, если убрать его из законодательства и запретить заявлять отводы судьям, а также другим участникам судопроизводства – о правосудии уже нельзя будет говорить, что оно объективно и независимо от постороннего вмешательства.

Степень научной разработанности порядка рассмотрения заявленного отвода судьи в научной литературе, на наш взгляд, на достаточно низком уровне. Ученые в области процессуальных дисциплин в большинстве своем пишут учебные, практические пособия и отдельные статьи в периодических изданиях, в которых лишь в общих чертах затрагиваются отдельные и общие вопросы института отвода. Стоит отметить, что именно порядку рассмотрения отводов уделяется очень мало внимания. В основном идет обсуждение вопросов, касающихся оснований для отводов, порядка подачи заявлений об отводах. Безусловно, в них есть определенные проблемы, порождающие ряд дискуссий; проблемы, которые необходимо решать. Но в положениях о порядке рассмотрения заявленного отвода, я считаю, также есть определенные моменты, которые вызывают вопросы и на которые следует обратить внимание.

Как отмечалось ранее, отвод находит свое закрепление во всех федеральных законах, регулирующих то или иное судопроизводство. В Арбитражном процессуальном кодексе и Кодексе административного судопроизводства это гл. 3, в Гражданском процессуальном кодексе – гл. 2, а в Уголовно-процессуальном кодексе – гл. 9.

При ведении гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства суд в соответствии со специальными нормами законодательства может выступать в коллегиальном составе, либо судопроизводство может вестись судьей единолично. Данное положение находит свое отражение в нормах, регулирующих порядок рассмотрения заявлений об отводе судьи, во всех четырех вышеназванных кодексах. Поэтому выделяется порядок разрешения отвода, заявленного судье, рас-

смаатривающем дело единолично, и отвода, заявленного судье или несколькими судьям, если дело рассматривается судом коллегиально.

При рассмотрении дела судом в коллегиальном составе отвод, заявленный судье, разрешается этим же составом суда в отсутствие судьи, которому заявлен отвод. Данное положение применимо для всех видов судопроизводства. Анализируя эту норму, ее наличие в законодательстве мы считаем оправданным и справедливым. Судья – это такое лицо, решение которого должно быть максимально независимо от чьей бы то ни было воли, максимально объективно и основано исключительно на нормах законодательства. Согласно Закону РФ «О статусе судей в Российской Федерации», судьями являются лица, наделенные полномочиями по осуществлению правосудия, они независимы, подчиняются только Конституции Федерации и закону. Порядок разрешения заявления об отводе судьи, при рассмотрении дела в коллегиальном составе суда опирается на эти положения закона. Судьям как гарантам правильного решения даются полномочия для рассмотрения данного заявления. Решение об удовлетворении ходатайства об отводе или об отказе в удовлетворении такого ходатайства предполагается объективным и беспристрастным. И, что самое главное, судья, которому был заявлен отвод, не принимает участия в рассмотрении этого заявления, а соответственно не может никак повлиять на окончательное решение.

Анализируя положения законодательства о порядке разрешения заявления об отводе судьи, который рассматривает дело единолично, полагаем, что законодатель не пришел к окончательно выводу о том, в какой же форме должно проходить разрешение этого вопроса. Так, согласно ч. 2 ст. 35 КАС РФ, ч. 2 ст. 20 ГПК РФ и ч. 4 ст. 65 УПК РФ, отвод, заявленный судье, единолично рассматривающему дело, разрешается этим же судьей. Но в соответствии с ч. 2 ст. 25 АПК РФ отвод такого судьи разрешается председателем арбитражного суда, заместителем председателя арбитражного суда или председателем судебного состава. Совершенно не ясно, почему нормы, регулирующие одно и то же, так кардинально различаются.

Институт отводов – это общий институт правосудия в Российской Федерации. Он представляет собой совокупность норм,

слаженно регулирующих однородные отношения, составляющие общий, сходный предмет регулирования в разных отраслях процессуального права. При удовлетворении ходатайства об отводе судьи всегда наступают аналогичные последствия, независимо от того, в рамках какого судопроизводства заявлено это ходатайство. Тогда почему порядок рассмотрения этого заявления не носит универсальный характер для всех судов?

Согласно ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем законодательного закрепления единства статуса судей, а уже само закрепление этого единства находит свое отражение в ст. 2 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Выходит так, что судьи судов общей юрисдикции полномочны разрешать ходатайства об отводах в отношении самих себя, а судьи арбитражных судов лишены такого права. По нашему мнению, наличие разницы в порядке рассмотрения заявлений об отводе судьи не соответствует положениям вышеназванных федерального и федерального конституционного законов.

Возразить такому мнению можно тем, что законодатель предусматривает наличие определенных особенностей правового положения отдельных категорий судей, которые определяются федеральными законами, а именно ГПК, УПК, АПК и КАС. Но, считаем, что это применимо лишь к тем институтам, которые отражают специфику ведения того или иного судопроизводства. Как отмечалось ранее, институт отводов является общим для всех видов судопроизводства. Поэтому выделение каких-либо особенностей в полномочиях судей одних судов от судей других судов, на наш взгляд, неприемлемо и только портит восприятие единства судебной системы и статуса судей. Ввиду вышесказанного, по нашему мнению, это первая проблема порядка разрешения заявления об отводе судьи.

Далее необходимо более серьезно рассмотреть положения ГПК, УПК и КАС, в которых говорится, что отвод, заявленный судье, рассматривающему дело единолично, разрешается тем же судьей. Полагаем, что такой порядок можно приравнять к рассмотрению жалобы на должностное лицо самим должностным лицом.

При заявлении ходатайства об отводе судьи данный вопрос разрешается судом в совещательной комнате. По итогу ходатайство удовлетворяется или подлежит отклонению, но независимо от результата ответ суда должен быть мотивированным. Несмотря на все эти положения, на практике складывается не совсем радужная картина: судьи порой злоупотребляют своим полномочием на рассмотрение отвода, заявленного им; для указания мотива отказа в удовлетворении ходатайства приводят совершенно формальные обоснования, а иногда и попросту не утруждают себя в этом.

Адвокат М. Серновец в своей статье «Возможен ли отвод судьи в уголовном процессе» пишет, что она опросила около 20 коллег-адвокатов о том, имеют ли они личный практический опыт, когда были удовлетворены их заявления об отводе судей. Все они отрицательно ответили на этот вопрос. Также Мария отметила, что подобного ни разу не случилось и в ее практике [11].

В апелляционном определении № 22-4372/2016 от 24 августа 2016 г. по делу № 22-4372/2016 судебная коллегия апелляционной инстанции по уголовным делам Краснодарского краевого суда, рассмотрев в открытом судебном заседании материалы уголовного дела по апелляционному представлению прокурора и апелляционной жалобе осужденного Д.А. Алифанова на приговор Анапского городского суда от 12 мая 2016 г., установила, что суд не рассмотрел ходатайство подсудимого об отводе судьи, разъяснив ему, что: «на данной стадии данное ходатайство подачи и рассмотрению не подлежит». Ходатайство подсудимого было подано в письменной форме, где он заявил отвод председателствующему, в связи с тем, что судья отказал в принятии письменных ходатайств, выборочно выслушивал устные ходатайства, не мотивировал отказ в удовлетворении ходатайств, нарушил требования ч. 4 ст. 281 УПК РФ, огласив показания свидетелей без согласия стороны защиты, что свидетельствует, по его мнению, о необъективном ведении судебного следствия, предвзятости и нарушении его права на защиту. Таким образом, суд проигнорировал заявление об отводе судьи. По итогам рассмотрения апелляционного представления прокурора и апелляционной жалобы осужденного суд направил уголовное дело на

новое судебное рассмотрение в тот же суд, но в ином составе суда [12].

В качестве примера отказа в удовлетворении отвода без озвучивания мотива отказа, необходимо рассмотреть заседание квалификационной коллегии судей Краснодарского края 26 февраля 2016 г., на котором рассматривалось ходатайство экс-судьи Хостинского районного суда Сочи Дмитрия Новикова об отмене вынесенного летом 2010 г. решения квалификационной коллегии о даче согласия на возбуждение Следственным комитетом при прокуратуре уголовного дела в отношении Новикова.

В ходе заседания коллегии Дмитрий Новиков заявил отвод всему составу суда. При этом заявление об отводе было максимально содержательным. Новиков на протяжении часа мотивировал свой отвод по каждому из двенадцати присутствующих членов коллегии.

Казалось, что у суда нет другого выхода, кроме как удовлетворить отвод всего состава и передать рассмотрение ходатайства об отмене решения квалификационной коллегии 2010 г. в производство другого состава суда. Но нет, мало того, что отвод был отклонен, помимо этого не было объявлено мотива такого решения. А на требования Новикова озвучить мотивировку, председательствующий коллегии Е.В. Шпорько сделала ему замечание за нарушение дисциплины и продолжила проведение заседания. В итоге квалификационная коллегия судей Краснодарского края не удовлетворила ходатайство об отмене своего решения от 22 июня 2010 г. [14].

В дальнейшем Новиков подал в суд административное исковое заявление об оспаривании решений квалификационной коллегии от 26 февраля 2016 г. Рассмотрев это заявление, суд удовлетворил отвод всем судьям Краснодарского краевого суда, а материалы дела передал в Верховный Суд Российской Федерации для определения территориальной подсудности [13].

Несмотря на то, что в данном примере дело рассматривалось судом не единолично, а коллегиально, отвод был заявлен всему составу суда, а это значит, что заявление об отводе рассматривалось теми же судьями, которым он был объявлен.

На наш взгляд, тот порядок разрешения отвода судьи, который закреплен в ГПК, АПК и УПК, не совсем честно отражает

объективность выносимого решения по результату рассмотрения отвода.

В противовес данной точке зрения можно сказать, что все судьи должны действовать в соответствии с Кодексом судейской этики, в котором закреплены такие принципы, как независимость, объективность и беспристрастность. Те же принципы закреплены в Конституции и ряде других нормативных правовых актов. Вот только, к сожалению, в России эти принципы не всегда соблюдаются. Так как есть недобросовестные судьи, которые не выполняют свою работу в соответствии с законодательством, зачастую злоупотребляют своими полномочиями, а также предвзято относятся к участникам процесса, что подтверждается примерами, приведенными выше.

Существует и такая точка зрения, предложенная А.Я. Клейменовым, которая заключается в следующем: позиция законодателя о том, что отвод судье должен разрешаться судьей самостоятельно, связана с задачей поддержания авторитета судебной власти [10, с. 96]. По нашему мнению, ввиду того, что судьи не всегда действуют в интересах правосудия – не всегда будут выполняться задачи по поддержанию авторитета судебной власти. А если точнее, то с каждым отмененным решением или приговором из-за того, что судья отказал в мотивированном отводе, авторитет судебной власти будет только снижаться.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы еще раз отметить выявленную проблематику и обозначить возможные варианты решения.

1. Отсутствие единого порядка рассмотрения заявлений об отводе судьи в российском законодательстве.

Для решения данной проблемы необходимо разработать четкую модель этой процедуры, которая будет отражать все аспекты указанного вопроса. После этого к единой модели нужно привести все законодательство, а именно внести изменения в УПК, АПК, ГПК и КАС. Это поспособствует тому, что теоретическое единство положений института отвода в судебной системе перерастет в единство практическое.

2. Порядок разрешения отвода судьи при единоличном рассмотрении дела. Для устранения этой проблемы наиболее подходящими считаю два варианта.

Первый – представляет собой введение судебной ответственности за немотивированный отказ в удовлетворении ходатайства об отводе. При этом нынешняя процедура рассмотрения заявления об отводе самим судьей останется без изменений. Но если в ходе апелляционного, кассационного обжалования, в порядке надзора либо в ходе производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств будет установлено, что отвод был отклонен немотивированно, и судья обязан был удовлетворить его, такого судью необходимо будет привлечь к дисциплинарной ответственности.

Второй вариант заключается в том, что данную процедуру необходимо полностью пересмотреть и исключить у судей полномочие по разрешению заявленных им отводов. Наиболее успешно сюда будут применяться, на мой взгляд, нормы, которые сегодня установлены в Арбитражном процессуальном кодексе. Привлечение к разрешению отвода председателя суда, его заместителя или председателя судебного состава наиболее благоприятно скажется на правильном разрешении заявления об отводе судьи, так как это более независимые лица в рассмотрении того или иного конкретного дела. Но и нормы о привлечении к дисциплинарной ответственности так или иначе стоит ввести в законодательство. Считаем, что это будет еще одним элементом, способствующим противодействию коррупции в России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 4.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 5.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 6.01.1997. № 1. Ст. 1.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 2.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 3.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 3.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

7. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 3.07.2016) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля. № 170.

8. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. Февраль. № 2.

9. Багаутдинов Ф.Н. Актуальные проблемы отвода судьи в современных условиях // Журнал российского права. 2009. № 5 (149).

10. Клейменов А.Я. Порядок отвода судей в гражданском судопроизводстве России и США // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 2.

11. Серновец М. Возможен ли отвод судьи в уголовном процессе // Открытая Россия. 2015. <https://openrussia.org/>

12. Апелляционное определение № 22-4372/2016 от 24 августа 2016 г. по делу № 22-4372/2016 <http://sudact.ru/>

13. Определение № 3А-326/2016 3А-326/2016~М-326/2016 от 12 апреля 2016 г. по делу № 3А-326/2016 <http://sudact.ru/>

14. <https://www.youtube.com> «Правда в лицо квалификационной коллегии судей Кубани».

ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЕДИНСТВА ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

EXAMINATION OF NORMATIVE LEGAL ACTS AND ITS ROLE IN ENSURING THE UNITY OF THE LEGAL SPACE

Верхоглядова Светлана Станиславовна

начальник отдела по вопросам нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации и ведения федерального регистра, ведения реестра муниципальных образований, регистрации и ведения реестра уставов муниципальных образований Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Смоленской области

Verhoglyadova S.

chief of department on questions of normative legal acts of subject of Russian Federation and conduct of federalregister, conduct of register of municipal educations, registration and conduct of register of charters of municipal formations of Management of Ministry of justice of Russian Federation on the Smolensk area

***Аннотация.** В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с использованием одного из действующих механизмов обеспечения единства правового пространства – экспертиза нормативных правовых актов, на примере деятельности территориальных органов Министерства юстиции Российской Федерации.*

***Abstract.** The article considers topical issues concerned with the use of one of the existing mechanisms, ensuring the unity of the legal space - examination of normative legal acts, as an example of the territorial bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation activity.*

***Ключевые слова:** единое правовое пространство, нормативный правовой акт, правовая, антикоррупционная экспертиза.*

Key words: unified legal space, normative legal act, legal, anti-corruption examination.

В действующем федеральном законодательстве нет четкого определения понятия «единое правовое пространство», которое сравнительно недавно используется в российском правовом лексиконе. Однако исходя из основных положений Конституции Российской Федерации под правовым пространством Российской Федерации следует понимать всю совокупность норм правовой системы Российской Федерации, действующих на ее территории.

Поскольку основа правовой системы России – Конституция, то единство правового пространства Российской Федерации можно определить как обусловленное федеральной Конституцией состояние согласованности, соотносимости и соподчиненности правовых норм, исходя из их юридической значимости (верховенства) [11, 2001].

Конституцией РФ определены основы единства правового пространства, а именно ч. 2 ст. 4 установлено, что Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации, ч. 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации предусматривает, что законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй ст. 76 Конституции РФ. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон.

Создание единого правового пространства на территории Российской Федерации является одной из важнейших задач Российского государства, которая выражается в строгом и полном соблюдении Конституции Российской Федерации и федерального законодательства.

В целях реализации конституционного принципа единства правовой системы 10 августа 2000 г. был принят Указ Президента Российской Федерации № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации» [5, ст. 3356], который направлен на обеспечения

верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов в Российской Федерации, реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации о нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации.

Кроме того, Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в ст. 3 содержит следующие положения, обеспечивающие верховенство Конституции РФ и федерального законодательства:

– законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон;

– субъекты Российской Федерации вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов. После принятия соответствующего федерального закона законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации подлежат приведению в соответствие с данным федеральным законом в течение трех месяцев;

– в случае оспаривания региональным органом государственной власти конституционности федерального закона, иного нормативного правового акта федерального уровня в части разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, до вступления в силу соответствующего решения суда, не допускается принятие законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, противоречащих оспариваемым положениям федерального закона, нормативного правового акта федерального уровня [4, ст. 5005].

Таким образом, обеспечение единства правового пространства, в первую очередь, заключается в обеспечении соответствия нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных нормативных правовых актов Конституции

Российской Федерации и федеральному законодательству. Исполнение данной государственной функции, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации», возложено на Министерство юстиции Российской Федерации, его территориальные органы.

Важной функцией Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов, направленной на обеспечение единства правового пространства, защиту конституционных прав, свобод и интересов граждан, является осуществление контроля за соблюдением законности органами государственной власти и должностными лицами при принятии ими нормативных правовых актов.

Эта функция реализуется путем проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Правовая экспертиза осуществляется в целях выработки федеральными органами государственной власти в пределах их полномочий, вытекающих из п. «а» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации мер по обеспечению соответствия конституций, уставов, законов и иных правовых актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам [8, № 1, 2013].

Проведение правовой экспертизы нормативных правовых актов является не просто бюрократической процедурой, но, в первую очередь, инструментом обеспечения соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина на территории каждого отдельно взятого субъекта Российской Федерации, инструментом недопущения ограничений прав граждан посредством принятия противоречащих федеральному законодательству региональных нормативных правовых актов.

Правовой экспертизе подлежат правовые акты, если они носят нормативный характер.

Действующее федеральное законодательство не содержит определение понятия и признаков нормативного правового акта. Нормативность правового акта определяется в соответствии с п. 9 и 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Фе-

дерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [6, № 276, 8.12.2007].

Согласно указанному Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации существенными признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

В соответствии с Приказом Минюста России от 31.05.2012 № 87 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» при правовой экспертизе проводится правовая оценка формы правового акта, его целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего правовой акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции Российской Федерации и федеральных законов, а также оценка соответствия правового акта требованиям юридической техники (в том числе проверка наличия необходимых реквизитов). Кроме того, изучается состояние правового регулирования в соответствующей сфере правоотношений.

При изучении состояния правового регулирования в соответствующей сфере выявляется место рассматриваемого правового акта среди других правовых актов, действующих в указанной сфере, и их соотношение. Устанавливается, во исполнение или в соответствии с каким федеральным законом (подзаконным актом) принят правовой акт, соответствуют ли правовые основания, обусловившие его принятие, основаниям, указанным в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве. В целях изучения состояния правового регулирования анализируются не только федеральные законы и подзаконные акты, но и решения Конституционного Суда Российской Федерации, затрагивающие соответст-

вующие правоотношения, а также иных органов судебной власти Российской Федерации. А также учитываются все изменения, внесенные в федеральные нормативные правовые акты, а также в правовые акты субъекта Российской Федерации.

К типичным противоречиям правовых актов Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству можно отнести:

- ограничение гарантированных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами прав и свобод граждан;
- принятие органами государственной власти субъектов Российской Федерации правовых актов;
- по предметам ведения Российской Федерации в случае, если это не предусмотрено федеральным законодательством;
- нарушающих компетенцию Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта Российской Федерации;
- нарушающих принцип разделения властей;
- по вопросам, отнесенным к компетенции органов местного самоуправления;
- нарушение требований федерального законодательства относительно формы принятия правового акта;
- наличие в правовом акте положений, искажающих содержание и смысл норм Конституции Российской Федерации и других актов федерального законодательства.

Признаками противоречия правового акта Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству также могут являться:

- отсутствие правовых оснований, которые в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами необходимы для издания правового акта;
- принятие правового акта во исполнение отмененного (утратившего силу) акта федерального законодательства;
- неправильный выбор федерального закона, являющегося основанием для принятия правового акта;
- принятие правового акта органом, должностным лицом, в компетенцию которого это не входит, либо с превышением полномочий, предоставленных данному органу, должностному лицу;

- нарушение порядка принятия (обнародования) правового акта;
- запрещение действий граждан и организаций, государственных органов, разрешенных или предписываемых федеральным законом;
- разрешение или допущение действий граждан и организаций, государственных органов, запрещенных федеральным законом;
- изменение установленных федеральным законом оснований, условий, последовательности или порядка действий участников правоотношений.

При выявлении несоответствия федеральному законодательству в акте субъектов Российской Федерации задачей органа юстиции является принятие мер в целях приведения акта в соответствие, путем признания его утратившими силу, либо внесения в него изменений, посредством направления экспертного заключения для рассмотрения и принятия мер по устранению выявленных нарушений в орган государственной власти субъекта Российской Федерации, принявший правовой акт, и копии – в органы прокуратуры соответствующего субъекта Российской Федерации для принятия мер прокурорского реагирования.

Согласно статистическим сведениям Минюста России по состоянию на 30 октября 2016 г. территориальными органами Минюста России проведена правовая экспертиза 109 921 нормативного правового акта субъектов РФ, из них по 3 988 актам подготовлены заключения о несоответствии федеральному законодательству, 3 236 актов приведены в соответствие с федеральным законодательством на основании экспертных заключений [12].

Следует отметить, что наряду с правовой экспертизой нормативных правовых актов, в целях обеспечения единства правового пространства проводится антикоррупционная экспертиза указанных актов, в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

Правовыми основами проведения антикоррупционной экспертизы являются: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [7, с. 6228], Феде-

ральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [3, с. 3609]. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 утверждены Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, а также Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее – Методика) [9]. Правила определяют порядок проведения экспертизы в целях выявления и устранения коррупциогенных факторов, перечень которых закреплен в Методике.

Согласно Федеральному закону от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе» коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции.

Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов определяет вышеуказанные коррупциогенные факторы для обеспечения обоснованности, объективности и проверяемости результатов антикоррупционной экспертизы.

Согласно статистическим данным Министерства юстиции Российской Федерации по состоянию на 30 октября 2016 г. территориальными органами Минюста России проведена антикоррупционная экспертиза 109 921 нормативного правового акта субъектов РФ, из них в 1234 выявлены коррупциогенные факторы, в 633 актах устранены коррупциогенные факторы.

Анализ исполнения функций территориальными органами Минюста России по проведению антикоррупционной экспертизы и выявлению в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации коррупциогенных факторов, установил, что

наиболее распространенными коррупциогенными факторами являются:

- широта дискреционных полномочий (пп. «а» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96);
- выборочное изменение объема прав (пп. «в» п. 3 Методики);
- отсутствие или неполнота административных процедур (пп. «ж» п. 3 Методики).

Такие коррупциогенные факторы, как чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества, заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий и отказ от конкурсных (аукционных) процедур (пп. «г», «е» и «з» п. 3 Методики) в 2016 г., выявляются территориальными органами значительно реже.

Проанализировав акты, в которых территориальными органами выявлены коррупциогенные факторы, установлено, что большинство из них это административные регламенты по предоставлению государственных услуг, то есть та сфера, где соприкасаются интересы граждан, организаций с государством. Указанная тенденция обусловлена значительным количеством актов в данной сфере, а также динамичностью изменения законодательства в сфере предоставления государственных услуг [2].

Заключения с выявленными коррупциогенными факторами в обязательном порядке направляются в органы государственной власти, принявшие акты, а их копии в прокуратуру. Ответы органов государственной власти поступают своевременно. Региональный законодатель, как правило, соглашается с позицией территориального органа о наличии коррупциогенных факторов и принимает нормативные правовые акты, устраняющие коррупциогенные факторы путем внесения изменений в действующие нормативные акты или отменой (признанием утратившим силу) нормативного правового акта.

Исходя из анализа организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в России, некоторые российские ученые-юристы выделяют отдельные недостат-

ки существующей системы и предложения способов по их устранению в целях повышения качества правотворческой деятельности и доверия к институту антикоррупционной экспертизы.

1. Методика, утвержденная Постановлением Правительства № 96 от 26.02.2010, всего лишь называет коррупциогенные факторы, но не раскрывает их содержания.

В реальной практике же требуется методика, следование которой гарантированно обеспечивало бы реализацию одного из основных принципов антикоррупционной экспертизы – принципа обоснованности, объективности и проверяемости результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов).

Необходимо создание такой методики, в которой были бы представлены как теоретические, так и практические аспекты антикоррупционной экспертизы. На конкретных примерах подробно рассмотрены случаи в отношении каждого из одиннадцати коррупциогенных факторов, позволяющие определить их наличие или отсутствие в тексте нормативного правового акта (его проекта), а также ситуации, при которых одна и та же норма права при определенных условиях может содержать коррупциогенные факторы или может быть свободна от них [1, с. 31–38].

2. Компетентность экспертов является важной составляющей при проведении антикоррупционной экспертизы, поскольку именно от знаний и опыта этих лиц зависит результат проводимого ими исследования.

В связи с этим О.В. Селезнева высказывает идею о введении спецкурса «Правовая экспертиза» в учреждениях высшего и среднего профессионального образования по всем юридическим и по большинству экономических специальностей, заостряя при этом внимание на задаче организации обучения государственных служащих, независимых экспертов, а также иных лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу [10, с. 61–63].

Это далеко не все проблемы, возникающие при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, но решение хотя бы названных будет способствовать не только повышению качества каждой из проводимых экспертиз, но и, как следствие, качества нормотворчества в субъекте РФ и государстве в целом.

В практике работы территориальных органов юстиции имеются и иные механизмы обеспечения единства правового пространства:

– проведение мониторингов регионального законодательства в целях выявления коллизии норм, пробелов правового регулирования отдельных общественных отношений, что также может нарушать права граждан, проживающих на территории отдельных субъектов Российской Федерации;

– участие в нормотворческой деятельности органов государственной власти субъекта РФ, посредством участия в заседаниях рабочих групп по разработке проектов нормативных правовых актов, подготовка заключений на проекты нормативных правовых актов. Данная работа направлена на предупреждение принятия законов и иных нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству.

В заключение следует отметить, что в деятельности территориальных органов Министерства юстиции Российской Федерации эффективное использование механизмов обеспечения единства правового пространства – это постоянная плодотворная работа во взаимодействии с органами прокуратуры и иными органами государственной власти, причастными к нормотворческому и правоприменительному процессу.

Список литературы

1. Алешкова Н.П. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: актуальные проблемы и возможные решения // Муниципальное право. 2013. № 2.

2. Аналитическая справка о реализации в территориальных органах Минюста России, входящих в Центральный федеральный округ, положений Федерального закона от 25.12.2008 № 273 «О противодействии коррупции» и проблемных вопросах, возникающих в ходе его применения, подготовленная к заседанию Координационного совета при Главном управлении Минюста России по Москве.

3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ принят Государственной Думой

Федерального Собрания Российской Федерации 3 июля 2009 г.: одобр. Советом Федерации Федерального Собрания РФ 7 июля 2009 г. // Собрание законодательства РФ. 20.07.2009. № 29. Ст. 3609.

4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 сентября 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.

5. О дополнительных мерах по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации Указ Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 // Собрание законодательства РФ. 14.08.2000. № 33. Ст. 3356.

6. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 // Российская газета. 8.12.2007. № 276.

7. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 19 декабря 2008 г.: одобр. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 22 декабря 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

8. Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Приказ Минюста России от 31.05.2012 № 87 // Бюллетень Минюста РФ. 2013. № 1.

9. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»). Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 // Российская газета. 2010. 5 март. № 46.

10. Селезнева О.В. О некоторых проблемах организации правовой экспертизы // Право: теория и практика. 2003. № 8.

11. Сомов С. Единство правового пространства // Журнал «Законность». 2001. № 2.

12. Статистические сведения Министерства юстиции Российской Федерации: официальный сайт <http://minjust.ru> (дата обращения 18.11.2016).

О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ КРИЗИСЕ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАКАНУНЕ 1917 г.

ABOUT THE ROLE OF PERSONAL FACTOR
IN THE NATIONWIDE CRISIS OF IMPERIAL
STATEHOOD ON THE EVE OF 1917

Востриков Сергей Васильевич

д-р ист. наук, профессор

Смоленский государственный университет

Богатчикова Карина Сергеевна

канд. юрид. наук

УМВД России Смоленской области

Vostrikov S.

doctor of History science, professor

Smolensk State University

Bogatchikova K.

candidate of Juridical sciences

Ministry of Internal Affairs (*Smolensk region*)

Аннотация. *Статья посвящена изучению роли и места феномена «распутинщины» в процессе деградации, вырождения и самораспада режима абсолютистской монархии в России, а также рассмотрению ряда психополитических и личностно-субъективистских факторов, оказывающих влияние на развитие общенационального кризиса в последнее десятилетие существования Империи; на основании проведенного анализа сформулированы конкретные рекомендации по модернизации систе-*

мы государственного управления современной Российской Федерации.

Abstract. *The article is devoted to the study of the role and place of the phenomenon of “rasputinshina” in the process of degradation, degeneration and absolutist regime selfdistraction of monarchy in Russia, as well as a number of psihopoliticheskikh and personality factors of the the development of a national crisis in the last decade of the Empire; on the basis of the conducted analysis formulated specific recommendations for modernizing the public administration of the modern Russian Federation.*

Ключевые слова: *деградация, самораспад, разложение, абсолютизм, воровство, магия, оккультизм, монархи, уроки истории.*

Key words: *degradation, samoraspad, decomposition, absolutism, magic, occultism, monarchy, the lessons of history.*

Обвал абсолютистской монархии в России в начале XX в. [6] стал следствием глубокого, затяжного системного общенационального кризиса, который развивался в конкретных психоисторических и социоэкономических условиях, под воздействием широкой совокупности специфических объективных и субъективных факторов [1, 7].

Безотносительно к личностно-субъективному восприятию самого данного неординарного персонажа, проникшего в царские чертоги, неоспоримо его огромное и дестабилизирующее влияние на политику всей правящей верхушки в последнее десятилетие существования абсолютистского режима. Если Мировая война была мощным внешним катализатором процесса революционаризации Империи, то «распутинщина», по сути, выполняла функцию инкорпорированного в самое «сердце» системы детонатора, подрывающего фундаментальные основы российской государственности изнутри.

Комплексно-интегративный анализ позволяет выявить совокупные деструктивные последствия «распутинщины» (как психосоциального и политического феномена) и деятельности конкретного «фигуранта» (Г. Распутина) в 1906–1916 гг., разоблачить околонуточные мифы, «привлекательные легенды» и квази-пропагандистские «сказки», связанные с позднеимперскими трансформациями в России:

1. «Распутинщина» способствовала тотальной десакрализации монархии, нанесла мощнейший удар изнутри по трону, который, будучи скомпрометирован, начал рассыпаться буквально на глазах.

2. Находясь в эмиграции в Париже, А.И. Гучков в 1935 г. накануне своей кончины откровенно признался, что в канун 1917 г. были «подорваны моральные принципы правящего сословия и верховной власти, так что их авторитет упал так, как никогда не было в истории России».

3. Дискредитация и ослабление позиций Русской Православной Церкви (РПЦ).

4. Деформация и паралич функционирования госаппарата.

5. Легализация бездуховности, аморализма и безнравственности в элитарных кругах столичного «бомонда».

6. Формирование «закулисно/теневой (параллельной) структуры» управления Империей во главе с царицей и Г. Распутиным.

7. Разрушение нормальных основ кадровой политики в высших эшелонах власти: по экспертным оценкам полицейского департамента, не менее 11 правительственных министров, военачальников, чиновников высшего ранга являлись прямыми «ставленниками Распутина».

В течение десятилетия кануна революции 1917 г. воздействие Г. Распутина (который компрометировал венценосных особ, снимал и назначал министров, губернаторов, высших военных чинов) на государственную политику Империи было огромным. Самоудаление из Петрограда и самоизоляция императоравластоверха в Ставке в Могилеве (1915/16 гг.) только усугубили общее положение и способствовали еще большему разгулу распутинщины.

Не уяснив сути этого гнусного и позорного психополитического явления данного периода, невозможно понять всего комплекса предпосылок краха монархии. Премьер В.Н. Коковцев лично информировал монарха (1912 г.) о 6 письмах царицы и ее дочерей к Распутину. Данный факт был полностью подтвержден и министром внутренних дел генералом Макаровым. Для окружения императора и аристократии это не являлось секретом: П.А. Столыпин настоятельно требовал от Николая II удаления авантюриста из властных структур. Постепенно отношения ме-

жду императором и премьером от «прохладных» перешли в фазу «замерзания»: действуя через царицу, Г. Распутин стремился всячески дискредитировать и опорочить наиболее самостоятельного и профессионального державника [5].

Главная опасность для монархии заключалась в том, что самые фантастические и омерзительные слухи, касающиеся взаимоотношений царицы и Г. Распутина, вышли далеко за пределы императорских апартаментов и высоких правительственных кабинетов, и становились предметом постоянных обсуждений не только в высших кругах политического, экономического, финансового, военного, делового, журналистского, промышленного, духовного истеблишмента столицы, но и расползались по «городам и весям» всех российских губерний, проникая в самые глубины народных масс.

Аналогичный сценарий повторился и при докладе монарху министра внутренних дел генерала Джунковского, который подготовил письменную записку о тлетворном поведении и похабном образе жизни «старца», а также обоснование разработки о том, что сам Распутин служит инициатором, инструментом и орудием в руках могущественного сообщества, которое заинтересовано в гибели России. В докладе Джунковского отмечалось, что многие шаги «старца Григория» представляют угрозу национальной безопасности России. Николай II ознакомился с соображениями генерала, похвалил его за усердие, но идя на поводу у императрицы, через несколько дней снял Джунковского с должности министра внутренних дел.

Компрадорский капитал в конце XIX – начале XX вв. постоянно усиливал позиции в экономике России и свое влияние на ее политику, «Психоталанты», экстрасенсорно-сексуальные «чары» и алчность Г. Распутина умело использовались высокопоставленными карьеристами, агентами влияния, лоббистами, коррупционерами, которые наводнили столицу России, – «Вальдгоф», «Общество 1886 г.», «Невское собрание», «Северное сияние», «Астрея» и т.п. (их структура, функции, цели, состав хорошо описаны в капитальном труде Н.Н. Берберовой «Люди и ложи»: поэтому первое постфевральское правительство состояло сплошь из масонов, – за единственным исключением. – Прим. авт.), – ведущими системную целенаправленную

деятельность по демонтажу русского государства [10]. Именно масонство в условиях Первой мировой войны (и фиктивной роли карликовых политпартий, число коих в России, как и сегодня, достигало почти 70) было способно поддерживать коммуникацию, обеспечивать координацию и синхронизацию действий с этнородственными «братствами» единомышленников не только в Западной Европе, но и по ту сторону Атлантического океана (не следует забывать, что свой трансграничный Интернационал существовал не только у марксистов и социал-демократов, но и у «международных теневиков». – Прим. авт.).

Никакие зловредные революционеры не могли бы проделать столько разрушительной работы, сколько сделала в последние месяцы и недели сама обезумевшая и впавшая в маразм верховная власть. Динамика изменений в умонастроениях наиболее контрастно проявилась в самых глубинных, коренных и многочисленных пластах национального социума, т. е. русском крестьянстве: «деревня решает проще: она в оценке происходящего употребляет одно ужасное слово – «ИЗМЕНА», предательство русского народа германцам. Вот где ужас грядущей революции.

Соответствовало ли это реалиям? В каком состоянии пребывали органы госуправления на крутом повороте истории России? Паралич власти и чехарда «замен» одной «серятины» на другую не приносили никакого эффекта. Процесс разложения правящего режима и самораспада Империи продолжался: «маразм крепчал» [3]. На рубеже 1916/17 гг. подавляющее большинство депутатов ГД и лидеров «легальной оппозиции» стало публично критиковать «бездарных и никчемных министров». Выступая в Госдуме, Милюков прямо заявил, что политика правительства продиктована «либо глупостью, либо изменой».

В декабре 1916 г. была предпринята последняя отчаянная попытка осуществления верхушечного «дворцового переворота» (упреждающий замысел заговорщиков состоял в самоотречении Николая II и назначении «своего» Регента над хронически больным и недееспособным цесаревичем), который возглавили великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф. Юсупов, промышленники А. Коновалов, М. Терещенко, генералы М. Алексеев, А. Брусиллов, капитан Сухотин, поручик План (офицерский корпус русской армии откровенно ненавидел «старца»). По сути, «рас-

путинщина» стала концентрированным и наглядным проявлением и высшей точкой длительного процесса психоисторического и этногенетического вырождения, одряхления и деградации не только абсолютистской монархии, но и всех тех слоев, групп, кланов и «тусовок», которые за ней стояли. Так, раскол пронизал саму императорскую фамилию и высшую церковную иерархию: так, 10.09.1915 г. царица информировала Николая II о том, что перед Казанским собором от Синода было роздано 1000 портретов Николая Николаевича.

На рубеже XIX–XX вв. (на фоне процесса «интернационализации/европеизации», «свободы передвижения» и «прозрачности границ») произошел морально-нравственный обвал: в Империи разразилась своеобразная «эротическая истерия», которая развивалась на фоне расширения сети «публичных домов», «канканов», «кафешантанов», «комнат свиданий» и т.п. Это сочеталось с бумом оккультизма, магии, спиритизма, мистицизма, каббализма, гедонизма, марафетомании, герметики, астрологии, масонства.

При попустительстве властей сформировалась самая «благоприятная» психопатологическая атмосфера для разношерстных «алхимиков», извращенцев и мистиков (ею умело пользовались всякого рода «медиумы», фальшивомонетки, провокаторы/конспираторы, аферисты, авантюристы, террористы вроде Евно Азефа, Бориса Савинкова, Мельникова, Гершуни, Чернова и т.п.). Известный франкмасон (член ордена мартинистов) и спирит «месье» Филипп (Низье – Вашоль) еще в 1901/1902 гг. (т.е. до «явления» Распутина) проник в царские чертоги, где проводил для великокняжеских особ «спиритические сеансы», опыты по «вызову духов», общению с «потусторонним миром». Иностранец «маг-чародей» произвел огромный фурор среди «высшего света» (спиритические «сеансы» и «опыты» широко растиражировались в великосветских столичных салонах) и экзальтированных венценосных персон. Его учителем был Верховный магистр масонской ложи Франции Ж. Папюс, который в своих «Письмах к Седиру» (1894) отмечал: «Вместилище западного Посвящения носило на протяжении истории три имени: гностики, тамплиеры и розенкрейцеры» [2]. Смыслосодержательная суть сей доктрины многомерна, полифонична и гло-

бальна. Для специалистов по скрытым технологиям генерирования конфликтов, инспирирования первопричин Первой и Второй мировых войн, межрелигиозных противостояний понятны теневые и «закулисные» причины глобальных международных катаклизмов. В их основе лежит противоречие не только социально-экономического характера, но и патологическая склонность к единоличной гегемонии, непомерная алчность, шизоидное стремление к подавлению всякой свободы, к подчинению миллионов людей своей абсолютистской власти, сохранению собственного господства любой ценой, независимо от духовно-нравственного и морального состояния социума.

Факты, как известно, упрямая вещь. Компрадорствующий питерский «бомонд» примитивно дичал, динамично и успешно разлагаясь (причем происходило это на фоне тяжелых кровопролитных войн, которые Россия вела сначала с Японией, а затем с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: следует иметь в виду, что союзниками по «Антанте» России отводилась совершенно определенная функция – поставщика пушечного мяса): за блестящей ширмой роскошных столичных салонов, гостиных и бодуаров (где предавалась оргиям и самораспаду «элита»), скрывались обыкновенная грязь, разврат и предательство [7].

Очевидно, что неадекватный последний император и его истероидная супруга были предрасположены к экзотическим «фантазмагориям», поэтому «мистическо-религиозные чудеса» расплодившихся «странников», «прорицателей», «магов» (а также многочисленных «колдунов» и шарлатанов) из всякого рода тоталитарных сект («христоверов», «скопцов», «духоборов», «хлыстов») и теневой сетевой паутины «гармонично» процирировались на эгоцентризм, казнокрадство и мракобесие властвующих псевдоэлит [3].

Императорская фамилия (а вместе с ней и Государство российское) со своим безнадежно больным «престолонаследником» оказались в полной зависимости от «целителя».

«Распутинщина» раскрывает изнанку предреволюционной атмосферы – атмосферы массового психоза, аморализма и политшизофрении, которая утвердилась в широких кругах «высшего света»: зловещая Смута надвигалась на Россию как турбулентная, мрачная и непредсказуемая «мгла», а ее эпицентром

являлся – не первый раз в нашей драматичной Истории – сам бездарный и никчемный правящий слой [9,10]. История свидетельствует, что гибель и Вавилона, и Рима, и крупнейших империй Нового времени начиналась с духовного разложения и падения верхушки. Все эти роковые годы Романовы, которым следовало бы являть собой самых стойких и верных защитников Престола, не отвечали нормам морали и не придерживались семейных традиций. К аналогичному умозаключению приходит и Н. Бердяев: «Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России. Монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников» [4, с. 190].

Учитывая крайне персонифицированный характер политики в России [6, 9], для нее и в настоящее время сверхактуальной задачей является построение «дуракоустойчивой системы» властвования (специалисты хорошо знают, что в сложных технических системах существует «система защиты от дурака». – Прим. авт.), которая бы балансировала и уравнивала «личностный субъективизм» [8]. Отечественная политическая практика убедительно доказывает, что если во главе государства стоит дальновидный, мудрый и сильный правитель, то Россия благоденствует и продвигается вперед. Если же в Кремле оказывается самозванец, «подкаблучник» или марионетка-пьяница, то это влечет самые пагубные последствия или ведет к национальной катастрофе (как это бывало в смутные времена) [10].

В завершение следует отметить, что Россия не должна быть заложником персоналистских качеств, прихотей и склонностей того или иного фигуранта или «свиты, которая делает короля» [3]. Самоподстраховка, предохранение от рецидивов политической «распутинщины» напрямую связаны с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации [8]: на сегодняшний день эта проблема не решена. В данном контексте важно отдавать себе отчет в том, что «современное мироустройство практически мало чем отличается от того, с чем приходилось сталкиваться России на протяжении своей многовековой истории» [11], будущее невозможно построить без объективного

и непредвзятого осмысления своего прошлого, включая и его самые неприглядные стороны.

Список литературы

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.
2. Амбелен Р. Драмы и секреты истории. Пер. с франц. Р. Амбелен. М.: Прогресс-Академия, 1992.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
5. Бок М.П. Столыпин П.А. Воспоминания о моем отце. М.: Новости, 1992.
6. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993.
7. Востриков С.В. Как Российская империя шла к 1917 г. (к 100-летию Великой Русской революции). Смоленск: СОУБ, 2017.
8. Востриков С.В. Суверенитет России и проблемы его сохранения в меняющемся мире: Монография. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2016.
9. Востриков С.В. Властедержатели России. Смоленск: Маджента, 2007.
10. Востриков С.В. «Смутное сознание» как проявление русского катастрофизма. Смоленск: Шеремет, 2004.
11. Летуновский П.В. Эволюция политико-идеологических институтов подготовки молодежи к защите Отечества: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2013.

МОНАРХИЯ КАК ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ

MONARCHY AS A FORM OF GOVERNMENT: PAST AND FUTURE

Лисичкин Михаил Александрович

студент 2-го курса

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Васильева Светлана Валерьевна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры конституционного и муниципального
права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Lisichkin M.

2nd year student

Smolensk branch of the International Law Institute,

Smolensk, Russia

Vasilieva S.

candidate of science in law

associate Professor of the Department

of constitutional and municipal law (general institute)

Smolensk branch International law Insitute,

Smolensk, Russia

***Аннотация.** Статья посвящена анализу монархической формы правления, ее истории и перспективам будущего развития. Автор приходит к выводу, что монархия не является отжившим строем, а наоборот, демонстрирует более высокую эффективность экономики и более высокий уровень развития общества, чем немонархические государства.*

***Abstract.** The article is devoted to a monarchical form of government, its history and prospects for future development. The author comes to the conclusion that the monarchy are not outdated sys-*

tem, but rather demonstrate higher efficiency and a higher level of society than nemognathinae state.

Ключевые слова: монархия, престолонаследие, государство, экономика.

Key words: monarchy, the succession, the state of the economy.

Монархия – это одна из форм правления известная миру. При монархическом правлении главой государства является единоличный правитель. Его власть в большинстве случаев является пожизненной и передается путем престолонаследия.

С начала прошлого века отношение к монархии изменилось, и сегодня монархия уже не рассматривается как пережиток прошлого, иногда даже просто как дань традиции. Однако очевидно, что монархическая форма правления плохо вяжется с современными идеями народной независимости, свободы личности и равноправия людей. Главой государства при такой форме является монарх, он осуществляет власть по собственному праву, а не в порядке делегации.

Одним из основных элементов монархической системы правления является престолонаследие – порядок преемства верховной власти. Другим важным элементом монархической формы правления является регентство временное коллегиальное или единоличное осуществление полномочий главы государства, в определенных случаях малолетства, болезни или отсутствия монарха.

Монархия как форма правления отличается следующими признаками: – существование единоличного носителя верховной власти, который, как правило, пользуется этой властью пожизненно; – наследственным порядком преемственности верховной власти, регулируемым законом о престолонаследии или обычаем; – монарх управляет государством по собственному праву; – отсутствие юридической ответственности монарха как главы государства [1, с. 25].

История монархии ведет свой отсчет с возникновения такого понятия, как «государство». Военная демократия, одна из первых форм управления государством, стала прообразом монархии. На начальных периодах монархия принимала форму тирании или деспотии, неограниченной власти. Опорой монарха то-

гда и в последующем были армия и бюрократический аппарат. Власть монарха была неограниченна, но необходимостью стало учитывать интересы господствующего класса, в первую очередь своего окружения, знати.

В рабовладельческую и феодальную эпохи в некоторых странах складывается особый вид монархии – теократия. В ней управление осуществлялось преимущественно жрецами или духовенством, а глава церковной иерархии обладал высшей не только духовной, но и государственной властью.

Монархия периода феодальной раздробленности характеризовалась тем, что при формальном сохранении верховной власти одного монарха она фактически распадалась на отдельные полусамостоятельные монархии. Формирование сословий привело к изменению государственных образований, к установлению сословно-представительной монархии – новой формы правления с относительно сильной властью единоличного главы государства в сочетании с сословно-представительными органами.

Следующим этапом развития стал переход от сословно-представительной монархии к абсолютной. Она использовалась в обстановке возникновения и развития капитализма, при сохранении феодальной экономики еще в качестве господствующей при зарождении буржуазии. Буржуазия того времени не была готова к захвату власти, но постепенно становилась все более мощной экономической силой, созревая к такому захвату. Абсолютная монархия в разных странах складывалась не одновременно и имела немало особенностей. В классическом виде она была во Франции. В Англии сохранялся парламент, использующий королевскую власть в своих интересах, и слабый бюрократический аппарат на местах. В раздробленной Германии абсолютная монархия сложилась позже и в пределах отдельных территорий (княжеств). В России во второй половине XVII в. прекратился созыв Земских соборов, и были созданы дворянско-бюрократические учреждения, регулярная армия, флот. Социальной опорой абсолютной монархии в России были дворянство и бюрократия.

Упадок христианской веры к началу XX в. привел к упадку современных монархий. По миру прокатилась волна войн и революции, в результате которой пали многие монархии и погиб-

ли десятки миллионов человек в ходе жестоких социальных экспериментов по построению безрелигиозных искусственных государств. Но, несмотря на это, монархии не исчезли с лица земли и продолжают свое существование, напоминая людям о тысячелетних государственных и национальных традициях.

Интерес к монархии имеет положительный смысл – и в случае, если российской монархии будет суждено восстановиться, и даже в противном случае. Монархический потенциал в России несомненно существует, потому что Россия – страна одной из самых глубоких монархических традиций. В конце XIX – начале XX вв. Россия оказалась перед суровым историческим выбором. История государственного управления в России:

- продолжить существование в форме абсолютной монархии;
- перейти на рельсы конституционной монархии;
- напрячь все силы и подняться до уровня демократической республики;
- бросить вызов мировому сообществу и поискать счастья на путях социализма [2].

С отречением Николая II от трона появилась реальная возможность перевести Россию на рельсы конституционной монархии. Как известно, Николай II от себя лично и наследника Алексея передал власть своему младшему брату Михаилу Александровичу, который в тех условиях мог подписать какой угодно документ и разделить власть с любым полномочным органом, т.е. даровать народу конституцию. Тогда же на митингах и собраниях энергично проталкивали эту идею лидеры Государственной Думы. Оценив сложившуюся обстановку, Михаил Александрович отказался принять дарованную ему власть. Вопрос о власти решился в пользу Временного правительства, образуемого Государственной Думой.

В современном мире многие считают, что монарх венчающий систему власти, является фактором, который сделал эту форму гораздо устойчивее, чем республиканскую, где большую часть своего правления глава государства проводит в борьбе со своими политическими конкурентами, а не в решении важных государственных проблем [4].

Может показаться, что монархия в современном мире является пережитком прошлого, но это не так, в наше время стран с

подобной формой управления государством насчитывается около 50. И даже в прогрессивной Европе под властью монарха находится 13 стран (Бельгия, Великобритания, Испания, Швеция и т.д.). Бытует мнение, что такая форма правления, как монархия, оказывает отрицательное влияние на экономику и социальное обеспечение граждан страны. По данным МВФ на 11 ноября 2016 г. в первую десятку стран по уровню ВВП на душу населения входят 6 монархий.

По нашему мнению, монархия – это наиболее эффективный способ построения государственного управления, так как при монархии политика государства придерживается четко выверенного курса и кардинально не меняется каждые 4–6 лет. Власть принадлежит человеку, специально обученному и посвященному во все тонкости управления государством. Конечно, власть монарха должна быть ограничена законом (конституцией) и специальными службами, контролирующими его неукоснительное соблюдение. Мне кажется, что ограничение власти монарха, каким-либо представительным органом не имеет смысла, так как здесь очень силен так называемый «человеческий фактор», банальная алчность или жажда власти могут разрушать всю вертикаль власти. Конечно, у монархии существуют и серьезные минусы, одним из которых, а может быть и самым важным, является социальное неравенство, но и здесь можно найти свое объяснение, при делении на сословия каждый из представителей этих сословий занят своим делом и делает его достаточно профессионально. Чтобы ни быть голословным приведу пример: возьмем основные сословия, существовавшие во многих государствах, это крестьянство, дворянство, также выделим отдельно монарха и регулярную армию, крестьянин, как основная рабочая сила, кормит страну и обеспечивает ее всем необходимым, дворянство служит в армии и занимается наукой, а регулярные войска, защищая страну от внешних угроз и обеспечивая порядок внутри страны, ну и монарх является представителем государства на мировой арене, контролирует структуру власти и проводит ту или иную политику. И этот механизм, по моему, и есть залог быстрого развития и стабильного существования государства. Государство – это огромная машина, где каждое сословие, каждый человек – это своеобразный механизм

или даже мелкий винтик, который является неотъемлемой частью этой машины.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что монархия не является отжившим строем, а наоборот, демонстрирует более высокую эффективность экономики и более высокий уровень развития общества, чем немонархические государства.

Список литературы

1. Шагиев Р.В. Актуальные проблемы теории государства и права: Учебное пособие. М.: Норма, 2015.
2. Спасенников Б.А. Теория государства и права: Курс лекций по дисциплине «Теория государства и права». М.: ФЛИНТА, 2013.
3. <http://studbooks.net/746467/pravo>
4. Летуновский П.В. Смутное время в политических координатах истории и памяти России // Научно-правовое издание. История государства и права. 2015. № 17.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМЫ ПРАВА И ИСТОЧНИКА ПРАВА

THE INTERACTION OF THE FORM OF LAW AND SOURCES OF LAW

Масягина Юлия Борисовна

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Masyagina I.

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Theory and History of State and Law
(general institute) Smolensk branch,
Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассматривается форма права в значении источника права.*

***Abstract.** The article deals with the form of law in the meaning of source of law.*

***Ключевые слова:** форма права, источники права.*

***Key words:** form of law, source of law.*

Взаимодействие терминов «источник» и «форма права» представляет большой научный интерес. Источник права используется в теории государства и права в трех смыслах. Это материальный, идеальный и формальный смыслы.

Формальный смысл имеет для нас преимущественное значение в данной статье. Форма права используется в теории права по аналогии с формой государства. На наш взгляд, использовать форму как парную категорию в теории государства и в теории права не удачно. То же можно сказать про категорию функция. В праве этот термин носит в значительной степени искусственный характер.

Искусственность формы права проявляется в том числе, в значении источника права. Говорить об источниках и форме права принято как о синонимах, но только когда мы употребля-

ем смысл источника права в формальном смысле. Форма как существенное, внешнее выражение может быть использована для самого определения понятия права: «... право – государственная форма духовно-практического освоения действительности» [1, с. 47]. Источник права используется как хранилище, внешнее выражение правовых норм.

Дискуссии об источнике и форме права были исследованы в 80-х гг. прошлого века в фундаментальном труде С.Л. Зивса [2, с. 175]. Эти исследования продолжаются до сих пор, при этом взаимодействие источника права и формы права не является предметом научного интереса.

Источник права для обозначения правового обычая, правовой доктрины, нормативного правового акта более удачен и попытке назвать эти понятия формой права являются просто механическим перенесением понятия «форма», применимого в теории государства достаточно обоснованно. В теории права источник права обозначает не структуру, не систему, а только внешнее выражение правовой нормы.

Для каждого будущего юриста важно понять, что норма права есть умозраительное понятие, которое нельзя увидеть, пощупать, потрогать. Именно для внешнего выражения норм права существует термин «источник права».

В этом плане можно говорить о форме права для любого существующего значения в праве. Можно говорить о форме как институте права, но в то же время мы сталкиваемся с проблемой. Институт права никогда не станет источником права, также как отрасль права, эти понятия будут однопорядковыми с правовой нормой, их также нельзя увидеть, в отличие от Кодексов и законов. Кодексы и законы, в свою очередь, будут теми источниками права, которые оформляют нормативность права.

Материальный и идеальный смыслы правового источника тоже имеют отношение к форме права. Материальный смысл правового источника – это общественные, экономические, политические отношения. Эти отношения имеют отношение к форме права, так как, приобретая эту форму, данные отношения становятся источниками права.

Идеальный смысл источника права может напрямую перерасти в источник права в формальном смысле. Речь идет об ис-

точнике как о юридической доктрине и как о способе осуществления, проявления какого-либо действия. Такой смысл можно вкладывать в правовую форму, связанную с правовым регулированием, правовой реализацией, правовым воздействием, но этот смысл не имеет никакого отношения к источнику.

Юридическая доктрина это и форма, и источник права. Юридическая доктрина оформляет правовые идеи, а также выражает правосознание выдающихся юристов. В нашей стране такие источники права не являются обязательными, но в то же время мнения судей Конституционного Суда РФ имеют важнейшее значения для понимания форм права.

Правовое воздействие юридической доктрины имеет большое значение во всех правовых системах. Для англосаксонской системы мнения видных юристов – это обязательные источники права, а значит, правовая форма, для мусульманской системы правовой формой и одновременно источником права является Иджма.

То есть какое-либо действие формы права и источника права в нашем случае и есть правовое воздействие.

Если рассматривать значение «форма», целиком и полностью применимо в праве и носит название «процессуальной формы», в то время как источник не имеет непосредственного отношения к процессу.

Монографии, исследующие процессуальную форму, не затрагивают вопрос о источнике права и подчеркивают, что диалектическое соотношение содержания и формы проявляется в системе права, как взаимодействие двух видов норм: материальных и процессуальных, здесь можно говорить об источниках материального и процессуального права.

Важно такое значение слова «форма», которое употребляется в культуре. Это значение говорит о форме права, как об определенной системе средств как способа выражения содержания, это значение может взаимодействовать с источником права.

Это значение возможно употребить и в праве. Р.О. Халфина в вышеупомянутой монографии говорит о том, что правовая форма – есть комплекс норм или институтов, а эти нормы и институты «... создают инструментарий, набор правовых средств,

благодаря которым отношения реализуются в соответствии с целями и интересами общества» [3, с. 175].

Таким образом, форма права в некоторых случаях предстает как совокупность или система правовых средств, с помощью которых содержание права становится видимым и осязаемым для правоприменителя, в том числе при помощи источников права. Правоприменитель в этом случае в первую очередь идет от видимых источников права, но важнейшее значение для него имеет правосознание, создаваемое правоприменителем в процессе обучения и личного опыта.

Здесь мы видим главное взаимодействие с видимыми источниками права с не всегда осязаемыми формами права, которые не столько можно пощупать, сколько осознать в процессе обучения и опыта. Превращение правовой психологии в правовую идеологию, а затем и в правовую норму есть процесс внутри формы права. При помощи законодателя, правотворца мы получаем настоящий источник права. Именно поэтому мы, никогда не можем достигнуть стопроцентной законности, наше осознание правовой нормы никогда не совпадет с правосознанием правотворцев. В этом смысле взаимодействие источника права и формы права представляет особое научное значение.

Причем не сложно разобраться, что словосочетания «источник права», «правовой институт», безусловно относятся к праву, являясь его (права) составными элементами; вторые же «правовая политика», «правовая система» явно основаны на праве, отражают нормы права.

Таким образом, категория «форма» имеет различную познавательную, смысловую нагрузку, применительно к разным проявлениям права, а источник права в этом смысле одномерен, не предполагает оттенков. В строгом смысле форма работает на право в целом, в том числе и на источники (формы) права, на формы вины, формы собственности, формы реализации права, а источники права отражают лишь хранилище правовых норм.

Можно заметить, что само право объективно нуждается в форме, как способе своего существования и выражения, и как внутренней структуре, организации права, но также нуждается и в источниках права, как колодце для черпания правовых норм.

Форма права связана с понятием источника права. Ученые под этими терминами подразумевают одно и то же, т.е. нормативные акты, прецеденты, правовые обычаи и др., но предпочитают называть по-разному, мотивируя различными причинами. В частности, одной из причин предпочтения термина «источник права» называют также многозначность определения «форма права», с чем никак нельзя не согласиться.

Таким образом понятие «источник права» гораздо более осмысленное понятие и теоретически более верное, чем «форма права» для обозначения хранилища правовых норм. «Форма» же более глубокое понятия для права в целом.

Список литературы

1. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
2. Зивс С.Л. Источники права. М., 1981.
3. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М., 1988.

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ РАННЕГО ЗОРОАСТРИЙСКОГО ПРАВА

THE MAIN CATEGORIES OF THE EARLY ZOROASTRIAN LAW

Миксюк Анастасия Степановна

канд. истор. наук, доцент

Академия управления при Президенте Республики

Беларусь

Miksiuk A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

The Academy of Public Administration

under the aegis of the President of the

Republic of Belarus Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. Зороастрийское право является одной из древнейших, оригинальных и мало изученных религиозных правовых систем. В статье рассматриваются такие основные катего-

рии раннего зороастрийского права, как «закон» (*dāta*) и «договор» (*miθra*-). Данные категории являются универсальными и вписываются в общую идеологию Авесты. Происхождение, сущность и действие данных категорий права связаны с нормами религии. Исследование основано на оригинальных текстах Авесты.

Abstract. *Zoroastrian law is one of the oldest, original and insufficiently explored religious legal systems. The article discusses the main categories of the early Zoroastrian law: «law» (*dāta*) and «contract» (*miθra*-). These categories are universal and fit into the ideology of the Avesta. The origin, nature and effect of these categories of law are associated with the norms of religion. The research is based on the original texts of the Avesta.*

Ключевые слова: зороастризм, зороастрийское право, Авеста, Видевдат, закон, договор.

Key words: *Zoroastrianism, Zoroastrian law, Avesta, Videvdat, law, contract.*

Зороастрийское право представляет собой одну из оригинальных и мало изученных религиозных правовых систем древнего мира. Кроме того, следует отметить, что зороастрийская система права является и одной из древнейших. Этот факт, несомненно, обуславливает актуальность и важность ее изучения, поскольку вопросы, связанные с возникновением правовых, социальных, политических институтов, механизмами и принципами их функционирования, относятся к числу наиболее значимых и, в конечном счете, «способствуют лучшему пониманию современного общества и человека, показывая в их прошлом, а следовательно, и в них самих, какие-то неизвестные ранее стороны» [3, с. 119].

Зороастризм как религиозное учение зарождается во II тыс. до н.э. и оказывает существенное влияние на развитие народов и государств Центральной Азии и Среднего Востока вплоть до распространения ислама. Однако отметим, что некоторые институты и нормы, зародившиеся еще в зороастрийском праве, существуют и сегодня в качестве обычных норм в странах Центральной Азии, Иране, а также Индии. В связи с этим поднимается вопрос о преемственности и влиянии, которое зороастрий-

ское право оказало на дальнейшее развитие общества и государства в регионе.

Поскольку история существования зороастризма, а следовательно, и зороастрийского права, насчитывает порядка четырех тысячелетий, в данной статье мы остановимся на характеристике категорий раннего зороастрийского права. Таким образом, рассматриваемый период составляет начало II тыс. до н.э. – середину I тыс. до н.э., т.е. догосударственный период развития иранских народов.

Основным источником зороастрийского права рассматриваемого периода является Авеста. Будучи священной книгой зороастризма, Авеста является важным историческим источником, в котором нашли отражение особенности менталитета, представления об окружающем мире, реалии общественной и политической жизни древних иранцев. Также Авеста является одним из древнейших правовых источников.

Авеста представляет собой многослойный комплекс священных текстов зороастризма. Исходя из лингвистических данных и описанных реалий, существует условное разделение на два временных пласта – «Старшую Авесту» и «Младшую Авесту».

«Старшая Авеста» включает в себя Гаты (Ясна 28–34, 43–51, 53), которые существенным образом отличаются от остальных книг Авесты метрической формой, диалектом и изложением от первого лица, в связи с чем традиция приписывает авторство Гат пророку Заратуштре (некоторые из глав составлены от его имени и соответствуют отдельным событиям в его жизни).

«Младшая Авеста» включает в себя все остальные книги источника:

– часть Ясны (авест. *yasna* – «поклонение», «почитание», «жертвоприношение») – свод текстов, которые читались во время ритуалов (Ясна 9–11, 57, 60–72);

– Яшты (авест. *yašt* – от авест. глагола *yaθ* – «почитать», «поклоняться») – хвалебные гимны, посвященные различным божествам в целях испросить их милость;

– Висперад (авест. *vīspere ratavō* – «все заступники, покровители, владыки, судьбы») – молитвенные песнопения;

– Видевдат (авест. *vī daēvā dātəm* – «против дэвов (демонов) данный») – свод законов и предписаний, цель которых заключалась в защите от сил зла; считается единственной полностью сохранившейся частью Авесты [7, с. 66].

Именно Видевдат представляет наибольший интерес для изучения категорий зороастрийского права, хотя при этом Видевдат не является завершенным сводом законов. Тем не менее отдельные исследователи называют Видевдат и Авесту в целом древним уголовным кодексом [12, с. 13].

Европейская научная общественность познакомилась с Авестой в конце XVIII в., когда появились первые переводы на французский (1771 г.), а затем другие европейские языки. С тех пор Авеста находится в фокусе внимания различных наук: истории, религиоведения, философии и др. Зороастрийскому праву, а также отдельным правовым категориям и нормам Авесты посвящены работы Дж.К. Чокси [14], А.Г. Периханяна [6], А.Г. Халикова [10; 11; 12], А.Х. Саидова и Е.В. Абдуллаева [2; 9], И.Х. Мирпочоева [5] и др.

Кроме того, Авеста и зороастризм рассматриваются в контексте политико-правовых учений древности и средневековья (к примеру, работа А.К. Рзаева [8] «Антология мировой правовой мысли» [1] и др.). Однако в подобных работах, как правило, зороастрийское право представлено обзорно и достаточно поверхностно в связи со сложностью работы с первоисточниками.

Таким образом, несмотря на наличие ряда работ, с точки зрения юридических наук Авеста и в целом зороастрийское право изучены недостаточно.

В рамках данной статьи мы рассмотрим две основные категории зороастрийского права по материалам Авесты: закон и договор. Источником исследования являются оригинальные тексты Авесты и их авторский перевод на русский язык. Обращение к оригинальным текстам, на наш взгляд, является необходимым условием для понимания смысла источника, поскольку переводы дают крайне много разночтений и по-разному определяют те или иные авестийские термины. Хорошей иллюстрацией послужит пример, который приводит в своей статье А.Г. Халиков, указывая, что один и тот же термин разные исследователи переводят как «воровство» или «обман» [11, с. 56].

Понятие закона, несомненно, является одной из ключевых правовых категорий зороастризма. В авестийском языке термин «закон», как правило, передается словом *dāta*, что может быть дословно переведено как «созданное», «данное», «дарованное», а также «закон», «правило» [13, р. 726]. Как видим, само слово отражает сакральную сущность и происхождение законов, которые даны людям богом Ахурой Маздой.

Вместе с тем, несмотря на то, что в зороастрийской традиции создателем законов считается бог Ахура Мазда, Авеста указывает на провозглашение и возвешение законов и правил, исходящих и от других божеств зороастрийского пантеона. В частности, упоминаются Аша (Истина), Воху Мано (Благая мысль), Сраоша, Рашну, Митра и др. (Ясна 70, 2–3).

Закон неоднократно называется в Авесте «Заратуштровским» (авест. *zaraθuštrōiš*), т.е. исходящим от пророка Заратуштры, который получил законы напрямую от бога Ахуры Мазды, а также «противодэвовским» (авест. *vīdaēva*), т.е. данным Ахурой Маздой для борьбы с дэвами-демонами, силами зла (Ясна 1, 13; Ясна 2, 13; Ясна 4, 18, Видевдат 5, 22 и др.).

Следование закону вменяется в обязанность человеку и вознаграждается богом Ахурой Маздой (Ясна 28, 10; Ясна 31, 1; Ясна 33, 1). Более того, исполнение ритуалов почитания божеств в соответствии с законом автоматически защищает арийские страны от всевозможных бед и несчастий – вражеских войск, эпидемий и т.д. (Яшт 14, 48). Таким образом, законы наделяются сакральной силой и понимаются не только как законы, регулирующие социальные отношения, но и как некие основополагающие начала мироздания. Вероятно, будет верным считать, что в зороастрийском праве отсутствовала иерархия законов – все они равным образом исходили от бога Ахуры Мазды, были универсальными и являлись воплощением одной идеи поддержания мироздания и поддержки сил добра в их извечной борьбе со злом. На это указывает, в том числе уже упомянутый нами эпитет закона – «противодэвовский», т.е. данный против дэвов-демонов.

В силу того что Авеста является, прежде всего, собранием религиозных текстов, она не содержит перечень конкретных законов, которые регулировали жизнь в обществе. Однако они могут

быть установлены с помощью «символа веры зороастризма» (Ясны 12) и иных фрагментов Авесты. Данные законы в самом общем схематичном виде могут быть сведены к следующему:

- признание определенных богов, упоминаемых в Авесте и, прежде всего, бога Ахуры Мазды, на это указывает одно из самоназваний авестийского общества – авест. *mazdayasna*, т.е. «почитающие Мазду» (Ясна 12);

- выполнение соответствующих ритуалов по правилам, зафиксированным в Авесте (Видевдат 3, 1 и др.);

- не причинение зла поселениям, почитающим Ахуру Мазду (Ясна 12, 3; Ясна 32, 10);

- борьба с последователями иных религий посредством ритуала и оружия (Ясна 31, 18; Ясна 33, 2; Яшт 34, 10 и др.);

- образ жизни, связанный с занятием земледелием и животноводством (Видевдат 3, 4–6 и др.).

Кроме того, к базовым принципам зороастрийского права может быть отнесено знаменитое правило – *humata, hūxta, huvaršta*, дословно – «благомысленный, благословный, благодетельственный», т.е. «благие мысли, благие слова, благие поступки» (Ясна 35, 2). Как видится, этот принцип лежал в основе всех зороастрийских законов. Так, благим делом Авеста называет дело, совершенное в соответствии с истиной и законами (Ясна 19, 19).

Таким образом, целью законов Авесты, как неоднократно отмечалось исследователями, было создание организованного, процветающего и гармоничного общества (Ясна 29, 10) [2, с. 54; 9, с. 94].

Второй важной категорией зороастрийского права являлся договор. Божеством, символизирующим договор, считался Митра, индоиранское божество, известное также по текстам индийских Вед, божество, которому иранцы поклонялись задолго до религиозной реформы Заратуштры. Несмотря на то, что в зороастрийском пантеоне, судя по текстам Авесты, Митре была отведена не самая значительная роль – в категории язатов, т.е. низших божеств [4, с. 17–18], его роль в истории иранских народов сложно переоценить. Впоследствии почитание Митры вошло в официальный культ империи Ахеменидов и широко распространилось на территории Римской империи.

Митра являлся божеством солнца, небесного света, покровителем пастбищ (постоянный эпитет «широкопастбищный») и одновременно представлял собой обожествленный договор, персонификацию договора, считался хранителем истины и согласия и противником лжи. Митру призывали иранцы в свидетели приносимых клятв, именно Митра скреплял заключенный договор [4, с. 16]. В этой связи неслучайно авестийское название договора – *mitra-*, совпадающее с именем соответствующего божества.

Наиболее полно категория договора раскрывается в Гимне, посвященном Митре (Яшт 10), а также в текстах Видевдата, регламентирующего социальные отношения, правила проведения ритуалов и устанавливающего наказания за проступки и преступления.

В Авесте перечисляется шесть видов договоров в зависимости от залога (Видевдат 4, 2):

- договор на словах;
- «удар по рукам»;
- договор ценой в мелкую скотину;
- договор ценой в крупную скотину;
- договор ценой в человека (раба);
- договор ценой в урожайное поле.

Кроме того, перечисляется три вида договора в зависимости от предмета (Видевдат 4, 44):

- имущественный договор;
- брачный договор;
- договор на обучение.

Верность договору (устному или письменному) считалась особенно важным качеством среди иранских и среднеазиатских народов не только в древности, но и позже, в средневековый период [2, с. 55; 6, с. 252]. Авеста указывает на то, что человеку следует быть верным договору вне зависимости от того, с кем он заключен – с единоверцем или с «лживым»: «Уничтожает всю страну смертный, нарушающий договор, Спитама, как сотня *кауадапм* (?) – многое праведное. Договор не нарушай, Спитама, ни тот, который с лживым заключаешь, ни тот, который с верующим праведным. Потому что обоюдным является договор

и с лживым, и праведным» (Яшт 10, 2). Тот, кто следует договору и не нарушает его, получает всевозможные блага и награды от Митры и других божеств (Яшт 10, 3).

В Авесте присутствуют специальные термины, обозначающие тех, кто нарушает договор:

– *mīθrō.zuā-*, т. е. «нарушающий договор», «вредящий договору» (Ясна 61, 3; Яшт 10, 82);

– *mīθrō.drug-*, т.е. «лживый по отношению к договору» (Ясна 61, 3; Яшт 10, 2; Яшт 10, 19; Яшт 10, 45; Яшт 10, 62 и др.).

В случае нарушения договора главою семьи, рода, племени или страны, наказанию со стороны Митры подвергается не только сам нарушитель, но и вся социальная группа, за которую он отвечает (Яшт 10, 18), а территорию их проживания ждет опустошение (Яшт 10, 38). Таким образом, Митра воплощает в себе не только сам договор, но и функцию правосудия, и действует совместно с другими божествами – Рашну и Сраошей, символизирующими справедливость и послушание (Яшт 10, 41).

Также нарушение договора рассматривается в качестве греха, который распространяется и на потомков: от 300 до 1000 мужей, являющихся родственниками, в зависимости от вида договора (Видевдат 4, 5–10).

Важно отметить, что кроме указания на воздание со стороны сверхъестественных сил Видевдат содержит и конкретные меры наказания за нарушение договора. Так, упоминаются телесные наказания, т.е. удары бичом и «приводящей к послушанию» плетью, число которых (от 300 до 1000) определяется видом договора (Видевдат 4, 11–16).

Таким образом, можно отметить, что уже в древности, в раннем зороастрийском праве на договорные отношения распространялось требование добросовестности, которое тем не менее носило принципиально отличный от современного права характер – сакральный.

Подводя итоги, отметим, что Авеста, будучи одновременно источником религиозным и правовым, не делает различия между данными сферами жизни общества и соединяет в себе нормы поведения общесоциального, религиозного и правового характера, что отражает особенности ментальности людей древности.

Основными правовыми категориями раннего зороастризма являются закон и договор, вписывающиеся в общую идеологию Авесты. Происхождение и сущность данных категорий связывалась с сакральными силами и поддерживалась ими. Таким образом, следование закону и соблюдение договора поощрялось нормами религии, а нарушение влекло за собой как уголовную ответственность, так и воздаяние со стороны сверхъестественных сил при жизни и после смерти.

Список литературы

1. Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. 1. М.: Мысль, 1999.
2. Введение. Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат) / Адаптированный перевод, исследование и комментарии. Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, Е.В. Абдуллаева. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2008.
3. Ерофеев Н.А. Что такое история. М.: Наука, 1976.
4. Кюмон Ф. Мистерии Митры. СПб.: Евразия, 2000.
5. Мирпочоев И.Х. Понятие и сущность права собственности в зороастрийском, мусульманском и римском праве // Вестник Таджикского государственного университета права бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2014. № 5.
6. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука, 1983.
7. Рак И.В. Введение. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб., М.: Нева: Летний Сад, 1998.
8. Рзаев А.К. Этюды из истории политико-правовых учений. Баку: Азернешр, 1986.
9. Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Зороастрийское право в контексте религиозно-правовых учений древней и раннесредневековой Центральной Азии // Государство и право. 2000. № 7.
10. Халиков А.Г. Договорное право зороастризма // Государство и право. 2003. № 2.
11. Халиков А.Г. Зороастрийское право и проблема классификации преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6.

12. Халиков А.Г. Общая характеристика Авесты как источника зороастрийского права // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 6.

13. Bartholomae C. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. 2000 p.

14. Choksy J.K. Loan and Sales Contracts in Ancient and Early Medieval Iran // Indo-Iranian Journal. 1988. Vol. 31.

КОЛЛИЗИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

CONFLICTS IN CONSTITUTIONAL LAW

Сидорова Светлана Анатольевна

ст. преподаватель кафедры общепрофессиональных и специальных правовых дисциплин

Международный юридический институт

Ивановский филиал

Sidorova S.

senior lecturer General professional and special legal disciplines Ivanovo branch International law Institute, Ivanovo, Russia

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы возникновения коллизий в правовых теориях, правовых взглядах, нормативных актах, а также в юридических действиях и предлагаются приоритетные направления их решения.*

***Abstract.** The article deals with the problem of collisions in legal theory, legal opinions, laws and regulations, as well as legal action and suggests priority areas for their solution.*

***Ключевые слова:** коллизия, законотворчество, коллизионная норма, источники права, норма права.*

***Key words:** conflict, legislation, conflict rule, sources of law, the rule of law.*

Полноценное существование государства и общества не представляется без четкой структуры и стабильности. Поэтому без установленных норм поведения не получится наладить благополучное существование и разного рода деятельность общества. Именно

для таких целей и действует право, которое является официально закрепленным сводом норм общественного поведения.

Но, порой, случается так, что между людьми возникают различного рода споры и разногласия, без решения которых будет трудно сосуществовать далее. Поэтому и нужно понимать сущность этих конфликтов, а также искать различные средства и способы урегулирования и решения спорных вопросов.

В настоящее время в связи с фактически ежедневным увеличением объема правового управления сферами жизни и деятельности общества и государства увеличивается также и объем различных правовых коллизий. Такие юридические противоречия возникают практически всюду: в правовых теориях, правовых взглядах, нормативных актах, а также в юридических действиях. Именно из-за этого все более и более востребованными становятся нормы, действующие, если можно так выразиться, «по отклонениям».

В данный момент в Российской Федерации активно расширяются федеративные отношения, при которых субъекты РФ часто используют свое право на собственное законотворчество. Но нужно учесть, что в некоторых случаях нормативно-правовые акты субъектов попросту противоречат Конституции РФ, федеральным законам, а иногда даже нормы одного и того же акта противоречат друг другу.

Актуальность данной тематики обусловлена разнообразием различных правовых отношений, где необходимо четко понимать значимость юридических коллизий и уметь избегать противоречий в праве. Также этот вопрос актуален с практической стороны, потому что адекватное толкование коллизионных норм в нормативных актах позволяет наиболее полно реализовать права участников разнообразных правовых отношений.

Коллизионное право – это совокупность норм, разрешающих коллизии между законами различных государств (так называемое «внешнее» коллизионное право) или нормативными актами одного государства («внутреннее» коллизионное право). «Внешнее» коллизионное право входит в состав международного частного права. В ряде стран (Великобритания, США и др.) «понятие «международное частное право» отождествляется с понятием коллизионного права» [1, с. 281]. «Внутреннее» же

коллизийное право имеет особое значение в федеративных государствах, где может возникать конфликт между федеральным правом и правом субъектов Федерации. В РФ понятие федерального коллизийного права впервые введено Конституцией РФ 1993 г. Предметом коллизийного права являются различного рода общественные отношения, при регулировании которых возникают разногласия и споры. Это могут быть нормативно-урегулированные противоречивые правоотношения, но разногласия возможны также и в динамично возникающих отношениях, даже не урегулированных правом, по поводу которых у участников складываются разные точки зрения и позиции.

Пониманию сущности норм коллизийного права способствует использование такой общетеоретической конструкции, как юридическая презумпция. Известные и предполагаемые юридические противоречия отражаются с помощью названных норм как модели неправомерного поведения. Официально признается их незаконность, нецелесообразность и нежелательность. Причем заранее установленные средства их преодоления имеют не только ориентирующий смысл. Известны и наказательные, и восстановительные «средства обеспечения правового порядка» [2]. Допускается даже использование «аналогии права и аналогии закона (в гражданском законодательстве), общих принципов права» [8].

Принципы коллизийного права выражают то общее, устойчивое и сущностное, что характерно для правового регулирования в данной сфере спорных правоотношений. Выделяются четыре базовых принципа коллизийного права:

- соответствия конституционным императивам применительно к разрешению коллизий в рамках национального права;
- исполнения норм на основе принятых самообязательств – применительно к отношениям, регулируемым международным правом;
- добровольного признания предпочтительного выбора норм в аспекте сравнительного правоведения;
- уменьшения объема противоречий для достижения компромисса или согласия. Эти принципы служат основой для построения системы понятий, а также «применения более

конкретных критериев выбора норм в коллизионных ситуациях» [9].

К источникам коллизионного права относятся прежде всего правовые акты: Конституция РФ и конституции, уставы ее субъектов, особенно содержащиеся в них специальные коллизионные принципы и нормы; федеральные конституционные законы, федеральные законы и законы субъектов РФ, имеющие как статутный, так и тематический характер; специальные законы и иные правовые акты, посвященные предотвращению и устранению юридических коллизий, разрешению споров, обеспечению законности; публичные договоры и соглашения, протоколы, как внутригосударственные, так и международные; решения государственных органов, межгосударственных объединений и международных организаций по поводу коллизионных ситуаций и конфликтов.

Вторую группу источников коллизионного права составляют своего рода нормы обычного права или «переговорные правила». Их устойчивое существование и применение себя полностью оправдало в спорных и конфликтных ситуациях. Оно подтверждено правовыми актами о статусе государств и юридических лиц, уполномочивающими вести переговоры, находить компромиссы, достигать договоренностей.

К третьей группе источников коллизионного права относятся правовые концепции, выражающие систематизированные научные взгляды в данной сфере. Их роль велика в «формировании правосознания и поведения спорящих сторон и в побуждении их к достижению согласия, примирения и принятия окончательных решений» [10].

Структура коллизионного права очень индивидуальна. Общая часть данного права посвящена предмету, методам действия и основным понятиям. Также много внимания уделено системе регулирования общих правовых отношений и таким ее элементам, как правопонимание, правовые позиции сторон, процедуры решения разногласий и споров, средства обеспечения законности.

Порой случается, что из-за недопонимания нормативно-правовых актов участники правоотношений могут совершить ошибку в своих правовых взглядах или действиях, на исправление которой может быть затрачено много сил. Умение видеть и

находить юридические ошибки, часто возникающие в ходе правоприменительной практики, позволит избежать этих ошибок еще на стадии подготовки и принятия любого нормативно-правового акта.

К типичным юридическим ошибкам можно отнести: «противопоставление законности и целесообразности; неверный выбор предмета законодательного регулирования; неправильное определение формы правового акта; несоблюдение процедуры подготовки и обсуждения проекта закона или иного акта; неудачное формулирование и использование нормативных понятий и терминов; необоснованная юридическая квалификация фактов и явлений; неправильный выбор акта и норм, относящихся к субъекту и объему его прав; неодинаковое понимание статуса граждан и юридических лиц; неправильное построение правовых норм; произвольные разъяснения и толкования норм; неправильное обращение за правовой защитой; ложное представление о своих неправомерных поступках, якобы не являющихся правонарушениями; неверное применение средств реализации права; неприменение мер ответственности» [7].

Юридическую коллизию можно преодолеть с помощью анализа практического действия закона и оценки применения нормативно-правового акта. Это используется на практике довольно часто, например, по запросам государственных органов или по обращениям граждан. Как основание для запроса может выступать неясность в понимании некоторых терминов, норм, круга субъектов, на которых норма распространяет свое действие.

Концептуальное правопонимание права и закона различно. С этим связано неодинаковое использование общих и специальных юридических понятий и терминов в законодательстве. Ряд ученых уже давно высказываются о необходимости принятия закона «О законах», в котором бы были закреплены юридические понятия и термины законодательства. Нечеткость и неточность терминов и норм, противоречивость, произвольное толкование часто ведут к юридическим противоречиям. «Закладываются» они в концепциях проектов законов, и недооценка понятий и терминов потом мстит за себя юридическими ошибками, ложными взглядами и ошибочными позициями правоприменителей. Если же в законах дается определение нормативного зна-

чения понятий, то качество правовых норм улучшается. Когда общие понятия используются в однородных законах, ими как бы пронизывается содержание всех институтов и норм. Тогда прочнее выявляются системные связи разных актов. Ведь не секрет, что «слабость последних способствует зарождению юридических коллизий» [10, с. 112].

Можно привести следующий пример. Во многих законах, действующих в экономической сфере, часто используются понятия «предприятие», «хозяйствующий субъект», «предприниматель». Не всегда они идентичны по объему и содержанию. Так, в ст. 1 ФЗ «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» используются понятия «предприятия», «организации», «учреждения», «филиалы», «другие обособленные подразделения». Далее же говорится преимущественно о предприятиях, что дает повод думать о неприменении статей к другим субъектам, перечисленным в законе. Подобных случаев нельзя допускать, поскольку внешне неуловимые терминологические различия потом вызывают споры, сомнения, порождают бездействие и т.д.» [6, с. 145].

Какие же способы реализуются для решения различных правоприменительных споров и разногласий? Значительное место занимает конституционное правосудие. Конституционный Суд РФ «дает толкование и разъяснение Конституции РФ» [4, с. 127].

Большое количество спорных вопросов возникает в практике государственного устройства. Часто возникает острая полемика о функциях и взаимоотношениях властей, о структуре устройства РФ и т.д.

В ходе практики Конституционного Суда РФ появилось и до сих пор работает такое понятие, как «правовая позиция». Правовая позиция – это объяснение конституционной нормы в мотивировочной части постановления Конституционного суда, причем именно той нормы, в резолютивную часть постановления которого она положена. По мере изучения материалов судебного дела и правовых позиций сторон в судебном заседании, в ходе толкования устройства конституционного строя, принципов международного права и формируются правовые позиции Конституционного Суда. Таким образом, текст Конституции адаптируется к изменяющимся общественным условиям.

Судьи Конституционного Суда РФ все более настойчиво аргументируют высокую роль его правовых позиций. Их рассматривают своего рода прецедентным источником права. Правовые позиции коррелируют с правом, а постановления с оценкой оспоренной нормы – с законодательством. И это весьма конструктивная оценка.

Разнообразие юридических коллизий обуславливает использование соответствующих процедур. «Процедура – это нормативно установленный порядок анализа, рассмотрения и разрешения юридических противоречий»[3, с. 16].

Все коллизионные процедуры обладают общими признаками:

- 1) предмет;
- 2) статус сторон;
- 3) регулирование этапов действий;
- 4) регламентация принятия решений;
- 5) установление прав и обязанностей лиц, принимающих решения;
- б) разнообразный выбор вариантов решений.

Для разрешения юридических коллизий должностные лица или компетентные органы используют следующие принципы:

а) если противоречащие друг другу акты изданы разными органами, то применяется акт, обладающий более высокой юридической силой, и за основу берется принцип иерархии нормативных актов. Так, «коллизии между законами и подзаконными актами разрешаются в пользу законов, поскольку они обладают верховенством и высшей юридической силой»;

б) если противоречат друг другу акты одного и того же органа, изданные в разное время по одному и тому же вопросу, то «применяется последний по принципу, предложенному еще римскими юристами: позже изданный закон отменяет предыдущий во всем том, в чем он с ним расходится» [9, с. 114];

в) если возникают коллизии между общефедеральными актами и актами субъектов Федерации, в том числе между конституциями и уставами, то приоритет имеют общефедеральные. В ст. 76 Конституции РФ говорится, что федеральные конституционные и иные законы, изданные в пределах ее ведения, имеют прямое действие на всей территории Федерации (ч. 1). По предметам совместного ведения издаются федеральные законы и

принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные акты субъектов РФ (ч. 2). «Вне пределов ведения РФ и совместного ведения субъекты Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных актов» [5, с. 34];

г) если возникают коллизии между национальным (внутригосударственным) и международным правом, то приоритет имеют международные нормы. В Конституции РФ говорится: Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Процедуры решения юридических коллизий возможно разделить на две категории: согласительные и судебные процедуры. Последняя является порядком рассмотрения противоречий между органами государственной власти. В РФ применяют следующие виды согласительных процедур:

Создание и деятельность согласительных (паритетных) комиссий. Они могут создаваться:

- Конфликтующими сторонами. Порядок работы таких комиссий и принятия ими согласованных решений может быть предусмотрен в протоколе, подписанном сторонами, либо в двустороннем договоре (соглашении) между соответствующими органами государственной власти. Так, федеральные органы исполнительной власти вправе создавать согласительные комиссии в отраслях и сферах, отнесенных к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Они образуются на основе совместного решения соответствующих органов исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов;

- Президентом РФ. В соответствии со ст. 85 Конституции РФ он может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти РФ и ее субъектов. Президент РФ применяет согласительные процедуры по собственной инициативе или по предложению конфликтующих сторон. В случае недостижения согласованного

решения Президент может передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда (Конституционного Суда или Высшего Арбитражного Суда РФ);

- Правительством РФ. Это может произойти в случае возникновения разногласий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов.

Процедура рассмотрения федеральных законов, отклоненных Советом Федерации. В этом случае может создаваться согласительная комиссия из числа депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации на паритетных началах. Предусмотрена процедура создания и деятельности специальных комиссий и для преодоления разногласий по федеральному закону с Президентом РФ.

Использование третейского разбирательства. В сфере арбитражного судопроизводства существует возможность передачи споров по согласию сторон на разрешение третейского суда, предусмотренная ст. 23 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Решения третейских судов исполняются добровольно.

В случае публично-правовых разногласий органы государственной власти РФ также могут проводить третейское разбирательство. В качестве арбитров могут выступать представители органов государственной власти РФ и ее субъектов, не участвующие в конфликтной ситуации.

Судебные процедуры разрешения споров. Разногласия и коллизии между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов могут быть по инициативе их участников предметом судебного разбирательства. Особо следует отметить роль Конституционного Суда РФ в разрешении коллизий, возникающих в сфере федеративных отношений, взаимодействия ветвей власти, реализации прав граждан, осуществления различными органами и должностными лицами своих полномочий. «Решения, принимаемые Конституционным Судом, имеют нормативно-регулирующее значение» [10, с. 28].

Считается, чтобы избежать коллизий, необходима четкость и предельная ясность принимаемых нормативно-правовых актов, их логическая структура и конкретика правовых предписаний. Также требуется грамотно разработанная и обоснованная методика законотворчества, дабы еще на стадии разработки право-

вых актов были устранены все неточности и недочеты, которые впоследствии могут привести к серьезным правовым коллизиям.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / Борисов А.Б. М.: Книжный мир, 2010.
2. Бондарь Н.С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. № 11.
3. Государственная власть и местное самоуправление // Федеральный научно-практический журнал. М.: Издательская группа «Юрист», 2015.
4. Должиков А.В. Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4.
5. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: ЮристЪ, 2004.
6. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2015.
7. Урумова Е.С. Разночтения в официальных текстах Налогового кодекса // Законодательство. 2016. № 3.
8. Золотухин О.В. Коллизии и недостатки в исполнительном производстве // Законодательство. 2014. Апр. № 4. <http://www.internet-law.ru/dic/jurisprudence> (дата обращения: 16.12.2016).
9. Дмитриев А.Ф., Кудрявцев Н.Ф., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов / Юридическая конфликтология. Ч. I, II. М., 2008.
10. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2014. <http://pravoteka.ru/> (дата обращения: 18.12.2016).

КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

THE CONCEPT OF STATE AND SOCIETY IN EUROPEAN SOCIAL PHILOSOPHY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Уваров Игорь Артурович

д-р истор. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Uvarov I.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Theory and History of State and Law (general institute), Smolensk branch «International Law Institute» Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье исследуются основные этапы развития социально-философской мысли первой половины XIX в. по проблемам государства и общества.*

***Abstract.** The article examines the main stages of development of socially-philosophical thought of the first half of the XIX century on issues of state and society.*

***Ключевые слова:** социальная философия, государство, общество, право.*

***Key words:** social philosophy, state, society, law.*

В начале XIX в. в Европе произошли огромные потрясения. Установилась воинственная империя Наполеона. Затем произошла реставрация монархии во Франции, восстановившая преемственность социально-культурного развития страны. В результате этих коренных изменений, а также постепенных преобразований в Германии в центрально-европейских государствах сложились буржуазные отношения.

Все это привело к значительному усложнению социальной организации общества и разнообразию форм правления европейских государств.

В первой половине XIX в. завершился переход от феодально-иерархической структуры, основанной на принципе наследственной сословной принадлежности, к гражданскому буржуазному обществу, базирующемуся на принципах незыблемости права частной собственности, политического и юридического равенства граждан; на их горизонтальных связях между собой.

Анализируя происходившие в обществе процессы, мыслители первой половины XIX в. окончательно расстались с просветительскими представлениями о возможности быстрого переустройства мира с помощью свободы и разума, политических и образовательных методов. Сфера социального взаимодействия охватывала мораль и право, быт и традиции, культуру и общественное сознание, она постепенно, но властно входила в круг философских интересов.

В начале XIX в. окончательно сформировалась новая отрасль европейской социально-политической мысли – социальная философия, включившая в себя различные направления философского поиска:

- немецкая классическая философия;
- теоретические искания представителей утопического и анархического социализма;
- марксистское учение о социально-экономической формации.

На основе различных направлений социальной философии формировались соответствующие типы социально-политической идеологии: либерализм, реформизм, анархизм, марксизм.

Европейская идеология либерализма как течение социально-политической мысли отстаивала права и свободы личности, политическую и религиозную терпимость, свободную конкуренцию и невмешательство государства в экономическую жизнь, она получила фундаментальное обоснование в немецкой классической философии – кантианстве и гегельянстве.

Иммануил Кант (1724–1804 гг., Восточная Пруссия) подверг критике идеи «чистого разума», высказанные его предшественниками – французскими просветителями. Он заложил основы новой теории познания. По Канту, природа любой вещи двойственна. В каждой вещи различаются сущность (внутренняя, непо-

знаваемая – «вещь в себе») и явление (внешнее, поддающееся описанию с помощью чувственного аппарата, – «вещь для себя»).

Применяя эту теорию к человеку и обществу, И. Кант в своем труде «Метафизические начала учения о праве» (1797 г.) исходил из посылки о том, что человек по своей природе двойственен и принадлежит к двум мирам: миру явлений, в котором он проявляет себя в действиях, взаимоотношениях с другими людьми, оценивающими его действия (в этом мире он не свободен), и миру сущности (где он – «вещь в себе», т.е. свободен, подчинен закону свободы, может принимать любые решения и предпринимать любые действия) [1].

Противоречие между свободой и несвободой человека для Канта неразрешимо и оно является источником развития всего человечества по пути увеличения степени свободного самопроявления конкретного индивида.

Существуя в мире явлений, человек как субъект нравственного сознания должен, по мысли Канта, руководствоваться нравственным законом – «категорическим императивом», который гласит: поступай с другими так, как тебе бы хотелось, чтобы другие поступали с тобой.

На не подверженном влиянию внешних обстоятельств и поэтому безусловном (априорном) нравственном законе возникает право. Для права характерно принуждение, носителем которого выступает государство. Это принуждение гарантирует для нравственности то пространство, в котором она могла бы нормально проявлять себя, обеспечивая свободу индивида.

Кант – один из основоположников концепции правового государства. Он различал в праве три категории:

I. Естественное право, которое делится на *частное* (гражданское) и *публичное* (государственное) и имеет источником самоочевидные, естественные истины.

II. Положительное право – конкретные законы, источником которых является воля законодателя.

III. Справедливость – не предусмотренное законом и не обеспеченное принуждением притязание на идеал.

Кант предлагает свою теорию происхождения государства из общественного договора, главное условие которого состоит в том, что любая организация принуждения должна признавать в

каждом индивиде лицо, которое безо всякого принуждения осознает свой долг и, не делая другое лицо средством для достижения своих целей, способно данный долг исполнить.

В отличие от просветительских теорий общественного договора, в которых обязательства договаривающихся сторон (государства и граждан) уравнивались, по Канту, у государства обязательств больше и они направлены на проведение в жизнь принципа презумпции невиновности граждан. По Канту, государство не должно иметь своей собственности – таким образом, защищается собственность его граждан.

Кант, анализируя формы правления современных ему государств, обосновывает необходимость разделения властей. Он прогнозирует создание в будущем федерации самостоятельных равноправных государств для поддержания «вечного мира» на правовой основе.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831), подобно И. Канту, подверг критике отдельные положения просветительской мысли. Острые его критики было направлено против идеи Ж.-Ж. Руссо о природном равенстве людей. По Гегелю, личности равны политически, но не равны экономически, и поэтому занимают разное социальное положение. В отличие от И. Канта, для которого право есть принуждение к выполнению нравственного закона, Гегель в своем труде «Философия права» (1821) рассматривает право как «наличное бытие свободы». Право личности есть право собственности [2].

Он всесторонне разрабатывает и понятие «гражданское общество». По его определению, гражданское общество – это опосредованная трудом система потребностей, покоящаяся на господстве частной собственности и всеобщем формальном равенстве людей. В структуре гражданского общества он выделяет три сословия:

- землевладельцы-дворяне;
- промышленники, торговцы и ремесленники;
- чиновники.

Гражданское общество предполагает наличие определенной рыночной системы потребностей, отправление правосудия, наличие полиции и корпораций.

Анализируя причины возникновения государства, Гегель отвергает идею общественного договора. Он считает, что государство как идея и ее воплощение предшествовало гражданскому обществу; гражданское же общество выросло из дифференциации семей и сословий и обрело политическую организацию на основе идеи государства.

Важное место в системе гегельянских представлений занимал тезис о том, что государство и право каждого народа есть изначальные идеальные категории, которые стремятся к материализации на всем протяжении развития этого народа и находят, наконец, воплощение в правовом государстве. Этот тезис вступал в противоречие с другой идеей Гегеля, идеей о праве как наличном бытии свободы, так как он предполагал ограничение свободы этого бытия изначально определенными рамками народного духа.

Созвучными тезисам Гегеля о важности национального духа и национального самосознания были высказывания и других представителей немецкой классической философии – Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814) и Фридриха Вильгельма Шеллинга (1775–1854).

Представления о «праве как зерне, покоящемся в почве народного духа» были характерны и немецкой исторической школе права, возглавляемой Густавом Гуго (1764–1844) и Карлом Фридрихом Савиньи (1779–1861).

Тезис о праве как о важнейшем регуляторе общественной жизни народа, как источнике порядка и гармонии в национальном обществе оказал значительное влияние на правоведческую и социологическую мысль Европы.

Параллельно немецкой классической философии развивалось и социалистическое направление социально-политической мысли. Наряду с критикой буржуазного строя оно включало в себя поиск практических путей гармонизации общественной жизни на основе справедливости при наличии частной собственности.

В центре внимания представителей этого направления стояли следующие вопросы: о социальной жизни как процессе; о внутреннем порядке социальной общности; о соотношении целого и части; о социальных группах (ассоциациях, фалангах) как элементах социального целого и возможности управления ими.

Так, в произведениях Анри де Сен-Симона (1769–1825, Франция) обосновывалась идея исторического прогресса – закономерного развития общества по восходящей линии. (*По мнению Сен-Симона, общество в своем развитии проходит три стадии: теологическую, метафизическую и позитивную.*) Эта идея на всем протяжении XIX в. продолжала оставаться в центре внимания философов и социологов.

В представлениях Сен-Симона история человечества движется благодаря развитию знания и нравственности. С помощью справедливой власти происходит превращение общества в единую, централизованно управляемую промышленную ассоциацию. При этом власть, сосредоточенная в руках сверходаренных промышленников и ученых, теряет свой политический характер. Она превращается в управление вещами, производственными процессами и гарантирует справедливость.

Шарль Фурье (1772–1837, Франция) видел путь к социальной справедливости в создании при коллективном производстве фаланг (*большая община, коммуна*). Он считал, что организация производства на этом принципе и без вмешательства государства приведет к устранению противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом и будет гарантировать свободное всестороннее развитие личности.

Роберт Оуэн (1771–1858, Англия) был близок к идеям Ш. Фурье и пытался реализовать в своей практической деятельности его социалистические теории.

Французский социалист и один из теоретиков анархизма Пьер Жозеф Прудон (1809–1865) провозглашал идеи гармонии и сотрудничества классов. Он видел главную причину общественной дисгармонии, обострения классовых противоречий в наличии государства и политических партий, и сделал вывод о необходимости их постепенной мирной ликвидации. На смену государству должны прийти договорные отношения между отдельными лицами и группами производителей, объединенными в федерации самоуправляющихся общин.

Сен-Симон, Фурье, Прудон были основоположниками идеологии социального реформизма.

Одним из влиятельных теоретических направлений социальной философии, породившим свою идеологию, является мар-

ксизм. Его основоположники Карл Маркс (1818–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895) находились под влиянием немецкой классической философии и социалистических идей. В теорию зрелого марксизма входили такие основополагающие идеи:

1. Идея социально-исторического детерминизма, согласно которой развитие общества есть естественноисторический процесс; его течение осуществляется по принципу «причина-следствие».

2. Концепция общественно-экономической формации, согласно которой общество на каждом этапе естественноисторического процесса является совокупностью следующих элементов:

– производительные силы (средства производства и люди с определенным уровнем производственной квалификации);

– производственные отношения (отношения между людьми в процессе производства, по преимуществу отношения собственности);

– политическая надстройка (государство, политические партии, право, мораль, религия, идеология, культура).

Решающую роль в этой совокупности, по мысли Маркса и Энгельса, играют производительные силы и производственные отношения, составляющие базис общества; изменения в базисе влекут за собой изменения в надстройке, хотя Маркс не отрицал и обратного влияния.

Идеи Маркса о социально-историческом детерминизме, закономерности смены общественно-экономических формаций предполагали неизбежность перехода от капитализма к социализму и коммунизму – стадиям общественного развития, на которых частная собственность заменяется общественной, что, по его мысли, выводит человечество из царства необходимости в царство свободы [3].

3. Идея социальной революции как средства изменения общества. Согласно этой идее смена общественно-экономических формаций закономерна и неизбежна. Эта смена происходит в ходе революции, когда разрешение нарастающего конфликта между прогрессивно развивающимися производительными силами и сдерживающими их развитие общественными отношениями вызывает разрушение политической надстройки и замену

ее новой, приводящей в равновесие выросшие производительные силы и новые, соответствующие им производственные отношения.

Переход к социализму, по Марксу, включал положение о необходимости захвата политической власти не имеющим частной собственности пролетариатом и установление им своей диктатуры для введения общественной собственности на средства производства [3].

Отношение к этому положению стало исходным пунктом борьбы двух направлений в марксизме: реформистского (или социал-демократического) и революционного (или коммунистического), которые неоднократно демонстрировали свою непримиримость в ходе воплощения в жизнь своих политических и идеологических программ.

Список литературы

1. Туманов А.А. Проблематика правовой свободы в творчестве И. Канта // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20.

2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Перевод Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Напечатано в брошюре «Das Kommunistische Manifest. Neue Ausgabe mit einem Vorwort der Verfasser». Leipzig, 1872. Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. С. 18.

Раздел 2
Тенденции и перспективы развития
гражданского законодательства
и практики его применения

**ПОРЯДОК ПРИСВОЕНИЯ ИМЕНИ РЕБЕНКУ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

THE PROCEDURE FOR ASSIGNING A NAME
TO A CHILD IN MODERN RUSSIA

Абушова Анна Эльчиновна

студентка 4 курса

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Усова Екатерина Владимировна

канд. полит. наук,

заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Abushova A.

4rd year students

Astrakhan branch International law Institute

Astrakhan, Russia

Usova E.

head of Department of civil disciplines

Astrakhan branch International law Institute

Astrakhan, Russia

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию вопроса о праве ребенка на имя в Российской Федерации. Обращение к данной теме вызвано законодательными инициативами об ограничении права родителей называть детей нелепыми именами. Автор поддерживает инициатора законопроекта в том, что некоторые родители, присваивая ребенку нелепое имя, злоупотребляют своими родительскими правами и нарушают детские интересы и права.*

Abstract. *The article is devoted to the question of the right of children to a name in the Russian Federation. Turning to the subject caused by legislative initiatives restricting the right of parents to give their children ridiculous names. The author supports the initiator of the bill is that some parents, giving the child a ridiculous name, abuse their parental rights, and violate children's rights and interests.*

Ключевые слова: *права ребенка, право на имя, интересы ребенка.*

Key words: *the rights of the child, the right to a name, the child's interests.*

«Можно шутить с человеком,
но нельзя шутить с его именем»

Марина Цветаева

Имя является обозначением личности; оно отличает человека от других и связывает всю совокупность представлений о высших и внутренних качествах его носителя.

Неотъемлемым правом ребенка является право получить от родителей имя, отчество и фамилию. В соответствии с п. 1 ст. 7 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г. ребенок должен быть зарегистрирован сразу после рождения и с момента рождения имеет право на имя [1]. Аналогичные правила дублируются в Семейном кодексе РФ [2] и ФЗ от 15.11.1997 г. «Об актах гражданского состояния» [3]. Поскольку данное право относится к индивидуализации гражданина, поэтому, несомненно, является одним из основных прав человека. Полноценное осуществление ребенком, как и другим субъектом, своих прав недостижимо без использования имени.

Термин «имя» используется действующим законодательством как широкое (объемное) понятие, включающее в себя по общему правилу три компонента – собственное имя, отчество и фамилию. Несмотря на то, что право на имя относится к категории личных правомочий, тем не менее изначально оно реализуется не лично его обладателем, а, как правило, родителями ребенка при государственной регистрации его рождения. В исключительных случаях согласно п. 1, п. 3 ст. 19 и п. 1 ст. 19.1 Закона об актах гражданского состояния рассматриваемое право осуществляется уполномоченными органами или организациями (органами внутренних дел, органами опеки и попечительст-

ва, медицинскими организациями, воспитательными организациями, организациями социальной защиты населения). В данном случае речь идет о найденных (подкинутых) детях и детях, которые оставлены матерями сразу после родов при отсутствии документа, удостоверяющего личность роженицы.

Обычно имя дается ребенку по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов РФ или не основано на национальном обычае. Фамилия ребенка определяется фамилией родителей. Если родители имеют разные фамилии, то, по их соглашению, ребенку присваивается либо фамилия матери, либо отца, если иное не предусмотрено законами субъектов РФ. По сформировавшейся в России традиции ребенка часто записывают по фамилии отца. Если родители не могут прийти к соглашению относительно выбора имени или фамилии ребенка, спор между ними разрешается органами опеки и попечительства. Однако никаких объективных критериев для решения вопроса о выборе фамилии ребенку, при наличии спора по этому вопросу между его родителями и при прочих равных условиях (фамилия каждого из родителей благозвучна, отражает принадлежность к известному роду и т.п.) действующее законодательство не содержит. Исходя из принципа равенства прав родителей, каждый родитель вправе претендовать на присвоение ребенку его фамилии. Единственный критерий – интересы ребенка. Если родители не могут прийти к соглашению по поводу имени ребенка или его фамилии, то для разрешения проблемы они могут обратиться в орган опеки и попечительства (п. 4 ст. 58 СК РФ) [2]. В этом случае могут возникнуть два вида конфликтных ситуаций. Первый – когда конкуренция происходит между обычным именем и нетрадиционным. Этот вариант наиболее прост для разрешения, так как обычно сотрудники органа опеки и попечительства убеждают родителей, что ребенку с традиционным именем будет легче идти по жизни, комфортно находиться в детском коллективе. Второй – когда выбор стоит между обычными именами, например, Петр и Дмитрий, или между фамилиями мамы и папы. Здесь органу опеки и попечительства трудно будет найти аргументы в пользу того или иного имени, фамилии ребенка. Наверное, в такой ситуации цель деятельности органа опеки и

попечительства состоит не в выборе конкретного имени ребенку, а в попытке сгладить конфликт между родителями, уступить друг другу, найти компромисс. Поэтому формулировку норм российского законодательства по этому вопросу следует признать удачной.

В то же время на современном этапе возникла другая проблема по поводу присвоения ребенку имени. Родители, по обоюдному согласию, дают детям нетрадиционные, можно сказать, странные имена, которые вступают в противоречие с логикой и правилами русского языка. Поскольку закон наделяет правом родителей дать имя ребенку и возлагает на них эту обязанность, постольку нет правовых оснований органу ЗАГСА отказать в регистрации ребенка с нетрадиционным именем. Также с письменного заявления родителей (одиноким матери) может указываться имя, состоящее из двух, трех и более равноправных имен, которые пишутся через дефис. Более того, орган ЗАГС не вправе отказать в присвоении имени, выбранного родителями ребенка, на том основании, что оно не указано в справочнике личных имен или является сокращенным, уменьшительно-ласкательным.

Действующее законодательство Российской Федерации не содержит даже примерного перечня оснований для отказа в регистрации любого избранного по соглашению родителями собственного имени ребенка. Законодатель, наделяя родителей правом выбора имени ребенку и не закрепляя при этом каких-либо границ их усмотрения, исходит из презумпции разумности и добросовестности родителей, полагая, что они должны руководствоваться не только и не столько собственными интересами, сколько интересами ребенка.

Предполагаем, что при принятии решения о том, как назвать ребенка, родители действуют исходя из его интересов и задумываются о том, как «корабль поплывет». В соответствии со ст. 54 СК РФ ребенок имеет право на обеспечение его интересов [2]. Под интересами ребенка следует понимать его потребности в нормальной жизни, всестороннем развитии, уважении его индивидуальности и человеческих достоинств, надлежащем воспитании и содержании. В то же время действующее законодательство не содержит нормы, обязывающей родителей давать детям только те имена, которые явно не нарушают их интересы и пра-

ва. Закон также не уточняет, как поступать в случаях, когда факт такого нарушения очевиден и на лицо конфликт интересов родителей и детей в выборе имени последним.

Давая ребенку экзотическое имя, родители далеко не всегда отдают себе отчет в том, что он впоследствии может столкнуться из-за него с серьезными трудностями при оформлении документов или даже подвергнуться насмешкам среди окружающих – это особенно актуально для детского коллектива. Если обратиться к уже зарегистрированным необычным именам, становится ясно, что, скорее всего, принятие такого законопроекта действительно является актуальной мерой. По данным сайта столичного Управления ЗАГС, в период с 1998 г. в Москве появились дети с именами Будда-Александр, Принцесса Даниэлла, Николай-Никита-Нил. В Санкт-Петербурге зарегистрированы Эллада, Венеция, Август и Каин [4].

В каждом регионе ежегодно составляется статистика самых популярных и самых редких имен, которые регистрируются в ЗАГСах. В Москве в 2014 г. на свет появились Севастополь, Рассвет, Джаз, Сила, Византия и Луна. В Рязанской области некоторые дети получили имена Царица, Забава и Алмаз. А в Новосибирской области – Христиан, Цезарь, Северин, Весна, Айтач, Эсма-Ханым, Вега. Во Владимирской области нестандартными мужскими именами стали Граф, Серго, Чингиз, Добрыня, а женскими – Принцесса, Ляля и Владимира [5].

Нашумевшая история о мальчике с именем БОЧ рВФ 260602 (Биологический объект человека рода Ворониных – Фроловых, родившийся 26 июня 2002 г.), которого отказался регистрировать орган ЗАГСа Москвы, приобрела, новые обороты и стала одним из толчков к законодательной инициативе. Ведь ребенок на протяжении 14 лет живет без документов гражданина РФ, целесообразно в данном случае расширить полномочия органов опеки и попечительства, предоставить право забирать детей у таких родителей, а также законодательно закрепить право органов ЗАГС отказывать в регистрации «ненормальных» имен.

Попытки родителей поэкспериментировать над именем своего ребенка должны строго пресекаться, как это делается в ряде европейских государств. В свою очередь, Думский комитет по вопросам семьи, женщин и детей поддержал инициативу сена-

тора Валентины Петренко, в которой предлагается законодательно запретить органам ЗАГСа регистрировать имена, состоящие из числительных, аббревиатур, ненормативной лексики и цифровых обозначений. По мнению автора инициативы, родители, принимающие решение назвать своего ребенка настолько экстравагантным именем, злоупотребляют своими родительскими правами и нарушают детские интересы и права.

Идея правового баланса между правом родителей и правом ребенка на имя, которое не нарушало бы его собственные интересы, должна быть законодательно закреплена. «Полет фантазии» в выборе имени ребенку должен быть ограничен рамками реальности. Желание родителей «выделиться» или «сделать обществу вызов» никаким образом не должно быть реализовано за счет детей. Ведь цель рождения совсем не эта, не так ли?

Список литературы

1. Конвенция ООН «О правах ребенка» от 20.11.1989. Ратифицирована 13.07.1990. Вступила в силу с 15.09.1990 // СПС КонсультантПлюс.
2. Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ ред. от 30.12.2015 // Российская газета. 27.01.1996. № 17.
3. ФЗ «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ ред. от 30.03.2016 // Российская газета. 20.11.1997. № 224.
4. <https://versia.ru/>
5. <http://agv.mirtesen.ru/blog/>

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД: БУДУЩЕЕ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

HEREDITARY FUND: THE FUTURE OR REALITY?

Белякович Варвара Сергеевна

студентка 4 курса

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Лукьяненко Валерьяна Валерьевна

канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Belyakovich V.

4rd year students

Smolensk branch International law Institute

Smolensk, Russia

Lukyanenkova V.

candidate of science in law,

Associate Professor of Civil Law (general institute)

Smolensk branch International law Institute,

Smolensk, Russia

***Аннотация.** Данная научная статья посвящена истории создания и характеристике Нобелевского фонда. Охарактеризованы плюсы и минусы западной практики использования целевых капиталов. Рассматриваются нововведения в гражданском законодательстве Российской Федерации в области наследования, а именно введение наследственного фонда в нашей стране.*

***Abstract.** This scientific article is devoted to the history and characteristics of the Nobel Foundation. We characterize the pros and cons of the western practice of using endowments. Considered innovations in the civil legislation of the Russian Federation in the field of inheritance, namely the introduction of hereditary fund in our country.*

***Ключевые слова:** фонд, наследство, наследодатель, наследники, целевой капитал, наследственный фонд, наследственное имущество.*

Key words: The fund, inheritance, the testator, the heirs, endowments, fund of hereditary, ancestral property.

В наше время все чаще по телевидению или в прессе можно услышать слово «endowment», но мало кто знает его точное значение. Если дословно перевести этот термин на русский язык, то мы получим «целевой капитал», но даже данное словосочетание не каждому будет понятно и ассоциируемо с чем-то из нашей жизни [1, с. 329].

Уже давно во всем мире эндаумент или по-другому «целевой капитал» является самой эффективной формой благотворительности, потому что позволяет использовать финансовые инструменты инвестирования. Сделав пожертвование единожды, благотворитель создает систему, которая в дальнейшем продолжает свою работу на благо человечества. Данный механизм будет действовать и после смерти благотворителя.

Ярким примером эндаумента может послужить известный Нобелевский фонд, основанный 29 июня 1990 г. по завещанию Альфреда Нобеля, который был инженером-изобретателем. Фонд был создан для управления финансами Нобелевских премий. Сейчас в его задачи, помимо финансирования, входит организация и проведение Нобелевских симпозиумов, на которых обсуждаются открытия, имеющие социальное, научное и культурное значение. Ежегодно из этого фонда выплачиваются премии за научные достижения, изобретения и за вклад, вносимый в развитие общества.

В составленном завещании Альфред Нобель прописал, что после его смерти денежные средства должны быть использованы в определенных целях, а именно на присвоение ежегодных премий по химии, физике, медицине, литературе и миротворческой деятельности.

Изначально Нобелевский фонд включал в себя 94 % всего имущества изобретателя, а именно 31,6 млн. шведских крон, что приблизительно составляет 1,7 млрд. шведских крон в современной валюте. В завещании было указано, что на вручение премий должны выделяться только проценты, полученные на стоимость активов фонда. Согласно статистическим данным, к 2012 г. капитал фонда увеличился почти в два раза благодаря

привлечению новых пожертвований и эффективного управления и составил 3 миллиарда шведских крон или 326 млн. долларов США в наши дни [2].

При жизни Альфред Нобель тщательно продумал содержание своего завещания, и чтобы в дальнейшем не допустить банкротство своего фонда, он установил некоторые ограничения. Согласно воле завещателя, средства фонда можно было инвестировать только в «безопасные ценные бумаги», то есть государственные облигации с фиксированной процентной ставкой по тем временам. Вторым условием являлось то, что нобелевские премии должны были выплачиваться не с основного капитала фонда, а только с процентов. В 1950-х гг. попечительским советом Нобелевского фонда данные ограничения были отменены. До конца 1990 г. размер премий рос в соответствии с увеличением доходов фонда, то после 90-х гг. увеличился более чем на четверть. Скорее всего данный скачок можно объяснить тем, что члены попечительского совета хотели достигнуть цифры в 10 млн. крон.

Первые пятьдесят лет управления Нобелевским фондом характеризуются высоким уровнем налогообложения на доходы от инвестиций, в 1915 г. ставка налогообложения достигла 20 %. Только в 1946 г. Нобелевский фонд был освобожден от налогов, что прямо привело к увеличению нобелевских премий.

Премия не может быть присуждена совместно более чем трем лицам, может быть присуждена посмертно, при условии, что кандидат был жив в момент объявления о присуждении ему премии, но умер до 10 декабря текущего года.

2008 г. для Нобелевского фонда является самым неудачным. По итогам доходность инвестиций составила – 19 %, но, несмотря на это, 50 млн. шведских крон были выплачены в полном объеме. Средняя годовая доходность фонда за последние 10 лет составляет 2,23 %, а суммарные расходы на премии превышают 4 % в год. Если ничего не предпринять и не уменьшить расходы, то капитал в 2,83 млрд. крон закончится к 2046 г. Сложность заключается в том, что Нобелевский фонд не пополняется за счет пожертвований.

Обратимся к Российской Федерации. В нашей стране развитие целевых капиталов находится на начальной стадии своего

пути. Ярким примером негосударственного целевого фонда в России может послужить эндаумент Московского государственного института международных отношений, который составляет 1 млрд. 410 млн. российских рублей или 23 млн. долларов США [3].

В России фонды целевого капитала выделены в отдельную группу, они не являются ни благотворительными, ни коммерческими организациями. Стоит обратить внимание, что в нашей стране отсутствует государственная поддержка целевых фондов в виде грантов, субсидий. Главным фактором, являющимся препятствием к глобальному развитию эндаумента, является отсутствие налоговых льгот, что дало бы существенный толчок для компаний к осуществлению поддержки социальных и благотворительных программ.

Можно отметить небольшой прорыв в 2013 г. в данной области, когда от Министерства экономического развития Российской Федерации последовало предложение ввести льготы для наших юридических лиц на пожертвования, из которых бы формировался целевой капитал. Предлагаемый вычет не должен превышать 1 % от налогооблагаемого дохода. Но данный вопрос еще находится на стадии обсуждения и данная льгота пока не прошла межведомственных согласований.

На примере многолетнего существования того же Нобелевского фонда хотелось бы выделить ряд советов относительно дальнейшего развития и существования эндаументов в нашей стране:

1) необходимо ввести для юридических лиц налоговые льготы, которые способствовали бы привлечению средств в целевые капиталы и увеличивали размер фондов;

2) давать возможность инвестирования в недвижимость и хедж-фонды, которая позволила бы добиться более высокого дохода от инвестирования. Однако данный способ довольно рискован, так как может привести к большим потерям. Так как для нашей страны эндаумент является новым институтом, то большинство фондов вкладывают капитал в облигации и размещают свои денежные средства на депозитах в банках. Данный фактор вполне объясним в связи с высокой волатильностью рынка и экономической нестабильностью;

3) согласно практике российских фондов, они стремятся от 5–10 % эндаумента на финансирование проектов, в то время как в зарубежных странах на расходы фонда используется 4 %.

7 июня 2016 г. Государственная Дума РФ рассмотрела в первом чтении законопроект № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (в части совершенствования наследственного права). На сегодняшний день в Российской Федерации предлагается ввести еще одну форму посмертного распоряжения. Речь идет о создании так называемого фонда по управлению имуществом по аналогии с фондом Нобеля.

Целями законопроекта являются расширение возможностей наследодателя в сфере выражения им завещательных распоряжений, упрощение процедуры принятия наследства, повышение эффективности принимаемых мер по охране наследуемого имущества и управления наследственной массы до принятия наследниками имущества.

Согласно данному законопроекту любой гражданин может создать фонд, в уставе которого должно быть прописано, как он будет управляться: в течение определенного срока или бессрочно. После смерти наследодателя условия управления таким фондом не могут быть изменены. В этих условиях может быть прописана передача всего или части имущества третьим лицам, в том числе при условии наступления обстоятельств, относительно которых неизвестно, наступят они или нет, то есть определить посмертную судьбу наследуемого имущества.

Данные нововведения направлены на недопущение бессмысленной растраты наследственного имущества, в том числе крупных имущественных комплексов, долей в обществах. Данные изменения не дадут позволить потерять контроль над акциями, при его разделе наследниками, которые в большинстве случаев неспособны управлять ими.

Давайте разберемся поподробнее. При жизни наследодатель создает наследственный фонд, в котором находятся все его активы, контролирует и управляет им. После смерти учредителя фонда он будет управляться согласно правилам, прописанным в уставе. Наследникам уже не будет предоставляться возможность их изменить, что вполне является логичным. Законом устанав-

ливаются требование к наследственным фондам об опубликовании отчетности об использовании имущества.

Но что делать с реализацией данного нововведения? Приживется ли наследственный фонд в нашей стране? На данный момент больше вопросов, чем ответов:

Во-первых, противоречие самого института наследственного, а в дальнейшем семейного фонда принципам создания, функционирования и целям организаций подобного типа, установленным законодательством.

Во-вторых, после смерти наследодателя невозможно внесение изменений в условия управления фонда наследниками.

В-третьих, не затронуты вопросы налогообложения ни самого имущества, входящего в наследственный фонд, ни выплат, которые будут проводиться фондом.

В-четвертых, остается противоречивость данного нововведения и уже существующих норм о наследовании. Например: согласно действующему гражданскому законодательству, существует перечень лиц, имеющих обязательную долю в наследстве, однако данный вопрос не затронут в отношении наследственного фонда.

В-пятых, в законопроекте не рассмотрены вопросы имущественной ответственности фонда по долгам самого учредителя или ответственности перед бенефициарами.

В российском юридическом сообществе мнения относительно данного нововведения разошлись. Так, депутат Государственной Думы VII созыва Павел Крашенинников пояснил, что в отличие от узкоспециализированных фондов, используемых только для передачи бизнеса наследникам, предлагаемые в проекте фонды могут быть использованы российскими гражданами и для организации благотворительной деятельности, в том числе и после смерти основателя фонда. Наиболее известным примером такого вида фонда за рубежом является фонд Альфреда Нобеля, из которого выплачиваются знаменитые нобелевские премии [4].

С противоположным мнением высказалась Наталья Назарова, которая является юристом по семейному праву консалтинговой компании «Heads», заявив, что предложенные поправки не носят абсолютный характер, а лишь являются способом разрешить некоторые процедурные моменты, при этом не меняя сущ-

ностных проблем. По ее мнению, в случае одобрения законопроекта, станет более трудозатратным и будет занимать больше времени, что «лишь усугубит занятость судов, которые и так перегружены». Также следует помнить про время, которое займет переход от одной системы к другой, что также отразится на простых гражданах [5].

Можно обратиться к мнению эксперта центра «Общественная Дума», юриста Павла Ивченкова относительно новой системы фондов: «Вряд ли она получит широкое распространение даже среди обеспеченных граждан. Причина в том, что российское законодательство слишком часто меняется, поэтому многие предпочитают осторожно использовать юридические новации, позаимствованные у иностранных государств, поскольку их дальнейшая судьба не определена» [6].

Значение данных изменений в области наследования понятно. Впервые за последние годы вносятся такие существенные новеллы, которые сближают нас с практикой западных стран, в которых данный институт существует уже многие десятилетия. Данные нововведения подтверждают особый режим наследования значительных состояний в российской юрисдикции.

Список литературы

1. Тихонович Л.А., Лыскова М.Ф. Большой англо-русский словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2000.
2. Эндаументы: пример фонда Нобеля: <http://philanthropy.ru/analysis/> (дата обращения: 16.12.2016).
3. Эндаумент МГИМО: <http://fund.mgimo.ru/> (16.12.2016).
4. <https://ria.ru/economy/20160607/1444095704.html> (дата обращения: 13.12.2016).
5. <http://www.notaries-crimea.ru>
6. <https://www.pnp.ru/social>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА

SOME ASPECTS OF DEVELOPMENT OF CIVIL
LEGISLATION IN THE FIELD OF BANKRUPTCY

Бувайлик Станислав Игоревич

студент 4 курса

Международный юридический институт
Ивановский филиал

Столяров Дмитрий Анатольевич

канд. истор. наук, доцент

Международный юридический институт
Ивановский филиал

Buvailik S.

4th year student,

The Ivanovo branch of the International
law Institute,
Ivanovo, Russia

Stolyarov D.

associate Professor of the Ivanovo branch
of the International juridical Institute, PhD in history
Ivanovo, Russia

***Аннотация.** Статья посвящена некоторым аспектам (пробелам) развития гражданского законодательства в сфере банкротства физических и юридических лиц. Анализируются некоторые поправки в Федеральный закон № 127 «О несостоятельности (банкротстве)».*

***Abstract.** The article is devoted to some aspects (gaps) development of civil legislation in the sphere of bankruptcy of physical and legal entities. Analyzed certain amendments to the Federal law № 127 «About an inconsistency (bankruptcy)».*

***Ключевые слова:** банкротство, государство, законодательство, физические лица, юридические лица.*

***Key words:** bankruptcy, state, law, individuals entities, legal entities.*

Банкротство (несостоятельность) физических и юридических лиц регулируется двумя ведущими нормативно-правовыми актами в сфере банкротства – Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В октябре 2015 г. в ст. 25 были внесены поправки. Так, произошло переименование понятия несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей на несостоятельность (банкротство) физических лиц. В ст. 25 ГК РФ закреплено понятие несостоятельности (банкротства) физического лица: «гражданин, который не способен удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, может быть признан несостоятельным (банкротом) по решению арбитражного суда» [2]. Статья 46 ГК РФ гласит, что юридическое лицо, за исключением определенных организаций, может быть признано несостоятельным (банкротом) по решению арбитражного суда. Данная статья имеет ссылочный характер к № 127-ФЗ. Таким образом, нормативно-правовой акт содержит в себе процедуру банкротства соответствующих лиц.

Законодательство, в том числе федеральный закон, касающийся банкротства, находится в стадии реформирования. С 2015 г. был расширен круг лиц, которые могут обратиться с заявлением в арбитражный суд: «должник, конкурсный кредитор, уполномоченные органы, а также работник, бывший работник должника, имеющие требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда» [5]. Законодатель частично дополнил субъекты, возможно, из второй очередности удовлетворений требований кредиторов по текущим платежам. Существуют пять очередностей удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам, которые прописаны в ст. 134 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а требование кредиторов оплачивается в трех очередностях. «В отношении должника – юридического лица, действующим законодательством о банкротстве предусмотрено не только право на обращение в суд с заявлением о признании его банкротом, но при определенных обстоятельствах и обязанность» [1, с. 82]. Говоря о банкротстве юридических лиц, с одной стороны, дополнение является положительным в том плане, что человек защищен законодательно и может требо-

вать свои права, не дожидаясь полного банкротства организации. С другой стороны, добившись банкротства юридического лица, работник получит денежные средства только во второй очереди.

Законодатель установил, что заявление о признании банкротом юридического лица принимается, если требования к должнику составляют не менее чем 300 тыс. рублей. Данная сумма была увеличена со 100 тыс. рублей. Верно ли законодатель установил данную норму, выраженную в сумме? Следует учесть тот факт, что существуют особенности механизма ликвидации отдельных категорий должников, например банкротство: кредитных организаций, естественных монополий, сельскохозяйственных организация и т.д. Например, к последней организации применяются требования, для возбуждения производства по делу о банкротстве сумма должна составлять не менее 500 тыс. рублей.

По статистике за сентябрь 2014 г. прекратили свою деятельность 3432847 организаций, из которых 200808 ликвидированы в порядке банкротства – это 5,8 % от всех видов прекращения (ликвидация, реорганизация, иные основания, исключение ЮЛ по решению регистрирующего органа ЕГРЮЛ, банкротства); за сентябрь 2015 г. зарегистрировано 3750529, из которых 211350 (5,6 %) прекратили деятельность путем банкротства; в сентябре 2016 г. прекратили свою деятельность 4342774 [7] организаций, 220862 (5 %) путем банкротства, данные показывают банкротства коммерческих организаций. Данная статистика показывает, что, с одной стороны, прекращение путем несостоятельности (банкротства) понижается, но увеличивается численность организаций. Так стоит ли законодателю увеличивать сумму о признании банкротства юридического лица? Возможно, одним из факторов является то, что данная сумма не соразмерна для коммерческих организаций. Выражается в том, что возрастает обращение в суд с заявлением о банкротстве, но по статистике «за 2010–2011 гг. снижение составило 22,8 % (2009 г. – 35 545; 2010 г. – 33 270; 2011 г. – 27 422), но в 1-м полугодии 2012 г. этот показатель значительно вырос – на 13,7 %» [3, с. 155]. С октября–декабря 2015 г. начался спад банкротства, но при снижении банкротства юридических лиц должна интенсивно возрастать при-

быль по доходу. Проводя некий анализ между январем–октябрем 2015 г. и январем – декабрем 2014 г., прибыль увеличилась всего лишь на 5 %. Данный минимальный рост понятен, практически с этого времени начался кризис и, соответственно, началось производство на самокупаемость.

В соответствии с № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» компания, объявившая себя банкротом, до исключения из ЕГРЮЛ передается под руководство арбитражного управляющего. На каждой стадии банкротства арбитражным судом назначаются разные управляющие (временный, административный, внешний и конкурсный). У данных лиц практически разные функции, но цель одна – постараться сохранить юридическое лицо любыми законными способами. Это – основа законодателя, но так ли это? Законодатель предусмотрел практически все в ФЗ «О банкротстве», но лица (кредиторы), впервые столкнувшись с банкротством должника, недооценивают силу законодательства о банкротстве. В той проблематике, что если сумма долга меньше чем у предшествующих лиц, подавших заявление о включении в реестр, шанс на получение денег минимален, или вообще нет. Данное мнение является ошибочным.

Кредиторы в большей степени сталкиваются со злоупотреблением лиц, участвующих в процедуре банкротства. С назначением арбитражного управляющего лица, которые имели отношение к управлению, отстраняются от ведения дел, и практически вся «власть» находится у лица, которого назначил арбитражный суд. Законодатель допустил ошибку: суд может контролировать процесс только путем отчетности самого управляющего. В законодательстве прописано, что внешний управляющий может продавать предприятие как в целом (путем торгов и в электронной форме), так и продавать часть имущества должника в электронной форме. Законодателем разрешено предоставить внешнему управляющему возможность нанимать специалистов для определенных решений вопросов, тем самым оплачивая их работу. Может ли внешний управляющий путем продажи предприятия «провести деньги не через кассу»? Данный вариант возможен из-за некоего пробела в законодательстве.

Банкротство юридических лиц происходит путем разорения организации, включающее в себя: несовершенную конкурен-

цию; не построенную работу сотрудников в профессиональном уровне; финансовую способность населения (данная способность зависит от экономики государства). В большинстве случаев кредиторы не заинтересованы в финансовом оздоровлении организации должника.

Банкротство физических лиц – это новелла в гражданском законодательстве РФ, которая получила нормативное закрепление с 1 октября 2015 г. Данные поправки регулируют банкротство физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Гражданин, конкурсный кредитор и уполномоченный орган могут подать заявление о признании гражданина банкротом, если соблюдены несколько условий (правил):

1) сумма требования к гражданину составляет не менее 500 тыс. рублей;

2) указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены.

Видно, что у физических лиц сумма, с которой может быть подано заявление о признании банкротства выше, чем у юридического лица, если учесть тот факт, что юридическое лицо в финансовой степени более устойчиво. Важно, что законодатель установил для гражданина срок обращения в суд, который равен тридцати рабочим дням, когда он узнал или должен узнать о невозможности исполнения обязательств. Банкротство физических лиц практически аналогично с банкротством юридических лиц по структурированию. Выражается оно в том, что у физических и у юридических лиц много общего в процедуре банкротства: способ условий подачи заявлений на банкротство; назначение арбитражным судом управляющих; оспаривание сделок; порядок удовлетворения требований кредиторов (очередности). Отличительной особенностью является цель банкротства: у физических лиц – погашение долгов, а у юридических лиц – сохранение фирмы (данная цель по закону).

Банкротство физических лиц содержит в себе очевидные преимущества:

1. Приостанавливаются все штрафные санкции по любым договорам (в основном это кредитные договоры).

2. Приостановка имущественных взысканий.

3. В том случае, если в совокупности имущества не хватит для погашения долгов, то остаток долга признается безнадежным.

4. По закону дело о банкротстве может быть возбуждено после его смерти или объявления его умершим.

Данные факторы играют положительную роль для гражданина. Отрицательная сторона выражается в том, что:

1) при банкротстве можно потерять все, в том числе и единственное жилье, т.е. в конкурсную массу входит все имущество за исключением некоторых вещей (государственные награды, призы и вещи индивидуального пользования);

2) судом назначается финансовый управляющий, который проводит определенные процедуры с имуществом гражданина и тем самым гражданин не может управлять своим имуществом;

3) «в течение пяти лет с даты признания гражданина банкротом он не имеет права принимать на себя обязательства по кредитным договорам и (или) договорам займа без указания на факт своего банкротства» [4, с. 247];

4) после банкротства в течение 3 лет гражданин не вправе занимать должности в органах управления юридического лица;

5) гражданин может освободиться от обязательств только один раз в пять лет. Как видно, отрицательных сторон больше, чем положительных.

Существуют и неясности в ФЗ № 127, парадокс выражается в процедуре реструктуризации долгов гражданина, законодатель уточнил, сказав, что она «может быть представлена» и создал соответствующие требования. Следовательно, ее может и не быть, тем более что на момент предоставления плана требования не будут соответствовать положениям, которые указаны в ст. 213 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Статистика процедуры банкротства физических лиц на 1 марта 2016 г. составляет 3598, из которых процедура реализации имущества составляет 2386 (66,4 %), а процедура реструктуризации задолженности составляет 1212 (33,6 %). На 1 ноября 2016 г. равняется 18846, из них процедура реализации имущества – 13233 (70,2 %), процедура реструктуризации задолженности составляет 5613 (29,8 %). Статистика показывает, что процедура банкротства растет с каждым месяцем, нельзя сказать, что данная тенденция положительная для государства.

Группа сенаторов подготовила законопроект, который запрещает гражданам-банкротам занимать должности на государственной службе. В соответствии со ст. 57 Конституции РФ все обязаны платить законно установленные налоги. По словам члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ Владимира Полетаева, «занимать государственные должности должны люди с безупречной репутацией» [6]. Тем самым, следовательно, предлагается ограничить права граждан в соответствии со ст. 37 Конституции РФ: «Граждане РФ имеют право участвовать в управление делами государства, как непосредственно, так и через своих представителей». В соответствии с данной статьей граждане РФ имеют равный доступ к государственной службе (кроме исключений недееспособных, признанных судом, и лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы). Соответственно, данный законопроект ущемляет права граждан. В ФЗ № 127 существуют и так множество ограничений, для которых существуют определенные сроки, например, в течение трех лет гражданин не может занимать должности в органах управления юридических лиц.

Таким образом, институт банкротства физических лиц в гражданском законодательстве находится в последнее время в состоянии перманентного реформирования, что отражает необходимость устранения существующих в данной сфере правовых пробелов.

Список литературы

1. Володкина А.И. Особенности возбуждения дел о банкротстве граждан // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2016. № 3.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. № 51-ФЗ 30.11.1994 (ред. от 3.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 2.10.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 3.07.2016).
3. Шепелев О.М., Кондраков О.В. Банкротство юридических лиц и экономическая безопасность региона / Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 6.

4. Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): Избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др. М.: Статут, 2016.

5. Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 (ред. от 3.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.09.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата посещения 16.11.2016).

6. Парламентская газета. <http://www.pnp.ru/politics/2016> (дата посещения: 10.11.2016).

7. Вестник государственной регистрации <http://www.vestnik-gosreg.ru/> (дата посещения: 16.11.2016).

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СУПРУГОВ КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО ПРАВА

JOINT WILL OF THE SPOUSES, AS A NEW
INSTITUTION OF THE RUSSIAN LAW

Васильева Анастасия Андреевна

студентка 4 курса

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Шендорова Оксана Борисовна

студентка 4 курса

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Лукьяненко Виктория Валерьевна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Vasilyeva A.

4rd year students

Smolensk branch International law Institute

Smolensk, Russia

Shendorova O.

4rd year students

Smolensk branch International law Institute

Smolensk, Russia

Lukyanenkova V.

candidate of science in law,

Associate Professor of Civil Law (general institute)

Smolensk branch International law Institute,

Smolensk, Russia

Аннотация. Автор рассматривает в статье введение нового института в российское законодательство – совместное завещание супругов. Проводит анализ введения законопроектом

изменений в раздел наследственного права Гражданского кодекса Российской Федерации. В статье приводятся много примеров из зарубежного опыта, где автор наглядно иллюстрирует плюсы и минусы введения нового института в гражданское законодательство.

***Abstract.** The author considers the introduction of a new institution in the Russian legislation – a joint will of spouses. Analyses of the introduction of the bill changes to the section inheritance law of the civil code of the Russian Federation. The article provides many examples from international experience, where the author illustrates the pros and cons of the introduction of a new institution in civil law.*

***Ключевые слова:** совместное завещание супругов, законопроект, брак, имущество, супруги.*

***Key words:** joint will of spouses, draft law, marriage, the property, married couple.*

В настоящее время активно реформируется гражданское право путем внесения соответствующих изменений в Гражданский кодекс РФ и другие законы. Несмотря на то, что наследственное право является одной из наиболее стабильных отраслей российского права, законодатель нацелен на внесение изменений в регулирование отношений наследования.

В гражданском законодательстве РФ отсутствует такое понятие, как «Совместное завещание супругов». На сегодняшний день завещание является односторонней сделкой, в которой содержится распоряжение только одного гражданина. Совершение завещания двумя или более гражданами не допускается [3].

Однако 26 мая 2015 г. был внесен в Государственную Думу РФ законопроект № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], который еще находится на стадии рассмотрения в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации.

Данный законопроект предусматривает введение в отечественную гражданскую правовую практику, а именно в ст. 1118 п. 4 ГК РФ, нового понятия как «Совместное завещание супругов» [1].

Указанный институт наследственного права не был характерен ни для дореволюционного, ни для советского периодов развития российского права. Однако совместное завещание супругов характерно для источников права в зарубежных странах, например, в таких как Англия, Германия, Франция, США, Китай.

Согласно тексту законопроекта: «Завещание может быть совершено одним гражданином, а также гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в зарегистрированном браке» – (совместное завещание супругов).

Совместное завещание супругов определяет порядок перехода прав на общее имущество супругов или имущество каждого из них в случае смерти каждого из них, в том числе в случае их смерти в одно и то же время, к пережившему супругу или иным лицам, а также может содержать иные распоряжения супруга или супругов, в частности, условие о назначении душеприказчика (душеприказчиков), действующего в случае смерти каждого из супругов.

В законопроекте предлагается, что совместное завещание супругов утрачивает свою силу с прекращением брака до смерти одного из супругов, а также в случае последующего совершения завещания одним из супругов.

Законопроект устанавливает новую обязанность для нотариуса. А именно нотариус, удостоверивший завещание одного из супругов или принявший закрытое завещание одного из супругов, совершенные после совместного завещания супругов, обязан уведомить о факте совершения такого завещания другого супруга.

К супругам, совершившим совместное завещание, применяются правила ГК о завещателе.

Таким образом, из вышеизложенного можно выделить следующие особенности «Совместного завещания супругов»:

1) совместное завещание супругов может быть заключено гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в зарегистрированном браке;

2) в совместном завещании супруги могут распорядиться как своим общим имуществом, так и своим личным имуществом;

3) в совместном завещании может быть установлено отступление от общего правила ст. 1150 ГК РФ о том, что переживший супруг приобретает половину общего имущества супругов;

4) совместное завещание супругов утрачивает свою силу:

- а) с прекращением брака до смерти одного из супругов (за исключением смерти);
- б) с признанием брака недействительным;
- в) с отменой его путем составления нового завещания одним из супругов.

5) в случае отмены совместного завещания путем составления нового завещания одним из супругов нотариус обязан уведомить об этом другого супруга.

Например. Муж и жена имеют недвижимость, так как она приобретена в период брака, на нее распространяется режим совместной собственности, то есть каждому из них принадлежит 50 %.

В случае смерти одного из супругов, другой вправе распоряжаться своей долей, а также той частью, которая перешла к нему по наследству.

Если супруги пришли к единому мнению относительно судьбы какой-либо вещи после их смерти, то могут составить общее завещание.

Порядок наследования в такой ситуации следующий: после смерти одного из супругов его доля полностью переходит другому супругу. Но на нее автоматически накладывается арест, то есть отчуждение не допускается.

После смерти второго супруга вещь переходит тому наследнику, которого определили в совместном завещании. Отказаться от такого документа супруги вправе, только когда оба из них живы. После смерти одного из них вносить какие-либо корректировки невозможно.

Совместное завещание супругов составляется по общим правилам ГК РФ. Оно должно быть заверено у нотариуса. В противном случае данный документ будет признан недействительным. Отмена или изменение положения соглашения также производится в нотариальном порядке.

В завещании должно быть указано имущество, которое находится в совместной собственности супругов и будет передано общим наследникам. Также в нем определяют доли каждого из наследников, если таковых несколько.

Отмена совместного завещания документов, который составил один из супругов, не допускается. Вообще, внесение каких-

либо корректировок допускается только до смерти одного из супругов. После нее – все операции признаются недействительными.

Совместное завещание супругов является новой теоретической категорией для российского правоприменителя. Однако данный институт успешно реализован в зарубежных странах. Механизм передачи имущества по наследству предусматривает в первую очередь передачу его второму супругу после смерти одного из них, а только затем непосредственно наследнику. Долгое время совместные завещания были уникальным немецким явлением. Однако в настоящее время они применяются во многих развитых странах [4].

В Англии такие завещания считаются договорами. По данному соглашению один из супругов обязуется не распоряжаться имуществом иным образом, чем тем, который предусмотрен в совместном завещании. Кстати, при жизни они могут изменять условия данного договора. Суд после смерти одного из супругов признает второго – трастовым управляющим, который использует вещи в пользу будущих наследников.

Например, в Германии данная правовая категория существует достаточно давно, со времен Баварских уложений 1703 г. В Германии совместное завещание супругов называется «берлинским». Статья 2265 Германского гражданского уложения (далее по тексту – «ГГУ») предусматривает право граждан составить совместное завещание. Граждане могут воспользоваться данной возможностью только в том случае, если они состоят в браке (являются супругами).

Таким образом, из вышеизложенного можно выделить следующие плюсы совместного завещания супругов:

1) возможность распорядится общим имуществом единообразно, не разделяя его на доли и вызывая затруднения в процедуре наследования;

2) воля наследодателей будет точно исполнена, нет риска того, что кто-то из супругов после смерти другого решит изменить свою волю;

3) возможность изменить завещания, но сделать это нужно до смерти супруга. То есть пока живы муж и жена они могут преобразовать свою волю в любое время;

4) супруги могут составить новый документ, например, изменив наследника, или же оформить распоряжение на отмену. В любом случае необходимо будет обратиться к нотариусу;

5) введение в гражданско-правовую практику совместного завещания предоставляет гражданину больше способов распорядиться своим имуществом на случай смерти;

6) принцип свободы завещания в части возможности отмены сохраняет свое действие. Любой из супругов вправе передумать и заявить об отмене совместного завещания;

7) указанные институты функционируют в различных государствах достаточно долгое время, а значит, зарекомендовали себя. В Германии около 50 % завещаний приходится на совместные завещания супругов, а наследственный договор заключают около 5 % наследодателей.

Феномен совместных завещаний (joint will) хорошо известен мировой правовой науке. Совместные завещания давно существуют в Германии, с 2006 г. появились во Франции и т.д. Вместе с тем ряд государств, в частности Нидерланды и Испания последовательно запрещают совместные завещания. В чем здесь проблема? Почему же многие страны по-прежнему придерживаются римских начал и не признают совместных завещаний?

Из вышеизложенного и зарубежного опыта можно выделить следующие минусы совместного завещания супругов:

1) даже если супруги составили совместное завещание, обязательную долю в наследовании никто не отменяет;

2) в случае отмены совместного завещания одним из супругов отпадают обусловленные распоряжения второго супруга. Аналогичный эффект наступает вследствие прекращения брака, поскольку предполагается, что та близость, которая связывала лиц, утрачена;

3) если составлено совместное завещание супругов относительно общей совместной собственности, а затем один из супругов составляет завещание уже относительно личной собственности, не упоминая при этом про совместную собственность, то первое завещание (т.е. совместное завещание) будет признано недействительным;

4) присутствует отступление законодателя от двух основополагающих принципов наследственного права: принцип свободы

завещания и принцип тайны завещания. Составляя классическое завещание, завещатель ни с кем и ни о чем договариваться не обязан. Необходимым условием совместного завещания является появление «обоюдного усмотрения (согласия)» относительно смертной судьбы имущества. В супружеской паре, как правило, кто-то доминирует. Это может сказаться на свободе формирования воли «подвластного» супруга при составлении совместного завещания. Вот, на наш взгляд, основная причина запрета совместных завещаний многими современными правопорядками. Информацию о классическом завещании вправе раскрывать только сам завещатель. Законодатель предлагает возложить на нотариуса обязанность информировать супруга о факте составления завещания, если завещатель ранее составлял совместное завещание.

Непонятно, почему в данном случае совместное завещание должно прекращаться и по каким причинам закон предписывает нотариусу нарушить тайну завещания? А ведь тайна завещания является одним из основополагающих принципов и призвана защищать, применительно к принципу свободы завещания, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну граждан;

5) отмена классического завещания также целиком и полностью находится в руках завещателя. В случае с совместным завещанием прекращение его действия законодатель связывает не только с отменой, сделанной одним из супругов, но и с прекращением брака, за исключением прекращения вследствие смерти, а также с признанием брака недействительным;

б) немецкие нотариусы настоятельно не рекомендуют своим клиентам выбирать такую форму завещания. Дело в том, что если брак не был расторгнут на момент смерти первого из супругов либо завещание не было отменено, переживший супруг попадает в ситуацию, которую можно охарактеризовать термином «кабала». В качестве наглядного примера можно продемонстрировать реальную жизненную ситуацию молодой семейной пары, у которой родился ребенок – аутист. Находясь под воздействием психологической травмы, родители ребенка-инвалида поклялись его не бросить и даже составили на ребенка совместное завещание на все имущество. В Германии, к слову сказать, совместная собственность не является законным режимом имущественных отношений супругов. Классическое совместное за-

вещание распространяется как на общее имущество супругов, так и на имущество каждого из них. Далее история этой семьи была такова: супруг очень скоро погиб в автокатастрофе, а молодая женщина получила пожизненное ограничение на распоряжение всем имуществом, какое только она имеет или приобретет в течение всей жизни. При этом переломить ситуацию с правовой точки зрения невозможно;

7) переживший супруг, принявший наследство, и который после своей смерти должен будет передать все указанному в завещании наследнику, в силу различных причин к моменту своей смерти может и не сохранить предполагаемой при составлении совместного завещания наследственной массы. Для случаев предотвращения возможных злоупотреблений со стороны пережившего супруга законодательства стран, признающих совместные завещания, предусматривают защитные механизмы (внесение в реестр недвижимости запрещений, возможность оспаривания сделок и др.). В положениях же законопроекта не содержатся существующие в Германском гражданском уложении способы защиты от злоупотреблений со стороны пережившего супруга.

В заключение хотелось бы сделать следующий вывод:

Совместное завещание является востребованным институтом в других странах. Оно позволяет обоим супругам одновременно своей общей волей определить порядок распределения имущества после их смерти. В общем виде введение института совместного завещания супругов опирается на немецкую модель совместного завещания супругов.

При введении нового института в гражданский оборот появляется необходимость очень четкого законодательного регулирования, не должно быть «пробелов и коллизий», которые бы стали своеобразными «лазейками» для возможности несоблюдения воли умершего супруга.

Стоит также отметить, что при рецепции новых институтов права, действующих в иностранных государствах, необходимо обращать внимание на общие положения российского законодательства и правоприменительную практику РФ, а также целесообразно опереться и на негативный опыт зарубежных стран,

чтобы создать условия для удобного и понятного правоприменения новых норм – новелл.

Необходимо еще раз внимательно взглянуть на законодательную инициативу по изменению устоявшихся веками правовых институтов, на предмет целесообразности и положительной динамики развития наследственного права в России.

В данном случае необходимо подойти более детально к регулированию такого института права, как «совместное завещание супругов», а также согласовать внедрение данного института в Гражданский кодекс с учетом положений об односторонних сделках и общих положениях о завещании.

Мы полагаем, что для введения института совместного завещания супругов необходимо детально проработать фундаментальные вопросы, так как появление нового института в гражданском законодательстве повлечет за собой серьезные последствия.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 3.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.09.2016) // СПС Консультант Плюс.

2. Проект Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в ч. 1, 2 и 3 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.05.2015).

3. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 3 / М.М. Богуславский [и др.]. Электронные текстовые данные. М.: Статут, 2011.

4. Международное частное право. Т. 2. Особенная часть: Учебник / Е.А. Абросимова [и др.]. Электронные текстовые данные. М.: Статут, 2015.

СИСТЕМА ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

THE SYSTEM OF AGREEMENTS IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY

Гончарова Ольга Николаевна

студентка 3 курса

ОУ ВО Смоленский гуманитарный университет

Сирик Наталия Валериевна

канд. юрид. наук,

доцент, зав. кафедрой гражданского права

Смоленский гуманитарный университет

Goncharova O.

3rd year student,

OU IN «Smolenskiy

humanitarian University»

Smolensk, Russia

Siryk N.

candidate of legal Sciences,

associate Professor, head.DEP. civil rights SGU

Smolensk, Russia

***Аннотация.** В данной статье рассматривается правовая природа договоров в сфере интеллектуальной собственности, а именно договора об отчуждении исключительных прав на объект интеллектуальной собственности и лицензионный договор, предусматривающий передачу прав на результат интеллектуальной деятельности. Цель работы – раскрыть сущность вышеуказанных договоров. По итогам произведенного анализа была выявлена сущность договоров и их место в системе договоров в сфере интеллектуальной собственности.*

***Abstract.** This article examines the legal nature of agreements in the field of intellectual property, namely the agreement on alienation of exclusive rights to intellectual property and license agreement providing for the transfer of rights to results of intellectual activities. The aim of this work to reveal the essence of the above contracts.*

According to the results of the performed analysis revealed the nature of treaties and their place in the system agreement in the field of intellectual property.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, договор об отчуждении исключительных прав, лицензионный договор.

Key words: intellectual property, the contract on alienation of the exclusive rights license agreement.

С момента распада СССР заметно возросла роль гражданско-правовых договоров в формировании рыночных отношений. Это же относится и к договорам в сфере интеллектуальной собственности. Именно они стали теми документами, которыми наравне с нормативными правовыми актами надлежало урегулировать общественные отношения, связанные с интеллектуальной собственностью, в новых условиях.

Вступление ч. 4 ГК РФ в законную силу сыграло важную роль в регулировании договорных отношений по поводу прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

«Нормы о договорах в сфере интеллектуальной собственности с принятием ч. 4 ГК РФ впервые предстали именно как система (от греч. *systema* – целое, составленное из частей; соединений) множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство. Предпринятые законодателем усилия по единообразному построению этой системы – вне зависимости от вида объектов, права на которые передаются в рамках договорных отношений, следует считать положительным для построения отношений в сфере индивидуальной собственности» [4, с. 44].

Одним из главных вопросов при установлении системы договоров в сфере интеллектуальной собственности является уяснить, какое место занимают нормы о договорах в сфере интеллектуальной собственности в общей системе гражданско-правовых договоров.

Традиционно российское договорное право представляло собой две подсистемы норм: «общие», закрепленные в ч. 1 ГК РФ, и «особенные», составляющие основные содержания ч. 2 ГК РФ. Вступившая в законную силу с 1 января 2008 г. часть четвертая

ГК РФ сама разделена на «общие» (гл. 69) и «особенные» нормы. При этом нормы о договорах размещены как в гл. 69 (ст. 1234–1235 и далее), так и иных главах части четвертой ГК РФ, специально посвященных отдельным видам охраняемых результатов индивидуальной деятельности и средств индивидуализации (например, в отношении авторского права ст. 1285–1290, прав, смежных с авторскими, ст. 1307–1308, патентного права ст. 1365–1369 и т.д.).

Комментируя ч. 4 ГК РФ, Е.А. Суханов отмечает, что «общие нормы ч. 4 ГК о договорах (ст. 1233–1240) распространяют свое действие и на те договорные отношения, что прямо урегулированы этой частью ГК, и на те, что находятся в ч. 2 ГК, если и поскольку их предметом выступают исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и (или) средства индивидуализации, подчеркивая тем самым единство гражданско-правового регулирования» [4, с. 42]. Среди договоров, закрепленных в ч. 2 ГК, Е.А. Суханов, в частности, называет договор на выполнение научно-исследовательских работ, договор коммерческой концессии, а также договоры купли-продажи и аренды предприятий, агентирования, доверительного управления и ряд других, если предмет договора охватывает исключительные права.

Распоряжение исключительными правами на интеллектуальную собственность в основном осуществляется на основании ч. 4 ГК РФ, а именно в соответствии с п. 1 ст. 1233 Кодекса у правообладателя появилась возможность распоряжаться исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности любым не противоречащим закону или существу такого исключительного права способом. То есть правообладатель для распоряжения своими правами может использовать любую договорную конструкцию, не запрещенную законом. Однако следует отметить, что на основании п. 2 ст. 1232 ГК РФ отчуждение, залог и предоставление исключительного права на объекты интеллектуальной собственности также подлежат государственной регистрации. В связи с приведенными нормами классификация договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности представляется необходимой и носит не только академический, но и практический интерес.

При передаче исключительных прав на интеллектуальную собственность необходимо учитывать специфику правового режима результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации о недопустимости применения тех норм, которые регулируют отношения по поводу материальных объектов, не учитывающих особенности интеллектуальных прав.

В литературе рассматриваются договоры о передаче материальных объектов, которые нередко отождествляются с договорами об отчуждении исключительных прав, а лицензионные договоры – с договорами аренды. На практике чаще встречается смешение договоров купли-продажи материальных носителей результатов интеллектуальной деятельности и договоров о распоряжении исключительными правами [2, с. 65].

Проблема разграничения договоров о распоряжении исключительными правами и посреднических договоров как договоров об оказании услуг актуальна и обусловлена тем, что в рамках последних посредник приобретает возможность совершать юридические действия в отношении правообладателя, в том числе заключать договоры о распоряжении исключительными правами от его (своего) имени и в его интересах, но посреднику при этом исключительные права не передаются, и правообладателем он не становится.

Не любой договор в сфере интеллектуальной собственности, в котором упоминаются объекты исключительных прав, относится к классу договоров о распоряжении исключительными правами. Характерным признаком этих договоров является наделение контрагента (пользователя) возможностью использования прав на результаты интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации на определенных условиях (самому или путем предоставления прав другим лицам, например на условиях сублицензии), рассматриваемый как признак направленности.

Рассмотрим более подробно виды договоров в сфере интеллектуальной собственности.

В IV ч. ГК РФ закреплена две группы договоров распоряжения исключительными правами:

- 1) договоры, направленные на отчуждение исключительного права, предусматривающие передачу исключительного права в полном объеме;

2) договоры, направленные на предоставление разрешения на использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

В данном случае в основу классификации положена возвратность (безвозвратность) передачи исключительного права. Безвозвратность передачи означает, что при заключении соответствующего договора первоначальный правообладатель утрачивает исключительное право, и оно переходит в полном объеме к новому правообладателю. Возвратность подразумевает, что по окончании срока действия договора осуществление исключительного права возможно только первоначальным правообладателем.

Необходимо отметить, что законодатель исходит из того, что исключительное право неделимо, может переходить от одного лица к другому только полностью, во всем объеме, на весь срок его действия и в отношении всей территории его действия. Предоставление разрешения на использование объекта исключительного права определенными способами, на определенной территории или в течение определенного срока может осуществляться с помощью лицензионных договоров [3, с. 251]. В данном случае передачи исключительного права в какой-либо его части не происходит. Таким образом, закреплена неделимость исключительного права. В этом, на наш взгляд, проявляется сущность исключительного права, которое представляет собой абсолютное право (противостоит всем третьим лицам), аналогичное праву собственности, только в отношении очень специфичных объектов, которые являются нематериальными.

Одним из договоров распоряжения исключительным правом на интеллектуальную собственность является договор об отчуждении исключительного права на объекты авторских прав.

По договору отчуждения исключительного права (ст. 1234 ГК РФ) правообладатель передает или обязуется передать принадлежащее ему исключительное право в полном объеме, то есть на весь оставшийся срок его действия, в отношении всех видов его использования, без ограничения его территории использования и т.д.

Статья 1234 ГК РФ конкретизируется ст. 1285 ГК РФ и закрепляет возможность передачи исключительного права на произведение: по договору об отчуждении исключительного права

на произведение автор или иной правообладатель передает или обязуется передать принадлежащее ему исключительное право на произведение в полном объеме приобретателю такого права. Исключительное право, в соответствии с заложенной в ГК РФ концепцией, не может быть передано частично: оно либо передается полностью, либо полностью остается у правообладателя.

Переход исключительного права от правообладателя к приобретателю происходит в момент заключения договора, если иное не предусмотрено договором, или в момент государственной регистрации (ст. 1234 ГК РФ).

Срок действия договора определяется из срока действия исключительного права на произведение. По общему правилу исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и в течение семидесяти лет после его смерти (ст. 1281 ГК РФ). В комментарии к Постановлению Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда от 26.03.2009 г. № 5/29 указывается, что при отчуждении исключительного права нельзя ограничивать способы его использования или устанавливать срок действия договора. В противном случае такой договор вполне могут признать лицензионным, то есть не подразумевающим переход исключительного права.

Лицензионный договор является вторым из видов договоров по распоряжению исключительным правом после договора об отчуждении исключительных прав.

Согласно ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) представляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования результата или такого средства предусмотренных договором пределов. Как видно, в статье ничего не сказано о статусах – как лицензиата, так и лицензиара. Стоит отметить, что по договору об отчуждении исключительного права происходит переход исключительного права от правообладателя к его приемнику, то есть полная уступка исключительного права. По лицензионному договору исключительное право не переходит, а имеет место лишь предоставление лицензиату права использования интеллектуального

продукта – исключительное же право сохраняется у первоначального обладателя (теория разрешения).

Существует мнение о том, что лицензионный договор не является самостоятельным видом договора, а лишь собирательным, включающим черты различных договоров: договора купли-продажи, аренды, найма, товарищества [1, с. 173].

Однако если обратиться к лицензионному договору о предоставлении права использования произведения или договору о предоставлении права использования изобретения, полезной модели или промышленного образца, то видно, что в данных случаях стороны договора заменяются иными аналогичными по своему значению терминами применительно к конкретному договору. Например, автор-лицензиат, патентообладатель – лицензиат и т.д. Стоит отметить, что на стороне правообладателя и (или) его контрагента возможно участие нескольких субъектов, в таком случае лицензионный договор можно охарактеризовать как соглашение с множественностью лиц на стороне либо правообладателя, либо контрагента, либо на обеих сторонах одновременно.

Существенными условиями лицензионного договора является предмет договора – результаты интеллектуальной деятельности, право использования которых предоставляется по договору, с указанием в соответствующих случаях номера и даты выдачи документа, удостоверяющего исключительное право на такое средство (патент, свидетельство), способы использования результата интеллектуальной деятельности и размер вознаграждения. Однако в отношении лицензионного договора о предоставлении права пользования результатом интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта запрещается ограничение использования таких результатов. Это значит, что использование возможно иным не противоречащим законом способом.

Анализируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что «цепочка» правовых норм, применяемых для урегулирования договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности, в общем виде выглядит следующим образом: нормы ч. 1 – нормы ч. 2 – нормы ч. 4 ГК. Закрепленные ч. 4 ГК РФ виды договоров, на основании которых осуществляется распоряжение интеллектуальной собственностью, подразделяются на

договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор. Главным отличием вышеуказанных договоров является то, что при лицензионном договоре лицензиат использует результат интеллектуальной собственности, но исключительное право остается за лицензиаром. При договоре об отчуждении исключительных прав приобретатель права становится владельцем исключительных прав, а за правообладателем остаются только личные неимущественные права.

Список литературы

1. Мазур Е.А. Правовая природа лицензионного договора о предоставлении права на результат интеллектуальной деятельности в составе сложного субъекта // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 5 (102).

2. Рузакова О.А. Проблемы договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 4.

3. Степаненко О.Г. Договоры об отчуждении исключительного права на объекты авторских прав // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1 (84).

4. Усольцева С.В. Система договоров в сфере интеллектуальной собственности / Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 5.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

STAGES OF FORMATION FAMILY LAW IN PRE- REVOLUTIONARY RUSSIA

Гудкова Марина Валерьевна

канд. псих. наук, научный сотрудник
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Gudkova M.

candidate of Psychological Sciences,
scientific collaborator,
Smolensk branch International Law Institute,
Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье описываются три основных этапа семейного права в дореволюционной России. Приводятся и характеризуются источники права каждого этапа, регулирование брачно-семейных отношений, регулирование между родителями и детьми.*

***Abstract.** This article describes the three main stages of family law in pre-revolutionary Russia. Cites and characterizes the sources of law of each stages, regulation of marriage and family relation, regulation between parents and children.*

***Ключевые слова:** семейное право, дохристианский период, допетровский период, имперский период, регулирование, источники.*

***Key words:** family law, pre-Christian period, period before Peter The Great, imperial period, regulation, sources.*

На современном этапе развития нашего государства семейное право является особой отраслью права, регулирующего семейные отношения, со своим самостоятельным содержанием – предметом, методом и источникам. Оформление и становление семейного права как науки и самостоятельной отрасли права в России началось совсем недавно с момента вступления в действие нового Семейного кодекса РФ (1995 г.). Однако становле-

нию института семьи предшествовало многовековое развитие общества, контроль, формирование брачных отношений, нравы, обычаи, изменения взглядов и принципов на различные события, связанные с семейными традициями, особенно в дореволюционной России (до 1917 г.). Попытки урегулировать семейные отношения государством предпринимались уже на самых первых этапах его развития.

В своем развитии семейное право в дореволюционной России прошло ряд периодов, которые последовательно сменяли друг друга: дохристианский период (до 988 г. – принятия христианства на Руси), допетровский период (988–1700), имперский период (1700–1917).

Дохристианский период развития семейного права нельзя отнести к правовому, так как общественные отношения в нем регулировались внеправовыми социальными нормами, «вызванными технологиями властвования, основанными на насилии ...» исходившими [4, с. 55] из сложившейся протекающей ситуации. Этот период характеризуется отсутствием каких-либо прав ребенка. Источниками регулирования так называемого дохристианского семейного права были языческая вера, обычаи, традиции, культ предков, культ природы. Регулирование «брачных отношений» складывалось из полигамности или моногамности семьи, совершалась покупка или кража невесты, существовала свобода развода.

С принятием христианства связано распространение в России византийского брачно-семейного законодательства, основанного на канонических представлениях о браке (Номоканон). В последствии Номоканон был дополнен постановлениями русских князей и получил название Кормчей книги. Именно тогда были заложены пределы государственного вмешательства в брачно-семейные отношения: процедура заключения брака, брачный возраст, запрет брака между близкими родственниками и лицами, состоящими в духовном родстве, ограничивалось количество браков, регламентация развода [2, с. 14]. Таким образом источниками регулирования семейных отношений стали – православная вера, церковное право, обычаи и традиции, Кормчая книга, Русская Правда, Судебники 1497 г. и 1550 г., Стоглав 1551 г., Соборное Уложение 1649 г. Регулирование брака осуществлялось

следующими особенностями: введения принципа моногамии, заключение брака с предварительным венчанием не более трех раз, брачный возраст для юноши – 15 лет, девушки – 12 лет, запрет браков между родственниками до седьмой линии родства, согласие на брак родителями жениха и невесты, закрепление власти мужа над женой, штрафы за бесчестье мужа и жены, неустойка за отказ от вступления в брак. Также формировались регулирующие отношения в области детей и родителей – закрепление власти отца над детьми, возникновение института опеки над несовершеннолетними детьми после смерти отца (мать не являлась опекуном детей).

Следующим этапом развития семейного законодательства в России стали реформы Петра I. Прежде всего, усиливается роль светского законодательства, в основном императорских указов, служащих для восполнения пробелов в каноническом праве. Существенное значение стало придаваться добровольности вступления в брак. Так, ст. 12 Свода Законов Российской Империи было установлено, что брак не может быть законно свершен без взаимного и непринужденного согласия сочетающихся лиц. Родителям и опекунам запрещалось принуждать ко вступлению в брак против их желания [4]. Православные получили право вступать в браки с христианами других конфессий. Указами Синода запретили браки лиц старше 80 лет (1744 г.), а в 1810 г. был установлен перечень запрещенных степеней родства для лиц, вступающих в брак. В 1830 г. произошло увеличение брачного возраста (18 (20) лет – для жениха, 16 (18) лет – для невесты). Было введено обязательное получение согласия родителей или начальства – для жениха, который состоит на воинской службе. Согласно разд. 4 Свода Законов Российской Империи вводился институт признания брака недействительным. В Имперской России ужесточились требования к разводу. Развод по взаимному согласию без суда законом запрещался. Процедура развода была сложной. За прелюбодеяние и многобрачие возможно было привлечь к уголовной ответственности – право выбора принадлежало невинному супругу, причем развод тоже рассматривался как наказание [4]. Также была велика родительская власть над детьми. Лишение родительских прав уже допускалось в дореволюционном российском законодательстве, но

только в одном случае, если родители воспитывали своих детей в иной вере. Родители были обязаны содержать и воспитывать своих детей в приготовлении их к полезной деятельности: сыновья – для службы, дочери – для замужества.

Согласно действующей тогда библейской концепции семьи брак рассматривался как единственный законный путь прихода детей в этот мир. Поэтому правовой статус незаконнорожденного ребенка существенно отличался от законнорожденных. Узаконение детей осуществлялось только по великому повелению, в индивидуальном порядке. Законодательство на сей счет часто менялось вплоть до запрещения. Усыновление допускалось всем сословиям, кроме дворян. Усыновление допускалось только в отношении родственников, но не чужих детей. Для дворян, чтобы усыновить ребенка, требовалось особое разрешение, которое оформлялось индивидуальным актом императора [2, с. 17].

В начале XX в. законодательство об усыновлении изменилось. Все сословия получили право усыновлять – как средство устранения невозможности создания собственной семьи. С 1902 г. было разрешено усыновлять своих незаконнорожденных детей (однако они не могли наследовать как кровные дети).

Таким образом особенностями императорского периода отразились в новых формализованных источниках регулирования семейных отношений: указ Петра I 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате», указ Синода 1744 г., кн. 1 т. 10 Свода Законом Российской Империи «О правах и обязанностях семейственных» XIX в. По-прежнему источниками являлись православная вера, церковное право, обычаи и традиции. Регулирование брака осуществлялось следующими принципами: введение принципа добровольности брака, увеличение брачного возраста, вступление в брак мужчин-военнослужащих происходило с согласия начальника, для крепостных – с согласия господина, запрет на брак лицам старше 80 лет и умолишенным, имущество супругов было раздельным. Особым образом регулировались отношения между родителями и детьми. Ввелись метрические книги для записи актов гражданского состояния в церкви с 1721 г. Родители были обязаны содержать нетрудоспособных детей после совершеннолетия, несовершеннолетние дети имели юриди-

ческие обязанности, внебрачные дети не имели права на фамилию и имущество отца.

Проблемы, которые сформировались в российском семейном праве накануне революции 1917 г., как справедливо отмечает М.В. Антокольская, заключались в необходимости введения гражданской формы брака, упрощении процедуры развода, а также уравнении в правах внебрачных детей [1, с. 60]. Однако те механизмы, которые были заложены и развивались в дореволюционной России, способствовали формированию семейного права как самостоятельной отрасли права, направленной на регулирование принципиально особых отношений между субъектами семьи.

Список литературы

1. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М.: Юристъ, 2010.
2. Воробьева Л.В. Семейное право Российской Федерации: Учебное пособие. М.: Дашков и К^о, 2016.
3. Летуновский П.В. Смутное время в политических координатах истории и памяти России // История государства и права. 2015. № 17.
4. Свод Законов Российской Империи. Кн. 1. О правах и обязанностях семейных. Издание 1900 г. Библиотека репринтных изданий. <http://civil.consultante.ru/reprint/books>

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

LAND RELATIONS AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION

Дургарян Карина Варужановна

старший преподаватель кафедры гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Durgaryan K.

lecturer of the department

of civil law (Institute Department)

Smolensk branch International law Institute,

Smolensk, Russia

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению теоретических вопросов понимания земельных отношений как объекта регулирования экономической, социальной и правовой сфер жизни. Дается анализ проработанности этого вопроса в правовой науке, обращается внимание на составные компоненты правового регулирования земельных отношений, представляется их качественная оценка.*

***Abstract.** The article is devoted to the theoretical understanding of land relations as the object of regulation of economic, social and legal spheres of life. The analysis of elaboration of this issue in legal science, attention is drawn to the components of the legal regulation of land relations, it seems their quality assessment.*

***Ключевые слова:** земельные отношения, правоотношения, природный объект, ресурс, правовое регулирование.*

***Key words:** land relations, legal, natural object, resource, legal regulation.*

Роль земли как основного источника ресурсов и причины порождения правовых отношений трудно переоценить. Как гласит закон, земля в виде объекта земельных отношений может выступать как природный объект и природный ресурс. С одной стороны, земля – это базис, основа различных экономических

отношений. С другой – объект природы, один из ее ценнейших элементов, который требует бережного отношения. Таким образом, земля становится особым объектом внимания со стороны правовой охраны, ведь, как известно, земля представляется невозобновляемым источником.

Регулирование земельных отношений находится в центре внимания самых разных слоев российского общества. Земля – основной фактор производства, основа экономики. Эффективное использование земельных ресурсов представляет собой гарантию устойчивого экономического развития. «Земельный вопрос» насквозь пронизывает все стороны общественной жизни, различные аспекты экономической и социальной политики России [3].

Обращаясь к мнению ведущих отечественных цивилистов, нельзя обойти стороной тот факт, что исключительное положение земли, в числе прочих объектов, отмечал Г.Ф. Шершеневич, который в одной из своих работ писал, что «наибольшую важность представляет деление вещей на движимые и недвижимые. Это различие образовалось исторически, вследствие преобладающего значения земли, отчего и сделки по недвижимостям всегда отличались от сделок по движимости. Но основание по различиям не только историческое. Земля, вследствие ее ограниченности, необходимо подвергается в частном обладании таким ограничениям, которые чужды движимым вещам» [4].

По мнению И.И. Евтихеева, «для земельного права характерен не способ правового регулирования (договорный или односторонний), не субъект правоотношений, а тот вещный объект – земля, назначением которой является максимальная производительность продуктов...»

Также считаем целесообразным привести указанное в статье И.А. Иконицкой замечание С.Н. Братуся о том, что «земельные отношения – это отношения двоякого рода: отношения, возникающие из деятельности исполнительно-распорядительных органов, связанные с административным управлением, и имущественные отношения». К последним, по мнению И.А. Иконицкой, относятся и отношения собственности даже в том случае, если субъектом права собственности выступает государство [4].

Проблемы земельных правоотношений по праву всегда занимают одно из основных мест в исследовании правового регулирования использования и охраны земель. Однако на сегодняшний день наблюдается тенденция недостаточного внимания к этой категории. Даже авторы учебных курсов и научно-практических пособий либо вообще не обращаются к земельному правоотношению, либо ограничиваются коротким описанием этого правового явления. При анализе правового влияния на земельные отношения цивилисты сразу обращают внимание на земельные отношения как таковые, упуская из виду вопрос о земельных правовых отношениях. При этом иногда исследователи ошибочно не видят существенной разницы между категориями «земельное правоотношение» и «земельное отношение».

Однако в силу некоторых экономических и политических изменений, государством активно разрабатываются и внедряются социально-значимые реформы, которые невозможны без новаций в законодательстве, в том числе земельном. Так, земельное законодательство претерпевает разительные изменения: преобразуется система предоставления и изъятия земельных участков, вносятся дополнения по поводу использования отдельных категорий земель, уточняются мероприятия по охране земель и др. Ввиду этого стоит акцентировать внимание на категории «земельное отношение».

Одним из наиболее острых остается вопрос о земле как об объекте правового регулирования. Представления теоретиков права на землю как на природный объект, природный ресурс и объект недвижимости абсолютно различаются. Исходя из этого, можно прийти к выводу о неоправданности того, что земельные отношения редко становятся предметом системного и всестороннего изучения. Тем более что правоотношение – это такое правовое явление, в котором отражается непосредственная связь права и земельного общественного отношения [3].

Статья 3 ЗК РФ имеет особое значение и привилегированное положение для практики разрешения земельно-правовых споров благодаря тому, что устанавливает предмет регулирования земельного законодательства, а также устанавливает границы и сферы действия непосредственно земельного законодательства от смежных отраслей российского права, таких как гражданское

право, экологическое право, отраслей, регулирующих вопросы водного, лесного хозяйства, законодательства о недрах.

Согласно п. 1 ст. 3 ЗК РФ, земельное законодательство регулирует земельные отношения, под которыми понимаются отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. При этом в механизме правового регулирования земельных отношений охране земли «как важнейшему компоненту окружающей среды и средству производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве» отдается приоритет перед использованием земли в качестве недвижимого имущества. Как это закреплено в качестве одного из принципов земельного законодательства, владение, пользование и распоряжение землей осуществляются собственниками земельных участков свободно, если это не наносит ущерб окружающей среде (подп. 2 п. 1 ст. 1 ЗК РФ).

В легальном определении земельных отношений («отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации») законодательство исходит из закрепленного в ст. 1 (подп. 1 п. 1) ЗК РФ принципа земельного права, в соответствии с которым земельное законодательство должно формироваться с учетом того особого значения, которое земля имеет как основа жизни и деятельности человека. А указанный принцип законодательного регулирования земельных отношений берет свое начало из дефиниций ст. 9 Конституции РФ, согласно которой «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории».

В качестве *lex specialis* при регулировании земельных отношений выступает земельное законодательство, как оно персонафицировано и установлено в ст. 2 ЗК РФ [2].

Специфика объектов земельных отношений, их тесная и неотъемлемая взаимосвязь с иными компонентами природной среды обуславливают непосредственные отношения земельного законодательства иными отраслями российского законодательства. К земельным отношениям могут применяться не только правовые акты земельного законодательства, но и акты иных «смежных» отраслей российского законодательства – лесного,

водного законодательства, законодательства о недрах, об охране окружающей природной среды и т.д. (например, отношения по правовому режиму земель водного фонда могут регулироваться земельным, водным законодательством, законодательством об охране окружающей природной среды, об особо охраняемых территориях и т.д.).

Акцентирование внимания на проблемах земельных отношений становится важным в свете активных дискуссий, возникающих по наиболее острым земельно-правовым вопросам. До сих пор ведутся споры о значении земельного законодательства и отрасли «земельное право» в российской системе права. Не менее животрепещущими становятся основные правовые концепции развития и воздействия на земельные отношения.

Еще одним поводом для обращения к проблемам земельных правоотношений стали существенные изменения, произошедшие в самих общественных земельных отношениях. В начале XXI столетия образуются новые виды деятельности людей, а также средства и методы общественного взаимодействия. Как следствие, общество и государство сталкиваются с новыми проблемами в экономической, социальной и правовой среде. При этом не прекращается противостояние за обладание земельными ресурсами, с одной стороны, и растет пагубное воздействие на окружающую среду, с другой стороны, что не может не сказаться негативно на качестве и уровне жизни людей и страны в целом.

Обновлениям подвергаются также общенаучные представления об обществе, основах, перспективах и закономерностях его развития. Большое внимание уделяется роли государства в социальных процессах. Реальностью современной законотворческой и управленческой деятельности стали обеспечение кластерной политики и развитие макротерриторий (Дальний Восток, Арктика, др.). Очевидно, что и механизм правового воздействия на земельные отношения не может оставаться неизменным [3].

Традиционно острым остается проблема эффективности норм земельного законодательства. Стоит указать на то, что в процессе разработки законопроектов юридической безупречности дефиниций уделяется недостаточное внимание, в связи с чем правовые нормы, в том числе и земельно-правовые, зачас-

тую действуют с искажениями. А лучшие намерения, политические или экономические идеи, послужившие отправной точкой нововведения, оказываются нереализованными.

Исследование влияния норм земельного законодательства позволяет усмотреть зависимость земельного правоотношения не только от правовой нормы, но и от социально-экономических условий: социального положения, уровня правовой культуры участников, сложившегося уклада и благосостояния. Примечательно при этом, что даже хорошо сформулированная с точки зрения теории правовая норма может не работать, если она принята без учета специфики регулируемых отношений.

Таким образом, эффективность правового регулирования земельных отношений как ранее, так и теперь во многом зависит от учета юридических и социальных факторов реализации правовой нормы. На проработку этих проблем и устранение их последствий может повлиять изучение возникновения и динамики земельных правоотношений как особого вида социально-правовых взаимодействий.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.09.2016) // Российская газета. 2001. 30 окт. № 211–212.

2. Богданова А.В., Гутарина О.В., Козырин А.Н., Комягин Д.Л., Савенко Г.В., Ялбулганов А.А., Янкевич С.В. Постатейный научно-практический комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.А. Ялбулганова // СПС КонсультантПлюс, 2014.

3. Галиновская Е.А. Земельное правоотношение как социально-правовое явление: Монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.

4. Окунев А.И. Земельные ресурсы и земельные отношения как особый объект правового регулирования. Правовые вопросы недвижимости. 2011. № 1.

СУДЕБНЫЕ ИЗВЕЩЕНИЯ И ВЫЗОВЫ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

LEGAL NOTICE AND CALLS VIA THE INTERNET

Евтуховский Вадим Вячеславович

студент 3 курса

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Лукьяненко Виктория Валерьевна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Evtukhovsky V.

3rd year students

Smolensk branch International law Institute

Smolensk, Russia

Lukanenkova V.

Candidate of Law,

Associate Professor, Department of Civil Rights,

Smolensk branch of the International

Law Institute Smolensk, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию судебных извещений и вызовов в сети Интернет. В данной статье рассматриваются сходства и различия судебных извещений и вызовов посредством Интернета в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ. Также данная статья рассматривает все положительные и отрицательные стороны данного нововведения.

Abstract. This article is dedication to the study of judicial notices and calls in the Internet. This article discusses the differences and similarities of judicial notices and calls to the Internet in the RF CPC, the APC and the APC. This article considers all positive and negative aspects of this innovation.

Ключевые слова: кодекс, вызовы, извещения, интернет, процесс.

Key words: Code, calls, announcements, Internet, process.

С 1 января 2017 г. в ГПК РФ к ст. 113 вводятся дополнения об извещении участников процесса посредством сети Интернет. Данное изменение достаточно актуальное в наше время, в связи с развитием новых технологий, тем более таких как сеть Интернет, было бы неразумно не использовать ее для информирования участников процесса о времени и месте судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий. Тем более данное введение уже используется в арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации с 2011 г. и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации с 2016 г.

В ГПК РФ данная статья регламентирует, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы и организации, являющиеся сторонами и другими участниками процесса, могут извещаться судом о времени и месте судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий лишь посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда в сети Интернет в указанный срок с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточно времени для подготовки к делу и своевременной явки в суд, если суд располагает доказательствами того, что указанные лица надлежащим образом извещены о времени и месте первого судебного заседания. Такие лица, получившие первое судебное извещение по рассматриваемому делу, самостоятельно предпринимают меры по получению дальнейшей информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи.

Органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы и организации, являющиеся сторонами и другими участниками процесса, несут риск наступления неблагоприятных последствий в результате непринятия ими мер по получению информации о движении дела, если суд располагает сведениями о том, что данные лица надлежащим образом извещены о начавшемся процессе, за исключением случаев, когда меры по получению информации не могли быть приняты ими в силу чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств.

При отсутствии технической возможности у органов местного самоуправления, иных органов и организаций они вправе зая-

вить ходатайство о направлении им судебных извещений и вызовов без использования сети Интернет.

В целях информирования участников процесса о движении дела при наличии технической возможности информация о принятии искового заявления или заявления к производству, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия размещается судом на официальном сайте соответствующего суда в сети Интернет в срок, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд, а по делам с сокращенными сроками рассмотрения – не позднее, чем за три дня до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия.

Как в ГПК РФ, так и КАС РФ, и в АПК РФ статьи несут общий смысл оповещения участников процесса в более упрощенной форме, но также в них имеются и свои различия, существенные для каждого процесса. В кодексе административного судопроизводства участники процесса могут оповещаться не только посредством сети Интернет, но и посредством факсимильной связи. Уведомление смс-сообщением, электронной почтой должно быть подтверждено распиской. В расписке помимо данных о данном лице и его согласие на уведомление такими способами указывается номер его мобильного телефона, адрес электронной почты, на которые направляется извещение. В ГПК РФ и АПК РФ на данное время нет установленных законом положений об оповещении посредством смс-сообщения или электронной почтой.

Также можно увидеть различия в сроках данных статей. В арбитражном процессуальном кодексе установлен четкий срок оповещения участников процесса не позднее чем за пятнадцать дней до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия. В то время как в КАС РФ говорится о том, что лицам, участвующим в деле, извещения должны быть вручены с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к административному делу и для своевременной явки в суд, то есть данный срок в КАС РФ не ставит определенные временные рамки. В ГПК РФ точно так как и в КАС РФ, срок точно не оговорен, извещения должны быть вручены, чтобы лица имели достаточный срок для подго-

товки к гражданскому делу и своевременной явки в суд. Но в ГПК РФ это относится не ко всем делам, по делам с сокращенными сроками рассмотрения участники процесса должны быть уведомлены не позднее чем за три дня до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия. Лицам, участвующим в деле, но не присутствующим в судебном заседании, копии решения суда высылаются не позднее чем через пять дней со дня принятия решения суда в окончательной форме. Таким образом, законодательство устанавливает для каждого процесса тот срок оповещения участников дела, который более подходит для подготовки участников процесса к определенному делу. Что позволяет обеспечить реализацию принципов экономичности досудебного процесса.

В АПК РФ и КАС РФ обращается внимание на иностранных лиц. Иностранцы извещаются по правилам, установленным настоящей статьей, если иной порядок не установлен международным договором Российской Федерации, в то время как в ГПК РФ данного пункта мы не наблюдаем.

В случаях, когда Кодексом предусматривается направление лицам, участвующим в деле, копии судебного акта, содержащего информацию о времени и месте судебного заседания, совершения отдельного процессуального действия, суд располагает сведениями о номере телефона, факса, адресе электронной почты, другими данными лица, участвующего в деле, то копия соответствующего судебного акта может направляться этому лицу по электронной почте или иным способом, в том числе по почте заказным письмом без уведомления. То есть даже при наличии оповещения по средствам сети Интернет суд все же будет обязан направлять материалы участнику процесса по месту его жительства, месту конкретного проживания либо месту его работы. Что в небольшой степени неблагоприятно влияет на принцип экономичности в судебном законодательстве.

Одной из наиболее важных проблем, которая стоит перед судьями при назначении дела к рассмотрению, является проблема надлежащего извещения участвующих в деле лиц о времени и месте судебного разбирательства.

В целях обеспечения реализации принципов оперативности и экономичности в процессах законодательство предусмотрело

возможность извещения лиц, участвующих в деле, с использованием различных средств связи, позволяющих фиксировать извещение или вызов и его вручение адресату, в том числе заказным письмом с уведомлением о вручении, повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой и др. Судебные извещения и вызовы через сеть Интернет помогут более рационально и с наименьшими финансовыми затратами уведомлять участников процесса о предстоящих процессуальных действиях. По моему мнению, здесь имеет место проблема ответа участника о его ознакомлении с предстоящим процессом. Во многом это объясняется опасениями, что в действительности в связи извещением через сеть Интернет участник процесса может просто не знать о данном уведомлении, ведь многие могут просто не посещать сайт суда или в силу каких-либо обстоятельств не знать о данном оповещении через сеть Интернет. Лицо не будет осведомлено о месте и времени рассмотрения дела и в случае вынесения постановления в его отсутствие укажет на данное обстоятельство в жалобе на постановление как на основание для его отмены. Эти опасения имеют ту же основу, что и опасения не прочтения оповещения о данной судебной процедуре. Поэтому будем смотреть, что покажет практика извещения лиц, участвующих в судебном производстве, с помощью современных технических средств связи. Смогут ли оповещения и вызовы через сеть Интернет реализоваться в качестве основного способа извещения или сформируются как дополнительный способ извещения.

Судебные извещения и вызовы участников процесса направляются по адресу, указанному лицом, участвующим в деле, или его представителем. В случае если по указанному адресу гражданин фактически не проживает, извещение может быть направлено по месту его работы. Можно сделать вывод, что участник процесса с такой системой извещения точно будет извещен о предстоящем процессе. Но не стоит забывать тот фактор, что данное лицо по истечении каких-либо обстоятельств находилось в данный промежуток времени вне дома и не могло появиться на месте своей работы, в данном случае лицо не сможет быть уведомлено о предстоящем судебном заседании, что не повлечет благоприятных обстоятельств для системы судопроиз-

водства. Благодаря данному нововведению и развитию сети Интернет участник процесса без каких-либо трудностей сможет быть осведомлен о предстоящем процессе лишь посредством сети Интернет, зайдя на сайт суда, лицо сможет узнать о дате, месте и времени судебного заседания, что благоприятно влияет на систему судопроизводства, не создавая трудностей для судебного разбирательства и других участников процесса.

Очевидно, что на данном этапе развития системы «электронного обеспечения правосудия» и повышения доступа граждан к сети Интернет необходимо расширять возможности использования интернет-ресурса. Данное явление хоть и носит определенного характера трудности, но они стоят того, чтобы данное нововведение действовало и все более усовершенствовались в системе нашего судопроизводства. Настолько обширна сеть оповещения, просто не может быть в наше время безрезультатной.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 3.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 23.06.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.09.2016) // СПС КонсультантПлюс.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 3.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.
4. Лукьяненко В.В. Введение института профессионального представительства как очередной этап судебной реформы // Вестник Международного юридического института. 2016. № 1 (56).

К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРЕТЕЙСКОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

THE QUESTION OF THE ADOPTION OF NEW LEGISLATION ON ARBITRATION

Константинова Елена Олеговна

студентка 3 курса

Международный юридический институт
Смоленский филиал

Лукьяненко Виктория Валерьевна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры гражданского права

Международный юридический институт
Смоленский филиал

Konstantinova E.

3rd year students

Smolensk branch International law Institute

Smolensk, Russia

Lukyanenkova V.

candidate of science in law,

Associate Professor of Civil Law (general institute)

Smolensk branch International law Institute,
Smolensk, Russia

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются проблемы института третейского разбирательства и пути их решения, принятые законодателем. Освещаются изменения в области права юридических лиц создавать постоянно действующие третейские суды, уделив внимание проблеме существования «карманных» судов. Анализируется статус третейских судей в условиях реформирования законодательства. Акцентируется внимание на отсутствие ответственности, которая впервые вводится с принятием нового законодательства.*

***Abstract.** This article describes the problems of arbitration and their solutions adopted by the legislator. Highlights changes in the*

field of rights of legal entities on establishment of permanent arbitration courts, focusing on the problem of the existence of a «pocket» of the vessels. Examines the status of arbitrators in terms of reforming legislation. The article focuses on the lack of accountability, which was first introduced with the adoption of new legislation.

Ключевые слова: третейский суд, третейское разбирательство, статус третейских судей, арбитрабельность споров, ответственность.

Key words: arbitration court, arbitration trial, status of arbitrators, arbitrability of disputer, responsibility.

В декабре 2013 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, обращаясь с ежегодным посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации, приуроченному к 20-летию Конституции Российской Федерации, а также к 20-летию Федерального Собрания Российской Федерации – парламента, сформированного в соответствии с Основным законом страны, упомянул о необходимости повысить авторитет третейских судов путем совместного сотрудничества Правительства Российской Федерации с Российским союзом промышленников и предпринимателей и Торгово-промышленной палатой. Так как деятельность института третейских судов в Российской Федерации получила широкое распространение, исходя из материалов Всероссийской переписи третейских судов по состоянию на 28.03.2016 г. в 73 субъектах Российской Федерации действуют 396 третейских судов [7]. Несмотря на это, положения Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О третейских судах в Российской Федерации» не могут обеспечить эффективное функционирование данного института в связи с существующими проблемами в правоприменительной практике.

Проблема 1. К вопросу о соответствии третейского разбирательства, осуществляемого на основе принципов независимости и беспристрастности, которые законодательно установлены в ст.18 Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О третейских судах в Российской Федерации», правоприменительной практики.

Законодателем в вышеуказанном нормативно-правовом акте установлено образование постоянно действующих третейских судов

торговыми палатами, организаторами торговли, осуществляющими свою деятельность в соответствии с Федеральным законом «Об организованных торгах», общественными объединениями предпринимателей и потребителей, иными организациями – юридическими лицами, созданными в соответствии с законодательством Российской Федерации, и их объединениями (ассоциациями, союзами). «Постоянно действующий третейский суд считается образованным, когда организация – юридическое лицо:

1) приняла решение об образовании постоянно действующего третейского суда;

2) утвердила положение о постоянно действующем третейском суде;

3) утвердила список третейских судей, который может иметь обязательный или рекомендательный характер для сторон» [3, ч. 3 ст. 3].

Такие нормативно-правовые положения привели к возникновению так называемых «карманных» судов, под которыми понимаются третейские суды, аффилированные с одним из участников рассматриваемого ими спора. В подтверждение следует привести Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 октября 2013 г. № 8445/13 по делу № А40-147862/12-29-1477. По рассмотренным материалам дела установлено, что между закрытым акционерным обществом «Ямалгазинвест» и открытым акционерным обществом «Институт «Нефтегазпроект» заключен договор на выполнение проектно-изыскательных работ от 12.02.2009 г. № 2729, содержащий третейскую оговорку о том, что все споры, разногласия или требования, возникающие из договора или в связи с ним, в том числе касающиеся его нарушения, прекращения и недействительности, подлежат разрешению в третейском суде «Газпром». ОАО «Институт «Нефтегазпроект», нарушив условия договора, по решению третейского суда «Газпром», к которому обратилось ЗАО «Ямалгазинвест», подлежит взысканию неустойки и расходов по уплате третейского сбора. ОАО «Институт «Нефтегазпроект», сочтя, что решение третейского суда нарушает основополагающие принципы права, поскольку третейский суд «Газпром», равно как и ЗАО «Ямалгазинвест», образован обществом «Газпром», обжаловал его решение в арбитражный суд.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации обратил внимание на следующие обстоятельства, которые позволяют придти к выводу о том, что общество «Газпром» является одновременно юридическим лицом, создавшим, финансирующим и контролирующим третейский суд «Газпром», как постоянно действующий институт третейского разбирательства, и аффилированным лицом одной из сторон рассмотренного в этом суде спора:

1) положение о третейском суде «Газпром» утверждено решением совета директоров ОАО «Газпром»; регламент третейского суда «Газпром» подлежит утверждению председателем правления ОАО «Газпром»;

2) обеспечение третейского суда «Газпром» необходимыми для его работы помещениями, транспортом, оргтехникой, средствами связи и иным оборудованием осуществляется ОАО «Газпром», при этом должностные лица в пределах своей компетенции оказывают содействие в организации деятельности третейского суда «Газпром» в части материально-технического обеспечения и финансирования;

3) организационное обеспечение деятельности третейского суда «Газпром» осуществляется подразделением юридического департамента ОАО «Газпром»;

4) начальник юридического департамента ОАО «Газпром» является председателем президиума третейского суда «Газпром». В компетенцию президиума третейского суда «Газпром» входит решение вопросов о расходовании средств, полученных в связи с третейским разбирательством споров, в соответствии и порядке, определенных положением о сборах и положением о гонорарах третейских судей и других выплат, связанных с деятельностью третейского суда «Газпром»;

5) ЗАО «Ямалгазинвест» имеет статус дочернего по отношению к ОАО «Газпром» – своему единственному учредителю и акционеру.

Законодательное решение этой проблемы закреплено в Федеральном законе от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», который вступает в силу с 1 сентября 2016 г. «В Российской Федерации постоянно действующие арбитражные учреждения создаются при

некоммерческих организациях» [2, ч. 1 ст. 44], при этом создание одного постоянно действующего арбитражного учреждения одновременно при двух и более некоммерческих организациях не допускается. Постоянно действующее арбитражное учреждение вправе осуществлять свою деятельность при условии получения некоммерческой организацией права на осуществление функции постоянно действующего арбитражного учреждения, предоставляемого актом Правительства Российской Федерации на основании положительной рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства при Министерстве юстиции Российской Федерации по результатам анализа следующих требований:

1) соответствие предоставленных правил постоянно действующего арбитражного учреждения требованиям Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»;

2) наличие у постоянно действующего арбитражного учреждения рекомендованного списка арбитров, соответствующего требованиям вышеуказанного закона;

3) достоверность предоставленной информации о некоммерческой организации, при которой создано действующее арбитражное учреждение, и ее учредителях (участниках);

4) репутация некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, масштаб и характер ее деятельности с учетом состава ее учредителей (участников) позволят обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения, осуществление указанной организацией деятельности, направленной на развитие арбитража в Российской Федерации.

Проблема 2. Нарушение права граждан и юридических лиц на достоверную информацию и дискредитация государственной власти третейскими судами.

Прокуратура Центрального района г. Воронежа направила иск в суд о признании незаконным использование наименования постоянно действующего третейского суда. Ответчиком по иску стал третейский суд при благотворительном фонде «Живи!»,

зарегистрированном в Центральном районе г. Воронежа, использующий название «Арбитражный суд городского округа города Воронежа». В прокуратуре считают, что использование словосочетания «арбитражный суд» является незаконным, необоснованно вызывает ассоциации с государственным судом, что создает правовую неопределенность, вводя в заблуждение, в случае обращения граждан и юридических лиц за защитой нарушенных прав и законных интересов. В исковом заявлении прокурор района потребовал возложить обязанность устранить нарушения благотворительным фондом «Живи!» путем внесения изменений в наименование третейского суда.

Новым законодательством запрещено создание в Российской Федерации постоянно действующих арбитражных учреждений, наименования которых включают в себя словосочетание «арбитражный суд» и «третейский суд», если полное наименование учреждения сходно до степени смешения с наименованиями судов Российской Федерации или иным образом способно ввести участников гражданского оборота в заблуждение относительно правовой природы и полномочий постоянно действующего арбитражного учреждения. «Наименование постоянно действующего арбитражного учреждения должно содержать указание на полное или сокращенное наименование некоммерческой организации, при которой оно создано» [2, ч. 21 ст. 44].

Проблема 3. К вопросу о границах арбитрабельности категорий дел, которые неоднократно уточнялись высшими судами.

В подтверждение указанной проблемы приведем Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 2 ст. 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», п. 1 ст. 33 и ст. 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в котором признается допустимым рассмотрение третейскими судами гражданско-правовых споров, касающихся недвижимого имущества (в том числе об обращении взыскания на имущество, заложенное по договору

об ипотеке), и государственную регистрацию соответствующих прав на основании решений третейских судов (по новому законодательству о третейском разбирательстве предусмотрено, что основанием для государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней являются решения третейских судов, по которым выданы исполнительные листы).

Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» разрешает вопрос об арбитрабельности по принципу «разрешено все, что не запрещено». Согласно ч. 2 ст. 22.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда:

- 1) споры, предусмотренные п. 4 ч. 1 ст. 22 настоящего Кодекса;
- 2) споры, возникающие из семейных отношений, в том числе споры, возникающие из отношений по распоряжению опекунами и попечителями имуществом подопечного, за исключением дел о разделе между супругами совместно нажитого имущества;
- 3) споры, возникающие из трудовых отношений;
- 4) споры, возникающие из наследственных отношений;
- 5) споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;
- 7) споры о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью;
- 8) споры о выселении граждан из жилых помещений;
- 9) споры, возникающие из отношений, связанных с возмещением вреда, причиненного окружающей среде;
- 10) иные споры в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом.

Проблема 4. Разрешение спора в арбитраже во многом зависит от арбитра как квалифицированного специалиста, поэтому законодательством предусматриваются требования, которые могут быть заявлены физическому лицу в качестве арбитра.

Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О третейских судах в Российской Федерации» определяет третейского судью как избранное (назначенное) физическое лицо, способное обеспечить беспристрастное разрешение спора, прямо или косвенно не заинтересованное в исходе дела,

являющееся независимым от сторон и давшее согласие на исполнение обязанностей третейского судьи. При единоличном разрешении спора третейский судья должен иметь высшее юридическое образование, а при коллегиальном разрешении спора председателем состава третейского суда. А также третейским судьей не может быть физическое лицо:

1) не обладающее полной дееспособностью либо состоящее под опекой или попечительством;

2) имеющее судимость либо привлеченное к уголовной ответственности.

Новое законодательство изменило и дополнило требования, предъявляемые к избранию (назначению) арбитров. «Ни одно лицо не может быть лишено права выступать в качестве арбитра по причине его гражданства, если стороны арбитража не договорились об ином» [2, ч. 1 ст. 11]. Если иное не предусмотрено, арбитр, разрешающий спор единолично, а в случае коллегиального разрешения спора – председатель третейского суда при соблюдении положений ч. 7 ст. 11 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» должен иметь высшее юридическое образование, подтвержденное выданным на территории Российской Федерации дипломом установленного образца, либо подтвержденное документами иностранных государств, признаваемыми на территории Российской Федерации. Предусмотрен возрастной ценз, по которому арбитром не может быть лицо, не достигшее возраста двадцати пяти лет.

В рекомендованный список арбитров постоянно действующего арбитражного учреждения необходимо включить не менее 30 человек с их письменного согласия, при этом не менее одной трети арбитров должны иметь ученую степень и не менее половины арбитров должны обладать опытом разрешения гражданско-правовых споров в качестве третейских судей и (или) арбитров в третейских судах (арбитраже) и (или) в качестве судей федерального суда, конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, мировых судей в течение не менее 10 лет. «Одно лицо не может входить в рекомендованные списки арбитров более трех постоянно действующих арбитражных учреждений» [2, ч. 3 ст. 47].

Федеральным законом от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу п. 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» в ст. 1 предусмотрены изменения, которые вступают в силу с 1 сентября 2016 г., а именно судья, пребывающий в отставке, независимо от возраста и судебного стажа вправе быть третейским судьей, арбитром. Это представляется логичным и правомерным, поскольку эта категория судей обладает профессиональными качествами, необходимыми для решения сложных юридических коллизий.

Проблема 5. К вопросу об ответственности некоммерческой организации, при которой создано постоянно действующее арбитражное учреждение, и арбитра.

В правоприменительной практике известны случаи, когда третейские суды, являясь представителями одной из сторон в разрешении спора, противодействуют оспариванию третейского решения. Например, направленные почтой заявления о выдаче копий решений, определений, протоколов судебных заседаний возвращались обратно в связи с истечением срока хранения корреспонденции, а личное обращение заканчивалось стуком в закрытую дверь – ни судей, ни секретариата, ни объявлений. Как следствие, отсутствие возможности обжалования решения третейского суда в суд общей юрисдикции.

Законодательством о третейском разбирательстве впервые закреплена ответственность института третейских судов, согласно которой некоммерческие организации несут гражданско-правовую ответственность в виде возмещения убытков, причиненных вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения постоянно действующим арбитражным учреждением своих функций по администрированию арбитража при наличии умысла или грубой неосторожности. «Некоммерческая организация, при которой создано постоянно действующее арбитражное учреждение, не несет гражданско-правовой ответственности перед сторонами арбитража за убытки, причиненные действиями (бездействием) арбитра» [2, ст. 50], а арбитр не несет гражданско-правовой ответственности перед сторонами арбитража, а также

перед постоянно действующим арбитражным учреждением в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением функций арбитра и в связи с арбитражем. Исключение составляет ответственность в рамках гражданского иска по уголовному делу. Несмотря на это, постоянно действующее арбитражное учреждение может предусмотреть правилами такого учреждения снижение гонорара арбитра в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих функций.

Подводя итог, следует отметить, что институт третейского разбирательства в Российской Федерации претерпел существенные изменения вследствие принятого Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Главным элементом нового закона представляется встроенный в его текст механизм государственного регулирования создания третейских судов. Указанное явление получило наименование «огосударствление» третейского разбирательства, так как отсутствие контроля за третейскими судами со стороны государства привело к полной дискредитации данного института. Остается надеяться, что принятые меры оправдают себя на практике, поборов существующие вышеуказанные проблемы.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 3.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 18 ноября 2001 г. № 46. Ст. 4532.

2. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. 4 янв. № 1 (ч. I). Ст. 2.

3. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 29 июля. № 30. Ст. 3019.

4. Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу п. 3 ч. 1 ст. 6 Федерального

закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. №10-П // СПС КонсультантПлюс.

6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 октября 2013 г. № 8445/13 по делу № А40-147862/12-29-1477 // СПС КонсультантПлюс.

7. Материалы Всероссийской переписи третейских судов на 28.03.2016 г. / <http://arbitrage.spb.ru/sud/SPISOKTS/spisokts/html>

ОСОБЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ ЕГРН

FEATURES THE INTRODUCTION OF THE EGRN

Кудрявцева Лилия Сергеевна

студентка 4-го курса

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Дургарян Карина Варужановна

старший преподаватель кафедры гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Kudryavtseva L.

4rd year students

Smolensk branch International law Institute

Smolensk, Russia

Durgaryan K.

lecturer of the department

of civil law (Institute Department)

Smolensk branch International law Institute

Smolensk, Russia

***Аннотация.** Статья посвящена анализу основных изменений законодательства по вопросам, связанным с государственной регистрацией объектов недвижимости, осуществлением их учета и ведением единого реестра сведений. Проведено сравнение дефиниций действующего законодательства со вступающими в силу изменениями, выявлены положительные и отрицательные стороны реформы института государственной регистрации прав.*

***Abstract.** The article is devoted to analysis of key legislative developments on issues related to state registration of real estate, fulfilling their accounting and keeping the unified register of information. A comparison of the definitions of the current legislation with the coming into force of the changes, positive and negative sides of the reform of the Institute of state registration.*

Ключевые слова: *недвижимость, кадастровый учет, государственная регистрация прав, реестр.*

Key words: *real property, cadastral registration, state registration of property rights, registry.*

С 1 января 2017 г. вступает в силу Федеральный закон № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», который предполагает создание единой системы регистрации прав на недвижимость и кадастрового учета недвижимости [1].

Начнет свою работу Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), который будет объединять сведения из функционирующих сейчас Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество (ЕГРП) и государственного кадастра недвижимости (далее – ГКН). Предполагается, что база данных нового реестра полностью исключит дублирование сведений, путаницу и другие ошибки, которые возникают в процессе работы двух разных реестров.

Отличие нового реестра от действующего состоит в том, что в нем будут содержаться дополнительные сведения, регулирующие отношения, которые возникают при регистрации прав на недвижимость и сделок с ней, и вопросы государственного кадастрового учета недвижимости.

ЕГРН представляет собой свод достоверных систематизированных сведений об учтенной недвижимости, о зарегистрированных правах на нее, основаниях их возникновения, правообладателях.

ЕГРП содержит информацию только о существующих и прекращенных правах на объекты недвижимости, об объектах недвижимости и о ее правообладателях.

По сути новый реестр с 1 января 2017 г. будет существовать параллельно с реестрами, функционирующими и сейчас, то есть ЕГРП и ГКН. Следует иметь в виду, что сведения из них будут считаться сведениями, которые содержатся в ЕГРН и не требуют дополнительного подтверждения.

Росреестр будет вносить сведения в ЕГРН в результате государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, в порядке межведомственного информационного взаимодействия, в уведомительном порядке.

Сейчас ЕГРП включает в себя отдельные разделы, содержащие записи о каждом объекте недвижимости, который открывается при начале регистрации прав на объект недвижимости и идентифицируется кадастровым или условным номером этого объекта [8].

ЕГРН, в свою очередь, будет иметь гораздо более сложную структуру, так как будут совмещены его функции с ГКН, а также аккумулированы такие данные, которые ранее не содержались ни в ГКН, ни в ЕГРП (сведения об игорных зонах, лесничествах и лесопарках).

ЕГРН – свод сведений в текстовой форме (семантические сведения) и графической форме (графические сведения), он состоит из реестра объектов недвижимости; реестра прав, ограничений прав и обременений недвижимого имущества; реестра границ; реестровых дел; кадастровых карт, публичных и дежурных; книг учета документов.

Первые два реестра есть и сейчас – их предназначение состоит в аккумулировании сведений из ГКН и ЕГРП. Также есть публичные кадастровые карты, но наряду с ним вводится новое понятие дежурных кадастровых карт. А вот такие понятия, как реестр границ, реестровые дела и книги учета документов, не известны ГКН и ЕГРП.

Также в ЕГРН вводятся четыре новых понятия, которые связаны с регистрацией прав на недвижимость. Реестр границ – это новый свод сведений, который ранее не существовал в качестве отдельной системы или подсистемы. Реестровые дела – совокупность документов, на основании которых Росреестр вносит сведения в ЕГРН. Росреестр будет вести реестровые дела в электронной форме. Он сам будет оцифровывать документы. Полученные электронные документы и образцы документов подписывает должностное лицо Росреестра с использованием ЭЦП. Важно отметить, что они имеют ту же юридическую силу, что и документы на бумажном носителе, которые представил заявитель.

Но есть исключение: Росреестр должен будет вести реестровые дела на бумажном носителе при одновременном соблюдении двух условий: заявитель оформил и представил в Росреестр документы на регистрацию в простой письменной форме на бумажном носителе; оригиналов таких документов нет в иных ор-

ганах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных архивах.

Дежурные кадастровые карты (понятие, не известное ГКН) – кадастровые карты, которые предназначены исключительно для использования Росреестром при ведении ЕГРН. Законодатель разделил кадастровые карты на два вида: публичные – предназначены для использования неограниченным кругом лиц; дежурные – предназначены исключительно для органа регистрации прав при ведении ЕГРН.

Книги учета документов – базы данных, в которых Росреестр указывает документы, поступившие для регистрации прав; для государственного кадастрового учета; для внесения сведений в реестр границ. Данные книги учета документов будут вести в электронной форме [6].

Будут внесены важные изменения, которые существенно упростят регистрацию прав на недвижимость. Важное новшество, повышающее надежность сохранности информации базы данных, состоит в том, что ЕГРН будут храниться в электронном виде, а резервные копии обеспечат сохранность и защиту данных. Также новый реестр будет служить архивом для всех сведений, касающихся объектов недвижимости. По новому закону данные из него нельзя удалить и изъять.

С ведением ЕГРН в электронном виде связано одно из принципиальных изменений. С 2017 г. отменена выдача документа, привычного для собственников недвижимости, – свидетельства о государственной регистрации. Теперь регистрация или переход прав на недвижимость подтверждается выпиской из ЕГРН. При этом свидетельства, полученные до 2017 г., не теряют своей силы. Регистрация сделок по новым правилам подтверждается на самом документе регистрационной надписью.

Благодаря вступлению закона в силу появятся и нововведения, удобство которых наверняка оценят потенциальные владельцы недвижимости. А именно, процесс постановки объекта недвижимости на кадастровый учет и процедура государственной регистрации прав будут осуществляться одновременно. При этом заявления и остальные необходимые документы граждане смогут подать как в бумажном виде (лично в Росреестр, через многофункциональный центр, посредством почтового отправления

ния), так и в форме электронных документов – через единый портал госуслуг или сайт Росреестра.

С введением нового закона, Росреестр будет самостоятельно запрашивать в налоговом органе учредительные документы заявителя. При этом не имеет значения, представлял ли их ранее заявитель на регистрацию прав и вносил ли в них изменения. Требования к документам, которые представляют на регистрацию, снизятся, будет достаточно одного подлинника или копии актов госорганов (суда).

Еще одно «удобное» преимущество, предоставляемое законом всем россиянам, – принцип экстерриториальности: подача документов на регистрацию будет возможна из любой точки мира.

Заявитель сможет подать документы лично в подразделение Росреестра или в МФЦ согласно перечню, который опубликован на официальном сайте или отправить документы на бумажном носителе по почте. Это правило распространяется на заявление (и документы, которые к нему прилагаются) о государственном кадастровом учете и (или) регистрации прав.

Формально и сейчас не запрещается подать документы не по месту нахождения недвижимости, но на практике документы принимают только там, где она находится. Также появится возможность подать документы через выездное подразделение Росреестра. В этом случае заявление и прилагаемые к нему документы заявитель представляет в форме документов на бумажном носителе, лично обратившись к уполномоченному лицу Росреестра.

Технологичнее станет и процесс оповещения с января 2017 г. Росреестр будет в обязательном порядке оповещать владельцев имущества обо всех заявлениях на регистрацию права касательно их недвижимости. Оповещение должно происходить в день поступления заявления при условии, что сведения о недвижимости есть в ЕГРН. Это еще один способ уменьшить количество мошеннических махинаций [7].

Сейчас Росреестр обязан уведомить правообладателя недвижимости в течение пяти рабочих дней только при государственной регистрации ограничений (обременений) прав, установленных в соответствии с законодательством в публичных интересах органами государственной власти и органами местного само-

управления по инициативе указанных органов, либо ограничений (обременений) права собственности и иных вещных прав правами третьих лиц.

Сроки предоставления услуг сократятся. Вся процедура постановки на кадастровый учет недвижимого имущества и регистрации на него прав займет 10 рабочих дней, при подаче документов через МФЦ – 12 дней.

Теперь должностные лица будут нести личную ответственность за ошибки в документации, нарушения сроков и другие проступки, которые могут привести к ущербу заявителей. Иными словами, степень ответственности лица (субъекта гражданско-правовых отношений) должна быть адекватна совершенному этим лицом неправомерному деянию (действию или бездействию), то есть должны быть точно выполнены предписания гражданско-правовых норм [5].

При этом убытки, понесенные гражданами вследствие ненадлежащих действий органов регистрации, будут полностью покрыты за счет государственной казны [4].

Несмотря на то, что цель Закона – упростить регистрацию прав, законодатель внес в него несколько положений, которые ее осложняют. Новые правила подразумевают, что при отправке в Росреестр документов почтой необходимо заверить у нотариуса весь пакет документов, а именно доверенность, которая подтверждает полномочия представителя заявителя и любую сделку с объектом недвижимости, иначе заявление рассмотрено не будет.

Изменения произойдут, если заявитель будет отправлять по почте заявление о государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав и документы, которые к нему прилагаются. На данный момент в этом случае достаточно нотариального удостоверения лишь подписи заявителя на заявлении о государственной регистрации прав.

С 1 января 2017 г. появится условие, при котором Росреестр сможет отказать в приеме документов, но только в случае, если заявитель лично обратился для того, чтобы представить документы, но не может доказать свою личность (например, не предъявляет паспорт). Сейчас не допускается отказа в приеме документов, которые представлены для государственной регистрации прав.

Самое главное – это то, что с наступлением 2017 г. закон определил 51 основание для приостановления постановки объектов недвижимости на кадастровый учет и государственной регистрации [3].

Перечень оснований для отказа и приостановления регистрации права, а также постановки на учет расширен с 7 до 51 пункта.

Регистратор приостанавливает регистрацию:

1) если возникают сомнения в наличии оснований для государственной регистрации прав, в подлинности представленных документов или достоверности указанных в них сведений;

2) если Росреестру по межведомственным запросам не представили документы (сведения, которые в них содержатся);

3) в двух специальных случаях, когда речь идет о регистрации прав на земельный участок;

4) при наличии ранее поданных документов на регистрацию сделки с объектом недвижимости и (или) перехода, ограничения (обременения) права на данный объект, по которым решение о регистрации или об отказе в ней не принято;

5) на основании судебного акта (определения или решения суда).

С одной стороны, увеличение оснований для приостановления до 51 пункта говорит об ужесточении требований, которые законодатель предъявляет как к самим объектам недвижимости, так и документам, которые представляются на регистрацию прав.

С другой стороны, это можно расценить как упрощение процедуры регистрации прав, поскольку законодатель вообще исключил основания для отказа в регистрации прав без предварительного приостановления регистрации. Росреестр больше не сможет, как это есть сейчас, просто одномоментно отказать в регистрации по названным в законе причинам. С 2017 г. основание для отказа будет одно – неустранение причины приостановления в течение установленного срока.

Вопрос отказа в регистрации прав с 1 января 2017 г. будет урегулирован очень просто. После приема документов Росреестр не сможет отказать в регистрации без предварительного приостановления.

У заявителя появится больше времени для устранения причин приостановки регистрации. Сейчас допускается возмож-

ность приостановления регистрации прав на срок не более 1 месяца по инициативе Росреестра и на срок до 3 месяцев на основании поступившего в Росреестр заявления в письменной форме правообладателя, стороны или сторон сделки либо уполномоченного им или ими на то лица. С 1 января 2017 г. эти сроки составят 3 и 6 месяцев [2].

Таким образом, новый закон существенно упростит регистрацию прав на недвижимое имущество. Благодаря резервному копированию сохранность сведений в электронном реестре становится более надежной и защищенной. Уточненные и расширенные данные, внесенные в ЕГРН, обеспечивают полноту информации и влияют на правильность налогообложения. Сам же процесс оформления документов становится более оперативным и удобным. Также сводится к минимуму осуществление мошеннических действий с недвижимостью за счет организации эффективного взаимодействия между ведомствами без увеличения перечня документов, подаваемых заявителями. Для обеспечения правильного функционирования новой системы органы ЗАГС обяжут в трехдневный срок осуществлять передачу данных о регистрации смерти физических лиц в Росреестр, что позволит исключить возможность проведения незаконных сделок с недвижимостью умерших.

Эти нововведения однозначно можно назвать полезными и прогрессивными. С другой стороны, зарегистрировать права с 2017 г. станет сложнее. Особенность нового порядка регистрации прав – установка дополнительных по сравнению с настоящим порядком препятствий к проведению регистрации. Поэтому лицам, которые желают зарегистрировать права, проще это будет сделать до 1 января 2017 г.

Список литературы

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.09.2016) // СПС КонсультантПлюс.

3. Изменения, которые осложняют регистрацию прав на недвижимость с 2017 г. <http://www.1jur.ru>
4. <http://mozart-legal.ru>
5. Дургарян К.В. Философский и гражданский аспекты категории «справедливость» // Философские и социально-экономические аспекты формирования правового сознания граждан: Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. И.И. Грунтовский. М.: Международный юридический институт, 2016.
6. ЕГРН: новые правовые категории. <http://www.lawyercom.ru/article/>
7. Сделки с недвижимостью в 2017 г. <http://iadvokat24.ru>
8. Структура ЕГРП. <http://rosregistr.ru/raznoe/6789.html>

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

CIVIL LEGAL REGULATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP FOR INNOVATION

Куницкая Ольга Михайловна

канд. юрид. наук, доцент

Белорусский государственный университет

Kunitskaya O.

PhD, Associate Professor,

Belarusian State University,

Minsk, Republic of Belarus

***Аннотация.** В условиях необходимости активизации инновационной деятельности посредством развития отношений государственно-частного партнерства исследуются проблемы их правового регулирования. Обосновывается гражданско-правовой характер взаимоотношений субъектов государственно-частного партнерства в инновационной сфере при рассмотрении данного института в узком смысле. Предлагается совершенствовать правовые положения о государственно-частном партнерстве в специальном законодательстве об инновационной деятельности.*

Abstract. *In the context of the need to foster innovation through the development of relations of public-private partnership devoted to the problems of legal regulation. Substantiates the civil nature of the relations between the subjects of public-private partnership in the innovation sphere in the consideration of this institution in the narrow sense. It is proposed to improve the legal provisions on public-private partnership in the special legislation on innovative activity.*

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, инновационная деятельность, гражданское законодательство.*

Key words: *public-private partnerships, innovation, civil law.*

Политика Республики Беларусь в сфере экономического развития ориентируется на приоритетах инновационного пути развития. Решение указанной задачи требует необходимых организационных, экономических и правовых условий, способствующих вовлечению в хозяйственный оборот результатов инновационной деятельности. Несовершенство инновационной системы в Республике Беларусь [5] поднимает проблему формирования механизма активизации инноваций посредством развития отношений государственно-частного партнерства (далее – ГЧП). Значение ГЧП проявляется в том, что оно позволяет экономить бюджетные средства за счет их более эффективного использования и привлечения частных инвестиций, внедрять технические новшества, имеющиеся у бизнеса, снижать стоимость публичных услуг для потребителей, а также отвлекать государство от непосредственного участия в производстве, концентрируя его усилия на организационных и контрольных функциях [3, с. 175].

Учитывая особенности различных форм взаимодействия государства и бизнеса, следует обозначать исследуемое понятие в широком и узком смыслах. В широком смысле под ГЧП подразумевается любое официальное конструктивное взаимодействие власти и бизнеса в достижении общих целей социально-экономического развития. Данные формы взаимодействия государства и бизнеса имеют свои особенности, являются отличными от ГЧП правовыми институтами и не могут включаться в сферу правового регулирования ГЧП как особой формы сотрудничества публичного и частного партнеров на основе соглашения о ГЧП [4, с. 13].

В узком смысле ГЧП представляет собой формализованный институт – конкретное соглашение партнеров, в рамках которого осуществляется их сотрудничество, направленное на реализацию совместного инвестиционного проекта в отношении объекта, находящегося в сфере публичного интереса и контроля, предусматривающего объединение ресурсов партнеров и распределение рисков между ними в целях решения публичных задач [11, с. 85].

В узком смысле наиболее точно, как необходимые и достаточные, сущность ГЧП отражают следующие признаки (характеристики) ГЧП:

1) временная ограниченность (действие ГЧП, как правило, обусловлено действием сроков выполнения конкретного инвестиционного проекта, включая эксплуатацию);

2) смешанный субъектный состав (государство, субъект частной формы собственности);

3) объекты ГЧП – имущество, как правило, находящееся в собственности государства, а также общественные (публичные) услуги, что предопределяет их особый правовой режим;

4) общие для партнеров цели, обусловленные общественной необходимостью;

5) совместное (консолидированное) инвестирование (финансирование) реализации ГЧП (имущественное, финансовое участие обеих сторон);

6) распределение прав и обязанностей сторон обусловлено особенностями разделения рисков, расходов, достигнутых результатов (сотрудничество между государственным и частным сектором не будет рассматриваться как ГЧП в том случае, если все риски и ответственность возлагаются на одну из сторон);

7) выбор частного партнера на условиях конкурентности (по конкурсу (аукциону) [6, с. 51].

В этой связи среди форм ГЧП не следует называть, например, поставку товаров, работ и услуг для государственных нужд, лизинг, аренду государственного имущества, инвестиционную деятельность, в том числе в форме капитальных вложений, инвестиционные, в том числе венчурные, фонды, агентства инвестиций и развития, функционирование особых экономических зон и пр. Применительно к инновационной сфере также являет-

ся широким подход, на основе которого ГЧП определяется как совокупность организационно-правовых отношений и действий государства и частного бизнеса, направленных на достижение целей инновационного развития на макро-, региональном и микроуровне посредством реализации проектов и программ в инновационной сфере [18, с. 79]. Авторы, которые придерживаются такого мнения, типы ГЧП в инновационной сфере формируют по стадиям инновационного цикла и включают: партнерство в образовании, сотрудничество в научных исследованиях и разработках, в инвестиционной деятельности, в трансфере технологий, в производстве инновационной продукции. В рамках каждого типа выделяют несколько моделей. Например, ГЧП в трансфере технологий может включать следующие модели: проект создания инновационно-технологического центра, проект создания регионального венчурного фонда с государственным участием. Партнерство в образовании реализуется в таких моделях: участие государственных региональных органов в разработке образовательных программ в местных университетах; организация обучающих семинаров, конференций по вопросам менеджмента, маркетинга, права, логистики, бизнес-планирования для субъектов бизнеса конкретного региона. Сотрудничество в производстве инновационной продукции может происходить с использованием следующих моделей: размещение государственного заказа на научно-техническую и инновационную продукцию для государственных нужд; софинансирование инновационных проектов; развитие стратегического сотрудничества между исследовательскими и промышленными организациями по реализации важнейших инновационных проектов государственного значения [18, с. 80–81].

Анализ основных теоретических позиций, научных взглядов относительно способов объективного, реального существования и функционирования ГЧП показал наличие двух основных правовых форм ГЧП, рассматриваемого в узком смысле: «корпоративное» и «договорное» ГЧП. Они подпадают под способы осуществления инвестиций. В свою очередь, договорное ГЧП в зависимости от моделей данного партнерства может быть представлено:

- 1) договорами без инвестиционных обязательств;
- 2) договорами с инвестиционными обязательствами;

3) договорами с перераспределенными между сторонами инвестиционными обязательствами и результатами их исполнения. Первые два вида не связаны с осуществлением инвестиций [7, с. 10–11].

Соглашение о ГЧП мы относим к группе инвестиционных договоров с государством, который, по сути, фиксирует порядок взаимодействия, сотрудничества государства и частных лиц в процессе осуществления инвестиций. Данный договор сложно подвести под какую-либо известную гражданско-правовую договорную конструкцию. Характеристики, условия инвестиционных договоров с участием государства (в первую очередь о его предмете), закрепленные в законодательстве, указывают на их самостоятельный характер. Инвестиционный договор не включен в Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7.12.1997 г. (далее – ГК Республики Беларусь) [2], но к нему применяются общие положения гражданско-правового регулирования. Отношения власти и подчинения отсутствуют, данный договор порождает правоотношение, содержащее права и обязанности сторон. Инвестиционный договор с государством имеет самостоятельный предмет, ввиду чего приобретает самостоятельный характер. Поэтому мы не видим оснований для трактовки данного договора как смешанного.

Некоторыми авторами обоснованно высказывается мнение, что ввиду принятия специального законодательства соглашения о ГЧП следует рассматривать как поименованные гражданско-правовые договоры [7, с. 143–144].

ГЧП предполагает взаимодействие двух сторон: государственного и частного партнеров. Стороной соглашения о ГЧП выступает именно государство, а не органы власти, которые в данном случае согласно ст. 125 ГК Республики Беларусь [2] не обладают самостоятельной правосубъектностью, приобретая и осуществляя имущественные права и обязанности по соглашению от имени публично-правового образования. При этом совершаемые органами власти сделки будут действительны лишь в том случае, если это прямо относится к функциям данных органов власти. Лицо, желающее принять участие в проекте ГЧП на стороне частного партнера, должно обладать статусом субъ-

екта предпринимательской деятельности. На стороне частного партнера не может выступать юридическое лицо, имущество которого принадлежит государству (полностью или в размере более 50 %).

Основные вышеизложенные теоретические положения подтверждаются результатами анализа специальных нормативных правовых актов о ГЧП. Предметом анализа стало отражение в них подхода законодателя при определении понятия ГЧП, его признаков, объектов, субъектов, правовых форм. При этом анализу подвергнуто законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации, законодательство Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

В Российской Федерации наиболее важным последствием принятия Федерального закона от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о ГЧП) [9] является закрепление возможности более гибкого структурирования проектов ГЧП на основании различных моделей. Активное и в целом успешное развитие института ГЧП в России подтверждается текущей практикой реализации конкретных проектов, как на федеральном, так и на региональном уровне [4, с. 4].

Объекты соглашения о ГЧП определены в ст. 7 Федерального закона о ГЧП, они носят инфраструктурный характер, ими может быть только имущество, в отношении которого законодательством Российской Федерации не установлены принадлежность исключительно к государственной, муниципальной собственности или запрет на отчуждение в частную собственность либо на нахождение в частной собственности.

В Беларуси также в 2014–2015 гг. наблюдается активное развитие законодательства в указанной сфере, а также институциональное развитие ГЧП. Тем не менее к настоящему времени нет реализованных проектов, только инициирована подготовка ряда пилотных проектов ГЧП с участием международных институтов развития [4, с. 6].

Закон Республики Беларусь от 30.12.2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон Республики

Беларусь о ГЧП) [10] определяет ГЧП как юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество государственного и частного партнеров в целях объединения ресурсов и распределения рисков, отвечающее целям, задачам и принципам, определенным Законом, осуществляемое в форме соглашения о ГЧП. В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь о ГЧП может осуществляться в отношении объектов инфраструктуры в определенных указанной нормой сферах, в том числе научной, научно-технической деятельности и иных сферах. При этом объект инфраструктуры обозначен как объект инженерной, производственной, социальной и транспортной инфраструктуры, находящийся в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальной единицы или возводимый в рамках проекта ГЧП.

Учитывая многообразие подходов к правовому оформлению ГЧП в странах СНГ, в 2014 г. принят модельный закон для государств – участников СНГ «О публично-частном партнерстве» (далее – модельный закон о ГЧП для СНГ) [14]. Модельный закон о ГЧП для СНГ трактует исследуемое понятие как юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении ресурсов и распределении рисков взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных, муниципальных и иных общественно-значимых задач, находящихся в сфере публичного интереса и контроля.

Более широкая трактовка ГЧП содержится, например, в Решении Совета глав правительств СНГ от 18.10.2011 г. о Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 г. (далее – межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств СНГ) [16], где государственно-частное партнерство определяется как юридически закрепленная форма взаимодействия государства и частного сектора в отношении объектов государственной и муниципальной собственности, а также услуг, исполняемых и оказываемых государственными и муниципальными органами, учреждениями, предприятиями в целях реализации общественно значимых проектов в широком спектре видов экономической деятельности.

Как видим, национальное законодательство стран – участниц СНГ несколько отличается от законодательства СНГ именно использованием узкого подхода в определении понятия ГЧП, в вопросе установления объектов ГЧП. Не во всех актах законодательства к сферам применения ГЧП отнесена инновационная сфера, соответственно в роли объектов ГЧП объекты инновационной сферы не обозначены.

Следует отметить, что в модельном законе о ГЧП для СНГ термин «публично-частное партнерство» не рассматривается разработчиками в широком смысле применительно к установлению форм ГЧП. Кроме того, несмотря на то, что он «призван регулировать лишь наиболее общие отношения, связанные с сотрудничеством власти и бизнеса», данный модельный закон регулирует «инвестиционные отношения в инфраструктурной сфере, а именно в реализации государственных и муниципальных инвестиционных проектов, софинансировании социально важных объектов инфраструктуры» [4, с. 12].

Объекты ГЧП в Модельном законе о ГЧП для СНГ означают недвижимые вещи, движимые вещи, иное имущество, включая имущественные права, несколько указанных объектов, связанных между собой, а также результаты работ и оказание услуг (ст. 2 модельного закона о ГЧП для СНГ). Инновационная деятельность в модельном законе о ГЧП для СНГ к сфере применения ГЧП не причисляется.

Исходя из содержания ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10.07.2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон Республики Беларусь об инновационной деятельности) [8] инновационная деятельность – это *преобразование* результата интеллектуальной деятельности, обладающего признаками новизны, в новую или усовершенствованную продукцию, технологию, услугу, организационно-техническое решение. При этом последние должны быть введены в гражданский оборот или использоваться для собственных нужд.

Более десяти лет назад государства СНГ осознали необходимость гармонизации законодательства об инновационной деятельности, отвечающего требованиям развития экономики государств – участников СНГ, ориентированного на возможные пер-

спективы научно-технической интеграции, создания общего экономического пространства для государств – участников СНГ, начиная с разработки Модельного закона об инновационной деятельности [13], научной и научно-технической деятельности [12]. Достаточно близкими по основным положениям являются Модельный Инновационный кодекс для СНГ, утвержденный Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 28.11.2014 г. (далее – модельный Инновационный кодекс СНГ) [15], и законодательство Республики Беларусь.

Концептуальной основой межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств СНГ названы инновационные проекты, реализация которых может осуществляться посредством различных механизмов, включая государственно-частные инвестиционные проекты [16].

Действительно, ГЧП может оказаться одним из достаточно эффективных средств реализации стратегии развития инновационного типа экономики за счет эффективной интеграции власти, науки, образования и бизнеса. При осуществлении ГЧП в инновационной сфере не усматривается препятствий для заключения и исполнения соглашений о ГЧП. В этой связи следует пересмотреть белорусское законодательство о ГЧП в части определения объектов и сфер ГЧП. Тем более что ст. 8 Закона Республики Беларусь об инновационной деятельности прямо устанавливает «основу осуществления ГЧП в сфере инновационной деятельности» [8]. Безусловно, данной нормы явно недостаточно для формирования действующего механизма ГЧП в инновационной сфере. Несмотря на это, она закладывает основу создания специального законодательства о ГЧП в инновационной сфере.

В соответствии со ст. 14 модельного Инновационного кодекса СНГ государственно-частное партнерство направлено на реализацию инновационных проектов на основе определенных принципов, соответствующих общему характеру ГЧП [15].

При взаимодействии партнеров ГЧП в инновационной сфере возникают общественные отношения, связанные с осуществлением инновационной деятельности, содержание которой составляет деятельность, направленная на преобразование новшества в инновацию. Участниками данных общественных отношений

являются компоненты инновационной системы при осуществлении инновационной деятельности на основе ГЧП.

Инновационные правоотношения – это урегулированные нормами права общественные отношения в сфере создания, внедрения и коммерциализации инноваций, участники которых наделены субъективными гражданскими правами и обязанностями. Субъекты инновационной деятельности необходимо признать субъектами гражданских правоотношений с особым правовым статусом, объединяющим черты правосубъектности юридических лиц и присущие только им особенности [1, с. 10].

Договорные отношения, складывающиеся в процессе создания и внедрения инноваций, характеризуются равноправием и независимостью, имущественной обособленностью участников, носят эквивалентно-возмездный характер, следовательно, регулируются нормами гражданского права. Поведение субъектов гражданского правоотношения направлено на создание результатов инновационной деятельности, выступающих в роли объектов гражданского правоотношения [1, с. 12].

Соглашение о ГЧП как договор с перераспределенными инвестиционными обязательствами, который носит организационный характер, включает общие условия о принципах сотрудничества сторон в реализации инвестиционного проекта. На основе соглашения о ГЧП заключается договор инвестирования инноваций – «соглашение, на основании которого инвестор обязуется передать инноватору денежные средства в обмен на получение дохода в виде инновационного объекта, а инноватор – создать и передать инвестору предусмотренный договором инновационный объект по окончании выполнения работы. Установлено, что договор инвестирования инноваций будет считаться исполненным с момента передачи инноватором инвестору разработанного инновационного объекта и встречной выплате инвестором инноватору вознаграждения. Только когда конечный результат инновационной деятельности, в разработку которого было произведено инвестирование, будет отвечать всем признакам инновационной продукции, цель договора может считаться достигнутой [1, с. 12–13].

По нашему мнению, законодательство о ГЧП и об инновационной деятельности должно предусматривать механизмы взаи-

модействия науки и бизнеса в целях создания развитой системы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, а также вовлечения бизнеса с его инициативным и коммерческим потенциалом в формирование и реализацию научных, научно-технических проектов, перехода науки на новые модели взаимодействия, снижающие ее ориентированность на традиционные формы государственной поддержки.

Список литературы

1. Белецкая А.А. Гражданско-правовое регулирование инвестирования инноваций: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Белгород, 2014.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь. 7 дек. 1997 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г., в ред. Закона Респ. Беларусь от 5.01.2016 г. // СПС КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации. Республика Беларусь. Минск, 2016.

3. Килинкар В.В. Актуальные вопросы разрешения споров в сфере публично-частного партнерства // Закон. 2015. № 2.

4. Комментарий к модельному закону «О публично-частном партнерстве»: приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 20 мая 2016 г., № 44-15. <http://iacis.ru/upload/> (дата обращения: 25.11.2016).

5. Концепция Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг.: одобрена на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь, 22 сент. 2015 г. <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/> (дата обращения: 25.11.2016).

6. Куницкая О.М. Понятие и правовые формы государственно-частного партнерства, основанного на осуществлении инвестиций. Минск: Право и экономика, 2015.

7. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь. 10 июля 2012 г., № 425-З // СПС КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2016.

8. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон. 13 июля 2015 г., № 224-ФЗ. <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 25.11.2016).

9. О государственно-частном партнерстве: Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 345-3 // СПС КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2016.

10. Попондопуло В.Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы // Арбитражные споры. 2014. № 2.

11. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном законе «О научной и научно-технической деятельности»: Принято в г. Санкт-Петербурге, 25.11.2008 г. <http://cis.minsk.by/reestr/ru/> (дата обращения: 26.11.2016).

12. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном законе «Об инновационной деятельности»: принято в г. Санкт-Петербурге, 16.11.2006 г. <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 26.11.2016).

13. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ о модельном законе «О публично-частном партнерстве»: принято в г. Санкт-Петербурге, 28.11.2014 г. <http://iacis.ru/upload/> (дата обращения: 17.11.2016).

14. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном Инновационном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств»: принято в г. Санкт-Петербурге, 28.11.2014 г. // СПС КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2016.

15. Решение Совета глав правительств о Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 г.: принято в г. Санкт-Петербурге, 18.10.2011 г. <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 17.11.2016).

16. Самоловов Д.А. Соглашение о государственно-частном партнерстве: вопросы правовой квалификации / Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4.

17. Яшева Г.А. Формирование механизмов государственно-частного партнерства в инновационной сфере Евразийского Экономического Союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 13.

ШТРАФНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

THE PENALTY FUNCTION OF CIVIL LIABILITY: GENERAL CHARACTERISTICS

Липская Оксана Николаевна

магистрант

Международный юридический институт

Lipskaya O.

Master of International Law Institute,

Moscow, Russia

***Аннотация.** В статье анализируется штрафная функция гражданско-правовой ответственности, дается ее общая характеристика. Определяется законная и договорная неустойка. Выявляется взаимосвязь штрафной функции с воспитательной и восстановительной функциями гражданско-правовой ответственности.*

***Abstract.** The penalty function of civil liability is analyzed in the article, given its general characteristics. Determined by the laws and contractual forfeit. Determine relations between the penalty function and educational and replacement functions of civil liability.*

***Ключевые слова:** гражданско-правовая ответственность, функции, штрафная функция, неустойка.*

***Key words:** civil liability, function, the penalty function, forfeit.*

Функции гражданско-правовой ответственности как основные направления воздействия на социальные отношения многообразны.

Если насчет перечня функций юридической ответственности в общем и гражданско-правовой ответственности в частности существуют споры по поводу их количества и наименований, то карательную (репрессивную, штрафную) функцию выделяют практически все авторы.

Настоящая работа является попыткой очертить основные цивилистические подходы к пониманию сущности штрафной функции гражданско-правовой ответственности.

Необходимо учитывать, что все виды юридической ответственности имеют сходные функции.

Это связано с тем, что юридическая ответственность носит системный характер.

Кроме того, те функции, которые отмечены в родовом явлении, обязательно найдут свое проявление и в отдельных видах юридической ответственности [9, с. 66].

Однако поскольку гражданское право регулирует имущественные и некоторые личные неимущественные отношения, возникающие, как правило, по воли сторон, то и для гражданско-правовой ответственности специфическими функциями выступают регулятивная, компенсационная и восстановительная, а штрафная функция не является основной или преимущественной и реализуется лишь в особых случаях.

Карательная (штрафная) функция гражданско-правовой ответственности выражается в наказании правонарушителей.

Наказание (кара) в гражданском праве проявляется в виде возложения на правонарушителя дополнительных обременительных имущественных обязанностей.

Карательное воздействие ведет к сужению самых разнообразных прав и появлению у субъекта новых обязанностей, которых не существовало до момента совершения правонарушения [5, с. 30].

Можно согласиться с Н.А. Макаровой, что, с одной стороны, кара – это всегда часть процесса восстановления нарушенного права, порядка, существовавшего до совершения соответствующего правонарушения, а с другой – необходимый элемент предупредительного воздействия, причем как в отношении лица, совершившего данное нарушение, так и в отношении остальных

членов общества, в некоторых случаях она способна удержать указанных субъектов от противоправных деяний [7, с. 197].

Однако смысл карательной функции заключается не только в ограничении поведения правонарушителя, но и в формировании его правомерного поведения как в период претерпевания неблагоприятных правоограничений, так и в будущем [4, с. 25].

По нашему мнению, штрафную функцию гражданско-правовой ответственности необходимо рассматривать в узком смысле и не относить к ней возмещение убытков (восстановительная функция) и компенсацию морального вреда (компенсационная функция).

Таким образом, штрафная функция гражданско-правовой ответственности находит свое отражение в первую очередь во взыскании неустойки независимо от понесенных убытков (ст. 330, ст. 394 ГК РФ [1]).

При этом неустойка (штраф, пени) представляет собой определенную, устанавливаемую договором или законом денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения.

Целый ряд нормативных актов содержит нормы, устанавливающие законную неустойку.

Например, Закон РФ «О защите прав потребителей» [2]: продавец, допустивший нарушения, уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере одного процента цены товара (ст. 23); ФЗ РФ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» [3]: при необоснованном уклонении поставщика от заключения государственного контракта в случаях, когда обязательность заключения контракта установлена законом, поставщик уплачивает покупателю штраф в размере стоимости продукции, определенной в проекте контракта (абз. 2 п. 2 ст. 5) и другие.

В гражданском законодательстве, кроме законной и договорной неустойки, можно выделить и другие виды штрафных мер гражданско-правовой ответственности.

Например, проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ); взыскание всего полученного по сделке в доход государства (недопущение реституции), напри-

мер, при совершении сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), что является типичным проявлением карательной функции гражданско-правовой ответственности [10, с. 47].

При этом штрафная функция гражданско-правовой ответственности не существует обособленно от других функций.

Прежде всего штрафная функция тесно связана с воспитательной.

По мнению Д.А. Липинского, карательная функция должна осуществляться одновременно с воспитательной, так как только такое взаимодействие позволяет не превратиться каре в самоцель [6, с. 56].

Штрафная функция вместе с конкретными правоограничениями несет в себе и порицание виновного, она преследует не только цель кары, но и цель воспитания.

Данная цель может реализовываться в отношении различных субъектов.

Во-первых, тех субъектов, которые непосредственно претерпевают меры юридической ответственности, и во-вторых, иных субъектов, в отношении которых имеется информационное воздействие со стороны практики применения юридической ответственности [4, с. 26].

В процессе осуществления гражданско-правовой ответственности тесное взаимодействие прослеживается также между штрафной и восстановительной функцией.

При реализации штрафной функции может быть приведен в действие и механизм возмещения ущерба, причиненного правонарушением.

Действуя одновременно с карательной, восстановительная функция принуждает правонарушителя к правомерному поведению [9, с. 66].

Любое правонарушение должно влечь реакцию со стороны государства.

Эта реакция выражается в неотвратимой каре правонарушителя и в восстановлении общественных отношений.

Кара как неотвратимая реакция осуществляется не ради себя самой, а ради другого аспекта неотвратимости – чтобы в буду-

щем субъект не нарушал возложенных на него обязанностей [11, с. 69; 8].

Таким образом, штрафная (карательная) функция гражданско-правовой ответственности проявляется в установлении гражданским законодательством или договором специальных норм, налагающих на правонарушителя дополнительные имущественные обязанности, и реализуется после совершения правонарушения.

Как правило, штрафная функция выражается в законной или договорной неустойки, процентах за пользование денежными средствами.

Штрафная функция взаимосвязана и с другими функциями гражданско-правовой ответственности, прежде всего воспитательной и восстановительной.

Частноправовой интерес субъекта уже, нежели публичный, и может заключаться только в восстановлении его имущественной сферы.

Публично-правовой интерес включает в себя не только восстановление имущественной сферы потерпевшего, но и восстановление законности, правопорядка, морально-психологического спокойствия, социальной справедливости, авторитета государственной власти, авторитета нарушенного закона и т.д.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 6.04.2015) // Российская газета. 1994. 8 дек. № 238–239.

2. Закон РФ от 7.02.1992 № 2300-1 (ред. от 5.05.2014) «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1996. 16 янв. № 8.

3. Федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ (ред. от 20.04.2014) «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» // Российская газета. 1994. 21 дек. № 247.

4. Кабанов П.А. Соотношение карательной и регулятивной функций юридической ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 74.

5. Лапшина О.С. Основные подфункции охранительной функции права // Бизнес в законе. 2010. № 4.

6. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Лекция: юридическая ответственность, санкции и меры защиты // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 4.

7. Макарова Н.А. К вопросу о подфункциях охранительной функции права // Вестник СамГУ. 2013. № 2 (103).

8. Мелкумян М.Г. Взаимодействие воспитательной функции юридической ответственности с регулятивной, превентивной и карательной функцией // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16).

9. Мелкумян М.Г. К вопросу о классификации функций юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. 2011. № 3 (6).

10. Рыженков А.Я. Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в Российском законодательстве. 2012. № 4.

11. Хачатуров Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1.

СУД ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ В СИСТЕМЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE COURT FOR INTELLECTUAL RIGHTS IN THE SYSTEM OF ARBITRATION COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Лукьяненко Виктория Валерьевна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Lukanenkova Victoria V.

candidate of legal Sciences,

associate Professor civil rights (General chair)

The Smolensk Branch of the International law Institute

Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье затрагиваются вопросы создания Суда по интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Рассматриваются основные предпосылки создания этого нового элемента системы арбитражных судов.*

***Abstract.** The article addresses the issues of creation of Court on intellectual property in the Russian Federation. Examines the basic prerequisites for the establishment of this new element of the system of arbitration courts.*

***Ключевые слова:** суд по интеллектуальным правам, интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, судебная система, специализированный арбитражный суд, разрешение споров.*

***Key words:** the court for intellectual property rights, intellectual property rights, intellectual property, legal system, specialized bankruptcy court, the settlement of disputes.*

Развитие промышленности и экономики с каждым годом насыщает рынок все большим количеством изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Вопросы защиты авторства

на произведения и другие объекты авторских прав встают все более остро. Следствием этого являются постоянно увеличивающиеся количество и сложность споров, связанных с защитой интеллектуальных прав. Арбитражные суды и суды общей юрисдикции, которые традиционно занимались рассмотрением споров, связанных с интеллектуальной собственностью, еще с 70-х гг. XX в. начали сталкиваться с проблемами при их разрешении. И это не удивительно, ведь дела о защите интеллектуальных прав обладают своей собственной спецификой. Россия столкнулась с необходимостью реформирования судебной системы в том, чтобы осовременить, адаптировать ее для качественного разрешения споров об интеллектуальной собственности.

В 2009–2010 гг. Высший Арбитражный Суд РФ разработал и, после одобрения Президентом РФ Д.А. Медведевым, внес в Государственную Думу РФ ряд законопроектов по созданию нового специализированного арбитражного суда. Законопроекты о создании специализированного суда в области интеллектуальной собственности получили активное развитие в 2010 гг. На заседании президиума ВАС РФ 23 июня 2010 г. название «Патентный суд» было заменено на «Суд по интеллектуальным правам», поскольку предполагалось, что новый орган должен охватывать не только патентные споры, но и споры по иным объектам интеллектуальной собственности.

В 2010 и 2011 гг. Государственной Думой рассматривался пакет законопроектов о создании Суда по интеллектуальным правам, за принятие которых депутаты проголосовали почти единогласно. В декабре были внесены поправки в нормативно-правовые акты, связанные с появлением нового судебного органа. Начало Суда по интеллектуальным правам было положено с принятием Федерального конституционного закона от 6.12.2011 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» [1].

Первого января 2013 г. Суд по интеллектуальным правам был зарегистрирован в качестве юридического лица, а 23 сен-

тября состоялось его торжественное открытие. Непосредственно функционировать Суд по интеллектуальным правам начал с 3 июля 2013 г. после принятия Постановления Пленума ВАС РФ от 2.07.2013 № 51 «О начале деятельности Суда по интеллектуальным правам».

В общемировой практике сложились три основных способа организации судебной защиты интеллектуальных прав: путем создания специализированных судов (Великобритания, Германия, Япония), посредством учреждения в обычных судах специальных судебных составов (Австрия, Бельгия, Канада, США, Франция) и путем формирования квазисудебных органов (специальных трибуналов) по защите интеллектуальных прав (Австралия, Китай, Новая Зеландия).

Патентные суды уже много лет успешно действуют в Германии, Великобритании, Японии, Китае и многих других странах. В Германии Патентный суд функционирует с 1961 г. В Великобритании патентный суд входит в состав Канцлерского суда.

При разработке закона о Суде по интеллектуальным правам ориентиром была прежде всего германская модель.

Несмотря на то, что эта модель специализированного суда была взята за основу при разработке закона о специализированном суде в Российской Федерации, Суд по интеллектуальным правам отличается от Патентного суда Германии и по компетенции, и по внутренней организации. Даже название – Суд по интеллектуальным правам – показывает, что в России специализированный суд имеет дело не только со спорами, связанными с предоставлением патентной охраны. Компетенция Суда по интеллектуальным правам гораздо шире. Это видно даже из того, как в законе определяется круг споров, рассматриваемых данным судом в качестве суда первой инстанции. Это не только споры, связанные с патентами, но и дела, в рамках которых обсуждается вопрос об охране прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации – фирменное наименование, товарные знаки и знаки обслуживания, право на наименование места происхождения товара.

Как уже говорилось выше, необходимость создания Суда по интеллектуальным правам формировалась на протяжении не-

скольких десятилетий истории России. Анализ же пояснительной записки к проектам федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [2] в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» позволяет выделить целый ряд причин и предпосылок создания специализированного суда по интеллектуальным правам.

Так, *во-первых*, это принятие 18 декабря 2006 г. ч. 4 Гражданского кодекса и увеличение числа и сложности споров в сфере интеллектуальных прав.

Во-вторых, как в своей монографии верно отмечает действующий председатель Суда Л.А. Новоселова, это природа споров об интеллектуальной собственности [3]. Речь в данном случае идет о том, что рассмотрение таких споров требует не только глубоких юридических знаний и умения увидеть реальную причину конфликта, но и оценки технических, научных решений. Каждый суд может прибегнуть к помощи эксперта, но сама по себе экспертиза по делам об интеллектуальной собственности нуждается в очень серьезной оценке. Судьям, которые в один временной промежуток рассматривают самые разные споры – семейные, трудовые, корпоративные, может быть затруднительно разбираться во всех хитростях и тонкостях такого вида дел [4].

В-третьих, суды общей юрисдикции и не специализированные арбитражные суды могут не обладать теми компетенциями, которые необходимы им для качественного рассмотрения сложных споров, связанных с интеллектуальной собственностью.

В-четвертых, это необходимость в формировании профессионального судейского корпуса и привлечении в процесс лиц, которые обладают специальными знаниями в области интеллектуальных прав. Кроме того, АПК РФ предусмотрено участие в рассмотрении дел арбитражными судами специалистов, а также направление Судом по интеллектуальным правам запросов лицам, обладающим специальными знаниями. Поэтому формирование профессионального судейского корпуса, сконцентрированного в одном судебном органе и способного квалифициро-

ванно рассматривать и разрешать дела о защите интеллектуальных прав, а также расширение форм использования специальных знаний по данной категории дел – это одна из составляющих эффективной судебной защиты этих прав.

Особенностью Суда по интеллектуальным правам является то, что у него есть возможность привлекать в качестве специалистов работников суда – советников аппарата специализированного суда. Такой сотрудник не имеет права на получение специального вознаграждения за работу, выполненную по поручению арбитражного суда. Однако суд не лишен возможности привлекать для решения подобных вопросов и специалистов извне. Привлеченный специалист получает за свою работу вознаграждение, размер которого с ним согласовывается и выплачивается за счет бюджета.

У суда есть и еще одна возможность получить мнение специалистов – направить письменный запрос. Суд по интеллектуальным правам заключил несколько соглашений о сотрудничестве с ведущими техническими вузами и научно-исследовательскими институтами, в том числе с МГУ им. М.В. Ломоносова, МВТУ им. Н.Э. Баумана. Основной целью этой работы является создание базы экспертов, которые могут привлекаться к работе в суде в качестве специалиста, чтобы судья мог в ходе разбирательства дела задать им вопросы и прояснить какие-либо технические моменты.

В-пятых, создание специализированного суда может существенно повысить эффективность системы защиты интеллектуальных прав в России с учетом международных стандартов.

Таким образом, назревшая проблема была решена. Судебная система была реформирована: в нее был добавлен принципиально новый элемент – первый в стране специализированный арбитражный суд.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражного суда

ражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7334.

2. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // СПС КонсультантПлюс.

3. Права на товарный знак: Монография / Отв. ред. Л.А. Новоселова. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2016.

4. Лукьяненко В.В. Введение института профессионального представительства как очередной этап судебной реформы // Вестник Международного юридического института: научно-информационный журнал. 2016. № 1 (56).

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РАМКАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

PROBLEMS OF INSTITUTE OF GUARDIANSHIP WITHIN DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF LEGAL PERSONALITY

Ляшко Анастасия Алексеевна

магистрант первого года обучения
Академия управления при Президенте Республики
Беларусь

Пуцько Татьяна Николаевна

канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского и хозяйственного права
Академия управления при Президенте Республики
Беларусь

Liashko A.

undergraduate of the first year of training,
the Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus,
Minsk, the Republic of Belarus

Punko T.

candidate of science in law,
associate Professor of the Department of civil and
commercial law the Academy of Public Administration
under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
Minsk, the Republic of Belarus

***Аннотация.** Институт опеки и попечительства неразрывно связан с институтом правосубъектности физического лица. Зарождение института опеки и попечительства приходится на период зарождения римского права. На территории Беларуси институт опеки и попечительства получил также широкое распространение. На современном этапе, в рамках института опеки и попечительства выделился институт патронажа. Се-*

годня существует ряд проблем, связанных с регулированием данного института, а также с осуществлением контроля в данной области.

Abstract. *The institute of guardianship is inseparably linked with institute of legal personality of physical person. Origin of institute of guardianship falls on the period of origin of Roman Law. In the territory of Belarus the institute of guardianship was widely adopted also. At the present stage, within institute of guardianship the institute of patronage was allocated. Today there is a number of the problems connected with regulation of this institute and also with control in the field.*

Ключевые слова: правосубъектность, опека, попечительство, патронаж, римское право, Статуты ВКЛ, гражданское законодательство.

Key words: *legal personality, guardianship, patronage, Roman law, the Statute of GDL, civil legislation.*

Правосубъектность как комплексный институт включает в себя такие элементы, как правоспособность и дееспособность. В соответствии с законодательством правоспособность, как способность лица иметь гражданский права и обязанности, приобретается в момент рождения и прекращается со смертью [1]. Кроме того, правоспособность является неотчуждаемой и не может быть ограничена. А вот дееспособность, как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать права и обязанности, исполнять их [1], может быть ограничена.

Так, ограниченно дееспособными по законодательству признаются несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, граждане, признанные судом ограниченно дееспособными вследствие злоупотребления спиртными и наркотическими средствами, а также полностью недееспособными признаются граждане с психическими расстройствами.

Для защиты, реализации и гарантии прав, интересов вышеуказанных лиц, над ними устанавливается опека и попечительство.

Сегодня правовую базу, которая регулирует институт органов опеки и попечительства, составляют такие нормативные

правовые акты, как Конституция Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Беларусь, Кодекс о браке и семье, Положение об органах опеки и попечительства в Республике Беларусь, утвержденное постановлением Совета Министров от 28.10.1999 г. и др.

Обратим внимание, что положения института опеки и попечительства нашли свое отражение еще в римском праве. Уже в этот период опека предполагала заботу о лицах, которые не могут заботиться о себе. Опекунами по римскому праву могли выступать близкие родственники, а в случае их отсутствия – претор.

Большое количество норм, регламентирующих институт попечительства над безумными и сумасшедшими, попечительство над расточителем содержали законы XII таблиц. Законами было закреплено проведение магистратом обязательного расследования психического состояния лица. Попечителями, как и в более ранних римских законах, признавались родственники. Кроме того, попечительство передавалось по наследству. Если говорить о расточителях, то здесь нормы закрепляли ограничение дееспособности такого лица. Расточитель имел право совершать сделки, которые были направлены исключительно на чистое приобретение имущества, именно поэтому над ним устанавливалось попечительство.

Если говорить о развитии института опеки и попечительства на территории Беларуси, то следует отметить, что данный институт развивался наравне с институтом правосубъектности физических лиц. Нельзя не обратить внимание на то, что опеке был посвящен целый раздел Статута 1529 г., что подтверждает его значимость.

Статутное законодательство закрепляло опеку над несовершеннолетними женщинами, умалишенными. Опекунами, как правило, выступали отец по отношению к несовершеннолетним детям, совершеннолетним дочерям (до их замужества), старший брат, а также другие близкие родственники. Средневековое законодательство содержало ряд норм, которые устанавливали права и обязанности опекуна. Так, например, ст. 2 разд. 5 Статута 1529 г. закрепляла права опекуна на обращение в суд в целях взыскания ущерба, причиненного несовершеннолетнему лицу [2]. Кроме того, опекуну запрещалось продавать имущество по-

допечного, а также использовать данное имущество для оплаты собственных долгов.

Отметим, что по желанию лицо могло назначить опекуна из посторонних лиц для своих детей или жены. Опекун обязан был соблюдать все установленные требования, однако он получал вознаграждение. Например, ст. 8 разд. 5 Статута 1529 г. закрепляла, что опекун мог пользоваться всеми доходами от имущества подопечных, а также за счет этих доходов содержать свою семью. Кроме того, опекун наделялся правом обращения в суд в целях взыскания расходов, понесенных в результате опеки [2].

Дальнейшее становление института опеки и попечительства проходило в период становления советской власти. Обратим внимание, что Гражданский кодекс 1923 г. не содержал отдельных норм, регулирующих данный институт.

Гражданский кодекс 1964 г. упоминал институт опеки и попечительства в нормах статей, регламентирующих правосубъектность физических лиц, однако так же как и Гражданский кодекс 1923 г. не содержал отдельных норм. Так, например, от имени несовершеннолетних все сделки, за исключением мелких бытовых, совершались их родителями или опекунами. Статья 16 Гражданского кодекса 1964 г. устанавливала опеку над лицами, признанными недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия [3].

Гражданский кодекс Республики Беларусь сохранил неизменными нормы, регламентирующие опеку над несовершеннолетними, расточителями и душевнобольными. Новшеством стало закрепление отдельных статей, посвященных опеке и попечительству. Так, опека устанавливается над малолетними и недееспособными лицами, попечительство – над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также ограниченно дееспособными вследствие злоупотребления спиртными напитками и наркотическими средствами.

Развитие и усложнение общественных отношений привело к усложнению и дальнейшему развитию института опеки и попечительства. В современном мире появилась необходимость в охране и защите прав и интересов совершеннолетних дееспособных лиц. Это обусловило появление нового понятия в гражданском законодательстве – патронажа. Под патронажем пони-

мается регулярное (постоянное) оказание помощи в осуществлении прав, их защите и исполнении обязанностей совершеннолетнему дееспособному гражданину, нуждающемуся в ней по состоянию здоровья [4, с. 106].

Согласно норме ст. 37 Гражданского кодекса Республики Беларусь, над совершеннолетним дееспособным лицом может быть установлен патронаж, который не влечет ограничения прав гражданина.

Однако анализ данной статьи позволяет выявить ряд проблем. Во-первых, назначение патрона осуществляется только с согласия данного лица. Во-вторых, отсутствует норма, которая бы закрепляла осуществление контроля за действиями патрона. Кроме того, учитывая правовой уровень населения, стоит отметить, что, как правило, лица, которые нуждаются в назначении патрона, не обладают необходимой информацией о данном институте.

Анализ гражданского законодательства соседних стран в данной области (Казахстан, Россия, Азербайджан, Кыргызстан, Молдова) позволил найти, по нашему мнению, прогрессивные нормы, позволяющие устранить выявленные проблемы.

Таким образом, предлагаем изложить ст. 37 Гражданского кодекса Республики Беларусь в следующей редакции:

1. По просьбе совершеннолетнего дееспособного гражданина, который по состоянию здоровья не может самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять обязанности, над ним может быть установлен патронаж. Установление патронажа не влечет ограничения прав гражданина, над которым установлен патронаж.

2. В течение месяца со дня выявления совершеннолетнего дееспособного гражданина, который по состоянию здоровья не может самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности, ему назначается органом опеки и попечительства помощник. Помощник может быть назначен с его согласия в письменной форме, а также с согласия в письменной форме гражданина, над которым устанавливается патронаж. Работник организации, осуществляющей социальное обслуживание совершеннолетнего дееспособного гражданина,

нуждающегося в установлении над ним патронажа, не может быть назначен помощником такого гражданина.

3. Помощник совершеннолетнего дееспособного гражданина совершает действия в интересах гражданина, находящегося под патронажем, на основании заключаемых с этим лицом договора поручения, договора доверительного управления имуществом или иного договора. Совершение бытовых и аналогичных им сделок, направленных на содержание и удовлетворение бытовых потребностей гражданина, над которым установлен патронаж, осуществляется его помощником с согласия этого гражданина.

4. Патронаж, установленный в соответствии с п. 1 настоящей статьи, прекращается по требованию гражданина, над которым установлен патронаж.

5. Орган опеки и попечительства обязан осуществлять контроль за исполнением помощником совершеннолетнего дееспособного гражданина своих обязанностей и извещать находящегося под патронажем гражданина о нарушениях, допущенных его помощником и являющихся основанием для расторжения заключенных между ними договора поручения, договора доверительного управления имуществом или иного договора.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 30.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2016.

2. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 2016. <http://www.pravo.by/> (дата доступа: 26.11.2016)

3. Гражданский кодекс БССР 1964 г. Минск, 2016 <http://www.pravo.by/> (дата доступа: 25.11.2016)

4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 1 (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садилов. М: КОНТ-РАКТ; ИНФРА-М, 1997. ХХІІ.

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДЕБНЫХ РАСХОДАХ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

THE USE AND REFORM OF THE LEGISLATION ON COURT COSTS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

Лыткина Алена Максимовна

студентка 4 курса

Московский институт государственного
управления и права

Смоленская область

Лукьяненко Виктория Валерьевна

канд. юрид. наук,

заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Московский институт государственного
управления и права

Смоленская область

Lytkina A.

4th year student, Branch of non-state educational

Institutions higher professional education «Moscow Institute
of public management and law» in Smolensk region,

Smolensk, Russia

Lukanenkova V.

candidate of legal Sciences, head of the Department civil-
law disciplines Branch of non-state educational institutions

higher professional education «Moscow Institute of public
management and law» in Smolensk region, Smolensk,

Russia

***Аннотация.** Статья посвящена анализу правоприменительной практики российского гражданского процессуального законодательства о судебных расходах. В ходе исследования выявлено отсутствие в российской судебной системе единого подхода к вопросу возмещения понесенных сторонами судебного про-*

цесса расходов. Особое внимание необходимо уделить унификации норм гражданского процессуального законодательства.

Abstract. *The article is devoted to the analysis of law enforcement practice of Russian civil procedural law on court costs. The study revealed the absence in the Russian judicial system, a single approach to the issue of compensation incurred by the parties to the proceedings costs. Special attention should be paid to the harmonization of norms of civil procedural law.*

Ключевые слова: *издержки, расходы, суд, представитель, разумность, юрист, услуги.*

Key words: *costs, expenses, court representative, intelligence, lawyer, services.*

Согласно Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [2] и Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации [1] под судебными расходами понимаются затраты, понесенные сторонами судебного процесса. Законодатель выделяет два вида судебных расходов: государственная пошлина и судебные издержки.

Указанные расходы компенсируются лицу, в чью пользу вынесен судебный акт. Указанный подход законодателя аналогичен как для судов общей юрисдикции, так и для арбитражных судов. Однако необходимо отметить различный подход к определению размера расходов, подлежащих удовлетворению.

Так, в гражданском процессе распределение судебных издержек происходит в пользу стороны, в отношении которой принят судебный акт, в полном размере. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает случаи, в которых полное возмещение судебных расходов невозможно, так при частичном удовлетворении иска возмещению подлежат расходы пропорционально удовлетворенным требованиям.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, помимо вышерассмотренных подходов, содержит требование разумности компенсируемых судебных расходов.

С точки зрения юриспруденции разумность – субъективная характеристика. Определение соответствия взыскиваемых судебных расходов данному критерию лежит на судье, рассматривающем дело.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. [5] разъясняет вопросы применения судами законодательства о возмещении судебных расходов.

Как говорилось выше, судебные расходы включают две составляющие.

Так, размер государственной пошлины определен Налоговым кодексом Российской Федерации [4] или рассчитывается в соответствии с его положениями. Таким образом, бесспорность размера государственной пошлины, взыскиваемой в рамках возмещения понесенных расходов в связи с рассмотрением дела в суде, не возникает, так как размер пошлины установлен государством.

Вопрос компенсации судебных расходов является дискуссионным.

К издержкам относят средства, затраченные на собирание доказательств, оплату услуг переводчиков, специалистов, экспертов, обязательный досудебный или претензионный порядок урегулирования споров, а также оплату услуг представителя. Ввиду того, что перечень издержек не является исчерпывающим, удовлетворению могут подлежать иные расходы, связанные с ведением судебного дела, в том числе издержки по уплате вознаграждения банку за банковскую гарантию, выданную в целях предоставления встречного обеспечения по иску, подлежат отнесению на проигравшую сторону в составе судебных расходов [6].

Необходимо отметить, что сторона, чьи требования удовлетворены судом полностью или частично должна доказать факт и размер понесенных затрат. При этом доказывание происходит путем предоставления документов, подтверждающих затраты лица: договоры, квитанции, чеки [7].

Однако сумма, подлежащая компенсации может быть чрезмерно высокой. В связи с чем возникает вопрос оценки разумности и обоснованности указанной денежной суммы.

Сторона, взыскивающая понесенные расходы, не обязана доказывать их обоснованность, однако суд при наличии возражения ответчика оценивает размер указанной суммы.

Бремя доказывания чрезмерности суммы компенсации лежит на ответчике.

При доказывании размера судебных издержек на оплату услуг представителя учитывается сложность дела, время, затраченное представителем на подготовку процессуальных документов, объем работ представителя, а также сложившуюся практику на рынке юридических услуг в конкретном регионе.

Однако рынок юридических услуг насыщен предложениями различного уровня, как услуги лиц с богатым опытом работы по юридической профессии, так и фирмы, обладающие меньшим опытом работы, следовательно, и стоимость услуг варьируется от самых низких до чрезмерно высоких. Таким образом, стоимость юридических услуг формирует рынок.

Необходимо отметить, что Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации не принимает во внимание престиж и знаменитое имя представителя.

Однако в условиях рыночной экономики стоимость оказываемых услуг прямо пропорционально зависит как от уровня квалификации юриста, так и от авторитета в конкретной отрасли права и в юридическом сообществе в целом.

Следовательно, при применении критерия разумности понесенных расходов Пленум Верховного Суда Российской Федерации фактически рекомендует сторонам судебного процесса использовать услуги представителей, стоимость которых не превышает средних по России. В этом случае вероятность возмещения понесенных затрат в полном объеме возрастает.

Если оценивать стоимость услуг представителя, то возникает вопрос оценки сложности дела для конкретного представителя, объем выполненной им работы. Несомненно, показателем работы представителя является принятый судом по результатам рассмотрения акт, однако как объективно оценить затраченный юристом труд.

Оценку стоимости оказанных услуг, как правило, производят по тарифам, установленным в конкретном регионе для подобных услуг. Так, в Смоленской области Адвокатская палата Смоленской области устанавливает рекомендации по оплате юридических услуг представителей [8].

Относительно данного критерия также возникает вопрос, как оценить услуги представителя, защищающего интересы пред-

ставляемого в другом регионе. Средняя стоимость услуг представителя в регионах может различаться.

Таким образом, можно сделать вывод, что единообразной правоприменительной практики в решении рассматриваемого вопроса не сложилось.

Наиболее важным шагом в решении рассматриваемой проблемы может быть отход от принципа разумности возмещения судебных издержек.

Необходимо сохранить принцип пропорциональности удовлетворенных требований сумме понесенных расходов. При этом если стороной спора доказаны факт и размер понесенных расходов при принятии судебного акта в его пользу удовлетворение указанных расходов необходимо осуществлять в полном объеме.

Также для создания единообразного подхода судами к решению вопроса о взыскании судебных расходов необходимо принятие Единого процессуального кодекса [3], регулирующего вопросы распределения судами судебных расходов.

При этом кодекс должен содержать конкретизацию порядка возмещения судебных расходов.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 3.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8.12.2014). № 124(1).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 3.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рас-

смотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 4.

6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.07.2012 № 6791/11 по делу № А40-43967/10-129-228 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 11.

7. Постановление Федерального Арбитражного Суда Московского округа от 28.06.2007 № КА-А40/5812-07-2 по делу № А40-65099/06-116-345.

8. Адвокатская палата Смоленской области. <http://ap67.ru/informaciya-dlya-klientov/> (дата обращения: 20.11.2016).

9. Информационно-правовой портал. СПС КонсультантПлюс [http:// http://www.consultant.ru/](http://http://www.consultant.ru/) (дата обращения: 20.11.2016).

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСОКОГО ПРОЦЕНТА ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ КРЕДИТОМ

ABUSE OF RIGHT AS A CONSEQUENCE OF ESTABLISHING HIGH PERCENTAGE FOR THE USE OF CONSUMER CREDIT

Максимова Ольга Юрьевна

магистрант 2 курса

Смоленский гуманитарный университет

секретарь судебного заседания Ленинского районного
суда г. Смоленска,

Maximova O.

2nd year undergraduate of Smolensk Humanitarian

University, the secretary of the Leninski district court

in Smolensk, Smolensk, Russia

Аннотация. Статья посвящена проблеме установления в договоре потребительского кредита (займа) чрезмерно высоких процентов, которые ведут к ущемлению прав заемщика.

Abstract. *The article is devoted to the problem of establishing the agreement of a consumer loan excessively high interest rates, which lead to the infringement of the rights of the borrower.*

Ключевые слова: *кредитный договор, договор займа, права заемщика, судебная практика, защита прав.*

Key words: *credit agreement, loan agreement, contract of insurance, consumer protection, rights of the borrower, jurisprudence, protection of the rights.*

В настоящее время ситуация, сложившаяся в сегменте потребительского кредитования, вызывает значительные опасения. Население чрезмерно закредитовано, что не самым лучшим способом отражается на финансовой системе в целом, а также вызывает нежелательные социальные последствия. Свидетельством этому является уже выработанная практика по банкротству физических лиц, хотя со времени принятия изменений к закону прошло не слишком много времени. По нашему мнению, всему виной являются чрезмерно высокие кредитные ставки, которые практически втягивают население в «кабалу». Из судебной практики можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев проценты по договору превышают сумму займа более чем в 2 раза.

Статья 6 п. 10 ФЗ «О потребительском кредите (займе)» указывает на среднерыночное значение полной стоимости потребительского кредита (займа), которое определяется Банком России как средневзвешенное значение не менее чем по ста крупнейшим кредиторам по соответствующей категории потребительского кредита (займа) либо не менее чем по одной трети общего количества кредиторов, предоставляющих соответствующую категорию потребительского кредита (займа) [1]. При такой ситуации важное значение играет конкуренция, где доминирующие «государственные» банки оказывают влияние на расчетную величину среднего значения полной стоимости, вынуждая тем самым частные банки исключать часть своей продукции. Это ведет к искусственному ограничению предложений на кредитном рынке и снижению доступности услуг для граждан.

На наш взгляд, существенным минусом является то, что законом не установлена максимальная ставка процента, под которую может предоставляться потребительский кредит. Она зависит от

совокупности различных факторов: от срока, на который выдается кредит; от наличия или отсутствия обеспечения по кредиту; от финансового положения заемщика, его возраста и т.п. ФЗ «О потребительском кредите (займе)» в ч. 11 ст. 6 указывает лишь на то, что на момент заключения договора кредита полная стоимость кредита (ПСК) не может превышать рассчитанное и опубликованное Банком России среднерыночное значение ПСК соответствующей категории потребительского кредита, применяемое в соответствующем календарном квартале, более чем на одну треть. Однако данная норма не улучшает положение лица, взявшего кредит, и, прежде всего, это связано с тем, что граждане не могут самостоятельно определить данное значение, рассчитать полную стоимость и соотнести ее со своими возможностями. В случае если образовалась задолженность и заемщики пытаются ее погасить, то они сталкиваются с той ситуацией, когда этими взносами сокращается лишь сумма процентов и ничего не остается для основного долга. Таким образом, получается замкнутый круг из начисляющихся процентов, который, в конечном счете, приведет к взысканию задолженности в судебном порядке.

Поскольку проценты, начисляемые по договору потребительского кредита, имеют другую правовую природу по сравнению с процентами за нарушение обязательства, они не могут быть уменьшены в порядке ст. 333 ГК РФ и единственным выходом для должника является использование конструкции злоупотребления правом. В данном случае важное значение имеет ст. 10 ГК РФ, указывающая на пределы осуществления гражданских прав. Она устанавливает, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Используя данное положение, заемщик может попытаться защитить себя от «круговорота процентов», однако он не вправе самостоятельно отказаться от их уплаты, так как в этом случае только суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления может применить меры защиты, предусмотренные законом. Однако кредиторы всячески стараются возражать, относительно применения положений ст. 10 ГК РФ, указывая на принцип свободы

договора, а также на то, что заемщик самостоятельно согласился с условиями, предложенными кредитной организацией.

Если проанализировать судебную практику, то можно однозначно сказать, что суд в данном случае не на стороне заемщиков-должников. Рассмотрим в качестве примера апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 25.04.2016 г. по делу № 33-1588 [2]. Первоначально Общество обратилось в суд с иском к М., Ф. о взыскании суммы задолженности, мотивируя свои требования наличием обязательственных отношений сторон, возникших на основании договора займа от 4 декабря 2014 г., по условиям которого кредитор предоставил заемщику заем в размере 30 000 руб. на срок до 4 марта 2015 г. под 292 % годовых от суммы займа, договора поручительства от 4 декабря 2014 г., заключенного между Обществом и Ф.М.А., ненадлежащим исполнением заемщиком М. обязательств по договору займа, солидарной ответственностью заемщика и поручителя. Истец просил взыскать с ответчиков солидарно задолженность по договору займа, неустойку, проценты за пользование займом, расходы по уплате государственной пошлины в равных долях.

В ходе рассмотрения дела М. обратилась к Обществу со встречным иском о признании недействительной части сделки. Исковые требования мотивировала тем, что на момент заключения договора потребительского займа п. 4 договора относительно процентов за пользование денежными средствами, входящих в полную стоимость кредита (займа), не соответствовал среднерыночным значениям полной стоимости потребительского кредита (займа). Процент явно завышен по сравнению с ними и ставкой рефинансирования Центрального Банка. Установленный в договоре размер процентов за пользование займом 292 % годовых является злоупотреблением правом со стороны ответчика и ведет к ущемлению ее прав. Считает, что условие договора, устанавливающего завышенный размер процентов за пользование займом, является недействительным в части установления процентов, поскольку противоречит ст. 1, 10 ГК РФ, Федеральному закону «О потребительском кредите». Полагает, что подлежит применению ст. 333 ГК РФ. М. просила признать недействительным п. 4 договора потребительского займа, заключенного с ответчиком, применить последствия недействительности части сделки, отказать в

удовлетворении требований в части взыскания процентов за пользование денежными средствами в размере 292 % годовых.

Разрешая встречные иски, суд пришел к выводу об отсутствии оснований для их удовлетворения. При этом суд исходил из того, что в качестве основания встречного иска указано на несоответствие установленного оспариваемым п. 4 договора потребительского займа размера процентов за пользование п. 11 ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», превышение установленного договором размера процентов среднерыночному значению полной стоимости потребительских кредитов (займов). Поскольку среднерыночные значения ПКС, рассчитанные и опубликованные Банком России, не позднее 14 ноября 2014 г. подлежали применению к договорам, заключенным в первом квартале 2015 г., постольку указанные значения не подлежат применению к договору, заключенному между сторонами 4 декабря 2014 г.

Кроме того, отказывая в удовлетворении встречного иска, суд пришел также к выводу о том, что, подписывая договор займа, М. выразила свое согласие на заключение договора именно на тех условиях, которые были изложены в договоре, все существенные условия договора были определены и согласованы сторонами, в связи с чем заключенный между сторонами договор займа соответствует требованиям закона. При этом суд не усмотрел злоупотребление правом со стороны Общества.

Следует отметить, что п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 8 октября 1998 г. «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» разъяснено, что при рассмотрении споров, связанных с исполнением договоров займа, а также с исполнением заемщиком обязанностей по возврату банковского кредита, следует учитывать, что проценты, уплачиваемые заемщиком на сумму займа в размере и в порядке, определенных п. 1 ст. 809 Кодекса, являются платой за пользование денежными средствами и подлежат уплате должником по правилам об основном денежном долге.

Из смысла приведенных норм права следует, что проценты за пользование суммой займа являются элементом основного де-

нежного обязательства, их размер устанавливается договором и снижению судом не подлежит.

Как указывалось ранее, договором установлена плата за пользование займом – 292 % годовых, то есть при заключении договора сторонами достигнуто соглашение в письменной форме о размере платы за пользование займом в указанном размере.

Поскольку на момент заключения спорного договора не существовало обязательных для сторон правил, которыми они должны руководствоваться в определении размера процентов, постольку установленный договором размер процентов за пользование займом является результатом согласованной воли сторон.

Суд указал, что само по себе включение в условие договора процентной ставки, размер которой значительно превышал банковскую ставку рефинансирования, не свидетельствует о недействительности условия о размере платы за пользование займом.

Ссылка ответчика в апелляционной жалобе на злоупотребление правом со стороны кредитора в связи с установлением завышенной процентной ставки по договору займа Судебная коллегия полагала несостоятельной, поскольку по смыслу п. 3 ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом не предполагается, а подлежит доказыванию в каждом конкретном случае, однако таких доказательств не было представлено. В связи с этим суд частично удовлетворил требования Общества и отказал в удовлетворении встречных требований М. и Ф.

Рассмотренный пример в очередной раз указывает на то, что заемщик-потребитель является слабой стороной в договоре и его положение необходимо если не выровнять, то хотя бы должным образом защитить. В связи с этим, по нашему мнению, представляется необходимым установить максимально допустимый размер процентной ставки по кредитам и займам, который будет меняться Центральным Банком в зависимости от уровня инфляции, но не чаще 1 раза в год.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О потребительском кредите (займе)» // СПС КонсультантПлюс.

2. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 25.04.2016 по делу № 33-1588 // СПС КонсультантПлюс.

НОВОЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ

NEW IN THE ARBITRATION PROCESS: COURT ORDER

Молдованова Анастасия Николаевна

студентка 4 курса

Московский институт государственного
управления и права

Смоленская область

Лукьяненко Виктория Валерьевна

канд. юрид. наук,

заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Московский институт государственного
управления и права

Смоленская область

Moldovanova A.

4th year student, Branch of non-state educational

Institutions higher professional education «Moscow Institute
of public management and law» in Smolensk region,

Smolensk, Russia

Lukanenkova V.

candidate of legal Sciences, head of the Department civil-
law disciplines Branch of non-state educational institutions
higher professional education «Moscow Institute of public
management and law» in Smolensk region, Smolensk,

Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу появлению приказного производства в Арбитражном кодексе Российской Федерации. В ходе исследования было выявлено, что появление упрощенной процедуры рассмотрения бесспорных требований будет

являться удобным для заявителя и одновременно позволит снизить нагрузку на арбитражные суды.

Abstract. *This article analyzes the emergence of writ proceedings in the Arbitration Codex of the Russian Federation. The study found that the appearance of simplified undisputed claims review procedure will be convenient for the applicant and at the same time will reduce the burden on the courts of arbitration.*

Ключевые слова: *судебный приказ, приказное производство, бесспорное требование.*

Key words: *arbitration courts, arbitrate, arbitrator.*

С 1 июня 2016 г. в арбитражном процессе появилась новая форма – приказное производство, которое регулируется новой гл. 29.1 АПК РФ, введенной Федеральным законом «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 2.03.2016 № 47-ФЗ [2]. До этого времени она была известна только гражданскому процессу, а теперь появилась в арбитражном процессе. Теперь не всегда нужно будет обращаться в суд с иском, в некоторых случаях теперь можно будет обратиться с заявлением о выдаче судебного приказа.

По своей природе эта форма представляет собой производство, когда по бесспорному требованию, без судебного заседания, суд выносит судебный приказ, который также является и исполнительным документом.

Целью нововведенной формы непосредственно является экономия времени как для суда, так и для самого заявителя, так как сроки для вынесения судебного приказа существенно сокращены. Также судебный приказ является исполнительным документом и его сразу можно предъявить в службу судебных приставов для исполнения.

В Арбитражном кодексе появилась новая гл. 29.1, посвященная приказному производству.

Чтобы понять сущность приказного производства в арбитражном процессе, нужно обратиться к положениям Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее АПК РФ).

Так, в ст. 229.1 АПК РФ закреплено определение судебного приказа. Судебный приказ – судебный акт, выносимый судьей

единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм по требованиям взыскателя [1].

Также законодатель ограничил круг дел, которые могут быть рассмотрены в порядке приказного производства. В соответствии со ст. 229.2 АПК РФ судебный приказ может быть вынесен по делам, в которых [1]:

1) требования вытекают из неисполнения или ненадлежащего исполнения договора и основаны на представленных взыскателем документах, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются, если цена заявленных требований не превышает четыреста тысяч рублей;

2) требование основано на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, если цена заявленного требования не превышает четыреста тысяч рублей;

3) заявлено требование о взыскании обязательных платежей и санкций, если указанный в заявлении общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не превышает сто тысяч рублей.

Главной особенностью приказного производства является то, что стороны в арбитражный суд не вызываются.

Судья практически не исследует доказательства, а опирается лишь на те обстоятельства, которые изложил взыскатель в своем заявлении и прилагаемых документах. Что касается должника, то он не представляет никаких доказательств в суд. Даже когда происходит отмена судебного приказа, он не обязан ничего доказывать, должно иметься только его несогласие.

Еще в производстве могут участвовать только взыскатель и должник. Участие третьих лиц не допускается.

Также заявление о выдаче судебного приказа может быть подано в Арбитражный суд следующими способами:

- 1) подача в приемную арбитражного суда;
- 2) отправка заявления по почте заказным письмом;
- 3) подача в электронном виде через сайт my.arbitr.ru, что является новшеством [4].

Подача документов в электронном виде не освобождает кредитора представить в кратчайшие сроки оригиналы документов в суд. Это из-за того, что документы посылаются через сканирование документов, и на этих документах отсутствует электронная подпись, поэтому у судьи отсутствует возможность удосто-

вериться в подлинности документа. Вследствие этого у судьи возникает право возвращения заявления взыскателю.

После получения заявления суд проверяет правильность заявления и прилагаемых документов на наличие или отсутствие в них нарушений, что также является основанием для возврата заявления взыскателю. После проверки суд в течение 10 дней должен вынести судебный приказ, который должен обязательно быть опубликован на официальном сайте Арбитражного суда и направлен должнику в течение 5 дней, после вынесения данного приказа. Затем должник имеет право направить возражения относительно вынесенного судебного приказа. Если отсутствуют возражения или если они поступили в течение 10-дневного срока, то суд выдает взыскателю один экземпляр судебного приказа.

Итак, можно сделать следующий вывод, что институт приказного производства позволит действительно снизить нагрузку на арбитражные суды. Так, появление приказного производства в арбитражном процессе привнесет в систему судейства Российской Федерации ряд преимуществ. Например, с помощью приказного производства можно будет получить судебный приказ, который в то же время выступает в роли исполнительного документа в течение 25 рабочих дней с момента поступления заявления в суд. Данный институт сократит процессуальные сроки и ускорит время получения денежных средств взыскателем.

В то же время у приказного производства также имеется ряд недостатков. Во-первых, только ограниченная категория дел подлежит рассмотрению их в порядке приказного производства. Во-вторых, нет гарантий, что не будет проблем с исполнением судебного приказа. В-третьих, существует необходимость предоставить бесспорные доказательства о задолженности. В-четвертых, появление данного института влечет за собой возможность злоупотребления правом.

В общем, институт приказного производства поспособствует решению ряда важных задач арбитражного судопроизводства, ускорению рассмотрения дел. Но, будет ли данный институт эффективен, и будут ли все поставленные цели исполнены, покажут только время и практика.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
2. Федеральный закон от 2.03.2016 № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 7.03.2016. № 10. Ст. 1321.
3. СПС КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.11.2016).
4. Портал Мой Арбитр. <https://my.arbitr.ru>

РОЛЬ ДОГОВОРА КАК РЕГУЛЯТОРА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

THE ROLE OF THE CONTRACT AS A REGULATOR OF CIVIL MATTERS

Тимошкина Кристина Сергеевна

магистрант 2 курса

Смоленский гуманитарный университет

Timoshkina C.

2nd year undergraduate

of Smolensk Humanitarian University,

Smolensk, Russia

***Аннотация.** Данная статья посвящена развитию и роли договора в немецком и российском законодательстве.*

***Abstract.** This article is devoted to the agreement, namely its development and the role in Russian and German legislation.*

***Ключевые слова:** договор, изменение обстоятельств договора, законодательство, международное право, условия договора.*

***Key words:** agreement, alteration of contract, legislation, international law, contract specifications.*

Договор – это одна из наиболее древних правовых конструкций. Договором признается соглашение двух или нескольких

лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 420 ГК РФ). Ранее договоры в истории складывавшегося обязательственного права возникли только деликты, противоречащие нормам гражданского законодательства деяния, за которые предусмотрено наказание в форме имущественной ответственности, являющееся основанием возмещения причиненного ущерба. В течение определенного времени деликты и договоры были единственными признаваемыми государством основаниями для возникновения обязательств между людьми.

Развитие между людьми различных форм общения обусловило потребность в предоставлении им возможности использовать по согласованной сторонами воле предложенные законодателем или самим создать новые правовые модели. Такими моделями и стали договоры.

Договор – разновидность сделки юридического факта. Как любая сделка, договор представляет собой правомерное действие, нацеленное на определенные последствия. В нашей стране основное количество договоров до недавнего времени, которые связывали между собой главных участников экономического оборота того времени, – государственные, а также кооперативные и иные общественные организации, заключалось во исполнение или для исполнения плановых актов. Воля контрагентов в таких договорах складывалась под влиянием исходящих от государственных органов указаний. Тем самым договор утрачивал свой основной, конституирующий признак: он лишь с большой долей условности мог считаться результатом достигнутого участниками согласия. Условия договора были как бы навязаны извне. Иного и быть не могло, если учесть, что плановый акт предопределял в виде общего правила, какие именно организации, о чем, когда и в каком объеме должны были заключать договоры на передачу товаров, выполнение работ или оказание услуг.

Наглядным примером служили, в частности, договоры, непосредственно опосредствовавшие движение товаров в обороте. В Положение о поставках продукции производственно-технического назначения и Положение о поставках товаров народного потребления включались указания на запрещение предприятиям

заключать договоры поставки при отсутствии планового акта распределения продукции и товаров или сверх указанных в нем объемов, а также отказа от заключения договоров на поставку выделенных им товаров. В установленных положениями случаях о поставках стороны признавались состоящими в договорных отношениях при условии, если на протяжении определенного срока ни одна из них не требовала согласования не охваченных плановым актом условий. К этому следует добавить жесткую регламентацию основных компонентов того, что именовалось договором поставки. Последнее отличало и законодательство, действовавшее применительно к договорам подряда на капитальное строительство, перевозкам грузов и другим договорам между организациями, охваченным понятием «хозяйственные договоры».

Наконец, максимальному ограничению значимости модели договора как таковой способствовало то, что почти все действовавшие нормы в этой области носили абсолютно обязательный характер. В этой связи Ф. Фельдбрюгге справедливо отмечает, что господствовавшее в нашей стране направление развития социалистической экономики на основе административных предписаний оставляло на долю обязательственного права не имеющие важного значения задачи регулирования мелких сделок между гражданами. Тенденция к повышению роли договора, которая характерна для всего современного гражданского права, стала проявляться в последние годы во всевозрастающем объеме и в современной России. Коренная перестройка экономической системы страны явилась основой для этой тенденции. Ключевое значение такой перестройки имело признание частной собственности и плавное занятие ею командных высот в экономике, сужение до необходимых пределов государственного регулирования хозяйственной сферы, установление свободы выбора контрагентов и реализация других основ нового гражданского законодательства, о которых идет речь в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса 1994–1995 гг. (в дальнейшем – ГК).

Новый ГК не только провозгласил «свободу договоров», но и создал необходимые гарантии для ее осуществления. Признание со стороны ГК возросшей значимости договоров нашло свое формальное выражение в том, что только во второй его части из

общего числа 656 статей, регулирующих отдельные виды обязательств, около 600 посвящены отдельным видам договоров. Уже одно это примерно втрое превосходит набор специальных «договорных» статей в Гражданском кодексе 1964 г. (в дальнейшем – ГК 64) и в Гражданском кодексе 1922 г. (в дальнейшем – ГК 22).

Так как договор перестал быть только предметом для выполнения плановых актов и его условия перестали быть навязанными государственными структурами, то теперь содержание условий договора стало определяться по усмотрению сторон. Исключения составляют случаи, когда содержание условий определено императивными нормами. Указанные условия считаются неотъемлемой частью договора и в ситуациях, когда стороны их не согласовывали. Условие о предмете договора относится к числу существенных. Оно включает в себя наименование предмета, его количественную и качественную характеристики.

Условиями о действии договора определяются временные рамки возникновения и прекращения обязательств. При заключении договора последний вступает в силу и на его основе возникает обязательственное правоотношение. Стороны имеют право распространить условия договора на свои отношения, которые предшествовали заключению договора.

Окончание срока действия договора прекращает обязательственное правоотношение, если это предусмотрено законом или договором. В случае отсутствия такого условия в договоре окончание срока его действия приурочивается к моменту исполнения сторонами своих обязанностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что не всегда условия договора соответствовали сегодняшнему понятию о «свободе договора». Часто они навязывались государством, и контрагенты не могли вносить свои условия, а лишь следовали навязанным им правилам. Сейчас же контрагенты в праве сами оговаривать условия заключаемого ими договора. Кроме того, договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами, действующими в момент его заключения. Если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила, отличные от тех, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют си-

лу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров.

В международном праве, как и во многих правопорядках, получил признание правовой институт так называемой *clausula rebus sic stantibus*/оговорки о неизменности обстоятельств как инструмента для смягчения жестких рамок договорного права, характеризующегося основным правилом обязательного характера договоров (*pacta sunt servanda*/договоры должны выполняться). *Clausula rebus sic stantibus*, происходящая из римского права, четко закреплена во многих современных гражданских кодексах, но в деталях законодательное воплощение может отличаться. Кроме того, в судебной практике основная оговорка одной *clausula rebus sic stantibus* может в зависимости от политических и фактических обстоятельств времени оформляться и применяться по-разному. Сравнение права Германии с правом России хорошо отражает диапазон форм законодательного оформления *clausula rebus sic stantibus* и ее применения.

1. В Германии *clausula rebus sic stantibus* в настоящее время четко кодифицирована в § 313 Гражданского Уложения. Эта норма появилась в период так называемой большой реформы обязательственного права в 2002 г. Она кодифицирует прежнюю судебную практику, которая была издана на основе общего положения об императивном требовании добросовестного действия (§ 242 Гражданского Уложения). § 313 ГУ Германии содержит следующий текст (в сокращенном виде):

1) если обстоятельства, которые стали основой договора, существенно изменились после заключения договора и стороны, если предвидели бы это изменение, или не заключили бы этот договор, или заключили бы его с другим содержанием, то адаптация договора может быть востребована, если от одной стороны нельзя ожидать, что она придерживалась бы этого договора, учитывая все обстоятельства дела, в особенности распределение рисков по договору или по закону;

2) к изменению обстоятельств приравнивается оказание ошибочными значимых представлений, которые стали основой договора;

3) если адаптация договора невозможна или не может ожидаться от одной стороны, то та сторона, в ущерб которой оказалось бы сохранение договора, может расторгнуть договор.

Гражданское законодательство России содержит в ст. 451 ГК (во взаимосвязи со ст. 450–453 ГК) четкое урегулирование *clausula rebus sic stantibus*, хотя до недавнего времени в Гражданском кодексе России не существовало общего урегулирования о требовании добросовестного действия. И только в процессе недавней обширной реформы Гражданского кодекса России в Законе было закреплено и общее урегулирование о требовании добросовестного действия (ст. 1, п. 3 ГК РФ), дополняющее прежде существовавший запрет злоупотребления субъективным правом согласно ст. 10 ГК РФ.

Статья 451 ГК гласит:

1. Существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Изменение обстоятельств признается существенным, если они изменились настолько, что если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

2. Если стороны не достигли соглашения о приведении договора в соответствие с существенно изменившимися обстоятельствами или о его расторжении, договор может быть расторгнут, а по основаниям, предусмотренным п. 4 настоящей статьи, изменен по требованию заинтересованной стороны при наличии одновременно следующих условий:

а) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;

б) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени добросовестности и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;

в) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась

бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;

г) из обычаев делового оборота или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

3. Изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается по решению суда в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях.

Даже беглое сравнение текстов этих предписаний показывает как основные параллели, так и различия. Видно, что как в России, так и в Германии (начиная с реформы обязательственного права) существуют особые положения относительно *clausula rebus sic stantibus*, а с недавнего времени к тому же и в России законодательно признано общее требование добросовестного действия.

Нормы России и Германии в деталях нашли различное законодательное воплощение по-разному (ст. 451 ГК РФ и § 313 ГУ ФРГ), в частности, российское урегулирование значительно подробнее немецкого.

При сравнении предпосылок для привлечения *clausula rebus sic stantibus* в немецком и российском праве (§ 313 ГУ Германии и ст. 451 ГК России) сначала необходимо установить, что урегулирование основных фактических обстоятельств дела – существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора – в обоих предписаниях существенно совпадает. Но § 313 ГУ Германии в некоторых существенных элементах обширнее, чем ст. 451 ГК. Например, § 313 ГУ ссылается на изменение не только объективных, но и субъективных обстоятельств, также § 313 ГУ охватывает не только случай последующего изменения обстоятельств, но и также совместного заблуждения сторон относительно обстоятельства, которое имело место или предполагалось при заключении договора (отсутствие основания сделки с самого начала, см. § 313 абз. 2 ГУ). Российское отправление правосудия связывает ст. 451 ГК, насколько это очевидно, только с последующим изменением объ-

ективных обстоятельств, т.е., в частности, случай совместного заблуждения, согласно этому пониманию, не охватывается предписанием. Следующая формулировка § 313 ГУ позволяет в случаях совместного заблуждения сторон найти примирительное решение, соответствующее интересам сторон, вместо того чтобы просто открыть сторонам путь к опротестованию договора. В остальном, с первого взгляда может показаться, что ст. 451 ГК, исходя из своего текста (в частности в ст. 451, п. 2 ГК), более конкретно описывает предпосылки для существенного изменения обстоятельств, чем § 313 ГУ. Однако при более пристальном рассмотрении ст. 451, п. 2 ГК содержит очень много неопределенных юридических понятий, так что выигрыш в уточнении скорее выйдет незначительным, если сравнить с § 313 ГУ.

Но более вескими, чем различия правовых предпосылок обоих предписаний, являются различия в области правовых последствий. Согласно немецкому праву основополагающе адаптация договора имеет преимущество перед расторжением договора (см. в частности § 313 абз.1 и 3 ГУ). Согласно российскому праву наоборот: если стороны, как это обычно бывает, не приходят к примирению, то договор в основном расторгается на основе судебного решения, а изменение договора предполагается только в исключительных случаях (см. в частности ст. 451, п. 4 ГК РФ).

Ясное и однозначное закрепление правового института *clausula rebus sic stantibus* в немецком и российском гражданском праве нужно оценить положительно, исходя уже только из необходимости правовой ясности. Судебная практика в Германии и России показывает, что признание *clausula rebus sic stantibus* не должно привести к неадекватной правовой безопасности. Все же представляется существенным ознакомить суды с типичными группами случаев для применения *clausula rebus sic stantibus* и указать на необходимость сдержанного применения.

При сравнении конкретного законодательного оформления § 313 ГУ Германии и ст. 451 ГК РФ, мне кажется, что более обширная формулировка предпосылок *clausula rebus sic stantibus* в немецком праве предпочтительнее, особенно потому, что она в случаях совместного заблуждения сторон договора позволяет найти гибкое решение. На уровне правовых последствий оцени-

вать сложнее. В пользу немецкого решения о преимуществе адаптации договора перед расторжением договора выступает точка зрения, что таким образом совместный интерес к договору у сторон договора будет больше защищен, нежели если договор будет расторгнут. С другой стороны, нельзя не заметить, что возможность адаптации договора дает судам в руки инструмент власти, который ограничивает частную автономию сторон. Однако я полагаю, что в свете нашего вышеизложенного опыта с *clausula rebus sic stantibus* в судебной практике Германии, суды вполне могут справиться с этой ответственностью, и, следовательно, сторонам договора не будут угрожать непомерные риски.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 3.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 2.10.2016) // СПС КонсультантПлюс.

2. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896. (ред. от 2.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // СПС КонсультантПлюс.

ВОПРОС ОБ ОТКРЫТИИ НАСЛЕДСТВА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

THE ISSUE OF OPENING OF THE INHERITANCE IN
LIGHT OF RECENT LEGISLATIVE CHANGES

Петрова Виктория Владимировна

студентка 4 курса

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Усова Екатерина Владимировна

канд. пол. наук,

заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Petrova V.

4rd year students, Astrakhan branch International law

Institute Astrakhan, Russia

Usova E.

head of Department of civil disciplines Astrakhan branch

International law Institute Astrakhan, Russia

***Аннотация.** В 2016 г. в часть третью Гражданского кодекса РФ были внесены изменения, касающиеся времени открытия наследства. В данной статье автор охарактеризовал категорию «открытия наследства», рассмотрел изменения законодательства и привел примеры из судебной практики по вопросам открытия наследства.*

***Abstract.** In 2016, the third part of the Civil code was amended concerning the time of opening the inheritance. In this article, the author described the category of «heritage discovery», considered changes in the legislation and gave examples of judicial practice on the issues of opening of the inheritance.*

***Ключевые слова:** открытие наследства, наследование, время открытия наследства.*

Key words: the opening of the inheritance, the inheritance, the time of opening the inheritance.

Последние изменения в области наследственного права связаны с открытием наследства, так как данный вопрос является спорным и вызывает проблему применения норм ст. 1113 Гражданского права. Открытие наследства имеет весьма важное значение при наследовании. Под открытием наследства понимать стоит наступление таких фактов, которые обуславливают возникновение права наследования. Только с момента открытия наследства возможны предположения, что данное лицо будет являться наследником, получают свою реализацию. Только с момента открытия наследства у данного лица, который стал наследником, возникает право принять наследство или отказаться от принятия наследства.

Для того чтобы у наследников появилось правовое основание для оформления наследства, необходимо его открытие. В соответствии со ст. 1113 Гражданского кодекса Российской Федерации оно сопровождается всегда смертью наследодателя либо признания его умершим в судебном порядке.

Открытие наследства имеет определенные характеристики, такие как место и момент.

Датой является непосредственно момент смерти либо вступление в законную силу решения суда, а также это может быть точная дата, непосредственно указанная в его содержании [5]. В соответствии со ст. 1115 Гражданского кодекса Российской Федерации местом будет являться последнее место жительства умершего. Если такие данные о наследодателе неизвестны, то определяется оно исходя из местонахождения наследуемого имущества.

В законодательство Российской Федерации Федеральным законом от 30 марта 2016 г. № 79-ФЗ [2] было внесено изменение – с 1 сентября 2016 г. временем открытия наследства является момент смерти гражданина, а не день его смерти, как это было закреплено в ГК РФ ранее. Но данные изменения никак не повлияют на сам порядок вступления в наследство. По-прежнему требуется оформлять у нотариуса наследственные права по последнему месту жительства умершего гражданина, сроки

оформления наследственных прав и полномочия нотариусов не изменились. Для наследственного права все это имеет решающее значение, так как именно моментом определяется состав наследства и отсчитывается срок, предусмотренный для принятия наследства (по ч. 4 ст. 1152 Гражданского кодекса) или отказа от него (по ч. 2 ст. 1157 Гражданского права) [1].

Предусмотрено два способа принятия наследства: путем подачи нотариусу по месту открытия наследства заявления наследника о принятии наследства либо заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство или путем «совершения действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства» (ч. 2 ст. 1153). Данная норма содержалась в Гражданском кодексе РСФСР и стала традицией для наследственных правоотношений в России. Поэтому момент открытия наследства для возникновения и развития наследственных правоотношений играет первостепенную роль, поскольку:

- во-первых, позволяет определить круг лиц, которые получат статус наследников, т.е. приобретут субъективные наследственные права;

- во-вторых, на момент открытия наследства будет определена наследственная масса, т.е. те вещи, или иное имущество, а также имущественные обязанности и права, правопреемниками в которых станут наследники;

- в-третьих, момент открытия наследства устанавливает, какое законодательство будет необходимо применять к возникшим наследственным отношениям;

- в-четвертых, момент открытия наследства определяет начало хода наследственного процесса, поскольку с него начинают идти сроки для принятия наследства наследниками, выдачи свидетельства на наследство, предъявления претензий кредиторами и пр. [4].

Итак, временем открытия наследства в соответствии со ст. 1114 Гражданского кодекса Российской Федерации является момент смерти гражданина. При объявлении гражданина умершим, моментом открытия наследства является день вступления в законную силу решения суда об объявлении гражданина умершим, а в случае, когда в соответствии с п. 3 ст. 45 Гражданского кодекса Российской Федерации моментом смерти гражданина при-

знан день его предполагаемой гибели, – момент смерти, указанный в решении суда, если момент смерти установить было возможно.

Приведем пример из судебной практики, где рассматривалось в открытом судебном заседании гражданское дело по иску С.В. Дружинина к Администрации Чуповского сельсовета Гавриловского района Тамбовской области, Межрайонной ИФНС России № 3 по Тамбовской области о признании права собственности в порядке наследования. При рассмотрении спора суд вынес решение: исковые требования С.В. Дружинина удовлетворить [3]. В суде было установлено, что факт открытия наследства и время открытия подтверждаются свидетельством органов ЗАГСа о смерти наследодателя. Если органы ЗАГСа по каким-либо причинам отказывают в выдаче свидетельства о смерти, лицо, которому отказано было, вправе разрешить этот вопрос в судебном порядке, заявив требование об установлении факта смерти лица в определенное время и при определенных обстоятельствах. В случае признания судом смерти гражданина день его предполагаемой гибели записывается в свидетельство о смерти, которое выдается на основании решения суда.

Факт открытия наследства и время его открытия могут быть подтверждены извещением или другим документом о гибели гражданина во время военных действий, выданными командованием воинской части, госпиталя, военного комиссариата или другим органом Министерства обороны РФ [6]. Еще в советской литературе нередко поднимался вопрос о целесообразности легального закрепления не дня, а момента смерти, что было законодательно закреплено лишь в 2016 г.

Понятие «момент» включает в себя часы и минуты и определяется календарной датой. Чтобы отличить одну дату от другой, необходимо зафиксировать точное время смерти человека, если это не касается случаев определения момента смерти по решению суда.

Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно. При этом к наследованию призываются наследники каждого из них.

Также не маловажную роль в открытии наследства играет место открытия наследства, которое устанавливает последнее место жительства гражданина, им признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживал. Так, например, несовершеннолетние граждане в возрасте до 14 лет, граждане, которые находятся под опекой, должны проживать совместно с их законными представителями – родителями, опекунами, усыновителями, попечителями и т.д. Местом открытия наследства военнослужащих срочной службы, военнослужащих по контракту, учащихся, лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, считается их постоянное место жительства до военной службы, учебы либо заключения.

Показать в данной теме можно также и то, что законодательство западных стран, особенно наследственное право, сильно отличается от нашего. Данный вопрос в иностранных правоприменениях отличается значительно от предусмотренного в наследственном праве России. В России сложилась негативная для «отсутствующих» наследников практика, поскольку нотариусы при открытии наследства получают информацию о таких наследниках, как правило, со слов тех наследников, которые явились к нему в целях подачи заявления о принятии наследства. Нотариусы самостоятельно не выясняют о таких наследниках и соответственно нередко не извещают их об открытии наследства, исходя из презумпции наличия у таких «отсутствующих» наследников информации об открывшемся наследстве.

Считается, что заинтересованные наследники должны сами явиться в нотариальную контору для принятия наследства или отказа от его принятия.

В результате такая практика породила иную презумпцию – презумпцию информированности всех возможных наследников об открытии наследства. Нельзя сказать, что такая практика соответствует идеологии законодателя в правовом регулировании наследственных правоотношений.

В связи с этим примечателен пример дореволюционной России. В рамках обязанности по информированию наследников об открытии наследства считалось достаточным разместить информацию о таком факте в печатном издании. На сегодняшний

день такая практика извещения наследников осуществляется в таких странах, как Швейцария, Чехия, Грузия.

При открытии наследства в разных правовых системах по-разному решается вопрос относительно таких категорий, как «место нахождения имущества» и «место жительства наследодателя». В частности, по действующему законодательству Швейцарии, лицо признается проживающим в Швейцарии только в двух случаях, а именно в случае, если лицо пребывает на территории Швейцарии в течение определенного законом срока, а также в случае, когда лицо осуществляет на территории Швейцарии производственную или коммерческую деятельность. Данное правило предусмотрено в Законе «О международном частном праве» 1987 г.

В праве Англии при отсутствии пережившего супруга и нисходящих наследников умершего наследниками следующего класса являются родители, причем приемные родители приравниваются в наследственных правах к родителям родным по крови и призываются к наследованию, наследуя имущество в равных долях. В английском законодательстве отсутствует разделение на материнскую и отцовскую линии, как во Франции. Это означает, что если у наследодателя на момент открытия наследства остался в живых только один родитель, он получает все наследство в полную собственность.

Следовательно, как мы видим, между наследственным правом РФ и правом других стран есть существенные расхождения, есть и значительные совпадения. И в этом нет ничего удивительного: и то и другое право своими корнями уходит еще во времена Древнего Рима. Этим объясняется общее, а расхождения, на наш взгляд, вызваны различными принципами, положенными в основу российского и западного права [7].

Таким образом, в юридической литературе, теоретических основах гражданского права и правоприменительной практике сформировалось единообразное понимание юридического значения открытия наследства, которое является юридическим фактом, с которым теория права связывает возникновение наследственных правоотношений – определение круга субъектов (наследодателя и наследников), объекта правоотношений (наследственного имущества), совокупности прав и обязанностей участников правоотношений. Согласно ст. 1113 ГК РФ, по об-

щему правилу, наследство открывается со смертью гражданина. Объявление гражданина судом умершим влечет те же правовые последствия, что и смерть гражданина. Поэтому смерть гражданина (наследодателя) нормативно признается единственным юридическим фактом (событием), с которым закон связывает возникновение наследственных правоотношений: это имеет практическое значение, так как отражает непосредственную связь между вышеуказанными положениями теории права и нормой закона.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 №146-ФЗ (ред. от 3.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.09.2016) // Собрание законодательства РФ. 3.12.2001. № 49. Ст. 4552.
2. Федеральный закон от 30.03.2016 № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 4.04.2016. № 14. Ст. 1909.
3. Решение по делу 2-311/2016 М-309/2016 от 19.10.2016. Гавриловский районный суд (Тамбовская область).
4. Баршевский М.Ю. Наследственное право: Учебное пособие. М., 2005.
5. Власов Ю.Н. Наследственное право РФ. М., 2002.
6. Никитюк П.С. Наследственное право и наследственный процесс. М., 2005.
7. Пронина М.Г. Право наследования. СПб., 2004.

ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

PROBLEMS OF THE CONTRACT OF RENDERING PAID EDUCATIONAL SERVICES IN GENERAL EDUCATION

Потапченко Снежанна Игоревна

секретарь судебного заседания

Смоленск

Potapchenko S.

Secretary of the court session, Smolensk, Russia

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам договора оказания платных образовательных услуг в сфере общего образования. Образование считается одним из приоритетных направлений в деятельности любого государства. Длительное время потребности советского и российского образования обеспечивались государством. Однако сегодня ситуация изменилась и прежде всего в отношении финансирования системы образования. Если ранее деятельность образовательных учреждений полностью финансировалась за счет средств бюджета, то в современной России происходит динамичное включение образовательных учреждений в рыночные отношения. В сфере образования это означает всевозрастающее оказание образовательных услуг на возмездной основе. При этом отношения между образовательным учреждением (организацией) и лицом, заказывающим образовательную услугу, облекаются в форму договора возмездного оказания образовательных услуг.*

***Abstract.** The article is devoted to the contract of rendering paid educational services in the field of General education. Education is considered as one of the priority directions in the activities of any state. For a long time the needs of the Soviet and Russian education was provided by the state. However, today the situation has changed especially in relation to the financing of the education system. If the operation of educational institutions fully financed by the budget, in modern Russia is a dynamic inclusion of educational institutions in*

market relations. In education, this means increasing the provision of educational services on a reimbursable basis. The relationship between the educational institution (organization) and the person ordering educational services, couched in the form of an agreement for provision of educational services.

Ключевые слова: *договор, образование, образовательные услуги, договор образовательных услуг, исполнитель, заказчик.*

Key words: *contract, education, educational services, contract educational services, the contractor, the customer.*

Платные образовательные услуги с каждым днем становятся неотъемлемой частью сферы профессионального образования, а объем их постепенно возрастает. Существуют обязательные условия оказания услуг, предоставляемых образовательной организацией, которые могут устанавливаться: договором со студентом (обучающимся) студентом, предприятием (учреждением) и образовательной организацией.

Согласно письму Минобразования РФ от 1.10.2002 № 31ю-31 нн-40/31-09 «О Методических рекомендациях по заключению договоров для оказания платных образовательных услуг в сфере образования» законодательно установлены общие положения и основные условия заключения договора, которыми непосредственно можно воспользоваться при его составлении.

В приказе Минобрнауки России от 21.11.2013 № 1267 «Об утверждении примерной формы договора об образовании на обучение по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» указана типовая форма договора, а также составляющих его частей. Здесь в полной мере трактуются роли, которые выполняют обе стороны при заключении договора.

Таким образом, по договору возмездного оказания образовательных услуг администрация образовательной организации – исполнитель, а обучающийся (студент, родитель или законный представитель) – заказчик образовательной услуги. При этом обучающийся (студент, родитель или законный представитель) считается здесь потребителем образовательных услуг. Именно поэтому на них также в полной мере распространяются нормы законодательства о защите прав потребителей.

Важно подчеркнуть, что взаимоотношения между образовательной организацией и лицом, проходящим обучение в вузе (именно на платной основе), определяются Постановлением Правительства РФ от 15.08.2013 № 706 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг».

С течением времени договор об образовании должен стать основной правовой формой существования правовых отношений между образовательной организацией и обучающимся.

В целом широкое распространение договорных отношений в сфере образования будет иметь благоприятную почву и весьма заметно отразится на развитии образования. Ведь именно в зависимости от уровня предлагаемого образования, порядок заключения образовательного договора имеет свои отличительные черты.

С соблюдением установленного порядка заключения договора тесным образом связаны вопросы и ответственности образовательной организации (исполнителя) за отказ от предоставления образовательной услуги.

Ведь, как справедливо замечено исследователями – «заключению договора на платные образовательные услуги в сфере общего образования не может предшествовать какой-либо конкурсный отбор обучающихся, именуемых потребителями данной услуги».

Сама обязанность образовательной организации (исполнителя) оказать образовательную услугу напрямую связывается только с наличием возможности ее оказать в полной мере, а установление иных ограничений (обстоятельств) не может рассматриваться с точки зрения наличия серьезных причин, соответствующих закону.

Следовательно, здесь не имеет места быть оказание предпочтения одному потребителю перед другим.

На основании вышесказанного поднимается вопрос о необходимости приведения данной нормы в соответствие с положениями ст. 310 ГК РФ и закрепления в «Законе об образовании» исчерпывающего перечня оснований для одностороннего расторжения договора возмездного оказания образовательных услуг по инициативе образовательной организации (исполнителя данной услуги) [7].

Так, одним из наиболее распространенных случаев отказа образовательной организации (исполнителя) от договора оказания образовательных услуг является невозможность их оказания по объективным причинам.

В это же время следует отметить, что односторонний отказ исполнителя (образовательной организации) от исполнения (или же в дальнейшем от выполнения условий) договора без обращения в суд, лишь в том случае, когда существенно нарушены условия договора контрагентом, – стал бы эффективным способом защиты интересов добросовестного исполнителя (образовательной организации), а также (в противоположном случае) заказчика (обучающегося) образовательной услуги на платной основе.

Отсутствие вышеописанной возможности при наличии неисключаемой вероятности возникновения случая для защиты интересов исполнителя (образовательной организации) или заказчика (обучающегося) считается поправимым пробелом в системе законодательства, который можно устранить путем включения и закрепления самостоятельного пункта в «Примерной форме договора на оказание платных образовательных услуг в сфере профессионального образования».

В частности, такое решение возникающей проблемы сможет предусматривать именно для образовательной организации (исполнителя) право на односторонний отказ без обращения в суд от исполнения (или же в дальнейшем от выполнения условий) договора об оказании платных образовательных услуг в случае существенного нарушения его условий заказчиком (обучающимся), повлекшего за собой невозможность исполнения образовательной организацией (исполнителем) предусмотренных обязанностей.

Во избежание проблем, связанных с односторонним отказом от договора согласно п. 2 ст. 779 ГК РФ, образовательной организацией (исполнителем) по причинам неоплаты оказываемых услуг заказчиком (обучающимся), было бы юридически точнее еще на стадии формирования договора включать в него обязательным пункт о «последствиях невнесения (или несвоевременного внесения) платы за оказание образовательных услуг на платной основе» применяемо к п. 2 ст. 328 ГК РФ [6].

Ведь именно такое условие и могло бы предусматривать право образовательной организации (исполнителя) приостановить либо отказаться от исполнения своих обязательств, а также потребовать возмещения убытков от заказчика (обучающегося), но лишь в том случае, если он не внесет соответствующую сумму.

В теории, как и в практике, давно высказываются за более подробное и детальное толкование ст. 426 ГК РФ, путем распространения положения о публичном договоре не только на деятельность коммерческих, но и некоммерческих организаций в рамках оказания всех платных услуг, в том числе и образовательных.

Оформляемые договором возмездного оказания образовательных услуг отношения условно относят к встречным обязательствам. Встречность обязательства здесь рассматривается в обязанности образовательной организации (исполнителя) оказать образовательную услугу обучающемуся (заказчику) качественно и в полном объеме насколько это возможно при обязательном условии своевременной оплаты им обучения.

Основываясь на позиции признания договора о платном обучении договором присоединения, судебная практика определяет дуалистический характер природы отношений его сторон, связанных не только с порядком, но также и с изменением стоимости оплаты обучения.

В первом случае обучающийся (заказчик) присоединяется к условиям договора, где плата за обучение определяется не по соглашению двух сторон, а с учетом расходов на содержание (обучение), а также других затрат (при их наличии) на обучение.

Для второго случая принцип свободы договора, изложенный более подробно в п. 1 ст. 421 ГК РФ, не позволяет принуждать обучающегося (заказчика) к заключению дополнительных соглашений об изменении стоимости услуг (в том числе и с помощью административных методов).

Во избежание указанных инцидентов вполне целесообразным считается включение в договор на платное обучение условия о праве обучающегося (заказчика) требовать от образовательной организации (исполнителя) документального обоснования причин повышения стоимости обучения, где обязательным будет

являться и предоставление новой сметы расходов вуза, что соответствует п. 2 ст. 779 ГК РФ.

Таким образом, учитывая диспозитивный характер, изложенный в п. 1 ст. 781 ГК РФ, договор может определять предварительную оплату образовательных услуг, с учетом наличия у обучающегося (заказчика) детальной информации о различных формах оплаты и возможности добровольного выбора формы оплаты.

На данный момент основной проблемой являются факты нарушений прав заказчиков услуг (обучающихся), которые неоднократно фиксировались контролирующими органами.

Так, к ряду типичных нарушений можно отнести:

- ограничение права обучающегося (заказчика) на отказ образовательной организации (исполнителя) от выполнения договора возмездного оказания предоставляемых услуг в любое время и без обоснования причин;

- сведения о наличии условия невозврата сумм, уплаченных за предоставленные образовательные услуги обучающимся (заказчиком) или возврат сумм со значительными удержаниями образовательной организацией (исполнителем) при отказе от исполнения договора по инициативе обучающегося (заказчика);

- наличие в договоре обязательного пункта включаемого образовательной организацией (исполнителем), об «индивидуальной оплате обучающимся (заказчиком) в случаях возникновения возможной пересдачи им экзаменов, контрольных работ, зачетов, а также итоговой аттестации»;

- включение в договор в одностороннем порядке права образовательной организации (исполнителя) расторгать договор в определенных случаях (неоплаты, просрочки оплаты образовательных услуг), но и при наличии иного обстоятельства (например, когда обучающийся (заказчик) отчисляется в связи с невыполнением учебного плана, а также в любом другом случае);

- установление в договорах, помимо платы за обучение, «безвозмездных единовременных сумм на содержание образовательного учреждения».

Частично проблемы, связанные с защитой прав потребителей образовательных услуг (обучающихся или заказчиков), уже имели индивидуальные направления их решения у ряда контроли-

рующих органов. Ярким примером может служить лишение учебного заведения государственной аккредитации. Нужно отметить, что в данном случае антимонопольное ведомство (МАП России) настоятельно предлагало закрепить в образовательном законодательстве Положение «О сохранении для обучающихся на момент лишения его государственной аккредитации права на получение документа государственного образца и иных преимуществ, связанных с обучением в аккредитованном учреждении». Наряду с этим ставился вопрос о разработке мер воздействия на образовательные организации в целях обеспечения качественного и своевременного оказания образовательных услуг в отношении обучающихся.

Главной проблемой договора оказания образовательных услуг стоит считать саму форму оказания таких услуг.

Форма оказания образовательной услуги может быть: очной, заочной и дистанционной.

В отношении очной формы вопросы прописаны наиболее досконально, то с двумя другими формами могут возникнуть проблемы, которые связаны не только с самой подачей материала, но также с условиями его усвоения и контроля со стороны образовательной организации (исполнителя) или конкретно преподавателя.

В описанном случае будут возникать необоснованные претензии со стороны потребителя платных образовательных услуг (обучающегося или заказчика), связанные с качеством предоставляемого ему образования в целом.

Отметим то, что вся система платного образования применяемого именно к нашим российским реалиям на данном этапе исторического развития еще не совсем изучена, где осуществление одного на практике сталкивается с огромными проблемами в отношении других.

Таким образом, договор об оказании платных образовательных услуг должен решить большую часть таких проблем, но зачастую получается так, что из-за вышеизложенных проблем в самом договоре – это становится крайне затруднительным, тогда как рассматривается только сам факт существования такой услуги.

Итак, сам договор об оказании платных образовательных услуг является юридическим документом, где в равной степени должны иметь права и обязанности как физическое лицо, заключающее договор, так и юридическое.

Изучив все возможные проблемы при заключении договора об оказании платных образовательных услуг, а также возможные пути их решения, мы пришли к выводу, что было бы юридически правильно разработать единый договор для всех структур занятых в сфере образования, принимая в учет все существующие законы, отвечающие всем требованиям заинтересованных сторон.

В таком случае, гарантом реализации разработанного единого договора об оказании платных образовательных услуг будет только государство, которое взяло на себя функцию предоставления аккредитации высших учебных заведений, ценовую политику, где оно может устанавливать, что в целом несет в себе нарушение прав на свободную предпринимательскую деятельность.

Таким образом, с нашей точки зрения, платные образовательные услуги, могут предоставляться высшими учебными заведениями, но исключительно на основе индивидуального договора об оказании таких услуг, где будут учтены интересы каждого конкретного субъекта, а государство будет носить функцию только гаранта в осуществлении прав и обязанностей всех сторон при составлении и заключении договора.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 3) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 9.03.2016) // СПС КонсультантПлюс.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 13.07.2015) «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс.
3. Правительства РФ от 15.08.2013 № 706 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» // СПС КонсультантПлюс.
4. Приказ Минобрнауки России от 21.11.2013 № 1267 «Об утверждении примерной формы договора об образовании на обучение по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» // СПС КонсультантПлюс.

5. Приказ Минобразования России от 28.07.2003 № 3177 // СПС КонсультантПлюс.

6. Письмо Минобразования РФ от 1.10.2002 № 31ю-31нн-40/31-09 «О Методических рекомендациях по заключению договоров для оказания платных образовательных услуг в сфере образования» // СПС КонсультантПлюс.

7. Рожков А.И. Договор оказания платных образовательных услуг в сфере общего образования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2008.

8. Калашникова Г.А. Публичный договор: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Краснодар, 2002.

9. Платные услуги образовательного учреждения. М.: ИФ «Образование в документах», 2001.

СТАДИИ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН В РФ

STAGES OF THE MECHANISM OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL NORMS IN THE SPHERE OF HEALTH PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Пучкова Виктория Викторовна

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Puchkova V.

PhD, Associate Professor, Associate Professor, Department
of Civil Law Smolensk branch of the International Law
Institute, Smolensk, Russia

***Аннотация.** Актуальность темы обусловлена тем вниманием, которое в настоящее время руководством страны обращается на реализацию основополагающих конституционных прав граждан России, связанных с охраной здоровья. В статье ана-*

лизируются стадии реализации конституционных норм в сфере охраны здоровья и оказания медицинской помощи в Российской Федерации. Статья посвящена исследованию норм, направленных на урегулирование правоотношений между субъектами в сфере охраны здоровья. Автор приходит к выводу, что правовая система государства обязана обеспечивать соблюдение норм, регулирующих вопросы реализации каждым человеком конституционного права на охрану здоровья.

Abstract. *The relevance of the topic due to the attention that is now the country's leadership is drawn to the realization of the fundamental constitutional rights of Russian citizens, the health-related. The article analyzes the stage of realization of the constitutional norms in the field of health and health care in the Russian Federation. The article investigates norms aimed at resolving the relations between the actors in the health sector. The author concludes that the legal system of the state is obliged to ensure compliance with the rules governing the implementation of each individual constitutional right to health protection.*

Ключевые слова: *стадии реализации; конституционные нормы; охрана здоровья; оказание медицинской помощи; правоотношения.*

Key words: *stage of implementation; constitutional rules; health protection; health care; relationship.*

Различают нормы, разрешающие действовать в целях реализации своих прав и интересов в сфере охраны здоровья. Кроме того, можно выделить нормы, которые обязывают субъектов правоотношений в сфере охраны здоровья совершать определенные действия в интересах защиты прав и свобод граждан и нормы, которые запрещают совершать действия, ущемляющие права и свободы других лиц, или воздержаться от их совершения.

Анализ механизма реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь позволяет выделить следующие его стадии:

- стадия общего состояния субъективного права;
- стадия владения субъективным правом;
- стадия непосредственной материализации субъективного права [2, с. 103].

Первая стадия характеризует общее состояние права на охрану здоровья и медицинскую помощь как субъективное право каждого человека. Вторая стадия определяет, что владение данным правом для гражданина возникает в случае болезни при обращении за медицинской помощью в лечебное учреждение. Активная позиция человека в использовании своего права в случае болезни возникает при обращении в медицинские учреждения по поводу предоставления качественных медицинских услуг. Все пациенты, нуждающиеся в оказании медицинской помощи, имеют право на получение сведений о своем здоровье, а медицинское учреждение должно предоставлять ему необходимую информацию о диагнозе, методах исследования и лечения. В противном случае пациент имеет право обратиться в государственные и судебные органы за защитой своих нарушенных прав. Данная деятельность является важной для предотвращения подобных нарушений в будущем. Именно такие ситуации приводят к возникновению правоотношений между пациентом и медицинским учреждением, пациентом и врачом, пациентом или медицинским учреждением и государственными или судебными органами. Это определяет субъективность прав граждан, закрепленных в законе.

Стадия владения субъективным правом заключается в его реализации. Социальную возможность гражданина, которая закреплена в субъективном праве, переходит в действительность при необходимости использования своего законного права на охрану здоровья. Каждый гражданин при реализации своего права в сфере охраны здоровья должен вести себя в соответствии с нормой закона, не ущемляя права других граждан. Важную роль при этом будут определять индивидуальные потребности.

Стадия непосредственной материализации субъективного права заключается в жизнедеятельности человека, которая определяется процессом, осуществляющим обеспечение конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Данный процесс носит индивидуальный характер. В этом процессе невозможно определить конкретные направления, так как они находятся в тесном единстве. Реализация прав и свобод, которые носят неотчуждаемый характер, тесно связана с лично-

стью индивидуума и составляет его правовой статус, определяющий жизнедеятельность гражданина.

Все граждане равны в осуществлении прав и свобод в сфере охраны здоровья. Граждане вступают в правоотношения относительно сохранения и укрепления здоровья. Такие отношения возникают между гражданами, иностранными гражданами и лицами без гражданства, проживающими на территории Российской Федерации, с одной стороны, и государством в лице его органов, с другой стороны. Такие правоотношения являются постоянными, так как граждане нуждаются в постоянной охране и защите их права на охрану здоровья, начиная с рождения. Кроме того, правоотношения в сфере охраны здоровья возникают между пациентами по поводу оказания медицинской помощи, с одной стороны, и медицинскими организациями, медицинскими работниками, с другой стороны. Эти отношения являются временными, так как возникают в связи с заболеванием в целях излечения. Также правоотношения относительно сохранения здоровья могут возникать между самими гражданами, которые заключаются в не ущемлении и уважении прав и свобод других граждан в сфере охраны здоровья. Такие отношения являются постоянными.

Правоотношения в сфере охраны здоровья образуют некую систему, состоящую из определенных элементов, характеризующих механизм реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. На механизм оказывают влияние социальная составляющая общества и многие другие факторы. Поэтому для действенности механизма реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь необходимо тщательно исследовать все факторы, влияющие на него. А именно условия жизни, благосостояние людей и их поведение [3, с. 96].

Реализация прав и свобод в сфере охраны здоровья зависит от обеспечения их гарантий. Обеспечение гарантий в сфере реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь зависит от проведения мероприятий, носящих юридический характер. Мероприятия должны быть направлены на правомерное использование, применение, охрану прав и свобод в сфере охраны здоровья.

Для механизма реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь необходима конкретизация прав и свобод в данной сфере, от которой зависит реальное воплощение прав и свобод человека в жизнь. Конкретизация прав и свобод в сфере охраны здоровья отражает пределы их применения каждым человеком, их содержание, которое выражается в установлении прав и обязанностей субъектов конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Конкретизация осуществляется на основании определения нормы закона, относящейся к правоотношениям в сфере охраны здоровья.

При анализе границ, механизма реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь выделяются: *во-первых*, обеспечение прав и свобод в сфере охраны здоровья, может осуществляться в пределах ограниченного времени. Например, гражданин на протяжении всей жизни владеет конституционным правом на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом данное право неотчуждаемо и непередаваемо другим лицам, даже по наследству. Именно в этом выражаются границы реализации прав и свобод в сфере охраны здоровья. При этом владелец субъективного права сможет реализовать только те возможности, которые заложены в субъективном праве, определенном сроками его существования.

Во-вторых, конституционное право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь имеет интегрированную связь с другими конституционными правами, например с конституционным правом на жизнь. Данное конституционное право зависит от рода занятий, биологических, природно-климатических и других факторов. Независимо от субъективного права можно унаследовать болезнь, при этом человек может реализовать свое право путем получения квалифицированной медицинской помощи. В то же время состоятельный человек имеет большие возможности, гарантированные государством, по реализации способа обеспечения конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В-третьих, конституционное право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь имеет относительный характер, так как оно взаимодействует со многими существенными фак-

торами, например, окружающей средой, охраной труда, отдыха и других факторов.

Интеграция организационных и правовых гарантий по реализации прав граждан и специальных организационно-правовых средств по охране, защите и возобновлению прав обеспечивает образование единой подсистемы механизма реализации субъективных прав граждан, с соблюдением правового режима. Данный механизм содержит: во-первых, нормы, конкретизирующие границы возможного поведения и порядок перехода права из одного состояния в другое, которое определяется границами дозволенности и границами действительности; во-вторых, определяется цель пользования благом, которая не должна выходить за рамки законности; в-третьих, механизм содержит нормы по усовершенствованию реализации прав и свобод.

Для достижения реального обеспечения прав и свобод граждан необходимо, чтобы правовой режим стал действенным инструментом. А для этого необходимо со стороны государства создавать необходимые условия для обеспечения этих прав, а в случае их нарушения обеспечить возобновление.

Механизм реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь можно условно разделить на две стадии: охрану прав и свобод в сфере здравоохранения и их защиту [1, с. 140].

Таким образом, эти стадии можно рассмотреть на примере социальной среды, где созданы необходимые условия для действенного механизма реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом на каждой стадии применяются различные гарантии. При нарушении права граждан на охрану здоровья возникает потребность в их защите.

Список литературы

1. Алексеев С. Гражданское право: Учебник. М.: Проспект, 2009.
2. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, АН СССР Ин-т гос-ва и права, 1979.
3. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учебник для вузов / Ред. Л.М. Энтин. М.: Норма, Инфра-М, 2011.

4. Пучкова В.В. Актуальные проблемы реализации права в сфере оказания медицинских услуг // Проблемы права. 2012. № 3.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ТУРИЗМЕ

CHANGES IN THE LAW ON TOURISM

Сирик Наталия Валериевна

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Sirik N.

candidate of juridical science, Associate Professor, Associate
Professor of Civil Law (general institute), Smolensk branch
International Law Institute, Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье анализируются изменения, внесенные в отраслевое туристское законодательство. Делается вывод, что, несмотря на серьезные изменения в правовое регулирование туристской деятельности, вопрос о распределении ответственности между турагентом и туроператором остался до конца не решенным.*

***Abstract.** In the article is analyzed the changes which has been made in the branch legislation camping. It is concluded that in spite of the major changes in the legal regulation of tourist activity, the distribution of responsibility between the travel agent and tour operator has not fully resolved.*

***Ключевые слова:** туроператор, турагент, турист, ответственность, договор.*

***Key words:** tour operator, travel agent, tourist, responsibility, agreement.*

За последние 10 лет в законодательство о туризме были внесены значительные изменения. Большинство из них связаны с попыткой законодателя упорядочить туристскую деятельность и регламентировать права туристов на качественные туристские услуги.

Противоречивость законодательства о туризме, его несоответствие Гражданскому кодексу, а в связи с этим и участившиеся факты неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязательств субъектами туристской деятельности перед туристами привели к необходимости совершенствования правового регулирования в сфере туризма. Можно сказать, что за весь период действия Закона о туризме после внесения в него существенных поправок, главная его задача состояла в усилении степени защиты прав потребителей, и изменения в данный Закон от 2007 и 2011 гг. – не исключение.

Введение института финансовых гарантий, реестра туроператоров и другие нововведения должны были бы защитить туристов и устранить конфликты между туроператорами и турагентами в вопросах распределения ответственности перед туристом. Тем не менее практика применения Закона о туризме снова выявила многочисленные недостатки, связанные с оказанием туристских услуг потребителям.

В соответствии с действующей редакцией ст. 9 Закона о туризме и п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [1] туроператор несет предусмотренную законодательством РФ ответственность перед туристом и (или) иным заказчиком за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта (в том числе за неоказание или ненадлежащее оказание туристам услуг, входящих в туристский продукт, независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги). Туроператор отвечает перед туристами и (или) иными заказчиками и за действия (бездействие), совершенные от имени туроператора его турагентами в пределах своих обязанностей (полномочий).

Большинство договоров о реализации туристского продукта с туристом турагенты в настоящее время заключают от своего имени за счет туроператора. Туроператор заключает с турагентом договор агентирования по модели договора комиссии. Согласно п. 1 ст. 1005 ГК РФ «по сделке, совершенной агентом с третьим лицом от своего имени и за счет принципала, приобретает права и становится обязанным агент, хотя бы принципал и был назван в сделке или вступил с третьим лицом в непосредственные отно-

шения по исполнению сделки». Соответственно, потребитель вправе предъявить иск к турагенту, который согласно указанной статье является обязанным перед туристом по агентскому договору. Однако Закон «О туристской деятельности в РФ» и в данном случае ответственным лицом делает туроператора.

Возникает противоречивая ситуация, когда, с одной стороны, Закон о туризме возлагает ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора с туристом на туроператора как субъекта, формирующего тур и имеющего финансовое обеспечение, а с другой стороны, исходя из положений ГК РФ об агентском договоре, ответственность перед туристом за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора несет турагент, основные функции которого сводятся к предоставлению полной и достоверной информации о предполагаемом туре.

Полагаем, что, несмотря на то, что в п. 4 ст. 1005 ГК РФ есть упоминание о том, что законом могут быть предусмотрены особенности отдельных видов агентского договора, к этим особенностям нельзя отнести возложение ответственности туроператора за действие турагента в случае, если турагент заключает договор о реализации туристского продукта с туристом от своего имени. На наш взгляд, на лицо прямое противоречие отраслевого закона Гражданскому кодексу РФ.

Данное противоречие отраслевого законодательства и норм ГК РФ приводит к тому, что с турагентов взыскиваются убытки, понесенные туристами в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения своих обязательств туроператорами. В судебной практике нередко встречаются случаи, когда обязанным перед туристом лицом является турагент, поскольку права и обязанности по договору о реализации туристского продукта возникают именно у турагента.

В то же время нередко ситуации, когда ответственность за неисполнение обязательств суды возлагают на туроператора даже в ситуациях, когда турагент не перевел на туроператора денежные средства, полученные от туриста.

Т. обратилась в суд с исковыми требованиями к обществу с ограниченной ответственностью ООО «Турфирма «Дельфин», ООО «Ирис-Экскурсы» о взыскании стоимости турпродукта в размере 64200 руб., неустойки в размере 64200 руб., компенса-

ции морального вреда в размере 10000 руб. штрафа. В обоснование требований указала, что N. на основании договора приобрела у турагента ООО «Ирис-Экскурс» туристский продукт – тур в санаторий «Красная Талка» в городе Геленджике Туроператором указанного туристского продукта выступило ООО «Турфирма «Дельфин». Туристский продукт не был предоставлен истцу в связи с неоплатой тура турагентом. Поскольку требование о возврате уплаченных за туристский продукт денежных средств во внесудебном порядке выполнено не было, истец обратилась с вышеуказанными требованиями в суд. С учетом изложенных обстоятельств суд пришел к выводу о том, что оплаченный в полном объеме туристский продукт не был предоставлен туроператором туристу, услуга по проживанию не была оказана, а потому взыскал с ООО «Турфирма «Дельфин» в пользу Т. уплаченную ею стоимость туристского продукта[2]. Аналогичная позиция содержится в Определениях Конституционного Суда Российской Федерации № 1691-О от 17.07.2014 г., № 1692-О от 17.07.2014 г., № 1693-О от 17.07.2014 г., Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 г. № 2279-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Пегас Красноярск» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 5 ст. 9 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Удовлетворяя требования, в судебных инстанциях ссылались на то, что непоступление денежных средств туроператору от турагента, основанием для освобождения туроператора от ответственности быть не могут, так как это не предусмотрено законом.

Данная судебная практика стала складываться с изменениями ч. 5 ст. 9 Закона «Об основах туристской деятельности», внесенными Федеральным законом от 3.05.2012 г. № 47-ФЗ, согласно которым была расширена ответственность туроператора возложением обязанности отвечать также за турагента, действующего от собственного имени.

Таким образом, действующее законодательство не дает однозначного ответа на вопрос, как распределяется ответственность между туроператором и турагентом перед потребителем туристской услуги.

В том числе решению указанной проблемы посвящены изменения, внесенные Федеральным законом от 2.03.2016 г. № 49-ФЗ, вступающие в силу с 1 января 2017 г.

Так, в законе указывается, что «Туроператор обеспечивает оказание туристу всех услуг, входящих в туристский продукт, самостоятельно или с привлечением третьих лиц, на которых туроператором возлагается исполнение части или всех его обязательств перед туристом и (или) иным заказчиком. Туроператор и турагент несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств как друг перед другом, так и перед туристом и (или) иным заказчиком. Туроператор и турагент самостоятельно отвечают перед туристом и (или) иным заказчиком».

Турагент признается самостоятельным исполнителем и помимо обязанности предоставить достоверную и полную информацию о турпродукте, на него возлагается обязанность передать денежные средства, полученные «от туриста и (или) иного заказчика, туроператору, если иной порядок оплаты туристского продукта не предусмотрен договором между турагентом и туроператором».

Турагент также обязан уведомить туроператора, сформировавшего туристский продукт, о заключении договора о реализации туристского продукта. Турагент обязан согласовать с туроператором, сформировавшим туристский продукт, условия путешествия (в том числе потребительские свойства туристского продукта) на основании запроса туриста и (или) иного заказчика, адресованного турагенту.

Кроме того, турагент обязан предоставить туристу копию свидетельства о внесении сведений о туроператоре в реестр.

Много споров в среде турбизнеса было связано с внесением в закон нормы о заключении турагентом договора с туристом от имени и по поручению туроператора. Отметим, что тем самым было бы убрано противоречие отраслевого закона и гражданского законодательства. Как указано на сайте АТОР, тезис «от имени и по поручению» вошел в закон в усеченном виде – «турагент осуществляет продвижение и реализацию туристского продукта по поручению туроператора» (ст. 9 Закона «Об основах

туристской деятельности»). Однако статья закона возлагает на турагента предоставить туристу копию доверенности, выданной туроператором на заключение от имени туроператора договоров о реализации сформированного им туристского продукта». В развитие закона 1 августа внесены изменения в правила оказания услуг по реализации турпродукта. В новой редакции правил под исполнителем понимается туроператор, который заключает с потребителем договор о реализации туристского продукта, а также турагент, действующий на основании договора со сформировавшим туристский продукт туроператором и доверенности, выданной туроператором, на заключение от имени и по поручению туроператора договоров о реализации сформированного туроператором туристского продукта.

Таким образом, анализируя нормы Закона и Правил в их взаимосвязи, следует сделать вывод о том, что осуществляя свою деятельность, туроператор может заключать с турагентом либо договор поручения, либо агентский договор по модели договора поручения.

Заметим, что изменения коснутся и договора с туристом. Согласно поправкам к закону, уполномоченный федеральный орган исполнительной власти будет утверждать типовые формы договора о реализации туристского продукта, что безусловно упорядочит работу турагентств и исключит возможность внесения в договор условий, ущемляющих права потребителей.

Нововведением также является дополнение существенных условий, которые обязательно должны быть отражены в договоре. Помимо сведений о туроператоре и организациях, предоставивших ему финансовое обеспечение (а по новому закону их у оператора может быть несколько), их адресов и контактов, в договоре должны указываться сроки и порядок обращения за возмещением реального ущерба в «Турпомощь», условия выдачи авиабилетов и ваучеров на размещение.

Закон конкретизирует норму о порядке выдачи авиабилетов, указывая, что если договор о реализации туристского продукта заключен ранее чем за 24 часа до начала путешествия, такой документ (билет) должен быть выдан туристу и (или) иному заказчику не позднее чем за 24 часа до начала путешествия. Однако на практике это сделать не всегда представляется возможным,

учитывая, что туроператор находится в Москве, а турагент в другом городе.

Что касается «ваучера», то, что он из себя представляет, не регламентировано ни одним нормативным актом. Кроме того, если речь идет о групповом туре, то документ о бронировании выписывается на всю группу в целом. Какие данные должен содержать такой документ в законе тоже не указывается.

Нельзя не остановиться на изменениях в законе, касающихся квалификации договоров, опосредующих оказание совокупности различных туристских услуг на одно и то же лицо и на один и тот же период. Заметим, что в судебной практике не только такие договоры, но и приобретение билетов на самолет через туроператора, как правило, признавали единым договором на реализацию туристского продукта.

Так, между С. и ООО «Солвекс-Турне» был заключен договор о реализации туристского продукта, предметом которого было приобретение авиабилетов по маршруту Санкт-Петербург – Варна и Варна – Санкт-Петербург. Поскольку истцу не были оказаны услуги по договору, в частности вылет из Варны – Санкт-Петербург не состоялся, ей пришлось купить билеты за свой счет, она обратилась в ООО «Солвекс-Турне» с заявлением о возмещении понесенных расходов на приобретение авиабилетов в связи с неисполнением туроператором своих обязательств по договору. Отказывая в удовлетворении исковых требований, районный суд принял во внимание, что туристский продукт, в понимании действующего законодательства, истицей не приобретался, покупка авиабилетов не является приобретением туристского продукта у туроператора, а отказ в выплате страхового возмещения является законным и обоснованным. Суд апелляционной инстанции, оценивая договор, заключенный между С. и ООО «Солвекс-Турне», в совокупности с нормами Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» полагает, что указанный договор является договором о реализации туристского продукта [3].

И еще одно нововведение касается изменений оснований для выплаты финансового обеспечения – так, из оснований выплаты исключено ненадлежащее исполнение туроператором своих обязательств. С 2017 г. Единственным основанием для выплаты

фингарантии является неисполнение туроператором своих обязательств в связи с прекращением туроператорской деятельности по причине невозможности исполнения туроператором всех обязательств по договорам о реализации туристского продукта. При этом датой страхового события (случая) считается день, когда туроператор публично заявляет о прекращении туроператорской деятельности по причине невозможности исполнения туроператором всех обязательств по договорам о реализации туристского продукта.

То есть турист может получить компенсацию от страховщика или банка только в том случае, если туроператор вообще не выполнил перед ним свои обязательства.

Суммируя изложенное, следует сделать вывод, что законодательство о туризме находится в стадии становления. Все реформы закона направлены на усиление правовой защищенности слабой стороны договора-туриста. Однако, несмотря на достаточно серьезные изменения в законодательстве о туризме, вопрос о распределении ответственности между турагентом и туроператором так и остался до конца не решенным.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс.
2. Саратовский областной суд. Апелляционное определение от 14 сентября 2016 г. по делу № 33-6967 // СПС Консультант Плюс.
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 9 февраля 2016 г. № 33-1705/2016 // СПС КонсультантПлюс.

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НИЧТОЖНЫХ И ОСПОРИМЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ (ОТ РИМСКОГО ПРАВОВОГО ОПЫТА К СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ)

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF NULL AND VOIDABLE TRANSACTIONS IN THE CIVIL LAW (FROM THE ROMAN LEGAL EXPERIENCE TO MODERN CIVIL LAW)

Столяров Дмитрий Анатольевич

канд. истор. наук,

доцент кафедры общепрофессиональных и специальных правовых дисциплин

Международный юридический институт

Ивановский филиал

Stoliarov D.

candidate of historical sciences, associat Professor of Department of general professional and special legal disciplines, Ivanovo branch International law Institute, Ivanovo, Russia

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы разграничения ничтожных и оспоримых сделок в гражданском праве. Используя ретроспективный анализ правового опыта, автор раскрывает основные дискуссионные вопросы дефиниции недействительных сделок и их разновидностей, формулирует теоретическую основу ничтожных и оспоримых сделок в современной российской цивилистике.*

***Abstract.** In the article the problems of differentiation of null and voidable transactions in civil law. Using a retrospective analysis of the legal experience, the author reveals the main controversial issues of the definition of invalid transactions and their varieties, formulates the theoretical basis of void and voidable transactions in the modern Russian civil law.*

Ключевые слова: *недействительные сделки, ничтожные сделки, оспоримые сделки, разграничение недействительных сделок, римское право, цивилистика.*

Key words: *void transaction, a void transaction, voidable transaction, the distinction between invalid transactions, Roman law, civil law.*

Как известно, состояние российского гражданского законодательства, равно как и судебной практики, в ряде ключевых вопросов гражданских правоотношений побудило государственную власть приступить к масштабному реформированию законодательства. Начало ему было положено Указом Президента РФ от 18.07.2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации». Не последнюю роль в деле инициирования гражданско-правовой реформы сыграли многочисленные коллизионные процессы в сфере договорных отношений, в частности в сфере признания сделок недействительными.

Действующий Гражданский кодекс РФ впервые за весь период истории российской правовой системы смог закрепить определение ничтожных и оспоримых сделок, включив в текст кодекса соответствующие дефиниции. Ранее данные категории были лишь включены в законодательные акты, но их определение и толкование юридических признаков носили исключительно поверхностный характер. Не случайно в ходе реформирования гражданского законодательства существенным дополнениям подверглась ст. 166 («Оспоримые и ничтожные сделки») [1], а также все нормы подразд. 4 и 5 разд. I ч. 1 (ст. 167–176, 178–181), касающиеся оснований и последствий недействительности сделок [2].

Безусловно, внесение конкретизации в проблему регулирования недействительных сделок было вызвано острыми дискуссиями в этой области, доходящими порой до полного отрицания необходимости подобного деления, породившего больше отрицательных последствий, чем положительных [11]. Появление в Гражданском кодексе РФ концепции о ничтожных и оспоримых сделках стало результатом стремления исследователей-цивилистов законодательно закрепить принципиальные правовые отличия между этими видами недействительных сделок.

Тем не менее в настоящий момент в российской науке гражданского права (как и на момент принятия ГК РФ в 1994 г.) нет общего мнения относительно правовой основы таких сделок, оснований и порядка признания их недействительности, а также последствий этой недействительности.

Как известно, сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [1]. Такая дефиниция сделки восходит к временам Римской империи, когда юридическая сделка стала пониматься в качестве некоего частноправового акта, рождавшего или изменявшего правоотношения между субъектами права. Как показала Е.В. Пермякова, конструкция сделки окончательно оформилась в эпоху Адриана (II в. н.э.), когда сложилось четкое понимание категории законности применительно к ней [9, с. 176].

Анализ Дигест Юстиниана позволяет судить о том, что в зависимости от степени недействительности сделки в римском праве также делились на несуществующие (*negotium nullum*), абсолютно недействительные (*negotia irrita*), относительно недействительные или нарушенные (*negotia rescindibilia*). Такая пространность в обозначении недействительных договорных действий позволила, например, В.А. Кияшко сделать вывод о том, что древнеримские юристы подобным разнообразием пытались охватить все проявления незаключенных (несуществующих) договоров, однако оценить по существу элементы выработанной в Риме классификации вряд ли представляется возможным [7].

Представляется, что определенные сложности с четкой дефиницией и контурами недействительных сделок осознавали и сами римские юристы. По этому поводу они высказывались в том духе, что «...в цивильном праве любое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто» (*Omnis definition in iure civili periculosa est: parum est enim ut non subverti posset* – Д.50.17.202).

Тем не менее следует признать, что продуктом именно римского права стало разделение недействительных сделок, в первую очередь, на ничтожные и оспоримые, при этом именно ничтожные сделки получили наибольшее развитие. Использование древнеримскими юристами категорий «*non valere*» (не имеющая си-

лы), «inutile» (ничтожная), «inane» (пустая), «imperfectum» (несовершенная, недействительная), «irritum» (неправильная) позволяет считать их относящимися к одному порядку, т.е. выражающими ничтожность сделки. Не случайно И.Б. Новицкий, ставивший под сомнение целесообразность выводов о наличии в эпоху римского права деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, указывал на совпадение по смысловому объему понятий «ничтожность» и «недействительность» [10, с. 100].

Действительно, их сближает то обстоятельство, что в их содержание вкладывается близкая по смыслу трактовка: это те сделки, которые не производят ожидаемого от них правового эффекта, т.е. не способны произвести никаких правовых последствий в силу объективных условий.

Что же выступает критериями отнесения договора к категории ничтожных сделок? По общему правилу, это тот случай, когда **воля субъекта в сделке вообще никак не выражена** (например, лицо находится в бессознательном состоянии, а документ подписывают, ведя его рукой).

Другим, более распространенным в практике, вариантом ничтожности сделки является круг казусов, в которых при совершении сделки **истинная воля не соответствует волеизъявлению и действию**. Примерами тому может выступать обман без злого умысла (когда, к примеру, происходит вступление в сделку с больным для его успокоения без намерения его исполнять); симуляция сделки (например, мнимая продажа имущества злостным банкротом или продажа вещи мужем жене в обход запрета на дарение между супругами); заблуждение или ошибка (error). При этом воззрения римских юристов на ошибку получили довольно обширное развитие.

Классическим является пример римского юриста Ульпиана: «Я считаю, что покупаю Корнелиево поместье, а ты – что продаешь мне Семпрониево поместье» (D.18.1.9). В данном случае при совпадении воли сторон не совпадает волеизъявление по причине наличия ошибки в определении товара, а это для римских юристов являлось указанием на несогласованность существенного условия, а следовательно, на ничтожность (недействительность) сделки.

Ту же ничтожность, но при несоответствии волеизъявления по причине допущения ошибки в понимании природы сделки демонстрирует другой пример из Дигест Юстиниана: «если я даю тебе деньги на хранение, а ты думаешь, что берешь займы, то нет ни займа, ни хранения» (D.12.1.18.1).

Таким образом, можно заключить, что категории «недействительности» и «ничтожности» сделок в римском праве являются близкими, но не идентичными и далеко не всегда совпадают. Здесь, как представляется, требуется применение закона логики в определении объема понятия: **каждая ничтожная сделка является недействительной, но не каждая недействительная сделка является ничтожной**. Следовательно, понятие «недействительность сделки» выступает по отношению к «ничтожности сделки» более широким явлением.

Несмотря на попытки римских юристов, стройной концептуальной основы деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые в римском праве не сложилось. И.С. Перетерский это обстоятельство объяснял применением в Риме различных оснований для разграничения. Он писал, что «поскольку в римском праве деление сделок на ничтожные и оспоримые было просто связано с их делением на недействительные по гражданскому праву и недействительные по преторскому праву, то отсутствовало и единое учение об их отличиях [10, с. 58].

Отечественная юриспруденция получила четко сформулированное учение о недействительности сделок (как, впрочем, и о их делении на ничтожные и оспоримые) исключительно благодаря немецкой пандектной доктрине. В ней же, как известно, немецкое слово *Ungultigkeit* переводится как «недействительность», хотя данный термин означает «бессилие» [7]. Конечно, такое несовершенство терминологии порождало смешение понятий, и зачастую в российской науке оспоримая сделка рассматривалась как вид недействительных сделок в независимости от аннулирования ее судом, несмотря на явный факт, что до момента своего аннулирования такая сделка порождает правовые последствия, на которые направлена.

Этим же объясняется и отсутствие в течение длительного времени грамотно сформулированных оснований для разграничения ничтожных и оспоримых сделок, поэтому российская за-

конодательная система практически обходила стороной эти категории вплоть до принятия ч. 1 Гражданского кодекса РФ в 1994 г.

Рубеж XIX и XX столетий ознаменовался становлением теоретических основ российского частного права. Весьма активно отечественными цивилистами изучался вопрос о последствиях недействительных сделок. Такие видные правоведы, как Д.И. Мейер, Ю.С. Гамбаров, Г.Ф. Шершеневич полагали, что заключение недействительной сделки все-таки приводит к правовым последствиям, правда, не тем, которые ожидались от ее совершения.

Однако к сожалению, эти подходы так и не смогли воплотиться в законченное глубокое учение о ничтожных и оспори- мых сделках. Создается впечатление, что законотворцы намеренно избегали введения в нормативный оборот данных категорий. В проекте Русского гражданского уложения 1905 г. составители ограничились лишь их упоминанием. Не знали соответствующей терминологии Основы, а также Гражданский кодекс РСФСР 1922 и 1964 гг., что весьма ограничивало познания в области сделок.

Между тем вторая половина прошлого столетия еще более актуализировала проблему разграничения недействительных сделок. Ведь еще в конце XIX в. Д.И. Мейер призывал не аннулировать сделки без крайней необходимости, поскольку такая практика существенно дестабилизирует состояние гражданско- правового оборота [8, с. 345]. Подходить к определению недействительности сделок дифференцированно, учитывать волевой фактор призывали советские цивилисты Н.В. Рабинович и В.П. Шахматов. Ими указывалось, что «...во всех случаях, когда воля распознаваема, а ее подлинный смысл может быть впоследствии установлен, при возникновении спора нужно считаться именно с волей» [12, с. 99].

В условиях перехода к рыночной экономике российское гражданское право углубилось в исследование проблем гражданско- правового оборота. Существенные перемены затронули и институт недействительности сделок, что обусловлено его динамичностью и широким применением во всех сферах гражданского права. Не может не беспокоить, как показывают известные современные цивилисты М.И. Брагинский и В.В. Витрян-

ский, то, что с конца XX в. в практике российских арбитражных судов происходит рост числа дел, связанных с признанием сделки недействительной и применением последствий недействительной сделки [4].

Положения о ничтожных и оспоримых сделках как разновидностях недействительных сделок, что было отмечено выше, были включены уже в состав первоначальной редакции Гражданского кодекса РФ 1994 г. Отсутствие правовой практики в рамках данной проблемы сразу породило немало спорных моментов как в теории, так и практической сфере применения новой правовой нормы.

В ст. 166 ГК РФ (центральная статья в § 2 – Недействительность сделок, которая относится к Главе 9 – Сделки) было представлено определение оспоримых и ничтожных сделок. В п. 1 отмечено, что сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка) [1]. Из текста нормы следует, что формальным юридическим основанием для деления сделок на ничтожные и оспоримые выступает порядок признания соответствующей сделки недействительной.

Представляется, что основанием такого разграничения является процедурный характер признания сделок недействительными: в одних случаях требуется обращение в суд, а в других – нет. Рациональность подобного критерия была поставлена под сомнение рядом отечественных цивилистов. Как лаконично отметил С.С. Желонкин, процедурный характер вряд ли может быть признан в качестве основного при классификации недействительных сделок на указанные виды [5, с. 78]. По его мнению, выявление принципиальных закономерностей разделения недействительных сделок на оспоримые и ничтожные связано с постоянным расширением объема нормативных правовых актов, устанавливающих недействительность соответствующих сделок, в одних случаях в силу ничтожности, в других – в силу оспоримости.

На установление четкости в делении недействительных сделок в гражданском законодательстве была направлена недавняя попытка его реформирования. В результате реформы в Гражданский

кодекс были внесены изменения двумя законодательными актами: § 2 гл. 9 ГК РФ был, по сути, изложен в новой редакции Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ [2], вступившим в силу с 1 сентября 2013 г., а Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ [3], вступившим в силу с 1 июня 2015 г., была добавлена новая ст. 431-1 о недействительности договоров.

Указанные изменения были направлены на усовершенствование ключевых принципов гражданского права. В первую очередь, преследовалась цель максимального укрепления гражданско-правового договора и минимизации правовых возможностей для признания недействительности договора. Безусловно, не все из внесенных изменений упростили понимание институтов ничтожной и оспоримой сделки.

Тем не менее суть учения о ничтожности и оспоримости сделок применительно к современному праву, прошедшему длительный эволюционный путь, обрело на сегодняшний день в гражданском законодательстве довольно устоявшуюся теоретическую основу. Ее содержание можно свести к следующим позициям:

1) различные недостатки, дефекты и пороки фактического состава сделки оказывают неодинаковое влияние на ее юридическую силу;

2) поскольку ничтожная сделка в правовом смысле не существует, то она не производит правовых последствий ни для кого и ни против кого. Поэтому на ничтожность может ссылаться каждый и против каждого;

3) ничтожность, по общему правилу, имеет необратимый характер, т.е. ничтожную сделку «исцелить» невозможно;

4) иск об установлении ничтожности по своей природе не подлежит действию давности;

5) другие пороки (в их число входят, как правило, пороки воли – принуждение, ошибка, обман) сами по себе не лишают сделку юридической силы;

6) право оспаривания, в отличие от инициативы установления ничтожности, принадлежит по общему правилу строго определенным лицам;

7) по общему правилу оспоренная и аннулированная сделка считается недействительной, как если бы она была таковой с

самого начала. Поэтому иногда оспоримую сделку называют ничтожной в силу оспаривания;

8) подобно большинству притязаний право на оспаривание подлежит действию давности;

9) общий принцип соотношения сфер действия ничтожности и оспоримости при несоответствии сделки закону может быть выражен формулой: сделка, не соответствующая требованиям закона, ничтожна без особого на то указания.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразд. 4 и 5 разд. I ч. 1 и ст. 1153 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2013. № 32. Ст. 645.

3. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 1026.

4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1.: Общие положения. М.: Наука, 2003.

5. Желонкин С.С. К вопросу о разграничении недействительных сделок на ничтожные и оспоримые в Гражданском кодексе Российской Федерации // Современное право. 2014. № 9.

6. Кельнер Х. Недействительность сделки в анализе немецкой пандекстистики. Рига, 1974.

7. Кияшко В.А. Несостоявшиеся сделки: очерк законодательства, теории и правоприменительной практики. М., 2007.

8. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 1997.

9. Пермякова Е.В. Конструкции действительности и недействительности сделок в классической юриспруденции Западного Рима // Актуальные проблемы эволюции цивилистических учений в Европе и России XIX–XX вв. / Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2016.

10. Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1948.

11. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 1999;
12. Томилин А. Ничтожные и оспоримые сделки: трудности правоприменительной практики // Хозяйство и право. 1998. № 8.
13. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск: Изд-во ТГУ, 1967.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИСВОЕНИЯ ИМЕН В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ РФ И БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

LEGAL REGULATION OF NAMING IN THE NATIONAL REPUBLICS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CIS COUNTRIES

Тремасова Оксана Евгеньевна

студентка 4 курса

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Усова Екатерина Владимировна

канд. пол. наук,

заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Tremasova O.

4rd year students, Astrakhan branch International law

Institute, Astrakhan, Russia

Usova E.

head of Department of civil disciplines, Astrakhan branch

International law Institute, Astrakhan, Russia

Аннотация. Право на имя является личным нематериальным благом, принадлежащим каждому человеку и возникающим при рождении. По общему правилу родители реализуют данное право. В статье автор рассматривает нормативное регулирование присвоения имени ребенку в некоторых национальных республиках России и странах ближнего зарубежья.

Abstract. *The right to a name is a personal intangible benefits that belong to every person and arising at birth. As a General rule the parents to implement this right. In the article the author examines legal regulation of assigning a name to a child in some national republics of Russia and CIS countries.*

Ключевые слова: *имя гражданина, национальные имена, отказ в регистрации имени.*

Key words: *the name of the citizen, national names, the refusal to register the name.*

Согласно п. 1 ст. 19 Гражданского кодекса РФ [3] гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. По-другому говоря, граждане вступают в те или иные правоотношения, используя собственное (личное) имя, которое выступает средством их индивидуализации. Каждый ребенок в силу факта рождения имеет право на имя, что прямо следует из п. 1 ст. 58 Семейного кодекса РФ [4] и п. 1 ст. 150 ГК РФ. Право на имя, наряду с жизнью, здоровьем, достоинством личности, личной неприкосновенностью, деловой репутацией, неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной, правом свободного передвижения, правом авторства, признается нематериальным благом, которое не может быть отчуждено или передано иным способом его обладателем третьим лицам.

Итак, имя как одно из составляющих наименования человека в целом присваивается ребенку по правилам, установленным п. 2, п. 5 ст. 68 СК РФ и п. 2 ст. 18 Закона об актах гражданского состояния [5]. Данные нормативные акты содержат весьма лаконичное положение. Имя ребенку записывается по соглашению родителей или по желанию матери, если она не состоит в браке. Следовательно, в основе лежит взаимное волеизъявление матери и отца либо единоличное усмотрение одинокой матери. Изыскания родителей имеют весьма обширный диапазон и ограничиваются лишь их фантазией. Подтверждением этого является сложившаяся практика органов записи актов гражданского состояния, которая выражается в появлении большого количества необычных имен. Так, по данным управления ЗАГС г. Москвы,

при государственной регистрации рождения дети получили имена: Услава (1998 г.): Полина – Полина (1999 г.); Дмитрий – Аметист, Матвей – Радуга, Николай – Никита – Нил (2000 г.); Граф, Дар (2002 г.); Иван – Коловрат (2003 г.); Голуба (2004 г.); Меркурии, Апрель, Вишня, Индия (2005 г.); Кантогор – Егор, Март, Христамриадос, Принцесса Даниэлла, Россияна (2006 г.); Князь, Принц, Космос, Россия (2007 г.); Ангел, Ветер, Дельфин. Воля, Ярослав – Лютобор, Луна, Ляля, Заря – Заряница (2008 г.); Каспер Ненаглядный, Илья Богодар, Ангел Мария, Принцесса Анжелика, Луналика (2009 г.); Еремей – Покровитель, Лука – Счастье, Саммерсет Оушен, Огнеслав, Мононо – Никита, Архип – Урал, Кит, Радость, Океана, Алеша – Каприна (2010 г.); Лиса (2012 г.). Также Комитет по делам ЗАГС г. Санкт-Петербурга зафиксировал следующие необычные имена: Амадис, Братислав, Ведагор, Всислав, Егор – Светозар, Людамир, Океан, Ратимир, Эйнер – Александр, Афина – Каролина, Варлаана, Звана, Есения – София, Мария – Евдокия, Мирослава – Марфа, София – Габриэла, Стефания – Мария, Юнесса, Ладослава (2008 г.); Ангел, Арчибальд, Аэртон, Май, Марк-Ильменский, Пересвет, Словен, Тимитрии, Шанти, Ясин, Ай-дария, Анрита, Веяна, Йона, Даратсея, Калиста, Клена, Ульяна Шанти, Уршуля, Юния (2010 г.)

Между тем некоторые разъяснения можно найти в рекомендациях по государственной регистрации рождения от 12 января 2011 г. № 16/227 Министерством юстиции РФ [6]. Согласно данному документу при государственной регистрации рождения с письменного заявления родителей (одиноким матерью) может указываться имя, состоящее из двух, трех и более равноправных имен, которые пишутся через дефис. Более того, орган ЗАГС не вправе отказать в присвоении имени, выбранного родителями ребенка, на том основании, что оно не указано в справочнике личных имен или является сокращенным, уменьшительно-ласкательным.

Далее обратимся к региональным нормативным актам, наличие которых в рассматриваемой сфере обусловлено национальными обычаями и традициями народов, имеющих собственные государственные образования и входящих в состав России. Надо отметить, что ни СК РФ, ни Закон об актах гражданского со-

стояния не отсылают нас к законам субъектов России при решении вопроса об имени. Тем не менее согласно ст. 3 Закона Республики Тыва «Об именах, отчествах и фамилиях граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республика Тыва» [7], родители могут дать своему ребенку имя, основываясь на национальных традициях, руководствуясь интересами несовершеннолетнего. При этом имеется указание, что нельзя давать имя, унижающее человеческое достоинство. И далее, личные имена, заимствованные из монгольского, тибетского языков и санскрита и вошедшие в активный словарный запас тувинского языка, пишутся в традициях тувинской орфографии. Аналогичное положение имеется в Законе Республики Бурятия от 22 июня 1999 г. № 207-II «О праве граждан на присвоение фамилии, имени и отчества в соответствии с бурятскими национальными обычаями, при регистрации рождения ребенка» [8].

Далее рассмотрим законодательные акты ряда государств ближнего зарубежья, чтобы иметь представления, о практике регулирования присвоения имени.

Согласно ст. 68 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь [9] одним из личных неимущественных прав и обязанностей, принадлежащих родителям, является право определения собственного имени, отчества и фамилии своих детей. Общие правила присвоения имени зафиксированы в ст. 69 Кодекса. Надо сказать, что порядок присвоения отчества и фамилии в целом одинаковый с Россией в выборе существующих имен, а вот в выборе личного (собственного) имени есть некоторые нюансы. Так, ребенку может быть дано не более двух собственных имен, при этом то имя, которое в записи акта о рождении записано первым, считается основным. Уполномоченные органы, регистрирующие акты гражданского состояния, собственно вправе отказать в присвоении имени, выбранного родителями, лишь тогда, когда оно противоречит нормам общественной морали и национальным традициям.

Гражданский кодекс Республики Грузия [10] в ст. 1194 и ст. 1195 весьма кратко описывает правила наделения ребенка именем и фамилией. Традиционно имя дается по взаимному согласию родителей, а фамилия указывается по фамилии родителей. Если ро-

дители имеют разные фамилии, то ребенку дается фамилия матери или отца, либо двойная фамилия по соглашению родителей.

Правила наименования ребенка в Республике Казахстан определяются ст. 63 Кодекса «О браке (супружестве) и семье» [11] и ст. 15 Гражданского кодекса [12]. К особенностям национального регулирования следует отнести, во-первых, то обстоятельство, что споры между родителями по поводу имени и (или) фамилии относятся к компетенции не органов опеки и попечительства, как в России, а суда. Во-вторых, правом присвоения ребенку имени обладают не только родители, но и другие его законные представители. В-третьих, разрешается присвоение двойного имени при раздельном написании. В-четвертых, в случае двойного имени у отца отчество ребенка определяется по одному из них или формируется от слитно написанных двух имен отца.

В Кыргызской Республике рассматриваемый вопрос регулируется ст. 63 Семейного кодекса [13] и ст. 18 Закона «Об актах гражданского состояния», в которых по поводу присвоения имени, отчества и фамилии излагаются те же положения, что и в аналогичных документах других стран.

В Литовской Республике базовыми актами по данной теме являются Третья книга Гражданского кодекса [14] и приказ Министерства юстиции «Об утверждении правил регистрации гражданского состояния». В частности, ст. 3.282 Гражданского кодекса указывает на то, что имена и фамилии записываются согласно правилам литовского языка. Согласно п. 33 правил, если родители имеют одинаковую фамилию, то она присваивается их ребенку с учетом его пола. Если между родителями возник спор по поводу имени, то регистрация рождения откладывается до тех пор, пока родители не предоставят судебное решение о присвоении ребенку имени.

В Эстонской Республике действует специальный закон «Об именах», в котором под личным именем понимается официальное имя лица, включаемое в предусмотренных законом случаях в регистр народонаселения и состоящее из имени и фамилии. Гражданам Эстонии и лицам, пребывающим в Эстонии на основании вида на жительство, личные имена присваиваются эстонским административным органом или судом. Личные имена за-

писываются эстонскими буквами. Их написание должно соответствовать правилам орфографии эстонского языка. В ст. 8 рассматриваемого Закона указаны правила присвоения лично имени новорожденному ребенку. Так, если родители имеют общую фамилию (в том числе двойную), то она переходит их ребенку. Имя присваивается несовершеннолетнему по взаимному указанию родителей. При отсутствии соглашения между родителями по поводу фамилии и (или) имени окончательное решение принимает учреждение опеки.

Статья 55 Семейного кодекса Республики Молдова [15] провозглашает право ребенка на имя и фамилию. Причем имя может быть простым или двойным (состоящим из двух имен).

Семейный кодекс Украины [16] в ст. 145, 146 и 147 определяет правила присвоения ребенку фамилии, имени и отчества. В отличие от законодательства ряда государств на Украине разрешается наделять ребенка двойной фамилией, образованной путем соединения фамилий. У ребенка также может быть и два имени, если иное не вытекает из обычаев национальных меньшинств.

Подводя итог, отметим, что имя имеет огромное значение для каждого человека. Недаром многие международные акты упоминают об имени. Так, п. 1 ст. 7 Конвенции ООН [1] о правах ребенка провозглашает право на имя, а п. 2 ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах [2] устанавливает, что каждый ребенок должен быть зарегистрирован немедленно после рождения и иметь имя. Различные государства так или иначе пытаются регулировать правила присвоения имени. На наш взгляд, российское законодательство в этой сфере избрало несколько либеральный путь. Присвоение отчества и фамилии регламентировано более строго, а выбор собственного имени ничем не ограничен, что представляется неверным. Однако рассмотренные Государственной Думой РФ предложения о запрете присвоения «странных» имен скоро будут отражены в семейном законодательстве и законе «О регистрации актов гражданского состояния».

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС КонсультантПлюс.
2. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // СПС КонсультантПлюс.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 3.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 2.10.2016) // СПС КонсультантПлюс.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ (действующая редакция, 2016) // СПС КонсультантПлюс.
6. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 (ред. от 9.05.2016) // СПС КонсультантПлюс.
7. Закон Республики Тыва от 20.02.1996 № 496 (ред. от 20.12.2010) «Об именах, отчествах и фамилиях граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва» (принят ВХ РТ 7.02.1996).
8. Закон Республики Бурятия от 22 июня 1999 г. № 207-II «О праве граждан на присвоение фамилии, имени и отчества в соответствии с бурятскими национальными обычаями при регистрации рождения ребенка» (с изменениями от 5 июля 2004 г.).
9. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье 9 июля 1999 г. № 278-3. Принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. Зарегистрировано в НРПА РБ 14 июля 1999 г. № 2/53. Текст документа по состоянию на 3 сентября 2016 г.
10. Гражданский кодекс Грузии. 26 июня 1997 г.
11. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье». 26 декабря 2011 г. № 518-IV.
12. Гражданский кодекс Республики Казахстан. 27.12.1994. № 269-ХIII.
13. Семейный кодекс Кыргызской Республики. 30 августа 2003 г. № 201 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.07.2016 г.).

14. Гражданский кодекс Литовской Республики, утвержденный законом № VIII-1964 от 18.07.2000 г., регулирующий вопросы семейного права (Третья книга. Семейное право).

15. Семейный кодекс Республики Молдова. 26 октября 2000 г. № 1316-XIV.

16. Семейный кодекс Украины // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2002. № 21–22. Ст. 135.

ПРАВО НА ИМЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

THE RIGHT TO A NAME IN SOVIET RUSSIA

Филатова Александра Александровна

студентка 4 курса

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Усова Екатерина Владимировна

канд. пол. наук

заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Filatova A.

4rd year students Astrakhan branch International law

Institute Astrakhan, Russia

Usova E.

head of Department of civil disciplines Astrakhan branch

International law Institute Astrakhan, Russia

***Аннотация.** В статье рассматриваются правовые основы Советского государства о присвоении гражданину имени. Автор выявил особенности и тенденции в присвоении имен в советской России, охарактеризовал нормы правовых актов, регламентирующих вопросы присвоения имен, обратил внимание на научные исследования личных имен.*

***Abstract.** The article discusses the legal foundations of the Soviet state on the award of the citizen name. The author has identified patterns and trends in naming in Soviet Russia, described the provisions*

of the legal acts regulating the issues of naming, drew attention to the research of personal names.

Ключевые слова: право на имя, Кодекс законов о браке, семье и опеке, советские имена.

Key words: the right to a name, the Code of laws on marriage, family and guardianship, Soviet names.

На протяжении всей жизни большую роль в нашем общении играют имена. Изучением имен людей и их отдельных составляющих (личных имен, отчеств, фамилий, прозвищ, псевдонимов и т.п.); их происхождением, эволюцией, закономерностью их функционирования занимается антропонимика. В этой научной сфере работают различные ученые: психологи, филологи, историки, астрологи. Все они изучают связь между именем и личностью.

Н.А. Темникова указывает, что: «Важнейшим средством индивидуализации является имя лица, оно «отличает человека от других и связывает с собой всю совокупность представлений о внешних и внутренних качествах его носителя». Как отметил М.М. Агарков, «личное благо, выражением которого служит имя, – социальное обособление индивидуальности, является основанием, на котором покоится все то, что принято обозначать как моральное достояние человека». Субъективное право на имя представляет единство правовых возможностей, каждая из которых подразумевает совершение правовых действий того или иного вида. В структуру его входят: возможность присвоения имени, его юридического закрепления за лицом, возможность выступать под этим именем в различных социальных отношениях, правомочие на изменение имени (до достижения ребенком 14 лет указанное правомочие может быть реализовано его родителями и заменяющими их лицами), правомочие требовать от третьих лиц воздерживаться от нарушений права на имя и возможность прибегнуть к государственному принуждению в случае неисполнения третьими лицами своей обязанности. Право на имя возникает с момента рождения. Особенностью реализации этого права является то, что его носителем является одно лицо, присвоение же имени осуществляется другими лицами – родителями, усыновителями, органом внутренних дел, органами

опеки и попечительства либо медицинской, воспитательной организацией или организацией социальной защиты населения при регистрации рождения найденного (подкинутого) ребенка либо медицинской организацией или органом опеки и попечительства в случае регистрации рождения ребенка, оставленного матерью, не предъявившей документа, удостоверяющего ее личность» [6]. Имя, которое фактически носит ребенок, правом не охраняется, родители лишены возможности представлять ребенка, что является нарушением его прав.

История русской антропонимики делится на два этапа: дохристианский и христианский. Но существуют также ученые, которые выделяют в данной науке 3 этапа: дохристианский, христианский и советский.

Уделим внимание советскому периоду. Советский период истории антропонимики характеризуется такими признаками, как:

- 1) дехристианизация именника;
- 2) распространение новых имен на всей территории страны;
- 3) обновление состава частных имен;
- 4) взаимообогащение русского и национального именника [1].

Проявление указанных признаков в советский период было связано с тем, что отвергается правило присвоения имен в соответствии с православным календарем. Это было связано с принятием Советом Народных Комиссаров Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этот нормативно-правовой акт дал возможность называть ребенка так, как хотелось родителям. Теперь этим вопросом стали заниматься органы регистрации актов гражданского состояния.

В Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства № 7677 от 22 октября 1918 г. (отдел первый) были перечислены отделы записей актов гражданского состояния. А гл. 3 ст. № 818 данного документа гласила о том, что в заявлении о рождении родителями должны были указываться «присваиваемое ребенку имя, имена, фамилии» [2]. Декрет предоставил советским родителям большую свободу в выборе имени своему ребенку, что вызвало появление новых имен.

Новые имена, появившиеся в советский период, можно было условно разделить на две группы:

1. Имена – неологизмы, которые создавались из нарицательных существительных или на базе других собственных имен.

2. Имена, заимствованные из других языков.

В создаваемых именах родители стремились отразить революционные события: распространенными были имена, которые создавали по названию революционных месяцев: Ноябрь, Октябрь, Май, Ноябрьна, Октябрьна, Майя.

Популярными были также имена, возникшие в результате разного рода сокращений:

- по первым буквам слов – Ким (Коммунистический Интернационал молодежи), Ор (Октябрьская революция);

- по первым слогам – Красарма (Красная Армия), Донара (дочь народа). Возникали имена и из усеченных слов: Рев – революция, Люция – революция, Энгель – Энгельс.

Многие имена переключались с именами и фамилиями вождей революции: Вилен, Владлен, Нинель (если прочитать это имя с конца, то получится Ленин). Также в именах старались запечатлеть первые этапы индустриализации: Мартен, Трактор, Смычка, Рэм (революция, электрификация, машиностроение). Среди новых антропонимов также оказывались имена, которые образовывались от нарицательных существительных без всяких грамматических изменений этих слов, без специальных суффиксов или окончаний: Звезда, Ракета, Искра, Победа, Революция, Поэма, Новелла, Заря, Воля, Лира, Свобода, Эра, Труд, Мир, Гений, Радий и др.

Помимо вышеуказанного, советский период истории русской антропонимики содержал в себе определенные правовые нормы. Так, в Кодексе законов о браке, семье и опеке, который был принят Всероссийским Центральным исполнительным комитетом в 1926 г., говорилось, что: «В записи о рождении должно быть указано: время и место рождения, пол ребенка, присваиваемые ему имя и фамилия, а равно имена, отчества и фамилии, постоянное местожительство, занятия и возраст родителей» [3].

А в 1940 г. Совет Народных комиссаров СССР утвердил Инструкцию НКВД СССР, которая содержала в себе порядок изменения имен и фамилий. Так, например, изменение фамилий и имен гражданами Союза ССР допускалось по достижении ими

18-летнего возраста и производилось с разрешения отделов актов гражданского состояния народных комиссариатов внутренних дел союзных республик, не имеющих областного или краевого деления, народных комиссариатов внутренних дел автономных республик и отделов актов гражданского состояния краевых и областных управлений НКВД [4]. Также были случаи, когда гражданину могли отказать в изменении имени или фамилии: «...если заявитель находится под следствием или у него имеется судимость и если имеются протесты со стороны органов государственной власти» [4].

В 1991 г. появляется новая Инструкция Министерства юстиции СССР, которая носила название «О порядке регистрации актов гражданского состояния». В ней говорилось о том, что: «Имя ребенку дается по соглашению родителей, в случае отсутствия соглашения между родителями вопрос о присвоении имени ребенку решается органами попечительства и опеки. Орган загса не вправе отказать в присвоении ребенку имени, выбранного родителями, на том основании, что данное имя не указано в справочнике личных имен или является сокращенным, ласкательным» [5].

Проанализировав историю советского периода, можно отметить, что законность рождения перестала быть причиной наступления юридических последствий. В данный период появились органы, которые стали заниматься регистрацией актов гражданского состояния, но обязанность давать ребенку имя также лежала на родителях. Стоит сказать о том, что изменение имени и фамилии гражданами допускалось только по достижению 18-летнего возраста.

Список литературы

1. Аль-дурейд Мохаммад. Русские личные имена на фоне арабских имен // МНКО. 2014. № 4 (47) <http://cyberleninka.ru>
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.
3. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // У РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

4. Инструкция НКВД СССР, утв. СНК СССР 7 апреля 1940 г. СП СССР 1940 г. № 8. Ст. 224.

5. Инструкция о порядке регистрации актов гражданского состояния в СССР (утв. Минюстом СССР 22.07.1991) // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1991. № 11.

6. Темникова Н.А. Право ребенка на имя и процедура установления отцовства // Вестник Омского ун-та. 2011. № 2.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

LABOUR RELATIONS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Шункенова Адия Туктарбиковна

студентка 4 курса

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Иванова Людмила Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры

гражданско-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Астраханский филиал

Shunkenova A.

4rd year students, Astrakhan branch International law

Institute, Astrakhan, Russia

Ivanova L.

PhD, Astrakhan branch International law Institute,

Astrakhan, Russia

***Аннотация.** Статья посвящена регулированию трудовых отношений в Международном частном праве. Автор раскрывает суть трудовых отношений для Российской Федерации. Проанализированы характерные особенности регулирования трудовых отношений иностранных граждан в Российской Федерации. Выявлена и обоснована необходимость упростить проце-*

дуру принятия иностранных граждан на работу в России, а также введение миграционного кодекса.

Abstract. *The article is devoted to regulation of labor relations in private International law. Reveals the essence of labor relations for the Russian Federation. Analyzed the characteristics of regulation of labor relations of foreign citizens in the Russian Federation. Identified and the necessity to simplify procedure of acceptance of foreign citizens to work in Russia ,as well as the introduction of the migration code.*

Ключевые слова: *иностранец, квота, временно пребывающий, временно проживающий, постоянно проживающий, патент, визы.*

Key words: *the foreigner quota is temporarily staying, temporarily residing, resident, patent, visa.*

Трудовые отношения занимают одно из центральных мест в системе жизнедеятельности общества. Деятельность человека, проявляясь в труде, служит базой для расширенного воспроизводства и обеспечения возрастающих потребностей общества. Человек с его особенностями, интересами, мотивациями поведения определяет динамичность, интенсивность социально-экономического развития или напротив – неустойчивость такого развития.

В современном мире государство всегда вмешивается в эту сферу деятельности, поскольку только таким образом оно гарантирует определенный баланс учета интересов наемных работников и их работодателей.

Регулирование отношений, возникающих в процессе взаимодействия работника и работодателя, с привлечением иностранных элементов, выполняется с помощью международных договоров. В них имеются нормы частноправового характера, а также нормы, относящиеся к публично-правовым.

Чаще всего регулирование отношений осуществляется с помощью трудового законодательства страны, в которой подписывался договор, а также в которой находится компания. Например, для России в качестве основного документа, который будет регулировать отношения работников и работодателей, выступает Трудовой кодекс Российской Федерации.

Трудовые отношения в международном частном праве указывают на то, что в большинстве других стран имеются особые коллизионные нормы, которые обеспечивают регулирование отношений, относящихся к международным. Чаще всего данные нормы привязывают отношения, возникающие в процессе труда, к праву той страны, в которой осуществляется трудовой процесс. Однако некоторые коллизионные привязки учитывают государство, в котором подписывался трудовой договор или же другие условия.

Трудовые отношения в международном частном праве довольно часто регулируются по месту расположения работодателя, причем чаще всего это применяется в том случае, если работнику приходится исполнять свои трудовые обязанности одновременно в нескольких государствах. Поэтому изначально определяются официальное место расположения работодателя, а после этого регулирование отношений осуществляется по законодательству данной страны [1].

С трудовыми отношениями тесно связаны вопросы социального обеспечения, которые регулируются, прежде всего, международными соглашениями как многосторонними, так и двусторонними. К их числу относятся Европейское Соглашение о предоставлении медицинского обслуживания лицам, временно пребывающим на территории другой страны 1980 г., Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения», Соглашение стран СНГ от 13.03.1992 «О гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» и др.

В сфере трудовых отношений также имеются международные соглашения. Так, 15 апреля 1994 г. Россия подписала Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов. Это же Соглашение подписали еще ряд стран: Таджикистан, Казахстан, Молдавия, Украина, Узбекистан, Киргизия, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Туркменистан и Грузия. Соглашение регулирует основные направления сотрудничества государств-участников в области трудовой деятельности и вопросы социальной защиты лиц и членов их семей, которые постоянно проживают на террито-

рии одного из государств и осуществляют трудовую деятельность на предприятиях, учреждениях, организациях всех форм собственности на территории другого государства-участника Соглашения. В ст. 1 Соглашения заложен коллизийный принцип о применении закона страны места постоянной работы (трудоустройства). Под стороной трудоустройства понимается государство, на территории которого трудящиеся-мигранты, прибывшие из другого государства, осуществляют свою трудовую деятельность на условиях трудового договора (контракта). Порядок привлечения работников, квалификационные, возрастные и иные требования к ним устанавливаются стороной места работы (трудоустройства), исходя из действующего на ее территории законодательства. Численность принимаемых работников определяется на основе двусторонних соглашений.

Каждая из сторон Соглашения признает (без легализации) дипломы, свидетельства об образовании, соответствующие документы о присвоении звания, разряда, квалификации и другие необходимые для осуществления трудовой деятельности документы [2].

Российская Федерация заключила большое количество двусторонних договоров, в которых отражены вопросы регулирования труда иностранцев. В частности, таковыми являются Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России (заключено в г. Москве 19.08.1992), Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о принципах направления и приема вьетнамских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях Российской Федерации (заключено в г. Москве 29.09.1992), Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о трудовой деятельности и социальной защите граждан Российской Федерации, работающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, работающих на территории Российской Федерации» (заключено в г. Ереване 19.07.1994) и т.д.

Рассмотрим на примере Российской Федерации прием иностранных граждан на работу.

Иностранцы имеют равные права с гражданами РФ в сфере трудовых отношений. Много особенностей имеет права иностранных граждан на труд, так в ч. 5 ст. 11 Трудового кодекса РФ определено, что на территории РФ правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с иностранными гражданами. В данном случае из вышесказанного можно сделать вывод, что трудовая правоспособность иностранных граждан и граждан России равна [3].

Прежде чем иностранные граждане могли вступать с трудовые отношения в Российской Федерации, они должны иметь законное подтверждение пребывания в стране.

Так, в п. 2 ст. 1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» выделены три основных статуса иностранцев, находящихся на территории РФ:

- временно пребывающий – это иностранец, который прибыл по визе или в безвизовом порядке в РФ, но не имеет таких документов, как разрешение на временное проживание или вид на жительство;
- временно проживающий – иностранец, которым был получен документ – разрешение на временное проживание;
- постоянно проживающий – это иностранец, получивший вид на жительство.

На основании вышеизложенного выходит, что порядок привлечения на работу и оформления иностранных граждан, которые находятся на территории РФ в разных статусах, – разный.

Привлечение на работу иностранцев в статусе «временно проживающий» и «постоянно проживающий» – самый упрощенный вариант. При трудоустройстве к российскому работодателю никаких разрешительных документов не потребуется, равно так же, как и для самого работодателя не потребуется разрешительных документов на права привлечения иностранных граждан с разрешением на временное проживание или с видом на жительство в РФ.

Привлечение и использование труда иностранных граждан в статусе временно пребывающего иностранца зависит в первую очередь от того, в каком порядке прибыл работник-иностранец в РФ: визовом или безвизовом [4].

Виза не требуется для граждан ближнего зарубежья, то есть для граждан из следующих стран: Украина, Таджикистан, Узбекистан и т.д. Для трудоустройства такому гражданину потребуются получить патент, и работодателю не нужно получать разрешение на привлечение иностранной рабочей силы в 2016 г.

А вот для трудоустройства иностранца, когда иностранному гражданину требуется получить визу, дела обстоят немного иначе. Работодателю необходимо получить квоту и разрешение на привлечение иностранной рабочей силы [5].

Государство стремится защитить российский рынок труда и ежегодно определяет квоты на привлечение иностранных работников, то есть максимальное количество иностранцев, которые могут в текущем году трудиться по той или иной специальности [6].

Но квота – это еще полбеда. *Главные проблемы* у работодателей, нанимающих мигрантов, возникнут в процессе оформления разрешительных документов на привлечение и использование иностранного персонала и на трудовую деятельность для каждого работника. Этой обязанностью многие работодатели пренебрегают, за что впоследствии и несут ответственность в соответствии с п. 1 и 2 ст. 18.15 КоАП РФ «Незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства». Санкция за нарушение закона представлена в виде штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок от четырнадцати до девяноста суток.

В конце процедуры работодатель обязан отправить уведомление о привлечении иностранной рабочей силы в территориальный орган Федеральной миграционной службы при приеме иностранного гражданина вне зависимости от режима пребывания иностранца на территории РФ. Несоблюдение процедуры

уведомления влечет наложение санкций в виде штрафа согласно п. 1 ст. 18.15 КоАП РФ [7].

В итоге обязанности, возникающие у работодателя при принятии на работу иностранцев, направлены на усиление контроля за деятельностью иностранных работников и в то же время замедляют процесс трудоустройства этих лиц.

В Постановлении Правительства РФ от 11 октября 2002 г. № 755 и в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ утвержден список объектов и организации, где иностранные граждане не могут осуществлять свою трудовую деятельность [8, 9].

Особый порядок регламентации прав предусмотрен и в отношении иностранцев, прибывших на территорию России из стран СНГ, который регламентируется рядом совместных актов, определяющих в том числе правовой статус лиц, прибывших из стран, входящих в Содружество.

Таким образом, все иностранцы и работодатели должны надлежащим образом оформить свои отношения, получить разрешения и легализовать свой статус. В противном случае они являются нарушителями и будут наказаны.

Никто не спорит с тем, что государство должно иметь право отказывать иностранцам в работе на своей территории, но все-таки процедуру выдачи разрешений необходимо организовать таким образом, чтобы удобно было всем. Например, исследовав востребованность среди россиян тех или иных специальностей и выяснив, что граждане РФ не претендуют на конкретные рабочие места, целесообразно предоставить их мигрантам, а работодателю выдать разрешение без препятствий. Целесообразнее было бы и введение отдельного миграционного кодекса для регулирования процесса привлечения трудовых мигрантов, на сегодняшний день нет единого закона о привлечении иностранных работников, вся законодательная база по этому вопросу находится в разных Федеральных законах, отдельных приказах Федеральной миграционной службы и некоторых кодексах РФ.

Список литературы

1. Международное частное право: Учебное пособие / А.В. Попова СПб.: Питер, 2010.
2. Международное частное право. Т. 2. Особенная часть: Учебник / Е.А. Абросимова [и др.]. М.: Статут, 2015.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 3.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 3.10.2016) // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2016) // Российская газета. 2002. 31 сент. № 140.
5. Постановление Правительства РФ от 12 сентября 2013 г. № 800 «Об утверждении Правил подготовки предложений по определению потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, утверждению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу».
6. Постановление Правительства РФ от 12.12.2015 № 1359 «Об определении потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2016 г.».
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 6.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 3.10.2016) // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.
8. Постановление Правительства РФ от 11.10.2002 № 755 (ред. от 4.02.2011) «Об утверждении перечня объектов и организаций, в которые иностранные граждане не имеют права быть принятыми на работу»// Российская газета. 2002. 16 окт. № 196.
9. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан в Рос-

сийской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2016) // Российская газета. 2002. 31 сент. № 140.

ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕРЕПИСКА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

E-MAIIS AS EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Юшина Мария Игоревна

студентка 3-го курса

отделение среднего профессионального образования

Международный юридический институт

Тульский филиал

Михалева Наталия Владимировна

старший преподаватель кафедры

гражданско-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Тульский филиал

Yushina M.

4th year student, Tula branch International Law Institute,

Mikhaleva N.

Senior Lecturer Department of Civil Law Disciplines Tula
branch of the International Law Institute

***Аннотация.** В статье раскрываются актуальные вопросы применения письменных доказательств в гражданском процессе. Автор анализирует возможности использования электронной переписки в качестве доказательства.*

***Abstract.** The article reveals topical issues of application of written evidence in civil proceedings. The author analyzes the possibility of using electronic correspondence as evidence.*

***Ключевые слова:** электронная переписка, доказывание, гражданский процесс, письменные доказательства.*

***Key words:** email correspondence, proof, civil process, the written evidence.*

За последние несколько десятилетий российская правовая система значительно изменилась, подстраиваясь под потребности общества. Характерной чертой современного общества является проникновение почти во все его сферы компьютеров и интернета, благодаря которым возникли совершенно новые способы фиксации и передачи информации. Внедрение интернета произошло повсеместно не только в бытовой сфере, но в сфере бизнеса и даже государственного управления. Широкое использование информационных технологий поставило законодателя перед необходимостью изменения некоторых положений гражданского процессуального права. В 2002 г. произошло законодательное закрепление первых норм в Гражданском процессуальном кодексе (далее ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе РФ, регламентирующих использование современных источников информации в гражданском и арбитражном процессе.

В Российской Федерации лица могут защищать свои нарушенные права и свободы всеми законными способами. При судебной защите они сталкиваются с правилами поведения в гражданском процессе. Правила поведения и действий лиц, чьи права нарушены, регулируются ГПК РФ [1], задачей которого, в свою очередь, является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав.

Судебная защита строится на доказательствах, которыми являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ст. 55 ГПК РФ).

Одним из самых распространенных доказательств в гражданском процессе являются письменные доказательства, к которым законодатель на сегодняшний день относит содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловую корреспонденцию, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посред-

ством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документа способом, а также приговоры и решения суда, иные судебные постановления, протоколы совершения процессуальных действий, протоколы судебных заседаний, приложения к протоколам совершения процессуальных действий (схемы, карты, планы, чертежи) (ст. 71 ГПК РФ).

Ввиду развития компьютерной техники и цифровых способов связи, как указывалось выше, для ведения переписки при заключении договоров в интернет-магазинах, защите прав потребителей стали широко применяться такие средства связи, как электронная почта, Skype (используемый для голосовых, видео- и текстовых сообщений), ICQ и другие средства обмена сообщениями и информацией. Таким образом, важная информация, которая может понадобиться сторонам при рассмотрении и разрешении спора в суде, нередко может содержаться только в истории электронных писем и сообщений и не дублироваться на бумажном носителе информации. Частое использование электронных средств обмена сообщениями и информацией вызвано не только легкостью работы с ними и их распространенностью, но и невозможностью полного удаления сообщений и их изменений [2, с. 225–227].

Нужно отметить, что уже в 1975 г. Э.М. Мурадян, подхватив идею советских криминалистов, допустил существование такого доказательства в гражданском процессе, как электронный документ (в работе автор назвал его «машинным документом»), указав на то, что наряду с обычными документами могут существовать документы, порожденные автоматизированной обработкой разного рода информации [3, с. 12].

В США, например, электронные почтовые сообщения стали одним из самых широко используемых источников достоверной информации. С 1 декабря 2006 г. в Федеральные правила гражданского судопроизводства США (Rules of Civil Procedure) были внесены серьезные изменения, касающиеся представления и оценки электронных документов и сообщений. Это было обусловлено обширной распространенностью электронных почтовых сообщений в судах, в 2005 г. их доля среди всех электронных документов составила 70 %.

Таким образом, если ранее суды США принимали во внимание только лишь официальную деловую переписку, то 29 марта 2011 г. судом было принято решение, ставшее значимым как для судебной системы США, так и для судебной системы в целом. Суд принял во внимание переписку в программе Jabber между представителями истца и ответчика в качестве доказательства изменения условий договора. В результате было вынесено решение, мотивированное преимущественно содержанием этих электронных сообщений.

По-иному обстоит дело в российском гражданском судопроизводстве. Как отмечается, суды не уделяют должного внимания электронной переписке участников спора. Данный факт можно объяснить техническими трудностями, возникающими при истребовании и исследовании такого типа доказательств в рамках гражданского судопроизводства. Но трудности аутентификации и идентификации электронных сообщений и писем не должны полностью исключать возможность их использования в качестве доказательств в суде [4].

1 января 2017 г. вступают в силу изменения в ст. 71 ГПК РФ, в соответствии с которыми в числе письменных доказательств наконец-то выделяется такое доказательство, как документы, подписанные электронной подписью. Однако, думается, эти изменения не смогут решить имеющиеся проблемы, ведь кроме электронных документов с электронной подписью существуют электронные письма и сообщения, не содержащие электронной подписи, которые чаще всего и используются в электронной переписке.

Для того чтобы говорить о пределах возможностей использования электронных писем и сообщений в доказывании, нужно рассмотреть несколько аспектов.

Во-первых, необходимо уяснить, что понимается под электронным письмом и сообщением. Заметим, что все документы, полученные с использованием электронной связи, в соответствии с законодательством, могут быть разделены на электронные документы и электронные сообщения.

Определения понятия «электронное письмо» федеральное законодательство не содержит, однако в ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации» [5] содержится определение понятий «электронное сообщение» и «электронный документ». Так, электронное сообщение – это информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети, а электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. В Приказе Казначейства РФ от 3 ноября 2010 г. № 287 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в центральном аппарате Федерального казначейства» [6] сказано, что электронное сообщение имеет статус документа, если оно заверено электронно-цифровой подписью.

Таким образом, можно прийти к выводу, что электронное письмо обладает как чертами электронного сообщения, так и электронного документа в зависимости от его содержания, соответственно, исходя из его содержания, суд и будет придавать ему соответствующий статус.

Нужно отметить, что существует точка зрения о том, что для принятия сообщения электронной почты в качестве письменного доказательства, в случае если сторонами данный документ не оспаривается, а также если речь не идет о заключении договора посредством обмена такими сообщениями, наличие электронной цифровой подписи не обязательно.

Во-вторых, необходимо рассмотреть вопрос об идентификации электронных писем и сообщений переписки в гражданском процессе.

Обратим внимание на то, что для использования электронных материалов в качестве письменного доказательства в суде необходимо обеспечить порядок установления их достоверности. В случае с электронными документами все предельно ясно – законодатель указывает на обязательное наличие в них электронной подписи, подтверждающей их достоверность в силу положений ФЗ от 6.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [7].

Статус же электронной переписки (писем и сообщений) вызывает сомнения, ведь они не всегда заверяются электронной подписью и не только не могут иметь статус документа, но еще

и вызывают вопросы относительно установления личности их отправителя. По этому поводу отметим, что электронное письмо либо сообщение сохраняется в памяти компьютера, с которого оно было отправлено, либо на сервере почтовой службы. Таким образом, становится возможным подтверждение их отсылки с конкретного компьютера или IP-адреса.

Однако такой идентификации отправителя может оказаться недостаточно. Поэтому значительно сложнее разобраться с вопросом о возможности доступа третьего лица к определенному компьютеру, для отправки с него того или иного письма, сообщения. Доказать этот факт очень сложно. В российских реалиях это можно сделать лишь при проведении специальных дорогостоящих и длительных экспертных исследований либо на основе свидетельских показаний и других данных, свидетельствующих о том, что лицо не могло получить доступ к компьютеру, с которого отправлялось письмо в интересующий момент времени. Заметим, что в Германии, например, существует необходимость дополнительных гарантий поступления электронного сообщения до адресата. Такими гарантиями могут быть свидетельские показания или протокол передачи электронного сообщения [8].

В силу вышесказанного заметим, что суды при исследовании электронных доказательств должны в первую очередь обращать внимание на их контролепригодность – то есть возможность установления их настоящего отправителя или создателя.

В-третьих, существует несколько способов придания электронной переписке юридической силы в целях ее предоставления в качестве доказательства в суде: обеспечение электронной корреспонденции у нотариуса, [9] заверение у интернет-провайдера, путем ссылок на электронные письма в дальнейшей бумажной переписке, а также подтверждение их подлинности судебной экспертизой.

В заключение отметим, что на наш взгляд, предоставление сторонам возможности ссылаться на электронную переписку (письма и сообщения) в процессе доказывания своей позиции, если переписка позволяет установить получателя, отправителя и содержание письма, а также получена законными способами, не противоречит основам гражданского процессуального законодательства.

Суд не должен в какой-либо мере уменьшать значение данных, содержащихся в электронной переписке, и, разумеется, оценивать их с учетом свойств относимости, достоверности, допустимости и во взаимосвязи с другими доказательствами.

Широкое использование электронных доказательств в ГПК РФ позволяет решить также проблему развития электронного документооборота в России, технического оснащения судебных органов, доступности судебной защиты.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 3.07.2016) // Российская газета. 2002. 20 нояб. № 220.

2. Арендаренко И.А. О соотношении предмета доказывания в процессуальных отраслях права // Общество и право. 2010. № 1.

3. Мурадян Э. Машинный документ как доказательство в гражданском процессе // Советская юстиция. 1975. № 22.

4. Треушников М.К. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2011.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 6.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 сент. № 165.

6. Приказ Казначейства России от 3.11.2010 № 287 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в центральном аппарате Федерального казначейства» // СПС КонсультантПлюс.

7. Федеральный закон от 6.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 8.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2011. 11 апр. № 15. Ст. 2036.

8. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 № 16 «О практике применения судами закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // СПС КонсультантПлюс.

Раздел 3
Уголовно-правовое законодательство:
актуальные изменения и проблемы
правоприменения

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ
НАЦИЗМА В РОССИИ И СТРАНАХ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

RESPONSIBILITY FOR REHABILITATION
OF NAZISM IN RUSSIAN FEDERATION AND
THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION

Абдурахманов Александр Амангельдыевич

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
криминалистики

Белорусский государственный университет

Abdurahmanov A.

candidate of legal sciences, assistant professor, Associate
Professor of forensic science Belorussian state university,
Minsk, Republic of Belarus

***Аннотация.** В статье анализируется ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте российского уголовного законодательства и с учетом опыта стран Европейского Союза. На основе исследования содержательных и технико-юридических особенностей рассматриваемой новеллы уголовного законодательства предлагаются возможные пути ее совершенствования.*

***Abstract.** In this article are analyzing article 354.1 «Rehabilitate of Nazism» of Criminal Code of Russian Federation in the context of criminal legislation and the experience gained of the European Union. On the basis of research meaningful and legal peculiarities are provides suggestions on how to improve criminal legislation.*

***Ключевые слова:** реабилитация нацизма, экстремистская деятельность, уголовная ответственность, Нюрнбергский трибунал.*

Key words: rehabilitate of Nazism, extremist activities, The Nuremberg Tribunal.

Попытки оправдания и возрождения нацизма в том или ином виде де-факто относятся к первым годам после окончания Второй мировой войны и перманентно продолжаются до настоящего времени. В различных государствах обнаруживаются разные подходы в борьбе с этим явлением. Нормы, устанавливающие уголовную ответственность за деятельность нацистских преступников и их пособников, а также неонацистских организаций, в том или ином виде существуют в законодательстве ряда современных стран Европейского Союза. Результаты Нюрнбергского процесса явились фундаментом отрасли международного уголовного права, на основе которых были приняты Международная конвенция «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него» и Конвенция «О защите жертв войны и неприменении срока давности к лицам, совершившим преступления». Их логическим продолжением явились национальные законодательные акты европейских стран, регламентирующие вопросы противодействия нацизму. Так, в Германии ст. 84–85 Уголовного кодекса установлена ответственность за нелегальную деятельность партии, которая объявлена неконституционной (как правило, это экстремистские и неонацистские партии). Статьей 130 указанного выше закона регламентирована уголовная ответственность за разжигание межнациональной и иной розни, включая одобрение, прославление или оправдание преступлений национал-социализма. Статьями 86–86а Уголовного кодекса установлена ответственность за распространение нацистской символики, а также атрибутики неонацистских партий и группировок, за исключением театральных и кинопостановок, музейных экспозиций и т.п. В Австрии с 1945 г. действует конституционный закон о запрете Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП). Лица, продолжающие членство в партии или поддерживающие ее цели, объявляются виновными в совершении преступления с наказанием в виде смертной казни и конфискации всего имущества. При наличии серьезных смягчающих обстоятельств смертная казнь может быть заменена тюремным заключением на срок от 10 до 20 лет и

конфискацией всего имущества. В Италии в 1947 г. был принят закон о запрещении фашистской деятельности. Нарушение закона предусматривает санкцию до 20 лет лишения свободы. В Испании борьба с проявлениями нацизма ведется посредством запрета разжигания расовой ненависти и дискриминации по признакам расовой, национальной, этнической и религиозной принадлежности. В Португалии с 1978 г. действует антифашистский закон. Законодательством Польши запрещается существование политических партий и других организаций, обращающихся в своих программах к тоталитарным методам и практике действий нацизма, фашизма и коммунизма, а также тех, программа или деятельность которых предполагают, либо допускают, расовую и национальную ненависть, применение насильственных методов в целях захвата власти или оказания влияния на политику государства, либо предусматривает засекречивание структур и членства. До недавнего времени Российская Федерация, являясь правопреемницей СССР, также проводила последовательную политику по противодействию нацистским проявлениям юридическими средствами. Так, в 2002 г. вступил в силу Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором к экстремистской деятельности отнесены пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций [1]. Этим же законом к числу экстремистских материалов причислены предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социа-

листской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях имеется и достаточно успешно применяется ст. 20.3. «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» [2].

Вместе с тем в новейшей истории России имеют место откровенно неудачные решения в области правового противодействия нацизму. Так, в апреле 2014 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации появилась ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» [3]. За прошедшие два с половиной года в рамках научной дискуссии юристами и представителями общественности были высказаны полярные точки зрения в отношении указанной ст. Уголовного кодекса Российской Федерации: от резко отрицательных мнений, подвергающих сомнению целесообразность самого существования данной нормы, до откровенно апологетических воззрений [4]. Однако все участники дискуссии едины в одном: в процессе разработки диспозиции ст. 354.1 УК РФ допущен ряд ошибок как сущностного, так и технико-юридического характера. Обратиться к данному вопросу еще раз представляется необходимым в силу того, что, несмотря на многочисленные критические замечания со стороны, прежде всего, юридического сообщества, диспозиция рассматриваемой статьи не претерпела изменений.

Суть претензий к положениям диспозиции ст. 354.1 УК РФ сводится к следующему:

1. Статья 354.1 УК РФ не соответствует ст. 13 Конституции Российской Федерации, которой установлено, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Согласно ч. 5 данной статьи лишь запре-

щается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

2. Понятие «нацизм», заявленное в названии статьи не раскрывается в диспозиции ст. 354.1. Более того, легального понятия «нацизм» на сегодняшний день не существует. Таким образом, речь идет о реабилитации явления, которое не имеет однозначного нормативно закрепленного определения. Это позволяет по-разному толковать данное понятие в зависимости от желания правоприменителя.

Термин «реабилитация» раскрыт в п. 34 ст. 5 УПК РФ, согласно которому реабилитация – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. В части 1 ст. 133 УПК РФ также установлено, что право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда [5]. То есть реабилитацию может осуществить только государство, а не субъекты, упомянутые в анализируемой статье. Таким образом, в ст. 354.1 УК РФ говорится скорее не о реабилитации, а об оправдании тех или иных проявлений нацизма, а также других действий, явно не имеющих с нацизмом ничего общего.

3. Включение статьи «Реабилитация нацизма» в главу УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» противоречит элементарной логике. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что объективная сторона рассматриваемого деяния не может посягать на мир и безопасность человечества. Кроме того, законодатель по степени общественной опасности поставил реабилитацию нацизма в один ряд с геноцидом, актом международного терроризма, применением запрещенных средств и

методов ведения войны, сбытом оружия массового поражения, развязыванием агрессивной войны и другими подобными преступлениями. Тем более нельзя признать преступлением против мира и безопасности человечества указанные в ч. 3 ст. 354.1 УК РФ действия, которые заключаются в распространении выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернении символов воинской славы России, совершенных публично. Если условно признать целесообразным сохранение рассматриваемой статьи в УК РФ, то норму, содержащую ч. 1 и 2 ст. 354.1 УК РФ, следует переместить в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», которая включает статьи, устанавливающие ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, организацию экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации. А норму, содержащую ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, необходимо переместить в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», к таким составам преступления, как вандализм, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма и т.п.

4. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06. 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывается на то, что критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды [6]. Объективная сторона ст. 354.1 в ее нынешнем виде состоит в одобрении либо отрицании. Это позволяет сделать вывод о применении мер уголовной ответственности за высказывание своей позиции. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «уточнение исторических данных в монографиях и статьях, не соответствующее фактам Международно-

го военного трибунала, фактически будет попадать под действие данной статьи» [7].

5. Распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны – это фальсификация информации о ней, а также передача этих сведений хотя бы одному лицу. Признак заведомости состоит в том, что правонарушитель однозначно осознает, что переданная им информация никак не соотносится с действительностью. Однако представляется неясным, каким образом можно определить заведомость ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Буквальное прочтение диспозиции ст. 354.1 позволяет сделать вывод о том, что распространение заведомо ложной информации о деятельности Союза Советских Социалистических Республик допустимо, но только в период с 1922 по 1939 гг., а также с 1945 по 1991 гг. Помимо этого, определение ложности сведений о деятельности СССР в указанные годы может потребовать рассекречивания архивов. Нет никаких гарантий, что государство пойдет на этот шаг. А официальное видение истории в данный конкретный период развития государства отнюдь не является достаточным основанием для признания упомянутой выше информации ложной. Поэтому, чтобы не допустить произвольное применение ст. 354.1 УК РФ, необходимо вести речь должна идти о деятельности СССР, которая официально зафиксирована в Приговоре Нюрнбергского трибунала. Данный документ, в частности, указывает на факт развязывания нацистской Германией агрессивной войны против Советского Союза. В связи с этим искажение данного факта может составлять объективную сторону указанного выше деяния.

Таким образом, правонарушитель должен четко осознавать заведомо ложный характер информации о деятельности СССР во время Второй мировой войны.

6. Возникает закономерный вопрос к положению ч. 2 ст. 354.1 УК РФ. В нем говорится о действиях, сопряженных с искусственным созданием доказательств обвинения. О каких доказательствах идет речь вне рамок возбужденного уголовного дела?

7. Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернения символов

воинской славы России, совершенные публично, не имеют никакого отношения к реабилитации нацизма. Необходимо признать, что ч. 3 ст. 354.1 УК предусматривает самостоятельный состав преступления. Осквернение символов воинской славы России предполагает совершение действий, которые имеют непристойный, циничный характер. И посредством которых данные символы подвергаются оскорблению, унижению и (или) поруганию, что обуславливает снижение или утрату их общественной значимости. Позитивным моментом в рассматриваемом контексте представляется тот факт, что дни воинской славы и памятные даты России исчерпывающим образом определены в Федеральном законе от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [8]. А вот с понятием символов воинской славы России все обстоит намного сложнее. Легально-го определения понятия таких символов не существует. Символом воинской славы России в бытовом понимании могут быть и Георгиевская ленточка, и надпись «Спасибо деду за Победу», и фотографии Бессмертного полка, и многое другое. Вместе с тем согласно законодательству, даже Знамя Победы не символ воинской славы, а официальный символ победы советского народа и его Вооруженных Сил над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., государственная реликвия России [9].

8. Признак публичности деяния предполагает совершение действия в присутствии хотя бы одного человека. При этом распространенная информация должна демонстрировать явное неуважение к обществу. Это оценочный критерий, который заключается в непосредственном, пренебрежительном, вызывающем и циничном отношении к указанным ранее фактам, что обуславливает необходимость заключения эксперта.

9. Так называемая «реабилитация нацизма» в форме осквернения символов воинской славы России, совершенного публично, практически идентична объективной стороне вандализма.

Причина появления такой, мягко говоря, несовершенной новеллы в уголовном законодательстве кроется в необоснованной поспешности принятия и введения ее в действие. Об этом свидетельствует история данного вопроса, которую легко проследить путем анализа сообщений средств массовой информации. Впервые в но-

вейшей истории России проект закона, устанавливающего ответственность за посягательство на историческую память относительно событий Второй мировой войны был внесен в нижнюю палату Федерального собрания Российской Федерации группой депутатов от Единой России в 2009 г. Против принятия закона было опубликовано несколько коллективных обращений, в том числе международных. При этом предложенный законопроект получил два отзыва: положительный из Верховного Суда РФ и отрицательный от Правительства РФ. Последним была признана юридически некорректной дефиниция «искажение приговора Нюрнбергского трибунала», поскольку из текста законопроекта не было ясно, каким образом можно исказить приговор, вынесенный Нюрнбергским трибуналом и вступивший в законную силу.

В 2010 г. имела место попытка внести на рассмотрение в Государственную Думу другую версию указанного законопроекта, которая также не увенчалась успехом. После этого член Совета Федерации Б. Шпигель представил в Государственную Думу два антинацистских законопроекта, которые получили отрицательный отзыв Правительства РФ. Аналогичный законопроект члена Совета Федерации Константина Добрынина Правительством РФ тоже не был одобрен.

В феврале 2014 г. на одном из совещаний в Администрации Президента Российской Федерации был поднят вопрос о целесообразности поддержки законопроекта о запрете реабилитации нацизма. По результатам его обсуждения был сделан вывод, что «ни один из существующих проектов не имеет необходимой правовой конкретики и не может быть поддержан со стороны Кремля» [10]. И тем не менее, 4 апреля 2014 г. законопроект был принят Нижней палатой Федерального Собрания Российской Федерации во всех трех чтениях. После этого ударными темпами он был одобрен Советом Федерации и направлен Президенту Российской Федерации для подписания. При этом практически до последнего момента в Совете Федерации разрабатывался альтернативный, более взвешенный проект изменений в УК РФ по данному вопросу.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что оптимальным решением рассматриваемой проблемы стало бы исключение из Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 354.1 в ны-

нешнем ее виде. Нельзя не отметить также и тот факт, что противодействие нацизму и фальсификации истории Второй мировой войны не может осуществляться только на основе репрессивных возможностей государства. Исторический опыт позволяет считать, что идеи могут быть побеждены только идеями. Противодействие современному нацизму должно базироваться, в первую очередь, на всестороннем и объективном изучении событий Второй мировой войны, а также патриотическом воспитании молодежи при неукоснительной идеологической и финансовой поддержке государства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3031.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 января 2002 г. № 1 (ч. I). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 12 мая 2014 г. № 19. Ст. 2333.
4. Розенко С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3(29).
5. Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3.
6. Турышев А.А. Реабилитация нацизма в УК РФ // Правовые технологии. Электронный юридический журнал. <http://www.lawtech.ru/journal/> (дата доступа: 05.11.2016).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 24 декабря 2001 г. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. <http://www.suprcourt.ru> (дата доступа: 1.11.2016).

9. Турышев А.А. Реабилитация нацизма в УК РФ // Правовые технологии. Электронный юридический журнал. <http://www.lawtech.ru/journal/>

10. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 13 марта 1995 г. № 11. Ст. 943.

11. Федеральный закон от 7 мая 2007 г. № 68-ФЗ «О Знамени Победы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14 мая 2007. № 20. Ст. 2369.

12. Кремль не поддержал законопроект о запрете реабилитации фашизма // Сайт газеты «Известия». <http://izvestia.ru/news/>

РОЛЬ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

THE ROLE OF THE COMMISSIONS ON AFFAIRS
OF MINORS IN COORDINATING OF ACTIVITIES
OF BODIES AND ESTABLISHMENTS IN SYSTEM
OF PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY

Бойкова Нина Григорьевна

старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Boikova N.

senior teacher Senior Lecturer of the Department of
Criminal Law (*general institute*), International law Institute,
Smolensk branch, Smolensk, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования комиссий по делам несовершеннолетних, их полномочий, целей и задач, а также основные направления организационной работы комиссий по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правона-

рушений несовершеннолетних. Анализируются проблемы правового и организационного характера, возникающие в деятельности комиссий в этом направлении и предлагаются возможные пути их решения.

***Abstract.** The article discusses the questions of formation of the Commissions on affairs of minors, their powers, goals and aims, as well as the main directions of the organizational work of the commissions for coordination of bodies and establishments activity as a system on prevention of neglect and offenses of minors. The problems of legal and organizational nature arising out of activities of the commissions in this area are analyzed and possible ways of solving them are proposed.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, комиссии по делам несовершеннолетних, система профилактики, координация деятельности, органы и учреждения.*

***Key words:** minors (juvenile), Commissions on affairs of minors, prevention system, coordination of activities, bodies and institutions.*

Проблемами защиты прав детей занимается множество организаций различной ведомственной подчиненности, основные направления деятельности по организации профилактической работы которых осуществляются в соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1], Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3.06.1967. [2], Примерным положением о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 6.11.2013. № 995, нормативными документами субъектов, регламентирующими систему построения органов управления комиссиями по делам несовершеннолетних, их полномочия, цели и задачи, а также основные направления организационной деятельности.

Комиссии по делам несовершеннолетних являются органы, на которые возложены обязанности по организации работы, направленной на предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, охрану их прав, оказание подросткам помощи в получении образования, социально-бытовом устрой-

стве, рассмотрение дел о большинстве административных правонарушений, совершенных лицами в возрасте от 16 до 18 лет. Комиссии по делам несовершеннолетних были созданы в 1961–1962 гг. Задачи, функции и порядок их деятельности определяются Положением, утвержденным указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3.06.1967 с последующими дополнениями и изменениями, что связано с их преобразованием в Комиссии по делам несовершеннолетних при администрациях соответствующих органов местного самоуправления. Именно комиссии являются координирующим органом системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и призваны во взаимодействии с другими органами и учреждениями этой системы устранять причины и условия, способствующие антиобщественному поведению подростков [5, с. 3].

Исходя из анализа задач и направлений деятельности комиссий, связанных с их профилактической деятельностью, приоритетными следует отметить координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, связанной с обеспечением исполнения законодательства Российской Федерации, а также выработку согласованных подходов к решению основных вопросов, касающихся деятельности, связанной с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защитой их прав.

В связи с тем, что в деятельности комиссий в данном направлении понятие координации деятельности предполагает согласование действий органов и учреждений системы профилактики по выполнению определенных задач, то на первое место, безусловно, выступает прежде всего организация взаимодействия этих органов и учреждений. Таким образом, комиссия является системообразующим органом, который обязан координировать действия всех остальных органов и учреждений системы профилактики.

Координация – это обеспечение согласованности действий органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Следовательно, взаимодействие субъектов профилактики предполагает совместное целенаправленное осуществление комплекса мер, которые направ-

лены на своевременное выявление несовершеннолетних и их семей, находящихся в социально опасном положении, а также их социально-педагогическую реабилитацию и предупреждение совершения ими правонарушений и антиобщественных действий.

Наиболее важными компонентами координирующей роли комиссий являются: анализ, прогнозирование, выявление проблем и предложение путей их решения.

Как отмечает А.В. Злобин, в государстве должна действовать развернутая и эффективная система институтов (органов, учреждений, организаций). Одним из таких институтов выступает комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, занимающая, пожалуй, центральное место в действующей системе органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [6, с. 50].

Работа по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних начинается на стадии формирования состава комиссии. Членами комиссии являются представители основных органов и учреждений системы профилактики: органов местного самоуправления, органов внутренних дел, опеки и попечительства, образования, здравоохранения, по работе с молодежью, культуре и спорту, социальной защиты населения, занятости населения, а также сотрудники, работающие на постоянной основе. Одной из главных составляющих в координационной деятельности комиссии любого уровня мы считаем – обеспечение возможности оперативного взаимодействия представителей субъектов профилактики, осуществляющих свои функции на территории субъекта, района.

Например, в Смоленской области в состав Комиссии включены субъекты системы профилактики – представители органов исполнительной власти Смоленской области, правоохранительные органы и общественные организации, что позволяет создать двухуровневую вертикаль комиссий: межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав Смоленской области и комиссии в муниципальных районах и городских округах, а также надведомственный характер руководства, при котором создается возможность объективно анализировать,

оценивать, контролировать функционирование всех звеньев системы профилактики, принимать управленческие решения.

Значительная роль в профилактике правонарушений несовершеннолетних отводится общественным организациям. Волонтерство – важный инструмент профилактики асоциального поведения подростков и молодежи. Не случайно волонтерство сегодня называют важным ресурсом решения существующих социальных проблем современного общества.

Специализированная образовательная программа по направлению «Молодежное добровольчество» реализовывалась в рамках молодежного лагеря «СМОЛА». Ее целью было расширение и активизация деятельности Смоленского областного волонтерского корпуса, разработка проектов, направленных на социальную защиту молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, социализацию групп молодежи, не включенной в социум, формирование здорового образа жизни, создание и развитие молодежных мобильных групп для патрулирования территорий [4, с. 30].

Таким образом, совместная воспитательно-профилактическая работа правоохранительных органов и государственно-общественных организаций по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних направлена, прежде всего, на включение подростков в общественно-полезную деятельность в сфере труда и свободного времени.

Не менее важным компонентом координирующей деятельности комиссий является обучение кадров. Этому направлению областная комиссия уделяет особое внимание, ежегодно организуя семинары для специалистов всей системы профилактики.

Кроме того, дважды в год комиссия организует и проводит семинары-совещания, в работе которых принимают участие социальные педагоги образовательных учреждений, педагоги-организаторы детских клубов МПЦ «Смоленские дворы», инспектора по делам несовершеннолетних, сотрудники Управления опеки и попечительства, службы занятости населения, отдела социальной защиты населения, «Центра психолого-медико-социального сопровождения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи» и представители других субъектов профилактики.

Вместе с тем принимаемые меры правового и организационного характера, направленные на улучшение деятельности по взаимодействию субъектов профилактики и ведущей роли в координации этой деятельности комиссий по делам несовершеннолетних далеки от совершенства. Принятие нового Примерного положения «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» [3] позволило определить административно-правовой статус этих органов, повысить их роль в деле профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также координации деятельности органов системы профилактики. Вместе с тем далеко не все проблемы устранены.

Мы считаем, что одной из самых главных проблем общего характера является отсутствие Федерального закона, регламентирующего деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» только в общих чертах и очень кратко определяет направления деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Тем не менее ч. 1 ст. 11 указанного Федерального закона содержит исчерпывающий перечень полномочий комиссий и, исходя из ее конструкции, расширительному толкованию не подлежит. Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3.06.1967 подлежит исполнению только в той части, которая не противоречит существующему законодательству. Со времени принятия Положения прошло не просто много лет, оно было разработано и утверждено в совершенно отличных от современных общественно-политических и экономических условиях. В связи с чем работа по координации взаимодействия органов и учреждений является недостаточно неэффективной, так как отсутствует законодательно урегулированный механизм межведомственного взаимодействия, что снижает роль комиссий в координирующей деятельности.

Среди проблем, возникающих при организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, необходимо отметить:

1. В частности, отсутствует на федеральном уровне нормативно закреплённые способы реализации координирующей функции комиссий.

Координация комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних – управленческая деятельность, обеспечивающая согласованность работы органов и учреждений системы профилактики в целях защиты прав несовершеннолетних.

Полагаем, что в целях выявления причин и условий, способствовавших нарушению прав и законных интересов несовершеннолетних, их безнадзорности и совершению правонарушений, изучения и распространения положительного опыта профилактической деятельности предлагается наделить комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав контрольными полномочиями в отношении иных органов и учреждений системы профилактики, внести соответствующие изменения в ст. 10 Федерального закона № 120-ФЗ.

2. Ещё одной проблемой является отсутствие на федеральном уровне единой системы мониторинга профилактической деятельности органов и учреждений системы профилактики (не определены критерии оценки эффективности профилактической деятельности органов и учреждений системы профилактики: органов опеки и попечительства, органов внутренних дел, органов социальной защиты населения, образовательных организаций и др.).

Считаем, что необходимо разработать единые методические рекомендации (стандарты). Например, в образовательных организациях следует учитывать организацию:

- работы по выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении; оказанию социально-психологической и педагогической помощи несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении; оказанию помощи в обучении и воспитании детей семьям, находящимся в социально опасном положении;

- деятельности Советов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в образовательных организациях различных типов;

– деятельности по ранней профилактике семейного неблагополучия в рамках компетенции (стандартизированный комплекс мер).

3. Предлагается признать утратившим силу Указ Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» после закрепления в действующем законодательстве вопросов организации деятельности комиссий в части:

– определения перечня мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей, применяемых комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав;

– сохранения контрольных полномочий комиссий;

– сохранения полномочий комиссий по внесению представлений по вопросам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

4. Полагаем, что будет более правильным принятие Федерального закона об основах организации и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, в котором предусмотреть, что эти комиссии являются головным органом координации и контроля деятельности всех других органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 15.07.2016) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3177.

2. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3.06.1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» (с изменениями на 21 января 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР». 1961 г. № 35. Ст. 484.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Собрание законодательства РФ. 11.11.2013. № 45. Ст. 5829.

4. Бойкова Н.Г. Межведомственное взаимодействие органов и учреждений при организации профилактической работы с несовершеннолетними (на примере Смоленской области) // Вестник. Международный юридический институт: научно-информационный журнал. 2016. № 3 (58).

5. Братановский С.Н., Деминчук Д.В. Административно-правовое регулирование организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: Монография. М.: Берлин: Директ-Мунс, 2014.

6. Злобин А.В. Правовое регулирование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Вестник Саратовской юридической академии. 2015. № 6.

КОНТРАБАНДА ОРУЖИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ARMS SMUGGLING: URGENT PROBLEMS OF TODAY

Бражникова Вероника Владимировна

студентка 4 курса

Российский университет кооперации

Смоленский филиал

Шевелев Никита Вадимович

студент 4 курса

Российский университет кооперации

Смоленский филиал

Сидоренкова Ирина Викторовна

канд. пед. наук, доцент кафедры товароведения

и таможенного дела

Российский университет кооперации

Смоленский филиал

Brazhnikova V.

4th year student, Smolensk branch of Russian University of cooperation, Smolensk, Russia

Shevelev N.

4th year student, Smolensk branch of Russian University of cooperation, Smolensk, Russia

Sidorenkova I.

the candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the chair of commodity research and of customs, Smolensk branch of Russian University of cooperation Smolensk, Russia

Аннотация. В данной статье проанализированы аспекты, характеризующие современное состояние преступности в сфере контрабанды оружия, и предложены пути повышения эффективности борьбы с данными видами преступлений.

Abstract. *This article analysed aspects characterize the current status of crime in the smuggling of weapons and the ways of increase of efficiency of fight against crimes of this wine.*

Ключевые слова: *контрабанда, оружие, взрывчатые вещества, незаконный оборот оружия.*

Key words: *contraband, weapons, explosives, illegal arms trafficking.*

«Контрабанда, то есть перемещение в крупном размере через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием» – такое определение было дано в ст. 188 ч. 1 УК РФ, и наказывалось данное деяние штрафом в размере от 100 тысяч до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Перемещение через таможенную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, ядовитых, взрывчатых, радиоактивных и других опасных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного иного вида оружия являлось квалификационным признаком контрабанды и ответственность за него наступала по ч. 2 ст. 188 УК РФ.

Сегодня нам хотелось бы заострить свое внимание на контрабанде оружия, как на одном из важных составляющих элементов уголовной преступности в нашей стране.

Оборот оружия на территории Российской Федерации регулируется ФЗ РФ «Об оружии». Любое иное его обращение является незаконным. Незаконный оборот оружия – один из наиболее серьезных факторов, способствующих росту организованной преступности, терроризма в стране.

Одним из источников пополнения криминального рынка оружия продолжают оставаться Вооруженные Силы Российской Федерации, а также другие военизированные структуры и формирования.

На основе анализа многих журналистских статей можно сделать вывод, что масштабной контрабандой занимаются преимущественно «выходцы с востока» – они переправляют оружие в такие республики, как Украина, Ливия, Северная Осетия и многие другие страны.

А также на российско-украинской границе практически в еженедельном режиме задерживают добровольцев из Донбасса, которые пытаются вернуться домой, захватив с собой пистолеты, автоматы или гранаты. В самой России, по официальным данным, растет количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Эксперты признают, что к оживлению черного рынка, объем которого увеличился с 14 млн. единиц в 2012 г. до 20 млн. в 2016 г., привела контрабанда оружия из Донбасса [3].

Данную ситуацию может проиллюстрировать следующий пример.

Константин Пилипенко, проживавший в Москве, весной 2014 г. отправился добровольцем в самопровозглашенную Луганскую Народную Республику. Сначала он вывозил раненых бойцов с поля боя, со второй половины 2014 г. развозил гуманитарную помощь мирным жителям.

В конце февраля 2015 г. Пилипенко вступил в сговор с неустановленными гражданами Украины, по их указаниям вместе с гуманитарной помощью и под ее прикрытием стал перевозить оружие из указанных поделщиками мест в городок Брянку.

Перед возвращением в Россию в г. Красный Луч Пилипенко незаконно приобрел два штык-ножа от автомата Калашникова, сигнальный пистолет, три дымовые шашки, бронежилет и каску. Пилипенко был задержан на границе РФ, в отношении него возбуждено уголовное дело [4]. Это не единственный, но характерный случай.

На многих таможенных российских регионов работа пограничников по изъятию контрабандного оружия ведется весьма успешно. Всего с начала 2016 г. погранслужба ФСБ не допустила переправления на территорию Ростовской области около 250 мин и гранат, больше шести тысяч патронов, 6 кг взрывчатых веществ и не меньше 20 единиц огнестрельного оружия.

Можно рассмотреть и частные случаи. Так, например, в ночь на 23 апреля 2016 г. петербургские полицейские остановили в Приморском районе города автомобиль Mitsubishi Lancer. В багажнике они нашли три гранаты РГД-5, шесть гранат РГД-42, карабин Мосина, автомат Калашникова, патроны и запалы к гранатам. В самом же автомобиле оказались ранее судимые члены батальона «Заря» из ЛНР. Выяснилось, что мужчины «разочаровались в войне» и решили уехать домой, но перед этим прихватили столько оружия, сколько могли, – в Петербурге они надеялись продать его.

В публикации The New York Times в июне 2015 г. со ссылкой на показания одного из «добровольцев» Донбасса говорилось, что между Востоком Украины и Россией идет активная и хорошо организованная торговля оружием. Оружие из Донбасса пользуется спросом не только в России, но и в Сирии, Ливии и Ираке.

Сейчас оборот оружия может достигать 3–20 млн. единиц. При этом официально разрешение на хранение и ношение оружия имеют только 4,4 млн. россиян. На руках у них 6,7 млн. единиц оружия.

Количество выявленных преступлений, связанных с торговлей оружием, стабильно растет в последние полтора года. По данным МВД РФ, за первые шесть месяцев 2016 г. в России выявлено почти 16 тысяч таких преступлений, что на 3,4 % больше, чем за тот же период 2015 г. Судя по всему, это беспокоит российские власти. Например, одной из главных причин создания национальной гвардии президент Владимир Путин называл «необходимость поставить под особый контроль оборот оружия».

Найти в русскоязычном интернете объявления о продаже оружия несложно. В соцсетях предлагают купить пневматику, массогабаритные макеты (ММГ) – копии автоматов АК-47 – и магазины для боевого оружия. Объявления маскируются: «нужен молоток № 74» (АК-74) или «заклепочник типа „Петр Михалыч“» (пистолет Макарова, или ПМ). Активнее торгуют оружием в анонимных сетях; здесь же продавцы обсуждают усилившийся контроль на российско-украинской границе, методы кустарного производства оружия и находят клиентов.

По нашему мнению, законодательство не совсем объективно предусматривает наказания за контрабанду оружия, в частности огнестрельного. Дело в том, что огнестрельное оружие обладает различной поражающей силой, которая отличается очень резко в количественных и качественных параметрах. Следовательно, чем выше поражающая сила огнестрельного оружия, тем жестче должна быть уголовная ответственность. Для этой цели огнестрельное оружие необходимо классифицировать на виды по степени поражающего воздействия.

Необходимо ввести по отдельным видам оружия отдельные условия наказаний.

Оружие массового поражения (реже также оружие массового уничтожения) – оружие крайне большой поражающей способности, предназначенное для нанесения массовых потерь или разрушений на относительно больших пространствах и площадях.

Считаем, что за незаконный оборот данного вида оружия, в действующее уголовное законодательство РФ следует ввести отдельную статью и предусмотреть более жесткое наказание, по сравнению с наказанием за незаконный оборот иного, менее опасного вида оружия.

Особенностью нашего времени стало публичное признание и закрепление на конституционном уровне неотъемлемых прав и свобод человека как высшей ценности. При этом в реальности привычным явлением стали неуклонный рост безработицы среди экономически активной части населения, мизерная заработная плата и пенсионное обеспечение, сокращение рабочих мест, отсутствие возможности для правопослушных граждан честно работать, воспитывать детей на высоконравственных началах, поддерживать нормальные межличностные отношения. В подобных ситуациях преступное проявление, связанное с незаконным распространением оружия, далеко не всегда вызывает осуждение со стороны близкого окружения виновного, а напротив, нередко находит оправдание.

В создавшихся условиях люди, в чьих руках случайно оказывается оружие, нередко из безысходности пускают его в преступный оборот. Так, по данным проведенного социологического опроса граждан, на вопрос: «Как бы Вы поступили, если бы случайно стали владельцем оружия?» около 62 % респондентов

ответили, что продали бы его, а 20 % – что оставили бы оружие себе.

Закон об оружии регулирует только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, боевого ручного стрелкового и холодного оружия, а также боеприпасов и патронов к данным видам оружия и не касается отношений, связанных с оборотом иных видов вооружения, не указанных в Законе. Д. Корецкий справедливо подчеркивает, что данный Закон регламентирует административно-правовой режим оружия, обслуживая главным образом потребности лицензионно-разрешительной системы органов внутренних дел, и вовсе не определяет, какие виды оружия могут выступать в качестве предметов и средств совершения преступлений по УК РФ. По смыслу же уголовного закона под оружием, применение которого является квалифицирующим или отягчающим обстоятельством ряда насильственных преступлений, имеется в виду любой вид оружия, в том числе боеприпасы и взрывные устройства, зажигательное оружие (бутылки с зажигательной смесью, огнемёт и т.п.), независимо от принципа действия, параметров, технических характеристик, поражающих свойств, специальных целей и условий использования, а также правового режима оборота [5, с. 7].

В отличие от Закона РФ от 20 мая 1993 г. № 4992-1 «Об оружии», новый Закон об оружии 1996 г. распространил понятие оружия также на устройства и предметы, конструктивно предназначенные только для подачи световых, дымовых или звуковых сигналов (сигнальное оружие). Некоторые криминалисты, по словам А.И. Бойцова, отнеслись к этому нововведению отрицательно, считая, что оно искажает смысловое содержание понятия «оружие», историческое предназначение которого состоит исключительно в поражении живой цели или разрушении иных объектов как при защите, так и при нападении. В.М. Плескачевский по этому поводу не без иронии пишет: «Таким образом, к «сигнальному оружию» могут быть отнесены не только револьверы и пистолеты, конструктивно предназначенные для отстрела не только газовых и «шумовых» патронов, но и милицейский свисток, и даже крупный ключ с полым стержнем, с помощью которых можно издать свист» [6, с. 303].

При этом в основном причины и условия, способствующие незаконному обороту оружия, будут субъективными, повторяющимися из года в год. К ним относятся: проявление существующих у отдельных лиц отрицательных нравственно-психологических качеств, антиобщественной установки личности; недостатки контроля за вооружением; недостатки в исполнении своих обязанностей военнослужащими, ответственными за сохранность вооружения; нарушения военнослужащими правил осуществления охраны складов, арсеналов и баз.

Результативность достижения перечисленных целей во многом зависит от обоснованности превентивных мер с учетом реальных возможностей органов государственной власти и управления (в первую очередь материальных), от проведения необходимых общегосударственных мероприятий политического, социально-экономического, правового и воспитательного характера, направленных на искоренение причин и условий, способствующих совершению указанных преступлений. В связи с данными заслуживает серьезного внимания предложение о заключении Россией межгосударственных соглашений со странами-участницами СНГ и странами Прибалтики по выработке законодательной базы, устанавливающей единый порядок оборота оружия и тесное взаимодействие правоохранительных органов данных стран в борьбе с его незаконным оборотом. В целях осуществления действенного контроля за незаконным оборотом оружия возможно также создание единого компьютерного банка данных, включающего в себя сведения: об оружии, находящемся в розыске (с подробным описанием его криминалистических характеристик); об изъятом оружии (с результатами его криминалистического исследования); о лицах, у которых изъято оружие, в том числе и о лицах, освобожденных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Возможно также создание специальной базы данных с внесением характерных признаков лиц, у которых виновные приобрели оружие. Наличие такого рода информации позволит осуществлять оперативный контроль как за перемещением оружия, так и за лицами, занимающимися его незаконным оборотом, причастными к подобного рода преступлениям. Отметим, что тем самым значительно облегчилось бы решение задачи уста-

новления и устранения источников поступления оружия в незаконный оборот. Поскольку одним из таких источников будут «горячие точки», важным средством противодействия незаконному обороту оружия будет прекращение боевых действий на воюющих территориях.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.10.2016) // Российская газета. 1996. 8 июня. № 113; 1996. 19 июня. № 114; 1996. 20 июня. № 115; 1996. 25 июня. № 118.
2. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ (с изменениями на 6 июля 2016 г.) <https://base.garant.ru>
3. Состояние преступности. Официальный сайт МВД. [https://mvd rf/reports](https://mvd.rf/reports)
4. Интернет-издание «Медуза». 22.06.2016. / <https://meduza.io>
5. Малков В.Д. Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ. М., 2014.
6. Плескачевский В.М. Оружие в криминалистике: понятие и классификация. М., 2015.

ОБЩИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

GENERAL MEASURES OF PREVENTION OF CRIME IN THE FIELD OF ILLEGAL TURN OF DRUGS

Витязев Александр Сергеевич

магистрант

Смоленский гуманитарный университет

Vityazev A.

master of Smolensk humanitarian university,

Smolensk, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются возможные меры предупреждения незаконного оборота наркотических средств и возможные проблемы, с которыми сталкиваются государст-

венные органы в случае применения этих мер. А также в статье рассматриваются пути решения этих проблем.

Abstract. *The article discusses possible measures for the prevention of illicit traffic in narcotic drugs and possible problems faced by public authorities in the application of these measures. And as the article discusses solutions to these problems.*

Ключевые слова: наркотики, причины, меры предупреждения, ответственность.

Key words: *drugs, causes, prevention, responsibility, struggle.*

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в современных условиях представляет весьма значительную угрозу безопасности Российской Федерации, жизни и здоровью граждан, влияя на нравственные качества молодого поколения. Непосредственное противодействие рассматриваемой угрозе оказывают органы федеральной службы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также органы Министерства [7, с. 61].

Незаконный оборот наркотических средств и их использование являются проблемами, выходящими за рамки непосредственно юридического явления. Наркомания является первой причиной формирования одного из самых крайне опасных нелегальных видов экономической деятельности, представленных наркобизнесом, напрямую связанных с организованной преступностью [8, с. 165].

По всей видимости, нет необходимости приводить статистику и научную аргументацию о наличии проблем, связанных с преступностью сферы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Проблемы осложнения борьбы с наркоманией заключаются в невозможности отказа от использования в медицинской практике наркотических средств и психотропных веществ. Поэтому правовой режим существования наркотиков заключается не только в установлении запретов, но и в создании эффективных правовых норм для регулирования их законного оборота и использования.

Преступность, связанная с наркотиками, растет повсеместно и интенсивно. Огромными темпами растет подростковая и дет-

ская наркомания, количество наркоманов в России увеличилось примерно в 4 раза. В нашей стране деструктивные тенденции развития наркоситуации по-прежнему сохраняются и остаются тревожными [4].

За последнее время рынок потребления и сбыта переориентировался в наиболее опасные для здоровья граждан «жесткие» синтетические наркотики. Увеличивается контрабанда наркотиков из Средней Азии, Южной Америки, Афганистана и Китая. Все чаще используется территория России для транзита наркотических средств и психотропных веществ в страны Западной Европы.

Следует отметить, что недостаточная обеспеченность безопасности границ стран ближнего зарубежья и членов СНГ, неэффективность таможенного и пограничного контроля, материальные трудности общества и безработица, низкий уровень профилактической работы среди подрастающего поколения провоцируют и развивают наркобизнес и наркоманию. Согласно экспертным оценкам, годовой доход от нелегального рынка наркотиков в России составляет более 250 млрд. руб. Такие данные корреспондируются с данными Управления ООН по преступности и наркотикам.

В нашей стране до 90 % наркозависимых употребляют наркотики опийной группы, более половины из них относятся к «тяжелым» наркотикам. Из показаний клинической практики – постоянно принимающие героин лица умирают через 5–7 лет, в связи с чем ежегодно в России по официальным данным от приема наркотиков погибает около 10 тыс. человек (а по неофициальным – 30 тыс.). Сложившаяся ситуация не может восприниматься в качестве нормы еще и потому, что за последние 20 лет количество стоящих на учете наркозависимых, вовлеченных в наркопотребление, возросло почти в 10 раз и составило величину, в 7–10 раз превышающую показатели стран Европейского сообщества [2].

Необходим коренной перелом, позволивший решительно изменить наркоситуацию и в ближайшие годы существенно снизить уровень принимающих наркотики граждан среди населения. Для этого необходимо сформировать новую антинаркотическую политику государства, заложив в ее структуру наиболее эффективные меры.

Ключевой проблемой при этом является неадекватность правового и законодательного обеспечения существующей в настоящее время антинаркотической политики. Снижение уровня наркотизации населения, в особенности, подрастающего молодого поколения, требует кардинальной перестройки работы всех служб и органов, имеющих отношение к решению данных проблем. Безусловно, хотелось бы обратить внимание и на необходимость создания новой системы учета наркозависимых и вовлеченных в потребление наркотических средств.

Согласно международному опыту, система учета не просто может сочетаться с соблюдением прав и свобод человека, демократическими устоями общества, но и безусловной необходимостью для защиты непосредственно самой личности. В рамках новой антинаркотической политики необходимо создание действенной системы учета с использованием современных технологий и принципов. Наркомания в современных условиях является не медицинской, а социальной проблемой [7, с. 17].

Разумеется, что причины наркомании, как и алкоголизма, терроризма, ВИЧ-инфекции и в целом преступности, имеют корни социального происхождения, а именно сама наркозависимость является болезнью, требующей, в первую очередь, высококвалифицированных медицинских мер и длительных социально-реабилитационных действий.

Тенденции, происходящие в сфере наркомании, являются не тревожными фактами, а отражают набирающие силу культурно-антропологические и социально-экономические процессы, такие как наличие экономического кризиса, снижение благосостояния населения, снижение возможностей для молодежи получить высшее образование, безнадежного поиска перспективной работы, роста безнадзорности подрастающего поколения [5, с. 201].

Наркозависимость, как и наркопреступность, напрямую вытекает из социально-нравственного потенциала общества и образа жизни. Профилактика и борьба с наркотиками требуют перехода от того, чтобы только вылавливать и определять на лечение, а для перемены культуры в обществе, инфраструктуры и условий социализации молодежной среды, организации труда и жизнедеятельности населения. Это требует кардинальных изменений не только практики наркологии и борьбы с наркопре-

ступностью, но и регионального развития экономики, демографии, образования, здравоохранения и досуговой среды [1, с. 59].

Особую тревогу в мировом сообществе в последние годы вызывает рост организованной преступной деятельности в сфере наркобизнеса, распространяющегося весьма высокими темпами, что позволяет сделать вывод о столкновении человечества с геополитической проблемой, со стремительной скоростью поражающей все страны мира [6, с. 88–104].

Современный наркобизнес приобрел такой существенный размах, что сейчас действует в качестве хорошо отлаженной экономической отрасли. Нередко на него работают биологи, химики и ученые различных отраслей наук; в транспортировке наркотиков задействованы летчики, радиооператоры, водители автомобильного, железнодорожного и другого транспорта. Многие незаконные наркотические операции осуществляются под прикрытием чиновников различных уровней, обеспечивающих наркодельцам спокойствие и надежную безопасность.

В сфере оборота и противодействия незаконному обороту наркотиков государственная политика должна руководствоваться четырьмя основными проблемами: сокращением числа больных наркоманией; установлением контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ; сокращением количества преступлений и правонарушений, связанных с наркотиками, и совершенствованием уголовного законодательства.

Принятие государством целевых антинаркотических программ, совершенствование структуры органов государственной власти, создание специализированных структур, призванных осуществлять борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, не является достаточным. Необходима коренным образом переработка уголовного законодательства в области ужесточения санкций за незаконный оборот наркотиков, разработка и реализация эффективных целевых комплексных программ противодействия наркопреступности и наркомании.

Важно коренным образом изменить сложившуюся негативную обстановку. Общество должно понимать и полностью осознавать всю многогранность общественной опасности и вреда последствий таких явлений, как наркотизм, наркомания и наркобизнес.

Общесоциальные методы профилактики наркотизма по характеру целевой направленности призваны предупреждать противоправное поведение лиц, занимающихся наркоманией – пресекать их преступные действия, а также предупреждать возможность рецидива.

Функция общесоциальной профилактики, связанная с наиболее масштабными и продолжительными видами деятельности, регулирующая обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан, укрепление культуры, законности и морали, значительные меры развития экономики, социальную защищенность населения последовательно осуществляется всем прогрессивным развитием гражданского общества. Данные мероприятия имеют более масштабные цели, чем только борьба с преступностью и ее предупреждением.

По мнению А.Э. Жалинского, было бы одинаково неверно как исключать общесоциальные процессы и мероприятия из социальной системы предупреждения преступлений, так и считать их все профилактикой. Это – социальные мероприятия, которые дают профилактический эффект [3, с. 21].

В социальные мероприятия включаются выявление и устранение условий и причин, которые способствуют совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и злоупотреблением ими; формирование негативного общественного мнения со стороны населения сферы отношения к употреблению наркотиков; осуществление строгого контроля над процессами законного оборота исключения их использования в немедицинских целях.

Успех в предупреждении борьбы в сфере оборота наркотиков, включая и среду несовершеннолетних и подрастающего поколения, в первую очередь зависит от сокращения количества потребителей и снижения спроса на наркотики. В условиях отсутствия наступления юридической ответственности за потребление наркотических средств без назначения врача требуется комплексное лечебное и воспитательно-профилактическое воздействие на наркоманов.

Поэтому в целях профилактики наркомании в молодежной среде необходимо решить ряд следующих взаимосвязанных между собой задач:

– создание системы выявления наркозависимых лиц и осуществления контроля за распространением наркотиков в учебных заведениях;

– осуществление снижения и стабилизации уровня наркотизации в образовательной среде;

– повышение уровня образования граждан, связанного напрямую с созданием устойчивого положительного морально-психологического климата в образовательных учреждениях, трудовых коллективах; обеспечение возможности возвращения на учебу и работу бывших наркозависимых лиц после их лечения и реабилитации;

– комплексный, дифференцированный подход к выработке системы мер по противодействию наркотизма на любом уровне с использованием методов индивидуальной и общей профилактики.

Таким образом, общие меры социальной профилактики преступлений выходят не только за рамки предупреждения (профилактики) преступлений, но и борьбы с преступностью. Выявление условий и причин, способствующих развитию спроса на наркотики и совершению связанных с их приемом преступлений, можно достигнуть с помощью специального изучения, кропотливой аналитической работы, позволяющей выделить типичные криминологические детерминанты и обеспечить информационную базу для последующих общепрофилактических мероприятий социального, экономического, правового, воспитательного, психолого-педагогического и в собственности предупредительного характера, которые должны найти свою регламентацию в государственной программе и реализовываться в антинаркотической политике России.

Список литературы

1. Боголюбова Т.А. Незаконное потребление наркотиков и их незаконный оборот: соотношение понятий (размышления по поводу статьи А.В. Федорова «Наркокриминология как одно из направлений криминологии») // Наркоконтроль. 2013. № 3.

2. Единая Конвенция о наркотических средствах (Нью-Йорк, 30 марта 1961 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 8.

3. Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР // Вопросы теории. Львов, 1976.

4. Информация «Об итогах оперативно-служебной деятельности ФСКН России в 2015 г. и задачах на 2016 г.» // Интернет-портал «Нет – наркотикам».

5. Савельев А.В. О деятельности международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом / Проблемы расследования преступлений в условиях формирования правового пространства СНГ и развития международного сотрудничества. СПб., 2011.

6. Тимофеев Л. Наркобизнес как экономическая отрасль (теоретический подход) // Вопросы экономики. 1999. № 1.

7. Харабет К.В. Антинаркотическая функция государства и некоторые вопросы ее законодательного обеспечения // Российская юстиция. 2009. № 8.

8. Шелли Л. Глобализация преступности и терроризма // Россия и АТР. Проблемы безопасности, миграции и преступности. Владивосток, 2007.

СНЯТИЕ СУДИМОСТИ ПО АМНИСТИИ

OVERTURNED AMNESTY

Воронцов Вячеслав Михайлович

канд. юрид. наук, доцент,

профессор кафедры уголовного права и процесса

Частное учреждение образования «БИП-Институт правоведения»

г. Минск, Республика Беларусь

Vorontsov V.

PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Private educational institutions «BIP-Institute of Law», Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные со снятием актом об амнистии судимости с лиц, отбывших наказание за совершенные преступления, формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства Республики Беларусь.

Abstract. *The article deals with the problematic issues associated with the removal of the act of amnesty from criminal records of persons who have served their punishment for their crimes, formulated proposals for improvement of the criminal legislation of the Republic of Belarus.*

Ключевые слова: *акт амнистии, амнистия, осужденный, преступление, снятие судимости, судимость, уголовная ответственность.*

Key words: *act of amnesty, amnesty, convict, crime, the removal of a criminal record, criminal record, criminal liability.*

В соответствии с ч. 1 ст. 95 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) амнистия применяется на основании закона Республики Беларусь в отношении индивидуально-неопределенного круга лиц [4]. Исторически сложилось так, что, начиная с акта амнистии от 7.06.1945 г. (практически через один месяц после победы в Великой Отечественной войне) и до настоящего времени, как в рамках бывшего СССР, так и теперь в некоторых странах СНГ (в частности в Беларуси и России) с примерной периодичностью 1 раз в 5 лет (как исключение – амнистия в общеизвестное «холодное лето» 1953 г.) издаются акты об амнистии. Их с нетерпением и надеждой ждут многие представители того самого «индивидуально-неопределенного круга», а также их родственники, близкие, друзья. Оправдываются ли их надежды, обоснованы ли они – вопрос не первого порядка, поскольку используемые в ч. 2 ст. 95 УК словосочетания «может быть освобождено...», «может быть заменена...», «может быть снята...» не равнозначны словам «должно(а) быть освобождено...» [4]. С уверенностью можно лишь предположить, что определенная часть лиц, *умышленно преступающих уголовный закон*, заранее рассчитывают на принятие не в столь уж отдаленном будущем такого очередного (пятилетнего) акта милосердия со стороны государства.

В этой связи возникает вопрос – нужны ли столь частые акты амнистии, оправданы ли они, с чем они связаны?

Первые примеры амнистии (как правило политической) мы находим уже в истории древних греков и с тех пор эта мера, хотя и в различных степенях, применялась как на Западе, так и у

нас. Будучи обыкновенно свободным актом государственной власти, амнистия являлась иногда и плодом соглашения между отдельными державами, входя в состав мирных договоров, заканчивающих войну. Поводом к амнистии могли служить особенно счастливые для народа происшествия, к которым в монархиях принадлежали радостные события в царствующем доме (бракосочетание государя, рождение наследника престола и т.п.). Амнистия по своему существу принадлежала к тем чрезвычайным, но в известных случаях необходимым мерам, посредством которых, при исключительных обстоятельствах, ради высших соображений гуманности и политики приостанавливалось действие рассчитанного на нормальные отношения закона. Поэтому амнистия имела преимущественное значение для преступлений политического свойства, преступность коих нередко в значительной степени зависела лишь от условий, существующих в данное время, и исчезала с прекращением этих условий. При политических переворотах обыкновенно торжествующая партия даровала амнистию своим противникам и этим заканчивала внутреннюю борьбу и стремилась возратить страну в ее нормальное мирное состояние. Это стремление к скорейшему водворению порядка и прекращению неурядиц, а равно соображения гуманности и справедливости, заставляли получивших перевес отказаться от уголовного преследования посягнувших на сделавшийся господствующим принцип, чтобы последние всегда оставались с ними в согласии.

В древности амнистия (от греческого слова «*amnhsteia*» – прощение; собственно – забвение перенесенной неправды) была одним из видов помилования, называемого у древних римлян «*abolitio generalis personarum et causarum*» (полное прощение лиц и забвение дел), которая составляла прерогативу верховной государственной власти. Амнистия находила свое выражение (осуществление) в исходящем от верховной государственной власти (ее представителя, главы государства) распоряжении, по которому исключительно по отношению к определенным категориям (разрядам) наказуемых правонарушений и их виновникам приостанавливалась сила действующего уголовного закона: уголовное преследование или вовсе не возбуждалось, или, если оно уже возбуждено, то должно было прекратиться, причем ис-

чезали и все уголовно-правовые последствия совершенного деяния. Последнее положение очень важно в свете рассматриваемой проблемы.

Как известно, судимость – это обусловленное осуждением за совершенное преступление правовое состояние осужденного, характеризующееся ограничением его прав и свобод в течение предусмотренного уголовным законом срока. Содержание судимости изложено в ст. 45 УК [4]. Судимость означает сохранение уголовно-правового значения самого факта осуждения за совершение лицом преступления. Судимость влечет для осужденного целый ряд неблагоприятных последствий в области политических прав, труда, учебы и т.п. [3, с. 489]. В свою очередь, ст. 99 УК закрепляет правовое значение погашения и *снятия судимости*, – они аннулируют правовые последствия уголовной ответственности [4].

Актом амнистии *«осужденному»*, т.е. лицу, отбывающему наказание, может быть снята судимость (ч. 2 ст. 95 УК). Но уголовный закон в этом плане оставляет без должного внимания такую категорию лиц, как *«судимый»* (ч. 2 ст. 45 УК) или *«лицо, имеющее судимость»* (ч. 1 ст. 98 УК), т.е. *«лицо, отбывших наказание»* (ч. 6 ст. 97 УК) [4].

Такая правовая ситуация не соответствует уголовно-правовому требованию о том, что *«закон, ... иным образом улучшающий положение лица, ... имеет обратную силу, то есть распространяется, ... в том числе на лиц, ... отбывших наказание, но имеющих судимость»* (ч. 2 ст. 9 УК) [4].

Более того в ст. 21, 22, 23 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) гарантируются права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства, содержатся нормы о равенстве всех перед законом, праве на равную защиту прав и законных интересов, запрете пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону [1].

Конституция Республики Беларусь является источником уголовного закона, который основывается на ней и в общепризнанных принципах и нормах международного права (ч. 3 ст. 1 УК) [4]. В ст. 137 Конституции за ней закрепляется высшая юридическая сила [1]. Сложнее обстоит дело с актом амнистии, хотя

это тоже закон Республики Беларусь (ч. 1 ст. 95 УК). Сложность еще и в том, что *досрочное снятие судимости у лица, имеющего судимость, производится судом по заявлению этого лица* и при соблюдении определенных условий, указанных в уголовном законе (ч. 1, 2 ст. 98 УК) [4].

Таким образом, проблема заключается в создавшейся (или созданной самим законодателем) правовой коллизии. На взгляд автора, следовало бы:

1. Часть 2 ст. 95 «Амнистия» УК после слов «ему может быть снята судимость» дополнить словами «Актом амнистии может быть снята судимость и с лиц, отбывших наказание за преступления, предусмотренные этим актом амнистии».

2. Статью 98 «Снятие судимости» УК дополнить ч. 3 следующего содержания: «3. Независимо от сроков, указанных в ст. 97 и 121 настоящего Кодекса, судимость может быть снята актом амнистии за преступления, предусмотренные этим актом амнистии».

3. В будущем в актах амнистии предусматривать изложенное положение. Например, ч. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июня 2014 г. «Об амнистии в связи с 70-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» [2] могла бы быть дополнена словами «в том числе с лиц, отбывших наказание».

Изложенное в порядке *de lege ferenda* автор считает наиболее предпочтительным вариантом разрешения данного проблемного вопроса. Есть и еще один – с учетом опыта российского законодателя, но это требует пересмотра белорусского концептуального подхода в целом к понятию «судимость».

Глава 13 «Амнистия. Помилование. Судимость» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [5] многие аспекты, связанные с судимостью, регулирует более четко и, если можно так выразиться, «в пользу» осужденного. Например, при досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, *срок погашения судимости исчисляется из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний* (ч. 4 ст. 85 УК РФ) [5]. В Беларуси в подобной ситуации сроки погашения судимо-

сти исчисляются со дня истечения неотбытой части наказания или отбытия более мягкого наказания (ч. 4 ст. 97 УК) [4].

Что касается поставленной автором в названии статьи проблемы, в Российской Федерации ее не существует, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 84 УК РФ: «Актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности. ...С лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость» [4].

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // СПС Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2016.

2. Об амнистии в связи с 70-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков: закон Республики Беларусь. 17 июня 2014 г. № 163-З / СПС КонсультантПлюс: Беларусь. Версия «Профессиональная Технология-3000» / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2014.

3. Саркисова Э.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2014.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2016.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Экзамен, 2007. (Серия «Кодексы и Законы».)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF
VIOLENT CRIMES AGAINST SEXUAL
INVIOABILITY OF MINORS: ON MATERIALS OF
SMOLENSK REGION

Вырьева Элина Владиславовна

магистрант

Смоленский государственный университет

Vyryeva E.

master of Smolensk State University, Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассматривается криминологический аспект насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних, приводятся статистические данные как по России, так и по Смоленской области, затрагивается проблема роста таких преступлений, а также выраженный характер латентности.*

***Abstract.** The article deals with criminological aspect of sexual assault against minors, statistical data, both in Russia and in the Smolensk region, address the issue of the growth of such crimes, as well as pronounced latency.*

***Ключевые слова:** сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, криминологическая характеристика, педофилия, инцест, латентность преступления.*

***Key words:** sexual offenses against minors, criminological characteristics, pedophilia, incest, crimes latency.*

Несмотря на экономическое, политическое, социально-культурное развитие государства, уровень насилия в стране не падает. В средствах массовой информации, интернете, телевидении можно наблюдать, как в социум внедряются элементы

насилия, гомосексуализма, порнографии, что способствует падению нравственности и приводит к развитию нетрадиционных и извращенных форм сексуального поведения. Проблематика, которая будет рассмотрена в рамках данной статьи, состоит в том, что, несмотря на меры, принимаемые правоохранительными органами, по борьбе с преступлениями сексуального характера в отношении несовершеннолетних, наблюдается устойчивость в проявлении этого явления. Ежегодно органы внутренних дел регистрируют 7–8 тысяч преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Так, в 2009 г. в Смоленской области зарегистрировано 501 такое преступление, из которых 220 – в отношении малолетних, признаны потерпевшими от преступных посягательств 48 подростков, из которых 31 подвергся сексуальному насилию [7].

Начиная с 2012 г. в Смоленской области число уголовных дел, возбужденных в связи с совершением преступлений в отношении несовершеннолетних, продолжает расти. Следственным комитетом было возбуждено 66 уголовных дел, что гораздо больше, чем в 2011 г. (37 уголовных дел). Потерпевшими признаны 59 несовершеннолетних: трое – в возрасте до 1 года, четверо – от 1 до 5 лет, пятеро – от 5 до 10 лет, 16 человек – от 10 до 14 лет и 31 человек – от 14 до 18 лет. Четверо несовершеннолетних погибли. Шесть преступлений было совершено родителями, одно – бабушкой. Остальные совершены гражданами, не являющимися родственниками потерпевших. В первом квартале 2013 г. следователи возбудили 9 аналогичных уголовных дел [4].

Согласно территориальному органу Федеральной службы государственной статистики по Смоленской области в 2014 г. по факту изнасилования несовершеннолетних возбуждено 18 уголовных дел. В 2015 г. инспекторы ПДН выявили 30 фактов жестокого обращения с детьми [9].

В 2015 г. сотрудниками полиции раскрыто 7 преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Насилие, направленное в отношении детей, коренным образом влияет на их физическое и психическое состояние. Ребенок, который подвергается сексуальному насилию, не может оказать сопротивление взрослому и чаще всего в силу своего возраста осознать, что против него совершаются противоправные действия.

В ч. 3 ст. 132 УК РФ предусмотрена ответственность за любые действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних, совершенные с применением насилия, угроз насилием или с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) [8].

В научной литературе под сексуальными преступлениями в отношении несовершеннолетних понимают – действия сексуального характера, совершенные совершеннолетним лицом в отношении несовершеннолетнего и расценивающиеся законодательством в качестве преступления [2, с. 12].

Согласно проведенным исследованиям, большинство преступлений сексуального характера, совершенных в отношении детей, чаще всего совершаются лицами, которые не имеют педофильных наклонностей. В современной криминологической литературе широко освещена личность преступника, который посягает на половую неприкосновенность несовершеннолетнего. Согласно исследованиям субъектами совершения преступления чаще всего являются люди с психическими расстройствами. 80 % преступлений совершено в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Преобладают лица в возрасте 18–24 лет (около 40 %) и 30–40 лет (около 25 %). Примерно 75 % преступников имели основное среднее и общее среднее, 15 % – среднее профессиональное образование; 26 % – это рабочие, 8 % – учащиеся учебных заведений общего начального и среднего профессионального образования; 3 % – служащие и работники сельского хозяйства; 51 % – лица без определенного рода занятий; 12 % – лица, которые определились в жизни, имеют достаток, соответствующее положение в обществе или занимаются коммерческой деятельностью; 49 % насильственных действий сексуального характера совершают лица, ранее судимые за насильственные преступления против личности.

Выделяются такие виды сексуального насилия, как: педофилия, сексуальные приставание, инцест.

Педофилия – это сексуальное влечение к детям. Чаще всего, педофилами являются мужчины, которые знакомы со своими жертвами. Выделяют три группы педофилов:

- 1) подростки, которые путем обмана и запугивания совращают малолетних детей;

2) лица старше 30 лет, женатые либо нет, которые имеют сексуальные проблемы;

3) пожилые люди, которые имеют сексуальное и психическое расстройство. Педофилами движут некие мотивы, как самоутверждение, доминирование, агрессия, самооправдание, которые являются побудительно-регулятивными механизмами сексуальных посягательств.

Мотив самоутверждения выражается, прежде всего, в утверждении себя на социальном, индивидуальном и социально-психологическом уровне. Чаще всего это происходит бессознательно, необходимость самоутверждения толкает преступника на сексуальное насилие.

Доминирование представлено, прежде всего, в установлении контроля над своим социальным окружением посредством дачи совета, умения убеждать, а также воздействовать на окружающих путем приказов, запретов, отговорок.

Агрессия выражается во враждебном восприятии мира и признании насилия как способа воздействия и борьбы в целях оказания сопротивления для нанесения вреда.

Мотив самооправдания преобладает у субъектов преступной деятельности в виде защитной реакции, которая выражена в утверждении преступником своей невинности.

Инцест – это сексуальный контакт между кровными родственниками. В настоящее время все чаще встречаются случаи инцеста в отношении несовершеннолетних и малолетних детей [3, с. 25]. Как правило, инцест между отцом и дочерью начинается в раннем возрасте, когда у ребенка не сложилось понимание происходящего. Нередки случаи, когда мать догадывается о том, что происходит с ее ребенком, но не желает позора, потери мужа.

В.С. Бурданова, В.М. Быков полагают, что всякое преступление нужно рассматривать начиная с виктимологического анализа. Он прежде всего устанавливает причинно-следственные связи преступной деятельности. Исследование образа жизни потерпевших имеет огромное значение для расследования такой категории преступлений, для которых характерен высокий уровень латентности. Чаще всего возраст потерпевших колеблется от 8 до 14 лет [1, с. 75].

В каждой стране законом установлен возраст, с которого лицо может вступать в половую связь. Как правило, он колеблется от 16 до 18 лет. Но бывают и исключения. Так, например, в Йемене возраст сексуального согласия составляет 9 лет, в Анголе, Мексике и на Филиппинах – 12 лет, в Аргентине, Буркина-Фасо, Испании, Южной Корее и Японии – 13 лет.

Особенностью насильственных преступлений является также их латентность, объясняемая характером совершения деяний. В то же время в последние годы наблюдается рост убийств, совершенных после насильственных действий в отношении несовершеннолетних. По мнению экспертов, преступления, которые имеют скрытый характер, превышают официальные данные в 3–4 раза. А что касается преступлений против несовершеннолетних, то их показатели могут быть увеличены в 2–3 раза. Вместе с тем «профилактическая результативность уголовного закона определяется не столько рамками санкций, сколько фактическими назначениями и исполнением наказания, когда угроза применения наказания является не фразой, а реальной мерой» [11, с. 51].

К группе естественнолатентных относятся преступления, совершаемые в воспитательных учреждениях закрытого типа или в семье. Так, в 2013 г. совершено 3 998 преступлений, связанных с физическим насилием, что на 450 больше, чем в 2009 г.; против половой неприкосновенности – 8 490 [5].

К группе искусственнолатентных относятся преступления, которые не были учтены правоохранительными органами или по которым не были возбуждены уголовные дела (не приняты необходимые меры). Это могут быть субъективно-латентные преступления – нераскрытые или неполно раскрытые, когда лицо, его совершившее, не установлено [10, с. 49].

Эти данные не могут отразить в полной мере реальной картины совершения преступлений против несовершеннолетних. Чаще всего преступления не поддаются огласке, поскольку несовершеннолетние в силу возраста не могут защитить свои права самостоятельно. В большинстве случаев выявление преступлений происходит случайно. Например, учитель, замечая у ребенка чрезмерную раздражительность, начинает вести беседу и устанавливает криминальные причины такого поведения.

Так, например, в городе Ярцево Смоленской области по официальным данным за 2015 г. было зафиксировано 36 фактов принятия родов у лиц, не достигших 18-летнего возраста. Возраст рожениц колебался от 15 до 17 лет. Уголовных дел возбуждено не было. Такая ситуация говорит о том, что официальная статистика не отражает реального состояния проблемы и действительного уровня преступности.

В Смоленской области в отношении несовершеннолетних за 2010–2013 гг. совершено более 2000 преступлений, из которых 205 преступлений совершено в отношении малолетних. Так, в 2014 г. совершено 16 насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних, а в 2015 г. их зарегистрировано 15.

Администрация Смоленской области озабочена проблемой педофилии, и не оставляет ее без внимания. В 2010 г. в Смоленской области был введен детский телефон доверия в рамках общенациональной кампании по противодействию жестокому обращению с детьми, также в 2011 г. на профилактический учет были поставлены 1057 неблагополучных семей, которые отрицательно влияли на своих детей.

Таким образом, несмотря на интенсивный характер мер, принимаемых по борьбе с преступлениями сексуального характера в отношении несовершеннолетних, количественный показатель остается неизменным. Представляется необходимым развивать такую социально-правовую предупредительную деятельность, которая будет способствовать минимизации причин, вызывающих насильственные преступления сексуального характера, совершаемые в отношении малолетних и несовершеннолетних.

В настоящее время объективно существует потребность комплексного подхода к предупреждению указанной группы преступлений и применение в этих целях качественно нового подхода пресечения и профилактики насильственных действий в отношении несовершеннолетних.

Список литературы

1. Бурданова В.С., Быков В.М. Виктимологические аспекты криминалистики: Учебное пособие. Ташкент, 1981.
2. Крукс Р., Баур К. Сексуальные преступления. М.: Прайм-Еврознак, 2005.

3. Каталымов Л.Л. Словарь по сексологии. М.: Дрофа, 2007.
4. Растет количество преступлений против несовершеннолетних // Смоленская неделя. 2013. 25 июня. <http://smolweek.com/obshchestvo/> (дата обращения: 16.02.2016).
5. Российский статистический ежегодник Федеральной службы государственной статистики. М., 2014. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru (дата обращения: 25.02.2016).
6. Специальный доклад уполномоченного по правам ребенка в Смоленской области «Проблемы насилия и жестокости в отношении несовершеннолетних на территории Смоленской области». <http://www.smolgazeta.ru/public/> (дата обращения: 27.02.2016).
7. Хомутова Н. Кто посягает на несовершеннолетних? // Смоленская газета. 2010. 18 мая. № 54. <http://www.smolgazeta.ru/public/> (дата обращения: 13.02.2016).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 6.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Шорохова Ю.В. В Смоленской области стало меньше несовершеннолетних преступников // Смоленская газета. 2016. 31 мая.
10. Эмирбекова Э.Э. Преступления против несовершеннолетних и проблемы их профилактики: по материалам Республики Дагестан. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростовский государственный университет. Ростов н/Д., 2006.
11. Лопатина Т.М. Противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации // Законность. 2006. № 6.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

CRIMINAL-LEGAL MEANS OF COUNTERACTION TO EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Глухова Олеся Викторовна

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин. Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь

Glukhova O.

senior teacher of the Department of criminal-law disciplines
the Brest State University named after A.S. Pushkin, Brest,
the Republic of Belarus

***Аннотация.** В Уголовных кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за ряд действий, связанных с организацией и финансированием экстремизма. Имеются как общие черты, так и существенные отличия в законодательной характеристике признаков соответствующих преступных деяний. В настоящей статье проводится сравнительно-правовой анализ составов этих преступлений в уголовных законах двух государств.*

***Abstract.** Criminal liability for a number of actions connected with the organization and financing of extremism is provided in Criminal Codes of the Russian Federation and the Republic of Belarus. There are both common features and essential differences in the legislative characteristic of signs of the corresponding criminal actions. The comparative legal analysis of structures of these crimes in criminal statutes of two states is carried out in this article.*

***Ключевые слова:** экстремизм, экстремистское сообщество, экстремистская организация, экстремистское формирование, создание, руководство, участие, финансирование.*

Key words: *extremism, extremist community, extremist organization, extremist formation, creation, governance, participation, financing.*

Экстремизм как социальное явление, угрожающее интересам общества и государства, требует принятия адекватных мер противодействия со стороны властных структур, в первую очередь путем установления правового запрета на совершение экстремистских действий и создание соответствующих организаций. Несомненно, средства воздействия мерами уголовной ответственности играют в предупреждении экстремистской деятельности одну из ключевых ролей, что можно проследить, сравнив уголовное законодательство Российской Федерации (далее – РФ) и Республики Беларусь (далее – РБ) в этой части.

Нормы об ответственности за организацию и участие в экстремистских сообществах были включены в Уголовный кодекс (далее – УК) РФ достаточно давно. Федеральным законом от 25.07.2002 № 112-ФЗ УК РФ был дополнен такими статьями, как 282.1 «Организация экстремистского сообщества»; 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации»; Федеральным законом от 28.06.2014 № 179-ФЗ – ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности». Указанные нормы УК РФ подвергались неоднократным изменениям [1]. В Республике Беларусь сходные нормы появились совсем недавно: в соответствии с Законом от 20.04.2016 № 358-З УК РБ пополнился новыми ст. 361-1 «Создание экстремистского формирования» и ст. 361-2 «Финансирование деятельности экстремистского формирования» [2].

Даже из названия статей видны отличия в терминологии, используемой законодателями двух стран при определении признаков соответствующих составов преступлений. Наличие различий в законодательно закрепленных терминах и понятиях названо в качестве одного из основных недостатков национального законодательства в сфере противодействия экстремизму государств, входящих в состав СНГ, в Рекомендациях по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия экстремизму, которые были приняты на тридцать восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ас-

самблеи государств – участников СНГ (постановление № 38-16 от 23 ноября 2012 г.). В связи с этим остановимся подробнее на характеристике отдельных признаков преступлений, связанных с организацией различных экстремистских объединений и финансированием их деятельности в УК РФ и РБ.

Наблюдается единый подход законодателей обеих стран в отношении определения объекта преступлений. Так, в УК РФ рассматриваемые статьи помещены в раздел X «Преступления против государственной власти», гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», в УК Республики Беларусь – в разд. XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления», гл. 32 «Преступления против государства». Таким образом, непосредственным объектом преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие внутреннюю безопасность государства от экстремистской деятельности. Дополнительным объектом будут те конституционные права и свободы отдельных лиц и организаций, которые будут нарушены или поставлены под угрозу нарушения в результате экстремистской деятельности.

Схожи и субъективные признаки преступлений: умышленная вина и общий субъект – вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

С объективной стороны в обоих УК сформулированы формальные составы преступлений, содержащие такие деяния, как:

1) создание экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) или организация деятельности экстремистской организации (ч. 1 ст. 282.2 УК РФ), создание экстремистского формирования (ч. 1 ст. 361-1 УК РБ);

2) руководство экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ), экстремистским формированием или входящим в него структурным подразделением (ч. 1 ст. 361-1 УК РБ);

3) финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ), деятельности экстремистского формирования (ст. 361-2 УК РБ).

В соответствии с ч. 1 ст. 282.1 УК РФ экстремистское сообщество – организованная группа лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. В п. 12 По-

становления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» разъясняется, что под экстремистским сообществом следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений [5]. Из данных определений выделяются конкретные признаки экстремистского сообщества, в том числе цель подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, чего нельзя сказать об УК РФ.

В ч. 2 примечаний к ст. 282.1 УК РФ определено, что под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы как обстоятельство, отягчающее наказание) [1].

В ст. 282.2 УК РФ предусмотрена «экстремистская организация» как вид экстремистского объединения, под которой понимается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением *экстремистской деятельности*, за исключением организаций, которые в соответствии с *законодательством* РФ признаны террористическими [1]. Понятие экстремистской деятельности дано в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, согласно которой экстремистская деятельность (экстремизм):

– насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ;

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [3].

Норма ст. 361-1 УК РБ, по сути, является бланкетной, поскольку для установления того, что представляет собой экстремистское формирование, необходимо обращаться к Закону Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму». В ст. 1 данного закона указано, что экстремистское формирование – это организация для осуществления экстремистской деятельности, экстремистская организация или экстремистская группа. В свою очередь, экстремистская организация – организация, осуществляющая экстремистскую деятельность, либо признающая возможность ее осуществления в своей деятельности, либо финансирующая экстремистскую деятельность, в отношении которой принято и вступило в законную силу решение Верховного Суда РБ о признании ее экстремистской; экстремистская группа – устойчивая управляемая группа в количестве двух или более лиц, предварительно объединившихся для осуществления экстремистской деятельности [4]. Здесь же указано, что экстремизм (экстремистская деятельность) – деятельность граждан РБ, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных:

– на насильственное изменение конституционного строя и (или) территориальной целостности РБ;

– на захват или удержание государственной власти неконституционным путем;

– на создание организации для осуществления экстремистской деятельности, экстремистской организации, экстремистской группы;

– на создание незаконного вооруженного формирования;

- на осуществление террористической деятельности;
- на разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни;
- на организацию и осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды;
- на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- на пропаганду и публичное демонстрирование, изготовление и распространение нацистской символики или атрибутики;
- на распространение экстремистских материалов, а равно на изготовление, издание, хранение или перевозку в целях распространения таких материалов;
- на воспрепятствование законной деятельности государственных органов, в том числе Центральной комиссии РБ по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательных комиссий, комиссий по референдуму или комиссий по проведению голосования об отзыве депутата, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов или комиссий, совершенное с применением насилия, угрозы его применения, обмана, подкупа, а равно на применение насилия либо угрозу насилием в отношении близких названных должностных лиц в целях воспрепятствования их законной деятельности или принуждения к изменению характера такой деятельности либо из мести за выполнение ими служебных обязанностей;
- на финансирование экстремистской деятельности, иное содействие в ее осуществлении, в том числе путем предоставления недвижимого имущества, средств электросвязи, учебных, полиграфических, других материально-технических средств или информационных услуг;
- на публичные призывы к указанным выше деятельности и действиям [4].

Думается, что подход российского законодателя к установлению признаков экстремистского сообщества более рационален с позиций правоприменения по сравнению с белорусским, по-

скольку: 1) как отмечалось, все признаки такого сообщества четко определены в самом УК РФ; 2) есть конкретный критерий отграничения экстремистского сообщества от иных преступных объединений – цель подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности, которые, в свою очередь, отграничены от других преступлений мотивом политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Приведенные же положения законодательства РБ вызывают вопросы в части выделения признаков экстремистского формирования. Если в УК РФ экстремистское сообщество определено через понятие «организованная группа» и, соответственно, наделено всеми ее признаками, то разграничение между экстремистской организацией и экстремистской группой в белорусском законодательстве проведено, по сути, по наличию в отношении первой вступившего в законную силу решения Верховного Суда Республики Беларусь о признании организации экстремистской. Для экстремистской группы в Законе РБ «О противодействии экстремизму» выделены следующие обязательные признаки: устойчивость, управляемость, состав из двух или более лиц, предварительная объединенность для осуществления экстремистской деятельности. Практически все указанные признаки согласно ч. 1 ст. 18 УК РБ присущи организованной группе, за исключением цели осуществления экстремистской деятельности.

В перечне деяний, предложенных Законом РБ «О противодействии экстремизму» как экстремистских, ряд вызывает сомнения. К примеру, экстремистской деятельностью признаются действия, направленные на захват или удержание государственной власти неконституционным путем, создание незаконного вооруженного формирования, осуществление террористической деятельности. Вместе с тем все названные деяния образуют самостоятельные составы преступлений, предусмотренные УК РБ: ст. 287 «Создание незаконного вооруженного формирования», ст. 289 «Акт терроризма», ст. 290-4 «Создание организации для осуществления террористической деятельности либо участие в ней», ст. 290-5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»,

ст. 357 «Заговор или иные действия, совершенные в целях захвата государственной власти». Вопросы вызывает также включение в этот перечень действий, направленных на организацию и осуществление хулиганских действий по мотивам расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды. Проблема в том, что хулиганство как преступление характеризуется обязательным субъективным признаком, отличающим его от иных смежных составов преступлений, – хулиганским мотивом. В ч. 11 ст. 4 УК РБ под хулиганскими побуждениями понимаются мотивы, выражающие стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития. Следовательно, хулиганство по определению не может быть совершено по мотивам расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды. По этому поводу в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» прямо указано, что при производстве по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности судам необходимо иметь в виду, что согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ подлежат доказыванию мотивы совершения указанных преступлений. Квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по п. «л» ч. 2 ст. 105, или по п. «е» ч. 2 ст. 111, или по п. «е» ч. 2 ст. 112, или по п. «б» ч. 2 ст. 115, или по ст. 116 УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например из хулиганских побуждений) [5].

Вместе с тем из анализа приведенных норм видно, что в УК РБ понятие «экстремистское формирование» является обобщающим для экстремистской группы и экстремистской организации. Очевидно, что по своим признакам в российском законодательстве экстремистской группе соответствует экстремист-

ское сообщество, а экстремистская организация понимается в нормах двух стран практически одинаково. Поэтому, на наш взгляд, предпочтительнее подход к установлению уголовно-правового запрета за действия по их созданию (организации) в одной статье, как это сделано в УК РБ. Тем более, что по содержанию диспозиций и размерам наказаний в санкциях ст. 282.1 и 282.2 УК РФ практически идентичны (за исключением того, что не наказываются руководство экстремистской организации).

Объективная сторона рассматриваемых преступлений в ч. 1.1 ст. 282.1 и ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ включает и такие действия, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации, соответственно, а в частях двух статей – участие в экстремистском сообществе или в деятельности экстремистской организации. В РБ такого рода деяния уголовной ответственности не влекут, хотя уголовно наказуемыми являются, к примеру, участие в преступной организации (ч. 2 ст. 285), участие в банде или совершаемых ею нападениях (ст. 286), участие в незаконном вооруженном формировании (ст. 287 УК), участие в организации, созданной для осуществления террористической деятельности (ч. 2 ст. 290-4), участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Республики Беларусь признана террористической (ч. 2 ст. 290-5). Представляется, что белорусский законодатель в этой части проявляет некоторую непоследовательность, несоразмерность в оценке общественной опасности перечисленных форм преступных объединений, необоснованно недооценивая опасность участия в экстремистском формировании. Исходя из логики построения перечисленных норм УК РБ и с учетом серьезной опасности деятельности экстремистских формирований для общества и государства, считаем необходимым предусмотреть в ст. 361-1 УК уголовную ответственность и за участие в экстремистском формировании.

Таким образом, предлагаем ч. 1 ст. 361-1 УК РБ сформулировать следующим образом: «Создание организованной группы в целях подготовки и совершения преступлений экстремисткой направленности, а равно организации, которая в соответствии с законодательством Республики Беларусь признана экстремистской (экстремистского формирования) либо руководство таким

формированием или входящим в него структурным подразделением, либо участие в нем».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 19 дек. 2016 г.) // СПС КонсультантПлюс.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 9 июля 1999 г. № 275-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 19 июля 2016 г. № 407-З) // СПС КонсультантПлюс: Беларусь.

3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23 нояб. 2015 г. № 314-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.

4. О противодействии экстремизму: Закон Республики Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 20 апр. 2016 г. № 358-З) // СПС КонсультантПлюс: Беларусь.

5. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 нояб. 2016 г. № 41) // СПС КонсультантПлюс.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

CRIMINAL-LEGAL ANALYSIS OF CORRUPTION CRIMES

Ипполитова Юлия Сергеевна

магистрант 2 курса

Смоленский государственный университет

Ippolitova Y.

the 2-year student, Smolensk State University, Smolensk,
Russia

***Аннотация.** В статье рассматриваются понятия «коррупция», «коррупционное преступление», его признаки, отличительные черты, которые позволяют дифференцировать коррупционное преступление от других противоправных деяний, а также раскрываются актуальные изменения в уголовно-правовом законодательстве, затрагивающие данную проблему.*

***Abstract.** The article discusses the concept of «corruption», «corruption and crime», its characteristics, distinguishing features that differentiate the corruption crime from other acts, and reveals the actual changes in criminal law legislation affecting the problem.*

***Ключевые слова:** преступление, коррупция, коррупционное преступление, субъект коррупционного преступления, объект коррупционного преступления.*

***Key words:** crime, corruption, corruption crime, the subject of corruption crimes, the object of the crime of corruption.*

На протяжении последних лет в России с неизменным постоянством констатируется негативный факт активного распространения коррупционных преступлений во все сферы жизнедеятельности общества и государства. «Проблема коррупции в России далеко переступила и правовые, и этические границы. Это не просто игнорирование моральных ценностей, приводящее высокопоставленных государственных чиновников и лидеров бизнеса к обману общественности. Главный корень проблемы заключается в отсутствии реально действующих институтов

жизнеспособного гражданского общества (правовых норм, независимой судебной системы, публичного аудита, способных к принципиальному расследованию СМИ), а также в наличии негативного общественного мнения» [6, с. 112].

Данная категория преступлений является одним из главных барьеров на пути развития общества и поэтому борьба с ними должна вестись по различным направлениям: от воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым проявлениям данного социального зла до совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем. В целях эффективной борьбы с коррупционными преступлениями был принят Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О противодействии коррупции» [1].

В соответствии с Федеральным законом № 273 «Противодействие коррупции – это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин данного явления;
- б) по выявлению, пресечению, предупреждению, расследованию и раскрытию коррупционных правонарушений;
- в) по ликвидации и минимизации последствий коррупционных правонарушений.

Нужно сказать о том, что произошли изменения, внесенные в уголовное законодательство, которые затронули ужесточение уголовной ответственности за коррупционные преступления, а также квалифицирующие признаки рассматриваемых составов преступлений. В частности в ст. 184 «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», а также ст. 204 «Коммерческий подкуп», ст. 290 «Получение взятки» УК РФ внесены изменения, позволяющие признавать преступлениями случаи, когда деньги, ценные бумаги, иное имущество передаются, или услуги имущественного характера оказываются, или иные имущественные права предоставляются не самому должностному лицу (лицу, выполняющему управленческие функции

в коммерческой или иной организации), а по его указанию другому физическому или юридическому лицу [3].

Вводится уголовная ответственность за посредничество в коммерческом подкупе, а также за обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе. При этом ответственность за коммерческий подкуп и посредничество в нем дифференцируется в зависимости от размера предмета подкупа.

Определены значительный, крупный и особо крупный размеры коммерческого подкупа.

Также устанавливается уголовная ответственность за коммерческий подкуп, дачу или получение взятки, размер которых не превышает 10 тыс. рублей (мелкий коммерческий подкуп, мелкое взяточничество). Уточняется круг лиц, в отношении которых возможна провокация коммерческого подкупа или взятки [3].

На сегодняшний день существует некоторая неопределенность в понятии «коррупция», ее содержании, а также отсутствие нормативно-правового определения данного явления, которая не могла не отразиться на степени эффективности противодействия данному явлению. Поэтому трудно переоценить Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О противодействии коррупции», в котором в качестве первой нормы закреплено понятие «коррупция». Под данным определением понимают злоупотребление полномочиями, злоупотребление служебным положением, получение взятки, дача взятки, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц. Законодательством Российской Федерации на сегодняшний день не дано определения коррупционного преступления. Однако исходя из вышеуказанного определения «коррупции» и понятия преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 14 УК РФ, под коррупционным преступлением понимается совершенное физическим лицом общественно опасное деяние с использованием им своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг

имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, в том числе от имени или в интересах юридического лица, запрещенное УК РФ под угрозой наказания [2].

Отличие коррупционного преступления от других категорий преступлений заключается в объекте посягательства и его мотиве [7]. Так, объектом преступления являются интересы государственной службы и государственного управления, а мотивом выступает корысть. Главный обязательный признак преступления коррупционной направленности – использование лицом своего должностного положения. Поэтому следует обозначить, что должностные лица органов местного самоуправления и органов государственной власти, а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, являются субъектами коррупционных преступлений.

Понятие должностного лица раскрывается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Так, согласно УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях государства. Следует отметить, что отнесение субъекта к числу должностных лиц возможно лишь на основании конкретных документов, определяющих его компетенцию [5].

Мы постарались дать краткий обзор понятию «коррупция» и «коррупционное преступление», раскрыть объект, субъект коррупционного преступления, и потому следует перейти к рассмотрению видов преступлений коррупционной направленности. В ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О противодействии коррупции» закреплены следующие виды преступлений коррупционной направленности: дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), злоупотребление и пре-

вышение должностными полномочиями, совершенные с корыстным мотивом (ст. 285, 286 УК РФ).

Обозначив виды коррупционных преступлений, необходимо внести некоторые уточнения в отношении классифицируемых деяний:

1) в содержании понятия «коррупция» используется словосочетание «злоупотребление служебным положением», в то время как в ст. 285 УК РФ оно определено как «злоупотребление должностными полномочиями». Вероятнее всего, что в данной ситуации законодатель имел в виду все деяния, совершаемые лицом с использованием своего служебного положения;

2) уточнением также является введение Федеральным законом от 4.05.2011 № 97-ФЗ ст. 291.1 (посредничество во взяточничестве), квалифицированным видом которого выступает его совершение с использованием служебного положения (ч. 2 ст. 291.1 УК РФ) [4];

3) в данный перечень не вошли иные деяния, имеющие коррупционную направленность. Так, например, нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов, а также бюджетных средств, превышение должностных полномочий, незаконное участие в предпринимательской деятельности и иные деяния.

Таким образом, к коррупционным преступлениям относится достаточно широкий круг деяний, закрепленных в Особенной части УК РФ. Исходя из вышеуказанных признаков коррупции, к данным преступлениям относят и иные преступления, предусмотренные нормами иных глав УК РФ. Именно поэтому является необходимым выделение в системе Особенной части УК РФ института преступлений коррупционной направленности в целях согласования общеправовых и отраслевых элементов механизма юридической ответственности за преступления коррупционной направленности и другие коррупционные правонарушения.

Список литературы

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон РФ от 25.12. 2008 (ред. от 3.07.2016) № 273-ФЗ // Парламентская газета. 2012. 31 декаб. № 90.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 6.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 3.07.2016 № 324-ФЗ (действующая редакция, 2016).

4. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» 4.05.2011 № 97-ФЗ (редакция от 4.06.2014).

5. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовно-правовая борьба с коррупцией в России и в мире // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: Сборник очерков / Под ред. В.В. Лунова. М.: Юрайт, 2013. Ст. 697.

6. Лопатина Т.М. Формирование антикоррупционного менталитета // Современное право. 2009. № 4.

7. Максимов В.К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры ее предупреждения в государственном аппарате: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. Ст. 10.

О РОЛИ ПРОКУРОРА В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

ABOUT THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE JUDICIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Карпова Наталья Анатольевна

канд. юрид. наук,
старший преподаватель кафедры конституционного
и муниципального права
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Karпова N.

PhD, Senior Lecturer Department of Constitutional and
Municipal Law (JINR Department), Smolensk branch
Institute of Law, Smolensk, Russia

***Аннотация.** Статья раскрывает сущность работы прокурора по участию в судебном производстве и опротестовании противоречащих закону решений суда. Автором статьи обосновывается тезис о том, что эффективность поддержания государственного обвинения во многом предопределяет процесс установления истины по делу и вынесение законного и обоснованного судебного решения судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.*

***Abstract.** The article reveals the essence of the work of the prosecutor to participate in court proceedings and to challenge inappropriate decisions of the law court. The author of the article proves the thesis that the effectiveness of maintenance of public prosecution largely determines the process of establishing the truth in the case and to make a lawful and substantiated court decisions: first, appeal, cassation and supervisory instances.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, правоохранительная функция, эффективность государственного обвинения, защита конституционных прав граждан, протесты на судебные решения и статистические данные.*

***Key words:** public prosecutor's supervision, law enforcement function, the efficiency of public prosecution, protection of constitutional rights of citizens, the protests on court decisions and statistical data.*

Основной закон нашего государства провозглашает права и свободы человека высшей ценностью [1, с. 2]. Поэтому признание и защита прав и свобод граждан в Российской Федерации является конституционной обязанностью государства в целом, его органов, учреждений и организаций.

Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система государственных органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории России. Отечественный опыт становления и функционирования прокуратуры показывает, что она представляет собой властный орган надзора за исполнением законов, уголовного преследования и участия в суде, выполняющий правозащитные функции. Целью прокурорской деятельности является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [7, с. 110]. И это не просто слова. О масштабности прокурорской деятельности свидетельствуют, прежде всего, данные официальной статистики.

Так, в 2015 г. прокурорами выявлено рекордное за весь современный период количество нарушений законов – 5 141 906, что на 3 % превышает уровень 2014 г. Свыше половины таких нарушений выявлено территориальными органами прокуратуры в Приволжском (18,6 %), Центральном (17,5 %) и Сибирском (15,7 %) федеральных округах [8, с. 25].

Одним из основных направлений деятельности прокурора является его работа по участию в судебном производстве и опротестовании противоречащих закону решений, приговоров, определений и постановлений судов. Согласно ст. 35–39 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор, осуществляя уголовное преследование в суде, выступает в качестве государственного обвинителя. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации он вправе

обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства [2, с. 5]. При вступлении в судебное производство прокурор утрачивает предоставленные ему государством властно-распорядительные полномочия, однако это не означает, что деятельность прокурора в судебных стадиях уголовного процесса является второстепенной, либо менее значимой. Наоборот, от эффективности поддержания государственного обвинения во многом зависит процесс установления истины по делу и вынесение законного и обоснованного судебного решения судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Надо сказать, что работа, проделанная органами предварительного расследования, может оказаться совершенно бесполезной, если в результате некачественного поддержания государственного обвинения будет постановлен оправдательный приговор. Таким образом, именно активная позиция и профессионализм государственного обвинителя становятся решающим фактором в обеспечении неотвратимости наказания за совершенное преступление.

О важности осуществления функции уголовного преследования свидетельствуют данные официальной статистики. По сведениям Генеральной Прокуратуры РФ, в 2015 г. только в судах первой инстанции прокуроры приняли участие в рассмотрении 900 461 дела публичного и частно-публичного обвинения [8, с. 46].

Кроме того, реализуя полномочия по устранению допущенных нарушений закона при отправлении правосудия по уголовным делам, в 2015 г. в апелляционном порядке прокуроры приняли участие в рассмотрении 311434 дел, что на 6113 дел, или на 2 % больше, чем в 2014 г. Почти в 40 % случаев указанных дел проверялись законность и обоснованность вынесенного судом первой инстанции итогового решения. И в то же время, по предложению прокуроров, осуществлявших правозащитную функцию, 8095 осужденным за преступления лицам суд апелляционной инстанции снизил размер назначенного наказания [8, с. 46].

На необходимость повышения независимости и объективности судебного процесса было указано Главой нашего государст-

ва В.В. Путиным в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 3.12.2015 [3, с. 4].

О целесообразности совершенствования организации в деятельности органов прокуратуры по обеспечению участия прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства отмечено в Приказе Генерального Прокурора РФ от 20.11.2007 № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [4, с. 1]. В данном приказе определены задачи тщательной подготовки государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве по делу, в целях объективной оценки доказательств (причем как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого); по своевременной выработке тактики представления суду доказательств и опровержения доводов стороны защиты.

На стадии подготовки к судебному заседанию участие прокурора обязательно, если судья назначает по делу предварительное слушание. Основаниями для его проведения являются ходатайства сторон, которые могут серьезным образом повлиять на дальнейшую судьбу уголовного дела: о его прекращении, об исключении из дела тех или иных доказательств, о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом и т.д. Так, прокурор активно участвует в рассмотрении заявленных ходатайств: он представляет обоснованные доводы об их отклонении или удовлетворении, что, в свою очередь, позволяет судье принять правильное решение о назначении дела к слушанию.

Руководствуясь положениями ч. 2 ст. 73 УПК РФ, государственный обвинитель (прокурор) в ходе производства судебного разбирательства по уголовному делу обязан выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, и предлагать суду при наличии оснований вынести частное определение.

Определяя позицию назначения подсудимому вида наказания, государственный обвинитель должен руководствоваться требованиями уголовного закона о соразмерности и справедливости, с учетом характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Кроме того, помимо норм УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, прокурор должен изучить разъяснения Пленумов

Верховного Суда Российской Федерации по конкретным составам преступлений и порядку применения основных и дополнительных наказаний в соответствии с уголовно-правовыми санкциями [5, с. 6].

Таким образом, грамотное планирование предстоящего участия прокурора в уголовном судопроизводстве во многом включает вероятность судебных ошибок, обеспечение принципа презумпции невиновности. Распределение функциональных обязанностей между прокурорами и помощниками прокуроров должны осуществляться на основе уровня их профессионализма и «загруженности» при осуществлении прокурорской деятельности по направлениям надзора.

Так, поддержание государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, необходимо поручать наиболее опытным прокурорам, обладающим соответствующими профессиональными навыками. По наиболее сложным делам целесообразно создавать группы государственных обвинителей, распределяя их обязанности применительно к особенностям дела. Мы солидарны с мнением тех ученых, которые считают, что эффективность поддержания государственного обвинения во многом зависит от правильной организации взаимодействия входящих в такую группу прокуроров [6, с. 38], например, группы государственных обвинителей по многоэпизодным делам могут быть как постоянными, так и создаваемыми для участия в судебном рассмотрении одного, двух и более связанных дел.

Преимущества первых заключаются в том, что входящие в них прокуроры имеют возможность от дела к делу совершенствовать собственную тактику участия в судебном разбирательстве, повышать эффективность взаимодействия на тех или иных его этапах. Во втором случае следует учитывать наличие опыта и «успешности» участия в конкретных судебных действиях: например, владение достаточным арсеналом тактических приемов взрослых лиц, аргументированность выступлений государственного обвинителя в прениях и т.п.

Зная сильные и слабые стороны каждого из входящих в группу государственных обвинителей, проще принимать решения о наиболее целесообразном их взаимодействии. Роли в группе го-

сударственных обвинителей могут распределяться разным образом: например, по эпизодам преступной деятельности, по числу подсудимых, по этапам судебного разбирательства.

К сожалению, не всегда государственные обвинители уделяют серьезное внимание подготовке к участию в судебном разбирательстве, а в некоторых случаях обладают поверхностными знаниями действующего уголовно-процессуального законодательства, ведомственных приказов и материалов судебной практики. Подобного рода действия государственного обвинителя, дезориентируют деятельность суда, приводят к нарушению принципа законности в деятельности органов прокуратуры. Поэтому, грубые ошибки при поддержании государственного обвинения в суде и при обжаловании судебных решений не могут оставаться незамеченными, и являются основанием для привлечения прокурорского работника к дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения из органов прокуратуры.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Поддержание от имени государства обвинения в суде – одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры в Российской Федерации. В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

2. Поддержание государственного обвинения в суде есть продолжение уголовного преследования лица или группы лиц, которым предъявлено обвинение в преступлении, начатого в досудебном производстве. Сложность и многоэтапность деятельности государственного обвинителя обуславливают необходимость ее выполнения на четкой организационной основе, с последовательной подготовкой, включающей тщательное изучение и анализ материалов уголовного дела, разработку плана участия в судебном следствии – центральной части судебного процесса, определения очередности представления доказательств, продуманного выступления в судебных прениях.

3. В судебных стадиях уголовного судопроизводства роль прокурора не менее значима, чем в досудебных. Прокурор не только представляет в судебном заседании доказательства обвинения, но и активно участвует в исследовании доказательств, представленных стороной защиты, высказывает о них свое мнение, а также выра-

жает от имени государства правовую позицию по любым вопросам, возникающим в ходе рассмотрения уголовного дела.

4. Наиболее существенным моментом полномочий прокурора при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции является то, что в случае, если прокурор в ходе судебного заседания придет к выводу, что представленные им доказательства не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, либо опровергаются доказательствами, представленными стороной защиты, прокурор, по смыслу ч. 7 ст. 246 УПК РФ, обязан отказаться от поддержания государственного обвинения. Такой отказ, который может быть полным или влечет за собой прекращение уголовного преследования либо уголовного дела.

5. При оценке качества и эффективности участия прокурора в рассмотрении дела судом руководителям прокуратур необходимо исходить из реального вклада конкретного государственного обвинителя в принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения, а также учитывать проявленную прокурором активность, профессионализм, принципиальность и объективность занятой позиции.

6. Успех профессиональной деятельности государственного обвинителя во многом зависит от возможности и необходимости повышения его профессионального образования, учета положительного опыта коллег по прокурорской деятельности. Поэтому руководителям органов прокуратуры важно организовать надежную систему профессиональной учебы: постоянно совершенствовать учебно-методический процесс, привлекая к участию в проведении учебных мероприятий опытных практических работников, а там, где это возможно, – ученых-юристов, также внедрять в практику хорошо зарекомендовавшие себя интерактивные формы обучения, включая деловые игры, развивать и поощрять творческую активность прокуроров и стремление их к собственному самосовершенствованию.

7. Необходимо повышать роль и ответственность руководителей прокуратур городского и районного звена за качественную подготовку государственных обвинителей к участию в судебных заседаниях.

Список литературы

1. Статья 2 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ; от 30.12.2008 № 7-ФКЗ; от 5.02.2014 № 2-ФКЗ; от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 22-02 (ред. от 3.07.2016 «О прокуратуре Российской Федерации». <http://www.pravo.gov.ru>
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3.12.2015 // Послание Президента Российской Федерации // Российская газета. 2015. 4 дек. № 275.
4. Приказ Генерального прокурора РФ от 20.11.2007 № 185 (ред. от 26.05.2008) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» <http://www.garant.ru>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. Февр. № 2.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 1.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Янв. № 1.
7. Агапов В.Н., Коршунова О.Н. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях, совершенных организованными группами и преступными сообществами // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. 2014. № 5(43).
7. Карпова Н.А. Правоохранительная функция правового государства. Дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М., 2007.
8. Состояние законности и правопорядка в РФ и работа органов прокуратуры. 2015: Информ.-аналитич. записка / Под общ. ред. ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПОБОЕВ

CURRENT ISSUES CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE COMMISSION OF BEATINGS

Корнеевкова Ольга Владимировна

студентка 4 курса

Международный юридический институт
Смоленский филиал

Ревенко Яна Дмитриевна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры общепрофессиональных
и специальных правовых дисциплин

Международный юридический институт
Смоленский филиал

Korneenkova O.

4rd year students Smolensk branch International law

Institute Smolensk, Russia

Revenko Y.

candidate of science in law, associate Professor of the

Department of general professional and special disciplines

Smolensk branch International law Institute, Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассмотрены и проанализированы наиболее существенные недостатки новой редакции ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации и новой ст. 116.1. Уголовного кодекса Российской Федерации.*

***Abstract.** The article describes and analyzes the most significant shortcomings of the new version of Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation and the new Article 116.1. Russian Criminal Code.*

***Ключевые слова:** декриминализация, побои, физическая боль, близкие лица, иные насильственные действия.*

***Key words:** decriminalization, beatings, physical pain, a close person, and other acts of violence.*

7.06.2016 г. в Государственной Думе Российской Федерации во втором чтении был принят, а с 3.07.2016 вступил в действие Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» № 323-ФЗ [1].

Вопрос принятия данного закона стоял уже давно, так как российские тюрьмы переполнены лицами, совершившими незначительные хищения или с кем-либо подравшимися. Как следует из пояснительной записки к указанному федеральному закону, по категориям дел, квалифицируемых по ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 119, ч. 1, 2 ст. 157, ч. 3 ст. 327, ежегодно суды назначают наказания 130–140 тыс. человек [5]. Теперь некоторые из указанных преступлений декриминализированы. Остановимся более подробно на характеристике новой редакции ст. 116 УК РФ и новой ст. 116.1 УК РФ.

В настоящее время диспозиция ст. 116 УК РФ выглядит следующим образом: «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы...» [6].

Также внесена новая ст. 116.1 УК РФ, согласно которой «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние...» [6].

Возникает следующая ситуация, ст. 116 УК РФ по факту превращает любые физические наказания детей. Указанная норма предполагает запрет под угрозой двух лет тюрьмы любого физического наказания ребенка, будь то шлепок, удар ремнем, сдавливание руки, толчок, подзатыльник. А, в соответствии со ст. 116.1 УК РФ лицам, третьим по отношению к семье, за шле-

пок, нанесенный ребенку, причем при повторном привлечении к ответственности предлагается назначить до трех месяцев ареста, а родителям при первом же привлечении – до двух лет тюрьмы.

Нами были рассмотрены и проанализированы вышеуказанные статьи УК РФ, и мы выделили наиболее существенные, на наш взгляд, недостатки новой редакции ст. 116 УК РФ и новой ст. 116.1 УК РФ, на которые следует обратить внимание. К ним относятся нижеследующие.

1. Правовая неопределенность формулировки «совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль» в ст. 116 УК РФ [6].

Данная формулировка является юридически дефектной в силу ее недопустимо большой содержательной размытости, правовой неопределенности. Также указанная формулировка не содержит четких и ясных границ, несмотря на закрепленное в рассматриваемой правовой норме ограничение, выраженное словами «но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ» [6].

В жизни существует множество ситуаций, когда в интересах защиты здоровья, жизни и нравственного развития ребенка, его родители объективно вынуждены применять физическую силу к ребенку, принуждать его к некоторым действиям вопреки его желанию. Но такие ситуации, объективно не образующие общественной опасности, могут быть произвольно подведены под действие новой редакции ст. 116 УК РФ.

Следует отметить, что в предыдущей редакции ч. 1 ст. 116 УК РФ закреплялась частично такая же формулировка: «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ» [6]. Однако важно отметить, что состав преступления, предусмотренного в прежней редакции ст. 116 УК РФ, не содержал указания на конкретную категорию субъектов преступления, и тем самым эта правовая норма не была сфокусирована на «нанесении побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль» исключительно близкими лицами в отношении исключительно близких лиц. Из этого следует, что теперь побои в отношении малолетнего ребенка, беременной женщины или инвалида, впервые совершенные не близким ему лицом, не будут уголовно наказы-

ваться, если не повлекли последствия, предусмотренные другими статьями УК РФ.

2. Юридически и фактически необоснованная декриминализация ст. 116 УК РФ общественно опасных деяний в отношении категорий.

Посредством принятия новой редакции ст. 116 УК РФ и принятия новой ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ декриминализованы нанесение побоев и совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, впервые совершаемые в отношении лиц, не являющихся для виновного близкими лицами, в том числе в отношении: несовершеннолетних, беременных женщин, лиц пожилого возраста, инвалидов. То есть посторонние лица получили правовую возможность совершать побои, не опасаясь быть уголовно наказанными за это. Например, совершенные воспитателем в детском летнем лагере или в детском саду, школьным учителем или просто посторонним лицом побои малолетнего ребенка – теперь не будут уголовно наказываться, за исключением повторного совершения такого деяния.

3. Правовая неопределенность понятий «побои» и «физическая боль» в диспозиции нормы права, закрепленной в ст. 116 УК РФ, препятствующая достижению целей уголовного законодательства.

Действующее законодательство не определяет понятие «физическая боль». Кроме того, применительно к отношениям между близкими лицами существует значительная необходимость уточнения смыслов понятия «побои» и закрепления соответствующих признаков и критериев побоев в нормативных документах, поскольку в новой редакции исследуемой статьи это понятие приобрело неопределенность содержания применительно к деяниям в отношении близких лиц, например в части пощечины. Вследствие неопределенности значений понятий «побои» и «физическая боль» возможны их произвольные предвзятые оценки и интерпретации, что, очевидно, может повлечь существенные нарушения основных принципов уголовного законодательства и не позволит достичь уголовного судопроизводства.

4. Дефект определения субъектного состава и признаков субъекта преступления по ст. 116 УК РФ, а также дефект адекватности мер уголовной ответственности.

Согласно рассматриваемой норме ст. 116 УК РФ и п. 4 ст. 1 ФЗ от 3.07.2016 № 326-ФЗ, посторонний человек, не относящийся к близким лицам потерпевшего, за нанесение «побоев» несовершеннолетнему или за «совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль» указанному лицу, понесет ответственность по новой ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ [8]. Таким образом, ответственность за впервые совершаемые побои, не охватываемые действием ст. 116 УК РФ и других статей УК РФ, будут наступать по новой ст. 6.1.1 КоАП РФ, которая предусматривает следующие меры административной ответственности: наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов [2]. При этом совершение преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, наказывается обязательными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Статья 116 УК РФ имеет своим объектом телесную неприкосновенность человека, поэтому запрещает любое физическое воздействие, причиняющее боль третьим лицам. Однако все дело в том, что гражданин не имеет юридического права воспитывать взрослых третьих лиц, а родитель имеет право и обязан воспитывать своих детей, в соответствии со ст. 38 Конституции РФ [3]. Поэтому с юридической точки зрения, отношение взрослого человека к своему ребенку и его отношение к третьим совершеннолетним лицам – вещи абсолютно несопоставимые. Если в отношении взрослых лиц «крайним» фактором, влияющим на законопослушность поведения, является страх государственного принуждения, то в отношении детей таким фактором является страх наказания родителей, поскольку до определенного возраста дети не деликтоспособны.

Таким образом, сравнительный анализ новой ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ и ст. 116 УК РФ дает исчерпывающие основания утверждать, что в качестве установленного обстоятельства для квалификации деяния как уголовно наказуемого выступает факт

наличия близких родственных связей между лицом, привлекаемым к ответственности, и потерпевшим. Такое дискриминирующее нововведение по отношению к социальной группе членов семьи и других близких лиц не имеет и не может иметь под собой вообще никаких юридических и фактических оснований, вступает в грубейшее противоречие с конституционно-правовыми императивами государственной защиты и поддержки семьи, императивом содействия государством укреплению семьи.

Более того, тяжесть наказания, предусмотренного ст. 116 УК РФ, за деяния без умышленного причинения легкого вреда здоровью существенно превышает тяжесть наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, за умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Такая несоразмерность наказаний может привести к тому, что домашнее насилие будет сопровождаться причинением ощутимого вреда здоровью, так как «жестче бьешь, тем меньше получишь».

Таким образом, данные обстоятельства создают условия для правовой дискриминации лиц, совершивших предусмотренные ст. 116 УК РФ деяния в отношении близких лиц, ставя тем самым указанную категорию лиц в существенно различающиеся правовые условия с другими лицами, что неизбежно ведет к нарушению конституционных прав граждан на равенство всех перед законом и судом, в соответствии с ч. 1 ст. 19 Конституции РФ и на равную защиту прав и свобод, в соответствии с ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ [3].

5. Создание ст. 116 УК РФ правовых условий для грубого нарушения права на справедливое судебное разбирательство.

Согласно многочисленным позициям Европейского суда по правам человека, размытость и неопределенность правового регулирования – это бесспорно грубый недостаток законодательства, влекущий априорное грубое нарушение права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное и гарантированное параграфом 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от

16.12.1966, ст. 10 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 [4].

Федеральный судья в отставке, заслуженный юрист России Сергей Пашин считает принятие указанного выше федерального закона, правильным: «Наш Уголовный кодекс перегружен теми деяниями, малозначительными по сути, которые на Западе называют уголовными проступками. Разбираются они в упрощенном порядке, и людей в тюрьму не отправляют». Вместе с тем он видит в данном законе и подводные камни: первый – это право на защиту, потому что, если деяние переводится в КоАП РФ, то адвокат за счет государства обвиняемому не предоставляется. А второе – это защита прав потерпевшего. «Побои, – объясняет Пашин, – это дело частного обвинения, и гражданин обращается с жалобой и поддерживает обвинение перед мировым судьей. Если это деяние попадает в КоАП РФ, права потерпевшего не так защищены, как по УПК РФ. Если придумают, как защитить права потерпевшего и предоставить право на защиту обвиняемого, пусть и в административном порядке, то это будет правильно». По его мнению, вместо уголовных наказаний по ряду составов следует ввести в законодательство категорию «уголовный проступок», и эти проступки должны в упрощенном порядке рассматриваться мировыми судьями, которые бы выносили наказания, не связанные с лишением свободы [5].

Таким образом, учитывая вышеизложенное, следует, что новая редакция ст. 116 УК РФ содержит существенные правовые дефекты, в силу чего будет способствовать значительным нарушениям прав граждан при применении указанной статьи. На наш взгляд, необходимым в интересах защиты института семьи и прав граждан – членов семьи является внесение изменений в новую редакцию ст. 116 УК РФ, исключив из ее диспозиции указание на близких лиц и исключив примечание данной статьи. Кроме того, следует существенно пересмотреть соотношения мер ответственности по ч. 1 ст. 115, ст. 116, ст. 116.1 УК РФ и ст. 6.1.1 КоАП РФ. Также мы считаем необходимым восстановить уголовную ответственность за совершение побоев в отношении несовершеннолетних лиц, женщин, заведомо для виновного находящихся в состоянии беременности, а также лиц, заве-

домо для виновного находящихся в беспомощном состоянии, независимо от того, кем совершено такое преступление.

Список литературы

1. Изменения в Уголовном кодексе Российской Федерации <http://ppt.ru/news/136668> (дата обращения: 12.12.2016).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 5.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.12.2016) // Российская газета. 2001. 31 декаб. № 256.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. 4 авг. № 31. Ст. 4398.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности <https://cont.ws/@skuratoff/317319> (дата обращения: 12.12.2016).

5. О гуманизации уголовного законодательства <http://pravorf.org/index.php/news/1794> (дата обращения: 12.12.2016).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (принят Государственной Думой 24.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

7. Федеральный закон от 3.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (принят Государственной Думой 21.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 2016. 4 июля. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

8. Федеральный закон от 3.07.2016 № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уго-

ловно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (принят Государственной Думой 21.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 2016. 4 июля. № 27 (ч. II). Ст. 4259.

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE DEVELOPMENT AND ESTABLISHMENT OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE LEGISLATION IN MODERN RUSSIA

Лахов Владимир Геннадьевич

профессор, директор филиала
Международный юридический институт
Ивановский филиал

Афиногенов Павел Алексеевич

канд. пед. наук, доцент кафедры общепрофессиональных и специальных правовых дисциплин
Международный юридический институт
Ивановский филиал

Lakhov V.

Director of the Ivanovo branch International law Institute,
Professor, Ivanovo, Russia

Afinogenov P.

candidate of Pedagogic Sciences, assistant Professor of
Department of General and special legal disciplines of the
Ivanovo branch of the International law Institute, Ivanovo,
Russia

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития и становления оперативно-розыскной деятельности от закона РФ от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» по дейст-

вующий Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

***Abstract.** The article discusses some aspects of the development and formation of operational-investigative activity from the law of the Russian Federation dated 13.03.1992 № 2506-1 «On operational – investigative activities in the Russian Federation» on existing Federal law of 12.08.1995 №. 144-FZ «About operatively-search activity».*

***Ключевые слова:** группы, органы, розыскная деятельность, установление, этапы.*

***Key words:** groups, bodies, investigations, establishment, stages.*

На современном этапе развития Российского государства реформированию наряду с иными законодательными актами подверглось и законодательство, регулирующее сферу борьбы с преступностью и закрепляющее средства и методы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями.

Известно, что в течение длительного времени уголовно-процессуальное законодательство в фиксированной форме придавало легитимность и такому виду правоохранительной деятельности, как оперативно-розыскная деятельность (далее ОРД). Однако в процессе правовой реформы законодатель изменил подход к проблеме правового обеспечения деятельности органов, осуществляющих ОРД. В результате его внимание было привлечено и к воплощению в жизнь идеи, касающейся разработки и принятия, во-первых, законов, определяющих содержание различных видов оперативной деятельности (ОРД правоохранительных органов и спецслужб, разведка и контрразведка, частный сыск), а, во-вторых – законодательных актов, предусматривающих нормативно-правовой статус субъектов ОРД. В итоге, в структуре законодательства, непосредственно регламентирующего сферу борьбы с преступностью, наряду с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, появилась группа принципиально новых законодательных актов, не имевших ранее аналога, а именно – оперативно-розыскное законодательство.

Качественно новый этап развития государства и его институтов, в который вступило наше общество, предполагает критическое осмысление правовой базы прошлого, отказ от некоторых

сложившихся стереотипов. Это в полной мере относится и к правовой основе ОРД.

Меняющиеся условия организационно-управленческой деятельности оперативных подразделений, вызываемые изменением социально-экономических отношений в России, и, как следствие этого, корректировка их задач в борьбе с преступностью на современном этапе, внедрение в их практику современных достижений науки управления, критическое осмысление принятых ранее и вновь правовых актов, требуют постоянного внимания к проблемам правового регулирования ОРД.

Оперативно-розыскное законодательство, получив форму «Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 13.03.1992 г. № 2506-1» [1] (далее: Закон об ОРД 1992 г.) в совокупности с другими нормативными правовыми актами, регламентирующими ОРД, создали твердую правовую основу, подтвердив тем самым понятие ОРД как государственной функции наравне с административной и процессуальной функциями государства.

Положительно оценивая придание легитимности ОРД самостоятельным законом, непосредственно определяющим различные аспекты оперативно-розыскной работы, нельзя не отметить то обстоятельство, что он изобилует многочисленными проблемами, отражая во многом субъективный подход к закреплению на законодательном уровне основных оперативно-розыскных институтов.

«Усеченная регламентация ОРД была обусловлена много-субъектностью этого законодательного акта, когда тезис о необходимости соблюдения прав человека и положения о предоставлении широких возможностей в сфере ОРД в тот период времени казались трудно совместимыми» [3, с. 27].

В ФЗ об ОРД 1992 г. отсутствовали положения, представляющие органам, осуществляющим ОРД в РФ, право выходить при определенных условиях за пределы закона. В сложившейся ситуации появлялась необходимость узаконить в правовых актах, регламентирующих ОРД, указания относительно допустимости совершения сотрудником оперативного подразделения или содействующим ему лицом в ходе выполнения оперативно-розыскных мероприятий, при защите жизни и здоровья граждан,

их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств и вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга, что и было закреплено новым «Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ» [5], (далее: ФЗ об ОРД 1995 г.).

Оценивая возможность вынужденного отступления от закона в сфере борьбы с преступностью, отдельные авторы, например В.С. Устинов, отмечают, что данный аспект должен отражать «специальный принцип, определяющий критерии оправданности использования нравственнобезупречных средств». При этом предлагается его следующая формулировка: нравственно не оправдываемые средства могут применяться только в силу крайней необходимости обороны, то есть «невозможности достижения общественно необходимой цели, если отказ от их минимального применения может повлечь более значительный вред, чем вред от использования нравственно безупречных средств» [4, с. 38].

Кроме этого, в процессе реформирования российского законодательства, касающегося оперативно-розыскной деятельности, Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 г.:

- расширил полномочия органов внутренних дел в сфере оперативно-розыскной деятельности, направленной на борьбу с преступностью;

- определил, помимо традиционных задач оперативно-розыскной деятельности, задачу добывания «информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации»;

- устранил законодательные противоречия с «Конституцией Российской Федерации 1993 г.» [2];

- установил запрет на осуществление оперативно-розыскной деятельности физическими и юридическими лицами, не уполномоченными на эту деятельность, и защиту конституционных прав и свобод граждан от незаконного применения этими лица-

ми специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации.

Кроме того, к новым положениям, нашедшим отражение в ФЗ об ОРД 1995 г., можно отнести:

- предоставление органам внутренних дел права на проведение таких оперативно-розыскных мероприятий, как «оперативное внедрение», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент»;

- возможность прослушивания телефонных и иных переговоров в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких;

- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, а также проникновения в жилище без согласия проживающих в нем лиц не только при расследовании тяжких, но и тех преступлений, по которым производство предварительного следствия обязательно на основании судебного решения;

- регламентацию порядка обращения в суд по вопросам проведения оперативно-розыскных мероприятий и их судебного рассмотрения;

- правовое закрепление института штатных негласных сотрудников;

- установление механизма использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности и защиты сведений об этой деятельности;

- установление права на создание легендированных предприятий, учреждений, организаций и подразделений;

- расширение правовой и социальной защиты сотрудников и граждан, оказывающих конфиденциальное содействие;

- усовершенствование, с учетом практики, порядка финансирования, контроля и прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью;

- установление права оперативным подразделениям органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы;

– обязанность органов (должностных лиц), осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции;

– установление лицензирования ввоза в Российскую Федерацию и вывоз за ее пределы специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, не уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности физическими и юридическими лицами в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации;

– включение в задачи ОРД добывания информации не только о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации, но и о бездействии по отношению к указанным угрозам.

Особо необходимо отметить, что в соответствии с ФЗ об ОРД 1995 г. лица из числа членов преступной группы, совершившие противоправные деяния, не повлекшие тяжелых последствий, и привлеченные к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшие раскрытию преступлений, возместившие причиненный ущерб, освобождаются от уголовной ответственности.

Кроме того, предусмотрен ряд мер, призванных гарантировать соблюдение законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. В частности, органам (должностным лицам), осуществляющим такую деятельность, запрещается:

– проводить оперативно-розыскные мероприятия в интересах какой-либо политической партии, общественного или религиозного объединения;

– разглашать сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, ставшие известными в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, без их согласия, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом.

В свете последних изменений ФЗ об ОРД (№ 211-ФЗ, 214-ФЗ от 24.07.2007) прямо указывается запрет подстрекать, склонять,

побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провоцировать), а также фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности. Кроме этого, органы прокуратуры лишены права давать поручения органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность на проведение оперативно розыскных мероприятий.

Кроме этого, Федеральным законом от 29.04.2008 № 58-ФЗ [б] была введена в ФЗ об ОРД ст. 8.1, устанавливающая особенности проведения оперативными подразделениями органов федеральной службы безопасности оперативно-розыскных мероприятий в сфере осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, что очередной раз подчеркивает, что ОРД направлена не только на борьбу с преступными проявлениями, но и другими противоправными деяниями.

Вероятно, подобного рода ситуация сложилась вследствие того, что подготовка ФЗ об ОРД 1995 г. велась по традиционной схеме, когда все оперативно-розыскные ведомства и иные органы уголовной юстиции вносили законодателю свои предложения по совершенствованию оперативно-розыскного закона, а последний, обобщая их, насыщал соответствующими нормами данный законодательный акт.

Список литературы

1. Закон РФ от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 апр. № 99.

2. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация «бакалавр») / И.А. Алжеев, И.Б. Власенко, Е.Ю. Догадайло и др.; отв. ред. С.И. Носов. М.: Статут, 2014.

3. Сурков К.В. Оперативно-розыскное законодательство России: пути совершенствования и развития: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

4. Устинов В.С. К вопросу о наиболее общих принципах борьбы с преступностью // Укрепление законности и борьба с

преступностью в условиях формирования правового государства. М., 1990.

5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 авг. № 160.

6. Федеральный закон от 29.04.2008 № 58-ФЗ (ред. от 2.05.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Российская газета. 2008. 7 мая. № 96.

ОСОБЕННОСТИ КОРРЕЛЯЦИОННОЙ ЗАВИСИМОСТИ НЕГАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ И НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

**FEATURES CORRELATION OF NEGATIVE SOCIAL
DEVIATIONS AND CARELESS CRIMINAL
BEHAVIOR OF MILITARY PERSONNEL**

Лопатин Михаил Юрьевич

канд. юрид. наук

г. Калининград, Россия

Lopatin M.

Candidate of juridical science,

Kaliningrad, Russia

***Аннотация.** В статье рассмотрены социальные отклонения как криминогенных детерминант общественно опасного поведения военнослужащих.*

***Abstract.** In the article there are considered social deviance as a criminogenic determinants of socially dangerous behavior of military personnel.*

Ключевые слова: социальные отклонения, преступность военнослужащих, алкоголизация, наркотизация, суицид.

Key words: social deviance, crime, the military, alcoholism, drug addiction, suicide.

Социальным отклонением считается то, что не соответствует норме (эталону), критериями которой являются: а) статистический (частота, с которой явление встречается в популяции), б) качественно-количественная оценка поведения, позволяющая определить степень угрозы для жизни, в) психопатологический (медицинский), согласно которому поведение может быть либо нормальным, либо патологическим, г) социально-нормативный, с помощью которого поведение воспринимается как одобряемое, д) индивидуально-психологический, позволяющий установить уровень самоопределения личности в социальном пространстве.

Отклоняющееся поведение по-разному проявляется у разных людей, в разном возрасте, в различных ситуациях и последствия также носят различный характер, в том числе и уголовно-правовой. Нами к существенным признакам социальных отклонений отнесены:

1. Отклоняющееся поведение личности не соответствует официально принятым социальным нормам.

2. Отрицательное отклоняющееся поведение деструктивно, поскольку наносит реальный ущерб личности, обществу и государству (качественный признак).

3. Отклоняющееся поведение личности должно носить стойко выраженный характер (многократность повторения или длительность проявления).

4. Отклоняющееся поведение должно быть следствием нестандартной обстановки.

5. Отклоняющееся поведение личности существует в рамках медицинской нормы.

6. Отрицательное отклоняющееся поведение личности вызывает со стороны других людей, общества и государства негативную оценку в форме общественного осуждения.

7. Отрицательное отклоняющееся поведение сопровождается социальной дезаптацией личности.

Применительно к неосторожной преступности военнослужащих нам представляется, во-первых, что общие признаки, характеризующие отклоняющееся поведение как целое, присущи и его части: неосторожной преступности (например общие психологические признаки неосторожности). Во-вторых, отклоняющееся поведение может предшествовать преступному неосторожному поведению, которое генетически связано с предшествовавшим неприступным поведением, нарушающим правила предосторожности. В-третьих, изучение отклоняющегося поведения необходимо для решения вопросов криминализации, поскольку то, что остается за рамками уголовного закона, влечет безнаказанность, по сути, общественно опасных деяний. Вместе с тем «профилактическая результативность уголовного закона определяется не столько рамками санкций, сколько фактическими назначениями и исполнением наказания, когда угроза применения наказания является не фразой, а реальной мерой» [6, с. 51]. В-четвертых, изучение отклоняющегося поведения необходимо и для организации работы по предупреждению неосторожной преступности. Предупреждение соответствующего неприступного неосторожного поведения лежит в сфере профилактики всей неосторожной преступности.

Между синдромом алкогольной зависимости и отклоняющимся поведением существует сложная корреляционная зависимость. Можно сказать, что дело не в алкоголе, а в самом человеке. Проблема алкоголизма в Вооруженных Силах является прямым следствием ее остроты в целом в обществе и среди молодых людей призывного возраста в частности. По данным выборочных исследований, в школе спиртные напитки употребляли 75–95 % молодых людей. Возраст подростков, потребляющих алкоголь, за последние десять лет снизился с 16 лет до 13. В целом по стране среди подростков 14–16 лет потребляют алкогольные напитки около 25 %.

Это еще не пьянство и не алкогольная зависимость. В Смоленской области ежегодно диагноз «хронический алкоголизм» выставляется в среднем около 100 призывникам. Результаты интервьюирования врачей-наркологов, врачей-психиатров, начальников медицинских служб воинских частей, дислоцированных на территории Смоленской и Калининградской областей,

показывают, что проблема злоупотребления алкоголем среди военнослужащих наличествует и усугубляется, устойчивая склонность к употреблению спиртных напитков в последние годы отмечается у 14 % призывников.

Связь между неосторожным поведением и общим уровнем потребления алкоголя в армейской среде проявляется в изменении личностной реакции на ситуацию, которая может быть несвоевременной или неадекватной установленным мерам безопасности, под воздействием чего вероятность совершения проступка (преступления) по неосторожности возрастает.

Наркомания как социальное явление обусловлена желанием получения удовольствий, острых ощущений, эйфории. Эти мотивы усиливаются социальной незрелостью, беспечностью, легкомыслием молодых людей. В стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. указывается, что одними из главных угроз «национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются... массовое распространение наркомании и алкоголизма, повышение доступности психоактивных и психотропных веществ» [4]. По данным социологических исследований Государственного научного центра психиатрии и наркологии Минздравмедпрома РФ, среди подростков в возрасте от 14 до 18 лет потребляют наркотики в настоящее время 45 % мальчиков и 18 % девочек [5].

Наркотизм проник во многие сферы жизни, приобретая специфические черты в зависимости от вида общественных отношений, «пораженных» им. За последнее десятилетие общество переживает не только дикий рост алкоголизма, но и наркомании. В восемнадцать раз увеличилось число наркоманов-подростков, в 24,3 раза – детей-наркоманов. На сегодняшний день в стране около 6 млн. человек хоть раз употребляли наркотики. Среди федеральных округов по количеству зарегистрированных наркоманов лидируют Сибирский, Уральский и Дальневосточный округа. Более чем на 50 % увеличился показатель распространенности употребления наркотиков с вредными последствиями (по сравнению с предыдущими годами) в Смоленской, Курской, Новгородской, Читинской и Сахалинской областях [2, с. 12–16].

Воинский наркотизм – один из видов наркотизма, характеризующийся максимально высокой степенью латентности, имеющий криминогенный характер, обусловленный вовлечением как отдельных лиц, так и групп военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов в употребление наркотических средств или участием в незаконном обороте и, как следствие, оказывающий влияние на усиление коррумпированности и снижение боевой готовности и качества выполнения ими оперативно-служебных задач [1, с. 33].

На распространение наркомании в воинской среде существенное влияние оказывает именно социальная среда, под воздействием которой формируются привычки и поведенческие стереотипы подростков и молодых людей призывного возраста, а также опыт употребления спиртных напитков. Так, 50 % военнослужащих до призыва употребляли спиртные напитки, причем 11 % – ежедневно, 16 % – ежемесячно, 23 % – реже одного раза в месяц [3, с. 215]. В 1991 г. впервые взяты на учет подростков с диагнозом наркомания было 4,9 на сто тысяч жителей, в 2010 г. – 77,4 [5].

Связь между неосторожным поведением и наркотиками проявляется в том, что военнослужащий под их воздействием становится непредсказуемым, склонным к необдуманным поступкам, неоправданному риску, а значит, вероятность совершения преступления возрастает.

Суицид – пассивная форма негативного социального отклонения, выражающаяся в намерении совершить самоубийство. Субъект неосторожности может причинить вред как общественным интересам, так и своим личным, и даже самому себе (суицидальная неосторожность).

Суицидальное поведение у военнослужащих объясняется отсутствием жизненного опыта и неумением определить социальные ориентиры в сложной жизненной ситуации, связанной с потерей любимого человека из ближайшего окружения, уязвленным чувством собственного достоинства, крайним переутомлением, разрушением защитных механизмов личности в результате алкогольного опьянения, употребления психотропных средств, состоянием фрустрации, когда человек утрачивает контроль над своим поведением. На протяжении последних пяти

лет сохраняется общая отрицательная тенденция роста военного суицида. При этом лишь 1 из 100 военнослужащих действительно хочет расстаться с жизнью, 90 % самоубийств является следствием суицидального поведения, которое вовремя не было выявлено.

Военные суициды являются прямым следствием ее остроты в обществе, прежде всего среди лиц призывного возраста, они имеют не только социальную, но и политическую значимость, оказывают деморализующее влияние на личный состав и используются в качестве аргумента при уклонении от военной службы. Существование суицидальной угрозы, т.е. возможности причинить вред самому субъекту, рассматривается нами как фактор, влияющий на неосторожное преступное поведение военнослужащих, когда необходимость соблюдения мер безопасности теряет свою актуальность и значимость для самосохранения.

Проблема военных суицидов должна решаться посредством формирования у военнослужащих мощной противосуицидальной мотивации, которая не допускает возможности сознательного логического завершения подобных мыслей (этические, моральные, религиозные мотивы, мотивы поиска другого выхода, временной инфляции).

Форма ответной реакции общества на отклоняющееся (девиантное) поведение зависит от вида нарушенной социальной нормы (естественные права человека, расовые, классовые, групповые). Чем более высокий уровень социальных норм нарушается, тем более решительными должны быть действия государства и многообразнее формы социального контроля. Чем более низкий уровень социальных норм нарушается, тем терпимее должна быть реакция со стороны государства, тем больше упор должен делаться на неформальные меры социального контроля (социальное порицание, убеждение), т.е. не на внешний, социальный, а на внутренний, личностный самоконтроль.

Таким образом, отклоняющееся поведение в воинской среде является фактором, детерминирующим совершение общественно опасных деяний и представляющим угрозу стабильности воинского порядка.

Природу проблем, способствующих развитию отклоняющегося поведения, можно объяснить факторами, связанными:

а) с когнитивной сферой (примитивно-репродуктивные знания, неадекватные установки);

б) с эмоциональной сферой (тревога, депрессия, трудности понимания и выражения эмоций);

в) с поведенческой сферой (проблемы саморегуляции, неадекватной самооценки, нарушение способности к самоуправлению);

г) с мысленно-мотивационной сферой (фрустрированность потребностей, внутренние конфликты, малопродуктивные механизмы психологической защиты).

Среди криминогенных детерминант поведения военнослужащих можно выделить, во-первых, внешние социальные условия: сложившаяся в обществе социально-экономическую ситуацию, модные молодежные тенденции, общесоциальную позицию средств массовой информации. Во-вторых, характеристику социальных групп, в которые ранее была включена личность военнослужащего (социальный статус, этические установки, субкультура). В-третьих, микросоциальную среду: уровень и стиль жизни семьи (в том числе ее психологический климат), личности родителей, стиль семейного воспитания, влияние друзей и иных значимых людей.

Причины негативного отклоняющегося поведения коренятся в противоречии между объективным (ситуация, орудия и средства) и субъективным (личность, цель, мотивация), а также в невозможности реализации субъектом важных для него стремлений (свободы воли), что обуславливает необходимость таких форм социальной помощи военнослужащим, как суицидологической, наркологической, геронтологической (возрастной), социальной реадaptации.

Список литературы

1. Зубков О.А. Зарубежный опыт противодействия воинскому наркотизму и возможность его применения в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 11.

2. Кошкина Е.В. Наркоситуация в России // Нарконет. 2009. № 3.

3. Иншаков С.М. Военная криминология: Учебник. В 2 ч. Ч. 1. / Под общ. ред. В.В. Лунеева. М., 2001.

4. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 (ред. от 1.07.2014) «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 12 мая.

5. <http://www.russlav.ru/narkotik/narkomaniya-statistika.html> (дата обращения 12.22.2016).

6. Лопатина Т.М. Протiwодействие преступлениям в сфере компьютерной информации // Законность. 2006. № 6.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АМНИСТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SOME ASPECTS OF THE APPLICATION OF AMNESTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Лукина Жанна Анатольевна

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Lukina Zh.

lecturer of the Department of criminal law disciplines Smolensk
branch International law Institute, Smolensk, Russia

***Аннотация.** В данной статье анализируется институт амнистии в современном состоянии с позиции соблюдения принципов уголовного права, в частности принципов справедливости, гуманизма и неотвратимости наказания за содеянное преступление. Внимание уделяется проблемам защиты прав и законных интересов потерпевших при применении акта амнистии.*

***Abstract.** This article examines the institution of Amnesty in the present state from a position of observance of the principles of criminal law, particularly the principles of justice, humanity and the inevitability of punishment for the committed crime. Attention is given to problems of protection of rights and legitimate interests of victims in the application of the Amnesty act.*

Ключевые слова: амнистия; освобождение от наказания; уголовная политика; преступление; потерпевший; защита прав и интересов.

Key words: amnesty; exemption from punishment; criminal policy; the victim; protection of the rights and interests.

Уголовный закон под амнистией понимает меру, применяемую по решению органа государственной власти к лицам, совершившим преступления. Сущность амнистии состоит в полном или частичном освобождении от наказания, замене наказания на более мягкое или в прекращении уголовного преследования. Как известно, амнистии принимаются по различным поводам, что отражается и на их целях. Так, с помощью амнистий государство решает проблему снижения количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и осужденных к уголовным наказаниям, проявляет милосердие к отдельным лицам. Такого рода прощение способно сэкономить материальные ресурсы, связанные с уголовным преследованием и отбыванием наказания, так как сокращается число осужденных лиц, многие уголовные дела прекращаются уже на стадии предварительного расследования.

Институт амнистии самым тесным образом связан с вопросами наказания за совершенные преступления, а также их предупреждения. Принятие акта амнистии способно повлиять как на последующую судьбу лиц, привлеченных к уголовной ответственности, так и на состояние преступности в целом. История знает случаи, когда масштабные амнистии, освобождавшие от наказания виновных, в последующем увеличивали количество совершенных преступлений в разы. Немаловажным аспектом является отношение общества к принимаемым актам амнистии, а следовательно, и к уголовно-правовой политике Российской Федерации.

Принятие акта амнистии в идеале должно строиться в полном соответствии с принципами уголовного права, в первую очередь справедливости, гуманизма и неотвратимости наказания. Как отмечает М.А. Желудков, в обществе должно превалировать мнение о том, что при применении уголовно-правовой политики государство приложит все необходимые стремления для защиты

прав и интересов ее граждан, в том числе и при освобождении преступника от отбывания наказания [6, с. 62].

Однако следует констатировать, что соблюдение данных принципов не в полной мере характеризует акты амнистии, принимаемые в последние годы.

Во-первых, общепринятым является мнение, что амнистия является следствием принципа гуманизма, что находит свое отражение и в самом тексте Постановлений Государственной Думы РФ об объявлении амнистии [3, 4]. Логично предположить, что это прямая отсылка к Уголовному кодексу РФ, где в ст. 7 раскрывается содержание данного принципа, а именно: «Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [1]. В связи с этим возникает вопрос, какие же положения данного принципа, имеющего законодательное закрепление, лежат в основе акта амнистии?

Кроме того, прощение преступников осуществляется государством без учета мнения общества, в особенности лиц, потерпевших от преступления. Тем не менее именно потерпевшие от преступлений относятся к акту амнистии более чем негативно. Примером может послужить ситуация с освобождением вследствие акта амнистии нетрезвого водителя, который, сбив в Смоленске в 2015 г. 19-летнюю девушку Алену Путилову, проехал с телом на капоте около 90 м, прежде чем остановиться, а затем скрылся с места происшествия. Если суд первой инстанции приговорил его к 6 годам лишения свободы, то пересмотр дела повлек снижение наказания вдвое, что автоматически должно было позволить преступнику избежать отбывания наказания в связи с принятием Постановления Госдумы об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы, что и произошло. Данный факт поднял бурю негодования в обществе. Родители, признанные потерпевшими по данному делу, добились повторного пересмотра дела, что в итоге привело к реальному сроку наказания для виновного. В данном случае, безусловно, немаловажную роль сыграло отношение не только потерпевших, но и общества

к произошедшему. Тем не менее учет мнения потерпевших не является условием применения амнистии, что свидетельствует об ограничении его процессуальных прав. Уголовно-процессуальный кодекс РФ [2] устанавливает, что прекращение уголовного преследования по акту амнистии не допускается только в том случае, если об этом возражает обвиняемый или подозреваемый. Получается, что государство не считает, целесообразным ориентироваться на мнение общества и конкретных потерпевших. Безусловно, последние могут руководствоваться исключительно мотивами мести, ограничением такого злоупотребления со стороны потерпевших могло бы послужить полное возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Обратим внимание, что в рассмотренном случае интересы потерпевших получили определенную защиту путем удовлетворения гражданского иска, так как он разрешался одновременно с вынесением приговора. Однако в ситуациях, когда акт амнистии применяется к лицам, в отношении которых еще не состоялось вынесение приговора, суд правомерно отказывает в удовлетворении и даже принятии гражданских исков. Это не лишает потерпевших права на возмещение ущерба в гражданском процессе, но фактически такая защита нарушенных прав и интересов будет осуществляться уже без участия органов государства с возложением бремени доказывания вреда на самих истцов-потерпевших. Доказательства размера ущерба, виновности лица в его причинении, причинно-следственная связь между действиями виновного и преступными последствиями должны быть представлены не уполномоченными лицами, а именно пострадавшими. Из этого следует вывод, что гуманное отношение к преступнику, по сути, является антигуманным по отношению к пострадавшим и еще раз доказывает, что, преследуя цели восстановления социальной справедливости и исправления осужденного, амнистия может повлечь обратный результат – осознание безнаказанности и вседозволенности преступников, а также недоверие потерпевших к справедливому уголовному правосудию. Вряд ли это оправданно.

Отметим, что во Франции амнистия распространяется только на лиц, которым вынесен обвинительный приговор, а в некоторых странах зависима от гражданских обязательств виновного

[5, с. 402]. Отчасти подобный подход использовался и в Российской Федерации. Так, в 2013 г. была осуществлена амнистия, касающаяся в основном преступлений в сфере экономической деятельности [3]. Одним из условий освобождения подозреваемых и обвиняемых в совершении указанных преступлений явилось выполнение обязательств по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим. Выполнение этого условия было сопряжено с определенными трудностями, однако можно утверждать, что были задействованы основы принципа справедливости. К сожалению, это практически единичный случай, да и ущерб по большинству статей, подпадавших под амнистию, должен был быть возмещен государству. Таким образом, государство, защитившее свои интересы в рассматриваемом случае, не желает распространять аналогичные положения на принимаемые впоследствии акты амнистии. В этой связи следует согласиться с мнением И.Л. Марогуловой [7, с. 39], считающей, что если материальный ущерб причинен владельцам имущества, не относящегося к государственной собственности, то государству не следует ущемлять интересы собственников и освобождать виновного от обязанности возмещения материального ущерба. Проще говоря, государство должно распоряжаться только своим имуществом.

В акте амнистии 2015 г. [4] было закреплено, что лица, подпадающие под действие Постановления об амнистии, не освобождаются от административных наказаний, а также от обязанности возместить вред, причиненный в результате совершенных ими противоправных действий. Однако это не рассматривается как обязательное условие освобождения. Вопрос о том, будет ли выполнена данная обязанность освобождаемыми от ответственности в будущем, остается открытым. Считаем, что справедливым решением данного вопроса могло бы стать обязательное участие государственных органов в данном процессе не только при принудительном взыскании ущерба на основании судебного решения, но и на этапе доказывания в суде, как это могло бы происходить, если бы иск рассматривался в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, в настоящее время амнистия представляет собой формальное снисхождение к лицам, под нее подпадаю-

щим, что не позволяет потерпевшим полноценно реализовывать свои права.

Считаем необходимым наделить правом на применение амнистии лишь судебные органы, так как только они могут устанавливать окончательный размер причиненного ущерба и признавать лицо виновным в совершении преступления. Кроме того, необходимо закрепить в уголовном законе в качестве обязательного условия освобождения вследствие акта амнистии положение о том, что осужденный должен полностью возместить причиненный ущерб или иным образом загладить вред, причиненный в результате преступления, по аналогии с нормой, закрепленной в ст. 79 УК РФ, которая регламентирует вопросы условно-досрочного освобождения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 6.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 6.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Постановление ГД ФС РФ от 2.07.2013 № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3558.

4. Постановление ГД ФС РФ от 24.04.2015 № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 17 (ч. IV). Ст. 2542.

5. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / Под общ. ред. С.П. Щербы. М., 2009.

6. Желудков М.А. Проблемные стороны реализации амнистии, принятой к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2015. № 2 (2).

7. Марогулова И.Л. Законодательные проблемы амнистии и помилования // Журнал российского права. 1998. № 1.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЧАЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

THE PROBLEM OF DETERMINING THE BEGINNING OF HUMAN LIFE

Михалева Наталия Владимировна

старший преподаватель кафедры

гражданско-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Тульский филиал

Mikhaleva N.

associated professor of the civil disciplines department, Tula
branch of the International Law Institute

***Аннотация.** Статья содержит анализ положений доктрины российского уголовного права по вопросу определения начала жизни человека, как объекта преступного посягательства по ст. 105 УК РФ. Автором раскрываются не только точки зрения ряда ученых, но и анализируются положения законодательных актов уголовного и медицинского права Российской Федерации. Проводится анализ законодательства зарубежных стран по рассматриваемому вопросу. В статье предлагается авторская точка зрения относительно определения начала жизни человека и ее обоснование. Помимо названного уделяется внимание вопросу окончания жизни человека.*

***Abstract.** The article contains the analysis of the provisions of the doctrine of the Russian criminal law on the definition of the beginning of human life, as the object of a criminal assault under Art. 105 of the Criminal Code. The author reveals not only the point of view of some scientists, but also analyzes the provisions of legislation of criminal and medical law of the Russian Federation. The analysis of foreign legislation on the issue. In the article the author's point of view on the definition of the beginning of human life and its justification. In addition to the title given to attention to the end of human life.*

***Ключевые слова:** уголовно-правовая характеристика, убийство, начало жизни человека, прекращение жизни человека.*

Key words: criminally-legal characteristic, the killing, the beginning of human life, an end to human life.

Жизнь является важнейшим, неотъемлемым и неприкосновенным благом человека. Право на жизнь священно с древних времен. На всем протяжении истории человечества люди стремились всячески защитить право человека на жизнь и оградить его от возможных посягательств, устанавливая в законах наиболее суровую кару за лишение человека жизни. На сегодняшний день международные акты [1, 2] и Конституция Российской Федерации [3] провозглашают приоритет человеческой жизни.

Убийство является одним из древнейших и опаснейших для общества преступлений. Рассматривая отечественное уголовное право в его эволюции, можно увидеть, что убийство всегда влекло за собой одни из самых жестких санкций. Как верно отмечается, убийство посягает на жизнь человека – благо, которое дается ему только один раз и требует усиленной уголовно-правовой охраны [4, с. 4].

Не вдаваясь в дискуссию об определении непосредственного объекта посягательства при совершении убийств, заметим, что считаем им жизнь определенного человека (потерпевшего) [5, 6]. Однако для принятия решения о квалификации преступных действий в соответствии со ст. 105 УК РФ необходимо найти ответ на очень острый дискуссионный вопрос: с какого же момента начинается жизнь человека? Иными словами – в какой временной промежуток существует объект состава ст. 105 УК РФ.

Необходимо заметить, что в случае с окончанием жизни человека, острых споров не возникает. Законодательство по этому поводу содержит четкие положения, которые не оспариваются доктриной. Так, в ст. 9 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [7] закреплено, что заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга), установленной в соответствии с процедурой, утвержденной федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения. Подробная регламентация процедуры установления гибели головного мозга содержится в Ин-

струкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга [8].

Относительно определения начала жизни доктрина и законодательство, к сожалению, не выработали единого мнения. Так, согласно положению ст. 53 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [9] моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. При этом законодательство содержит термин «живорождение», которое раскрывается в Приказе Минздрава России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» [10]. Так, живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 г и более (или менее 500 г при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента).

В доктрине на эти положения закона опирается точка зрения, согласно которой началом жизни человека стоит считать полное отделение тела ребенка от тела матери [11].

Но не кажутся заслуживающими внимания и иные мнения. Например, Н.И. Загородников [12, с. 35] и А.А. Пионтковский [13, с. 154] полагают, что убийством можно считать действия, влекущие к гибели плода (ребенка) внутри тела матери во время родов, «когда рождающийся ребенок не начал еще самостоятельной внеутробной жизни». Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что причинение смерти ребенку еще до его появления на свет не является невозможным. Мать, не желающая рождения ребенка, в процессе родов самостоятельно, либо с помощью помогающего ей лица может лишить жизни плод, способный по всем медицинским критериям к самостоятельному дыханию и дальнейшему росту и развитию.

Данная точка зрения находит подтверждение на законодательном уровне. Согласно положениям ст. 106 УК РФ [14] убий-

ство матерью новорожденного ребенка может быть осуществлено как во время родов, так и сразу после. Если предположить, что жизнь начинается только после отделения тела ребенка от тела матери, то почему ст. 106 УК РФ содержит именно термин «убийство» в отношении еще не рожденного ребенка?

Еще одной точкой зрения на начало жизни человека является момент появления какой-либо части тела ребенка из тела матери [15].

Рассмотрение озвученного нами вопроса было бы не полным без анализа его правового регулирования в зарубежных странах. В ст. 221-1 УК Франции содержится положение о том, что жертвой убийства может быть только «живущий человек» [16], но при этом устанавливаются жесткие запреты и ограничения на искусственное прерывание беременности. В других странах романо-германской правовой семьи, таких как Италия, Германия, Австрия и Швейцария, законодательство предусматривает привлечение к различным видам ответственности за осуществление аборта (без четких медицинских показаний) как матери, так и врача [17], рассматривая тем самым момент зачатия плода как момент возникновения жизни человека.

В странах англо-саксонской правовой семьи наблюдается следующая картина. Так, в Соединенном королевстве жертвой убийства признается только «живущий человек» [16]. В США сложился двоякий подход: в некоторых штатах нельзя назвать убийством умерщвление не рожденного ребенка до определенного срока беременности в 24 недели [16], а в других уголовно наказуемо уничтожение эмбриона вне зависимости от срока беременности [17].

Отдельно заметим, что в согласно ст. 200 УК Японии «плод, находящийся в чреве матери, не признается человеком, а потому умерщвление плода во время родов не может рассматриваться как убийство» [16].

Исходя из анализа зарубежных источников, можно прийти к выводу, что в большинстве случаев моментом начала жизни можно назвать момент зачатия ребенка. На сегодняшний день данная точка зрения мало поддерживается отечественной доктриной и не находит должного закрепления в законодательстве.

Основываясь на сказанном выше, заметим, что нельзя считать живым рожденного ребенка, который не может самостоятельно дышать при отсутствии каких-либо физических преград для дыхания и, следовательно, в силу отсутствия дыхания у него не могут поддерживаться деятельность головного мозга и сердцебиение, необходимые для поддержания жизни. Следовательно, моментом начала жизни можно считать момент начала родов плода, способного самостоятельно дышать вне тела матери (в случае мертворождения по каким-либо причинам этот факт устанавливается экспертным исследованием).

Подводя итог, отметим, что ряд спорных вопросов, которыми занимается доктрина уголовного права в отношении некоторых аспектов уголовно-правовой характеристики убийств, с течением времени не теряют своей актуальности, и споры вокруг них не только не уменьшаются, но и разгораются с новой силой. На сегодняшний момент законодательное регулирование определения начала жизни человека нуждается в доработке и внесении в него большей конкретики, чтобы при рассмотрении этого вопроса с позиции уголовно-правовой доктрины не могло возникнуть никаких разночтений и неясностей.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // СПС КонсультантПлюс.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС КонсультантПлюс.
4. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994.
5. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965.
6. Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб., 2004.
7. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС КонсультантПлюс.

8. Приказ Минздрава РФ от 20.12.2001 № 460 «Об утверждении Инструкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга» // СПС КонсультантПлюс.

9. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

10. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // СПС КонсультантПлюс.

11. Гроздинский М.М. Преступления против личности. М., 1924.

12. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961.

13. Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. М., 1938.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

15. Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Харьков, 1928.

16. Бабичев А.Г. Актуальные вопросы начала и окончания жизни по уголовному законодательству России // Государство и право: теория и практика. Материалы III междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). Чита: Молодой ученый, 2014.

17. Романовский Г.Б. Начало жизни человека в уголовном праве // Начало жизни человека в уголовном праве: Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. № 3.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В РОССИИ

HISTORY OF THE INSTITUTE FOR REHABILITATION IN RUSSIA

Наливко Кристина Николаевна

магистрант

Смоленский государственный университет

Nalivko Ch.

master of Smolensk State University Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассматривается институт реабилитации с момента зарождения и до функционирования его в современной России, раскрываются основные источники формирования реабилитации как права, анализируются изменения реабилитационных норм по этапам развития.*

***Abstract.** The article deals with the rehabilitation Institute since birth to functioning in modern Russia, reveals the main sources of rehabilitation as a law, analyzes the changes in rehabilitation standards by stages of development.*

***Ключевые слова:** институт реабилитации, нормативный акт, кодекс, ответственность, обязанность, законодательство.*

***Key words:** rehabilitation Institute, regulation, code, responsibility, duty, law.*

Выделяют три исторических этапа развития института реабилитации в России:

- 1) зарождение института реабилитации в дореволюционный период;
- 2) развитие института реабилитации в советское время;
- 3) институт реабилитации в современной России.

В Российской Империи первые нормы, предусматривающие реабилитацию невиновных лиц, появились в пространной редакции Русской Правды. Статья 85 гарантировала выплату денежной суммы лицу, невинно претерпевшему определенные лишения в результате несостоятельного обвинения в соверше-

нии посягательства на чужое имущество. Данное положение было обеспечено силой государственного принуждения [11, 1].

В период царствования Петра I предпринимались попытки установить ответственность чиновников по искам лиц, пострадавших от их служебных действий. Таким лицам позволялось «в партикулярных обидах бить челом» на должностных лиц и «искать с них судом, где надлежит». Воинский артикул от 26 апреля 1715 г. также предусматривал восстановление в правах солдат и офицеров, которые в ходе пытки окажутся невинными, либо будут прощены от имени императора или фельдмаршала [6].

В период правления Екатерины II в законодательстве была предусмотрена ответственность за производство незаконных арестов (Сенатский доклад от 31 июля 1766 г., указы Екатерины II). Указы 1763 г. и 1767 г. установили, что к пытке разрешалось прибегать лишь в тех случаях, когда были испробованы другие средства, а с 1767 г. на производство пытки требовалась санкция губернатора [8, с. 39].

В дальнейшем сфера действия института реабилитации стала расширяться. Указом 1834 г. было предусмотрено взыскание с судьи по 200 рублей ассигнациями за каждый необоснованный удар кнутом. Значительный вклад в развитие отечественного законодательства внесло Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. В нем был обобщен предыдущий законодательный опыт действующих ранее указов по реабилитации и систематизированы основания, влекущие компенсацию морального вреда [7, с. 16]. Законы гражданские 1851 г. являлись следующим нормативным актом, предусматривающим ответственность судей за осуществление умышленного правосудия из корыстных или иных видов [3, с. 14].

Следующим этапом в развитии реабилитационных норм является принятие Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. В пункте 1 ст. 771 были названы основания постановления оправдательного приговора: «недоказанность деяния; неподлежание вменению по законным причинам или невоспрещенным законами под страхом наказания». Положения ст. 780 давали право оправданному подсудимому просить вознаграждения за вред и убытки, причиненные ему незаконным привлечением к суду [4, с. 194].

В период правления Николая II в проекте Уголовного уложения 1895 г. впервые было употреблено слово «реабилитация», в понятие которого вкладывалось не восстановление нарушенных прав невиновного, а помилование осужденных. Он восстанавливался в правах быть избирателем или избранным в земских, городских или сословных собраниях, поступать на государственную или общественную службу.

Необходимо отметить, что в 1917 г. был разработан проект закона «Об обязательном праве», который предусматривал возмещение нематериального вреда невиновному при лишении свободы, даже если пострадавший не понес материальных убытков, то есть предусматривалась компенсация морального вреда. Однако данный проект не был принят в связи с Октябрьской революцией 1917 г. [8, с. 141].

Первый УПК РСФСР 1923 г. содержал лишь право на обжалование судебного решения (кассационное и надзорное обжалование определений и приговоров, производство по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам). Данный закон не содержал понятия «реабилитация», а также норм, регламентирующих последствия оправдания лица, в том числе связанных с возмещением имущественного и морального вреда, с восстановлением прав невиновно осужденного.

Другой нормативный акт того периода ГК РСФСР 1922 г., в ст. 407 предусматривал ответственность учреждения за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностного лица лишь в случаях, особо указанных законом, если притом неправильность действий должностного лица признана подлежащим судебным или административным органом.

Впервые термин «реабилитации» был употреблен в п. 8 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик 1958 г., в котором говорилось, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего. Однако закон не раскрыл содержание данного термина.

Следующим актом, внесшим вклад в развитие института реабилитации, стал ГК РСФСР 1964 г. Статья 447 предусматривала, что вред, причиненный гражданину в результате незаконного осужде-

ния, незаконного привлечения к уголовной ответственности, возмещается государством в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом.

УПК РСФСР 1960 г. в ст. 2 называл одной из задач обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Кроме того, гл. 18 обязывала прокурора строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался невиновному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах [10].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 8 августа 1983 г. УПК РСФСР был дополнен ст. 58.1, предусматривающей обязанность органа дознания, следователя, прокурора и суда разъяснить гражданину порядок восстановления его нарушенных прав и принять предусмотренные законом меры к возмещению ущерба, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. После распада СССР и образования Российской Федерации, в Конституции РФ, принятой в 1993 г., впервые был закреплен принцип реабилитации. Статья 53 устанавливает, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Положения ст. 53 Конституции РФ были детализированы в ст. 1069 и в ст. 1070 ч. 2 ГК РФ, введенной в действие с 1 марта 1996 г. Согласно ст. 1069 ГК РФ, вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо должностных лиц этих органов подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации. Статья 1070 ГК РФ устанавливает ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, и указывает на обязательность его полного возмещения независимо от вины должностных лиц этих органов. 22 ноября 2001 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который вступил в действие с 1 июля 2002 г. В

новом Уголовно-процессуальном кодексе в ст. 5 впервые было дано определение понятия «реабилитация», а также выделена отдельная гл. 18, посвященная данному институту и впервые предусматривающая на уровне уголовно-процессуального законодательства возмещение имущественного и морального вреда, а также восстановление всех прав лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию.

Вместе с тем «профилактическая результативность уголовного закона определяется не столько рамками санкций, сколько фактическими назначениями и исполнением наказания, когда угроза применения наказания является не фразой, а реальной мерой» [5, с. 51].

В заключение необходимо отметить, что реабилитация, как институт, прошла долгий путь развития в отечественном законодательстве: от первых, далеких от нынешнего содержания, положений, закрепленных в разрозненных между собой актах, до появления в уголовно-процессуальном законодательстве отдельной главы, посвященной данному институту и объединившей в себе совокупность норм, регулирующих основания и порядок реабилитации лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию и осуждению, в том числе возмещение им имущественного и морального вреда, восстановление их в правах.

Список литературы

1. Захарцев С.И., Рохлин В.И. Институт реабилитации в Российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы). СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
2. Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность М.: НОРМА, 1992.
3. Веретенникова Е.В. Компенсация морального вреда реабилитированным в судопроизводстве России: Монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011.
4. Виленский Б.В. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юридическая литература, 1991.
5. Лопатина Т.М. Противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации // Законность. 2006. № 6.

6. Маньков А.Г. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986.

7. Мещеряков Ю.В. Уголовное судопроизводство Российской Империи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1985. <http://law.edu.ru/book>

8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001.

9. Смыкалин А. От реформ Екатерины II к судебной реформе 1864 г. // Российская юстиция. 2001. № 3.

10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. Принят Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г., утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. (ред. от 27.08.1993 г., с изм. от 3.05.1995 г.). <http://base.consultant.ru/cons/>

11. Чистякова О.И. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. М.: Юридическая литература, 1988.

ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАЕМНИЧЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

CONCEPT AND LEGAL NATURE MERCENARY IN INTERNATIONAL LAW

Поленкова Анна Михайловна

магистрант

Смоленский государственный университет

Polenkova A.

master of Smolensk State University Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассматривается появление наемничества в России. Также дается понятие наемничества в некоторых странах Европы и США и анализируются подходы к классификации данного вида преступления.*

***Abstract.** The article deals with the emergence of mercenary activities in Russia. Also, given the concept of mercenary activities in some European countries and the United States and analyzes the approaches to the classification of this type of crime.*

Ключевые слова: *наемничество, вербовка, возмездность, военная служба, ответственность.*

Key words: *mercenary, recruitment, rewarding, military service, responsibility.*

С распадом СССР увеличился рост числа преступлений в сфере против мира и безопасности человечества, в частности наемничества. Локальные конфликты в начале 90-х гг. в Абхазии, Приднестровье, Карабахе привлекли лиц, бывших ранее советскими гражданами, выступить в роли наемников. Наемничество в те годы отличалось тем, что носило «идейный характер», в то время как сейчас оно имеет массовый.

С этого времени можно говорить о том, что наемники – советские граждане вышли на мировой рынок «услуг военного назначения». По неофициальным данным, первыми для военной службы в ЮАР в 1991 г. уезжали сначала молодые сотрудники КГБ СССР и Министерства обороны СССР, а после них уже высокопоставленные офицеры. За свою деятельность они получали денежное вознаграждение и жилье.

Одной из причин массовости наемничества среди офицеров в странах бывшего СССР является распад Советского Союза, вслед за которым произошло массовое увольнение кадровых военнослужащих с командных должностей. Безработица и побудила значительное количество оставшихся «не у дел» людей вступать в ряды наемников.

Помимо этой причины, исследователи выделяют еще одну – в странах СНГ весьма поздно появились нормы, устанавливающие преступность наемничества, которые позволяли бы привлечь лиц к ответственности за данное деяние. На практике такие нормы не всегда уменьшают количество преступлений, совершенных наемниками, но ответственность за них может являться сдерживающим фактором. На момент появления «первых наемников» в действующем Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. не была предусмотрена ответственность за наемничество, следовательно, лица, обладающие признаками наемника (участие в вооруженных конфликтах или боевых действиях за материальное вознаграждение и другие), не рассматривались в качестве преступников. В то же время они могли признаться наемниками

по международному законодательству в случае, если они принимали обязательное участие в конкретном вооруженном конфликте.

В настоящее время часты случаи участия граждан Российской Федерации в качестве наемников в вооруженных конфликтах, происходящих в африканских странах, как, например, во Второй конголезской войне (1998–2002 г.). Особая острота проблемы наемничества проявилась в связи с чеченскими конфликтами, в которых участвовали наемники их различных государств.

При идентификации лиц, участвующих в военных конфликтах на территории Чеченской Республики возможны два варианта: либо «истинные правоверцы», защищающие ислам (их признаком является как раз отсутствие корыстной мотивации), которые не могут быть признаны наемниками, либо же это лица, принимающие участие в конфликте в целях получения материального вознаграждения. Эти категории лиц могут, конечно, иметь какие-либо идеологические или религиозные предпочтения, могут даже оправдывать свои действия ими, но главным мотивом у них является, все же, корысть. И в том и в другом случае не исключается ответственность за преступления, предусмотренные другими статьями УК РФ. К примеру, по ст. 208 УК КФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем».

Во время вооруженного конфликта на территории бывшей Югославии также принимало участие много лиц, имеющих гражданство России. Но действия не всех участвующих лиц носили признаки наемничества, так как часть лиц по международному законодательству признавалась добровольцами. Они добровольно поступали на военную службу югославской армии, что и снимало с них ответственность за наемничество.

Если говорить о европейских странах и США, то в них наемничество может закрепляться как преступление против обороноспособности государства и внутренней безопасности, так и против внешней безопасности.

Как преступление против внутренней безопасности и обороноспособности государства наемничество определяют Бельгия, Франция, Швеция, Дания и ФРГ. В уголовном законодательстве

этих государств не производится деление на наемников и добровольцев. Преступлением является вербовка лиц на иностранную службу, причем термином «вербовка» охватывается широкий круг действий: собственно сама вербовка, «побуждение» и «пользование услугами другого лица» с корыстной целью (УК Бельгии) [3, с. 561]; «доставка» вербуемого вербовщику или завербованного лица к месту службы (УК ФРГ) [4, с. 202]; «склонение» людей «незаконно покинуть страну для того, чтобы поступить на такую службу» (УК Швеции) [6, с. 320]. То есть не только сама вербовка, но и соучастие в ней (в форме подстрекательства или пособничества) является преступлением.

Хочется отметить, что в уголовном законодательстве Швеции данные деяния будут преступны и, следовательно, наказуемы, при условии, что они были совершены без соответствующего разрешения. В Швеции совершение указанных выше действий признается наиболее опасным, «если Королевство находилось в состоянии войны», в связи с чем повышается их наказуемость.

В Уголовном законе Франции прямо не предусматривается ответственность за вербовку лиц для иностранной службы. Уголовный кодекс Франции 1992 г. определяет преступлением «набор вооруженных сил без приказа или без разрешения законных властей» (п. 2 ст. 412-7) [5, с. 684]. Этой нормой по факту охватывается также противоправная вербовка лиц для создания вооруженных сил. К такому вербовщику может быть применена норма ст. 413-1, которая содержит состав преступления, сформулированный как «подстрекательство военных, относящихся к французским вооруженным силам, к переходу на службу иностранного государства», которое осуществляется в целях «нанести ущерб национальной обороне». Авторы учебника по уголовному праву зарубежных стран Н.Е. Крылова, А.В. Серебряникова объясняют, что в таких случаях не обязательно должен быть реальный ущерб, достаточно всего лишь «отсутствия данных военных в составе вооруженных сил Франции» [2, с. 208]. В таком случае преступным будет подстрекательство к переходу не только на военную службу, но и на гражданскую.

В других странах этого блока национально законодательство особо отмечает то, что вербовка должна производиться только на территории данного государства, либо в его пределах (УК

Дании), что существенно уменьшает возможность привлечения к ответственности вербовщиков, выводя за пределы уголовного закона случаи, когда вербовка граждан данного государства происходит вне территории этой страны.

Такие страны, как Великобритания, Испания, Финляндия и США, относят наемничество к преступлениям против внешней безопасности государства, направленным на подрыв добрососедских отношений с иностранными государствами или нарушение нейтралитета. В их уголовном законодательстве преимущественно преступлением будет являться незаконное поступление на военную службу. Это преступление может раскрываться в нескольких формах: само поступление, либо же побуждение на поступление на военную службу (Закон Великобритании о поступлении на военную службу за границей (Акт о службе иностранному государству, 1870) (Закон Великобритании о поступлении на военную службу за границей, 2002) [1, с. 650]; «неоставление службы в таких вооруженных силах» (УК Финляндии). В Соединенных Штатах диспозиция данного преступления предусматривает несколько альтернативных действий: «найм», само «поступление», «записывание» или «прибегание к услугам другого лица» (п. «а» 959 разд. 18 Свода законов США).

Хочется отметить некоторые специфические условия, характеризующие уголовное законодательство некоторых стран. В Великобритании, например, нести ответственность за поступление на военную иностранную службу может только британский подданный, «проживающий как в пределах доминионов ее величества, так и вне их», но уже за побуждение к поступлению на иностранную военную службу ответственность будет нести любое лицо, независимо от его подданства или гражданства. Но в то же время необходимым условием будет, чтобы это побуждение происходило «в пределах доминионов ее величества». Если будет отсутствовать признак возмездности, то это будет считаться одной из форм государственной измены. А в Финляндии преступлением будет считаться поступление на военную иностранную службу, если лицо заведомо знало о неприязельских отношениях между Финляндией и государством, в чьи вооруженные силы оно поступает.

Таким образом, проанализировав законодательства иностранных государств об ответственности за наемничество, можно увидеть, что они делятся на две основные группы – те, которые относят наемничество к преступлениям против внутренней безопасности (Бельгия, Дания, Франция, ФРГ, Швеция) и те, которые относят наемничество к преступлениям против внешней безопасности (Великобритании, Испании, Финляндии и США). В то же время некоторые государства, такие как Швеция, допускают деяние по вербовке наемника, преступлением же оно становится лишь в случае военных действий в данном государстве.

В связи с указанным выше, можно сказать, что, несмотря на положения Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г., встречаются отклонения в законодательстве государств – участников Конвенции от ее норм, которые дают расширительное или ограниченное понимание наемничества. И по причине того, что не выработана единая позиция, направленная на пресечение и борьбу с наемничеством, появляются все новые формы данного вида преступления.

Список литературы

1. Закон Великобритании о поступлении на военную службу за границей. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
2. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Изд. 2-е, перераб. и доп.: Учебное пособие. М.: Зерцало, 1998.
3. Уголовный кодекс Бельгии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
4. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии от 15 мая 1871 г. (в ред. от 15 мая 2003 г.). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
5. Уголовный кодекс Франции от 22 июля 1192 г. (в ред. от 5 февраля 2002 г.). СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
6. Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред.: Беляев С.С., Кузнецова Н.Ф. СПб.: Юрид. центр Пресс, Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001.

ВЕДОМСТВЕННЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ НЕ СООТВЕТСТВУЮТ ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УПК РФ

**DEPARTMENTAL REGULATIONS DO NOT COMPLY
WITH CURRENT CODE OF CRIMINAL PROCEDURE**

Ревенко Яна Дмитриевна

канд. юрид. наук, доцент кафедры права
Смоленский государственный университет

Мельник Светлана Львовна

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры права
Смоленский государственный университет

Revenko Y.

candidate of legal Sciences, associate Professor
associate Professor of law, Smolensk state University, Smolensk,
Russia

Melnik S.

candidate of legal Sciences, associate Professor
associate Professor of law, Smolensk state University, Smolensk,
Russia

***Аннотация.** Рассмотрено изменение законодательства о производстве судебно-медицинских экспертиз от Воинского артикула Петра I до последнего принятого Порядка на предмет самостоятельного сбора доказательств экспертом – судебным медиком, и выявлены противоречия между уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными нормативными актами.*

***Abstract.** The change in legislation on the manufacture of forensic article from military to Peter I recently received the Order for an independent evidence-gathering forensic expert, and revealed contradictions between criminal procedural law and departmental regulations .*

***Ключевые слова:** УПК, ведомственные нормативные акты, экспертная инициатива, недопустимые доказательства.*

Key words: *Code of Criminal Procedure, departmental regulations, expert initiative, inadmissible evidence.*

Изучая исторический аспект специальных знаний, мы пришли к выводу, что первыми специальными знаниями, используемыми в уголовном судопроизводстве, были медицинские. Без такого взаимодействия во многих случаях нельзя установить истину. В нашей стране одним из первых законодательных актов, упоминающих рассматриваемый вопрос, признается Воинский артикул Петра I. Специальные медицинские знания использовались для установления причин смерти и характера полученных повреждений.

Основания и порядок привлечения сведущих лиц, под которыми понимались медицинские работники, были регламентированы позже в Своде законов Российской империи в 1832 г. Здесь указывалось, что осмотр трупа обязателен во всех случаях, когда причина смерти неизвестна и есть признаки, дающие основание подозревать, что она приключилась от насилия или отравы. Распоряжение о производстве такого осмотра возлагалось на полицию [2, с. 12].

С годами совершенствовался процесс использования специальных знаний в расследовании. Функции специалистов (сведущих лиц) претерпевали определенные изменения в связи с формированием института судебной экспертизы. Менялся процессуальный закон и ведомственные нормативные акты, между ними стали возникать существенные противоречия.

Так, в Российском Уставе уголовного судопроизводства (УУС), утвержденном императорским Указом 20 ноября 1864 г., процессуальный закон позволял эксперту самостоятельно отыскивать будущие объекты исследования, даже если следователь не обратил на них внимание. Иными словами, сведущие лица в своем исследовании не были связаны границами задания следователя (суда). Об этом, кстати, свидетельствует и сама регламентация случаев назначения судебной экспертизы. Статья 325 УУС необходимость назначения экспертизы формулировала следующим образом: «Сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле об-

стоятельства необходимы специальные знания или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии».

«В качестве сведущих людей могли быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность» – гласила ст. 326 Устава уголовного судопроизводства.

Статья 332 УУС регламентировала порядок назначения экспертизы следующим образом: «Судебный следователь обязан предложить сведущим лицам словесно или письменно вопросы, подлежащие их решению». В тех случаях, когда вопросы эксперту были изложены письменно, можно было определить границы исследования. В тех же случаях, когда они предложены в устной форме, говорить о таких границах довольно сложно. Здесь перед экспертом, в основном, ставилась общая задача. Частные вопросы определял он сам.

Следует отметить, что приведенные положения прежнего Российского процессуального законодательства оказали решающее влияние на разработанные Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР в первые годы после революции Инструкции о судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизах.

Так, в Положении «О правах и обязанностях государственных медицинских экспертов» от 28 февраля 1919 г. в примечании к параграфу 4 отмечалось: «Медицинский эксперт вправе ... производить осмотры местностей и помещений, опрашивать потерпевших, свидетелей и сведущих лиц и принимать другие меры для выяснения тех обстоятельств, которые имеют существенное значение для выполнения экспертизы» [6, с. 76].

Во введении к сборнику по медицинской экспертизе, изданному Народным комиссариатом здравоохранения в 1919 г., указывалось: «Медицинский эксперт приобретает ныне значение научного судьи фактов и для осуществления этой своей обязанности пользуется правом не только изучать в подробностях дело, предлагаемое ему на заключение, но и вносить в него соответствующую инициативу путем производства дополнительных исследований, осмотров, опроса свидетелей и т.д.» [7, с. 616].

Аналогичные положения содержались в «Положении о судебно-психиатрической экспертизе» от 8 мая 1919 г. В нем, в частности, указывалось, что эксперты-психиатры пользуются теми же правами, какими пользуются судебно-медицинские эксперты [8, с. 34].

В Положении о судебно-медицинских экспертизах, утвержденном 24 октября 1921 г., взгляд на эксперта как на научного судью получил дальнейшее развитие. В ст. 6 Положения отмечалось: «...являясь научным судьей фактов, судебно-медицинский эксперт должен быть поставлен в условия, вполне обеспечивающие его самостоятельность и инициативу во всех стадиях судебного процесса и гарантирующие полную независимость его деятельности, заключений и выводов». Статья 8 этого Положения позволяет эксперту проявлять инициативу и ставить вопрос о доследовании дела с судебно-медицинской точки зрения, а ст. 9 предоставляет право после судебных прений, ввиду неправильного истолкования одним из сторон экспертного заключения, требовать возобновления судебного следствия и давать объяснения и дополнения, необходимые с точки зрения эксперта к ранее данному заключению.

Приведенные положения позволяют утверждать, что в ведомственных нормативных актах Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР роль эксперта в уголовном судопроизводстве была явно завышена. Его функции приравнялись к судейским (следственным), так как он прямо именовался «научным судьей фактов».

О том, что функции эксперта не могут быть приравнены к функциям следователя (запрет совмещения в одном лице функций эксперта и следователя) вытекает из того обстоятельства, что УПК РСФСР в ст. 43 и 48 требовал, чтобы эксперт был отведен, если он участвовал в деле в качестве лица, производящего дознание, следователя, свидетеля.

Казалось бы, процессуальный закон поставил точку над «i» в спорных вопросах судебной экспертизы. Однако ведомственные амбиции, желание занять особое, ключевое место в уголовном судопроизводстве вновь подвинуло Народный Комиссариат Здравоохранения РСФСР в Новом положении о производстве судебно-медицинской экспертизы, изданном 16 февраля 1934 г.,

остаться на прежних позициях, необоснованно расширяя права судебно-медицинского эксперта, придавая его заключению значение «научного приговора».

В Инструкции «О производстве судебно-психиатрической экспертизы» от 17 февраля 1940 г., изданной Наркомюстом СССР, Наркомздравом СССР и прокуратурой СССР обращалось внимание на возможность проявления экспертной инициативы, направленной на сбор материала. Здесь отмечается: «Все медицинские учреждения (больницы, клиники, диспансеры, районные психиатры) обязаны представлять судебно-психиатрической экспертизе необходимые для нее сведения и материалы об испытуемом (истории болезни, справки, анализы и др.)» [9, с. 45].

Порой ведомственные нормативные акты не приводились в соответствие с вновь принятым процессуальным законом. Так, во время действия УПК РСФСР 1960 г., судебно-медицинское исследование трупов осуществлялось в соответствии с Правилами, утвержденными Наркомздравом и Наркомюстом РСФСР еще 19 декабря 1928 г. [4, с. 59].

Согласно названным Правилам судебно-медицинский эксперт, решая вопрос о причине смерти и давности ее наступления, характере повреждений и т.п., должен был отобрать определенные объекты для химического, бактериологического, гистологического, рентгенологического в других исследований. Он же помещал необходимые для исследования части органов или тканей в соответствующую посуду, печатывал и направлял их на исследование другим специалистам. В сопроводительном документе перечислял направляемые объекты, указывал, из какого трупа они изъяты, кратко излагал обстоятельства дела и формулировал вопросы.

Специалисты, производившие исследования по заданию эксперта, вскрывавшего труп, в процессуальном смысле экспертами признаны быть не могли, так как юридически свои выводы они не оформляли, не составляли заключения, не подписывали его. Результаты их исследований оценивались судебно-медицинским экспертом, производившим вскрытие, самостоятельно. Он использовал полученные данные в своем заключении, отвечая на поставленные следователем вопросы, и один подписывал заключение [5, с. 197].

Данные правила необоснованно расширяли права и обязанности судебно-медицинского эксперта, предписывая ему полномочия по вовлечению других специалистов в экспертную деятельность, несмотря на то, что это не было предусмотрено УПК.

Не соответствовали действия судебно-медицинского эксперта и сложившейся практике проведения комплексных экспертных исследований, при которых все лица, принимавшие участие в исследовании, подписывали заключение.

Противоречие процессуальному закону данной процедуры нельзя объяснить лишь давностью принятия правил судебно-медицинского исследования трупов. Они почти в точности повторяются в правилах судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы, утвержденных уже в 1965 г. Согласно этим правилам, изъятие и направление материалов для лабораторного исследования в процессе проведения экспертизы осуществляется судебно-медицинским экспертом. Изъятые материалы направляются в судебно-медицинскую лабораторию бюро судебно-медицинской экспертизы с сопроводительным документом судебно-медицинского эксперта, упакованные соответствующим образом и в опечатанном виде (см. п. 11, 15, 16 и др.). Данные лабораторных анализов используются экспертом при составлении заключительной части документа.

Как видим, и здесь судебно-медицинский эксперт по своей инициативе привлекал к исследованию специалистов и оценивал их выводы. Они не предупреждались об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения и не подписывали заключение. Все это не соответствовало букве и духу действующего процессуального закона [1, с. 55–56].

По этому поводу И.Е. Лобан, Г.И. Заславский и В.Л. Попов совершенно справедливо замечают: «При оформлении заключения эксперта необходимо исключить любые непредусмотренные законом формы, например практику приложения к заключению разного рода «актов», составляемых специалистами, которые производят лабораторные исследования. При производстве таких исследований допускаются многочисленные процессуальные нарушения – поручение об их производстве дает не руководитель экспертного учреждения, а эксперт, специалисты лабораторных подразделений не предупреждаются о своих обязанно-

стях, правах и ответственности, не соблюдается процессуальный порядок получения образцов для сравнительного исследования, а следовательно, не обеспечивается достоверность их происхождения, и, кроме того, сама форма «акта» не предусмотрена процессуальным законодательством. Подобные проблемы характерны для судебно-медицинской экспертизы трупа, которая, в силу сформировавшейся на практике узкой специализации экспертов, по сути, является комиссионной» [3, с. 70–71].

Справедливости ради следует отметить, что в определенных случаях законодатель учитывает положения ведомственных нормативных актов, признает их правильность и уточняет процессуальный закон. В частности, следует отметить такую новеллу законодателя, согласно которой действующий процессуальный закон разрешил получение образцов эксперту. Согласно ч. 4 ст. 202 УПК РФ, если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении. УПК РСФСР 1960 г. такого положения не содержал.

12 мая 2010 г. приказом Министра здравоохранения и социального развития Российской Федерации № 346-н был утвержден Новый порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях РФ» (зарегистрирован в Минюсте РФ 10 августа 2010 г. Регистрационный № 18111). Он во многом устранил отмеченные недостатки, но отдельные противоречия действующему уголовно-процессуальному закону остались.

В частности в ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» четко отмечается: «Эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы». Эта же мысль проводится и в п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ.

Однако в п. 40 анализируемого Порядка имеется прямо противоположное указание. Здесь отмечается: «При необходимости с разрешения органа или лица, назначившего экспертизу, выясняют у родственников умершего данные медицинского характера (перенесенные им заболевания, травмы, вредные привычки,

общее состояние здоровья в последнее время и другие катанестические сведения)».

С точки зрения теории доказывания, каждое доказательство, помимо прочего, должно быть допустимым, т.е. обладать таким свойством, которое характеризует доказательство с точки зрения соответствия закону источников, средств доказывания, способу их получения и закрепления.

Если с этой меркой подойти к отдельным положениям анализируемого Порядка, то приходится признать, что полученные доказательства в соответствии с изложенными в нем рекомендациями не могут быть признаны допустимыми.

В разделе, посвященном экспертному исследованию лиц мужского пола, при преступлениях против половой неприкосновенности в п. 70.14 отмечается: «производят (речь идет о судебно-медицинских экспертах С.М. и Я.Р.) тщательный осмотр одежды и тела в целях выявления загрязнений, повреждений и других признаков, которые могли возникнуть при совершении насильственного полового акта или попыток к нему»; и далее «направляют на судебно-биологическое исследование обнаруженные на одежде и теле подозреваемого, особенно в области половых органов, волосы с различных участков тела потерпевшей, следы крови и выделений, клетки влагилицного эпителия, а также содержимое из-под ногтей подозреваемого для установления наличия крови и эпидермиса покровов потерпевшей».

Между тем, эксперт, согласно ст. 86 УПК РФ, не наделен правом собирания доказательств. Следовательно, в этом случае доказательство получено не надлежащим субъектом, в ходе ненадлежащего следственного действия. По этой причине и заключение эксперта по исследованию любого из перечисленных выше объектов должно быть признано недопустимым, ибо исследуемые объекты получены с нарушением процессуального режима.

Для того чтобы не возникали вопросы о допустимости доказательств, подвергшихся экспертному исследованию и самого экспертного заключения, необходимо, чтобы следователь с участием эксперта (специалиста) произвел осмотр одежды подозреваемого и его освидетельствование. Все обнаруженное должно

быть зафиксировано в протоколе соответствующего следственного действия.

Итак, мы пришли к выводу, что приведение в соответствие ведомственных нормативных актов действующему уголовно-процессуальному закону – необходимое требование, направленное на повышение законности и качества уголовно-процессуальной деятельности.

Список литературы

1. Веницкий Л.В. Ведомственные акты по экспертизам игнорируют закон // Социалистическая законность. М., 1990. № 7.
2. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России: Монография. Челябинск, 2001.
3. Лобан И.Е., Заславский И.Г., Попов В.Л. Судебно-медицинская деятельность в уголовном судопроизводстве. Правовые, организационные и методические аспекты. СПб., 2003.
4. Справочник по судебно-медицинской экспертизе. М.: Медгиз, 1961.
5. Судебная медицина. Руководство для врачей. М.: Медицина, 1985.
6. СУ. 1921. № 75. Ст. 616. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сб. документов. М., 1955.
7. СУ. 1919. № 3.
8. Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

THE IDENTITY OF THE PERPETRATOR OF A SEXUAL OFFENCE

Русанова Евгения Викторовна

магистрант

Смоленский государственный университет

Rusanova E.

master of Smolensk State University, Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие личности сексуального преступника на основе криминологических и психологических данных, а также дана квалификация данному виду преступления. Большое внимание уделяется анализу мотивов сексуальных преступлений.*

***Abstract.** The article discusses the concept of identity is a sex offender, based on criminological and psychological data, and are given a qualification of this type of crime. Great attention is paid to the analysis of the motives of sexual crimes.*

***Ключевые слова:** личность сексуального преступника, изнасилование, мотив, квалификация изнасилования.*

***Key words:** personality of a sex offender, rape, the motive, the qualification of rape.*

В последние десятилетия в Российской Федерации, как и в большинстве стран мира, наблюдается тенденция возрастания числа сексуальных преступлений. Это связано с тем, что существующая на данный момент система предупредительных мер, к сожалению, не отвечает реалиям времени и не справляется с поставленными задачами. Кроме того, в случаях совершения данного вида преступления она не может обеспечить полноценную защиту жертве сексуального преступления и исключить повторное причинение ей вреда. Прежде чем рассмотреть основные мотивы, побуждающие данный вид преступного деяния следует подробнее рассмотреть термин «изнасилование». Уголовный кодекс Российской Федерации дает нам следующее определение

данного термина «половое сношение с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей» [1].

Необходимо отметить, что чаще всего данный вид преступления совершается в состоянии алкогольного опьянения, и лишь изредка – лицами, страдающими алкоголизмом.

Попробуем разобраться, что же может подтолкнуть человека на совершение данного вида преступления.

Современная научная литература выделяет следующие мотивы сексуальных преступлений:

- 1) устранение сексуального напряжения;
- 2) сексуальное самоутверждение;
- 3) достижение оргазма;
- 4) желание унижить и оскорбить жертву;
- 5) познавательный мотив;
- 6) развлекательный мотив;
- 7) подражательный мотив;
- 8) способ компенсации;
- 9) способ разрешения межличностного и внутриличностного конфликтов.

Данные мотивы могут быть как осознанными, так и неосознанными [4].

Анализируя статистические данные, можно выделить следующие возрастные группы сексуальных преступников:

- подростки от 14 до 17 лет – 2,3 %;
- совершеннолетние молодые люди – от 18 до 24 лет – 16,6 %;
- лица среднего возраста от 25 до 34 лет – 44,2 %;
- лица среднего возраста от 35 до 42 лет – 28 %;
- лица старшего возраста от 43 до 65 лет – 8,7 %.

Наибольшее количество насильственных преступлений совершается лицами в возрасте от 25 до 34 лет. Это объясняется рядом причин: во-первых, именно в этом возрасте физическое состояние, как правило, неотягощено какими-либо серьезными болезнями, а соответственно, позволяет лицу находиться в хорошей физической форме; именно в этом возрасте люди чаще сталкиваются со стрессовыми ситуациями (на работе, в кругу друзей, непосредственно в семье), последствиями которых становятся агрессивность, конфликтность [2].

Для лиц старшего возраста характерна стрессовая ситуация, связанная с проблемой трудоустройства, а следовательно, и возможностью получать доход, соответствующий хотя бы прожиточному минимуму, результатом чего является вымещение агрессии на своем близком окружении [8].

Так какие они, сексуальные преступники? Попробуем разобраться.

Основным характерным признаком сексуальных преступников является удовлетворение своих сексуальных потребностей любой ценой.

Для их поведения характерны крайний эгоцентризм, стремление к немедленному удовлетворению спонтанно возникших желаний, примитивизм и цинизм. В насилии они усматривают единственное средство разрешения конфликтов. Для этих лиц характерно широкое использование средств психологической самозащиты: самооправдание ими своего антисоциального поведения, переложение вины на потерпевшего и внешние обстоятельства.

Лица, совершающие злостные насильственные преступления, обладают рядом личностно-типологических, психологических особенностей:

- 1) окружающая среда постоянно воспринимается как среда, враждебная им;
- 2) повышена чувствительность к малейшим личностным поражениям, неспособность к социально адекватной их компенсации;
- 3) аутичны (социально отчуждены);
- 4) эмоционально крайне неустойчивы, патологически вспыльчивы, мстительны, психически неуравновешенны, страдают резкими перепадами настроения, дисфорией.

Среди черт нравственно-психологической характеристики сексуальных преступников в литературе выделяют следующие: грубость, зачастую переходящую в жестокость, «цинизм, отсутствие чувства стыда, неуважение к другим людям, эгоизм, потребительское отношение к окружающим; крайний примитивизм во взглядах на взаимоотношения полов, сводящий их к физиологическому акту; взгляд на женщину как на низшее существо, призванное служить мужчине орудием полового наслаждения; разнузданность, не признающую никаких преград на пути к

удовлетворению полового влечения; моральную распущенность».

На возможности применения ответственности за сексуальные насильственные преступления сдерживающим фактором выступает слабая моральная составляющая. «Сегодня имеют место отдельные попытки воссоздания христианства в обществе в качестве заместителя общей моральной составляющей. Однако при этом нравственные принципы самого учения во внимание не принимаются. Вопрос необходимо формулировать шире: обращаться не только к библейским заповедям, но и формировать широкое негативное общественное мнение о силе нравственного воздействия» [6, с. 113].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сексуальные преступники – это люди, страдающие психическими аномалиями. Если попробовать описать криминологический портрет сексуального преступника, то получится, что мужчина в возрасте от 25 до 45 лет. Как правило, он не имеет постоянного места работы, страдает от алкогольной или наркотической зависимости.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации по состоянию на 20 ноября 2015 г. М.: Проспект, 2015.
2. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления: Научно-популярное исследование. М.: Амальтея, 1993.
3. Байбарин А.А., Гребеньков А.А. Половые преступления: Учеб. пособие. Курск: ЮЗГУ, 2013.
4. Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве / Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30).
5. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. М.: Юридический центр Пресс, 2007.
6. Лопатина Т.М. Формирование антикоррупционного менталитета // Современное право. 2009. № 4.

7. Пашенко Е.А. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Юридический вестник. 2012. № 3.

8. Самойленко К.В. Криминологическая характеристика лиц, совершающих сексуальное насилие в семье // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 1 (23).

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СНИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL. TOPICAL ISSUES OF REDUCING THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Рыстакова Евгения Алексеевна

магистрант 2-го курса

Смоленский государственный университет

Rystakova E.

2 undergraduate course, Smolensk State University,

Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье дается определение понятию «личность преступника», проводится анализ актуальности на сегодняшний день темы снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних.*

***Abstract.** This article defines the concept of identity of the perpetrator, the analysis of the relevance of today's topics lowering the age of criminal responsibility of minors.*

***Ключевые слова:** личность преступника, социальная среда, несовершеннолетние, церковь, генотип, возраст уголовной ответственности.*

***Key words:** identity of the offender, the social environment, minors, the church, the genotype, the age of criminal responsibility.*

Возраст уголовной ответственности в России может быть снижен. Сейчас возраст привлечения к уголовной ответственности в Российской Федерации составляет с 16 лет, за некоторые

тяжкие и особо тяжкие преступления к суду привлекают с 14 лет. Преступления совершаются не сами по себе (совершает ли их подросток или вполне зрелый человек) за ними всегда стоит личность. Вначале нам бы хотелось рассмотреть само понятие личности преступника, далее перейти к обсуждению назревшей темы о снижении возраста уголовной ответственности несовершеннолетних, рассмотрев две стороны «за» и «против» данного законопроекта. Личность преступника – это продукт реальной действительности.

Каждый человек – это, прежде всего, не только продукт социума, но и своего собственного развития и самосознания. Личности преступника присущи потребности и мотивации эмоционально-волевой деформации и негативных социальных явлений. Отличительной чертой является знание закона, но неуважительное к нему отношение. Человек не рождается личностью, а становится в процессе взаимодействия и жизнедеятельности в обществе. Без общества личность не возможна [1, с. 4]. Особенно это касается подростковой среды. Личность преступника – это личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявлении необходимой активности в предотвращении отрицательного результата. Понятие «личность преступника» – абстрактное операционное понятие, включающее в себя главные черты и свойства, присущие тем, кто совершил уголовно наказуемое деяние. Стоит заметить, что преступление не бывает мгновенным, это всегда долгий психологический процесс, происходящий внутри личности, приводящий к совершению преступления. Исключение составляет: психически больной человек и состояние аффекта. В криминологии момент перехода от личности, обладающей социально опасными качествами, к личности преступника, можно говорить лишь с момента совершения преступления. Заметим, что мы оперируем понятием «личность преступника», где зачастую это выбор самого человека, определяющего его поведение в социуме, а не «преступная личность», где это скорее фатальная неизбежность человека в силу генотипа и внутренних позиций. Рассмотрим

три составляющие, которые могут подсказать способность человека (подростка) к преступлению:

– генотип – нарушение особенностей психики провоцирует к антиобщественному поведению (ранимость, вспыльчивость, поведение по первой реакции...);

– социальные условия – нередко «обучение» агрессии происходит в семье. Пример: завистливые родители. (Ребенок заражается завистью за преимущество в чем-то других). Или, не уделяя должного внимания ребенку в семье, он начинает искать понимание и признание в группах сверстников;

– внутренняя позиция – личность, выбирает внутренние ценности и следует им. Свои внутренние позиции личность защищает и отстаивает.

Внутренняя позиция как бы пронизывает человека. Для личности, преступившей закон, характерна свобода – как отказ от самоограничения, часто так происходит, что, совершив преступление, преступники (особенно в подростковой среде) как бы гордятся своим преступлением, формируется позиция самооправдания и самовосхищения. Заметим, что согласно статистике к преступлениям по ст. 228, 233 УК РФ склонны молодые люди от 18 до 45 лет, это своего рода способ заработать, между тем и личное пристрастие «дань моде». У криминогенной личности ярче выражены чувства страха и тревоги. Пытаясь защититься, порой, от мнимых угроз лицо совершает преступление [1, с. 54]. Высокий уровень тревоги вызван отчуждением, недостатком внимания и заботы в семье, отсутствием единения с другими людьми [3, с. 97].

Преступления совершались всегда. Успешное предупреждение преступлений возможно лишь в случае, если внимание будет сконцентрировано на личности, особенно в подростковом возрасте, поскольку именно личность является носителем причин их совершения. Чем больше общество, тем выше преступность. Сегодня все чаще встает вопрос о снижении возраста уголовной ответственности. К нему проявляется особый интерес, что обусловлено рядом причин. Обратимся к истории.

В СССР законодательство определяло возраст привлечения к уголовной ответственности с 16 лет. За ряд тяжких, особо тяжких и наиболее распространенных преступлений, исчерпываю-

щий перечень которых был закреплен в данной статье, предусматривался пониженный возраст с 14 лет. Российский законодатель традиционно перенял положения, которые с небольшими изменениями нашли отражение в УК РФ 1996 г. (ст. 20 УК РФ). В последнее время представители власти, правоохранительных органов все чаще высказываются в пользу снижения возраста уголовной ответственности. Об актуальности проблемы свидетельствует то, что она довольно часто затрагивается в СМИ, обсуждается на научно-практических конференциях, является предметом научных исследований. Последний законопроект был отклонен не так давно – в 2009 г. В марте 2012 г. в СМИ распространилась информация о том, что Комитет Государственной Думы РФ по конституционному законодательству и государственному строительству вновь готовит законопроект о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет.

Заметим, что возрастной порог привлечения к уголовной ответственности в РФ отличается от порога привлечения к ответственности в зарубежных странах. В Индии, Ирландии и Сингапуре к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, достигшие семилетнего возраста.

УК Республики Сан-Марино установил возраст привлечения к уголовной ответственности с 12 лет. В соответствии со ст. 10 УК Польши общий возраст наступления уголовной ответственности устанавливается с 17 лет, а пониженный возраст за некоторые преступления равен 15 годам. В Японии по Закону «О несовершеннолетних» не допускается уголовных мер к лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. В Испании лица, совершившие преступление и не достигшие возраста 18 лет, не подлежат ответственности по УК Испании, к ним применяется Закон «Об уголовной ответственности несовершеннолетних». Эти различия обусловлены многими факторами, в основном это особенности исторического развития. Особенности становления правовых систем в разных государствах. Криминогенная ситуация. Правоприменительная практика. Особенности проводимой в государствах уголовно-правовой политики.

Сегодня бытует два мнения, две стороны тех, кто «за» снижение возраста уголовной ответственности, и тех, кто «против», посмотрим и проанализируем две позиции. Рассмотрим мнения

и факторы за снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних и их аргументы:

1. Необходимость снижения возраста уголовной ответственности обусловлена ростом преступности среди несовершеннолетних и изменением ее качественных характеристик. Сегодня одной из главных причин совершения несовершеннолетними лицами общественно опасных деяний является педагогическая запущенность и безнадзорность со стороны взрослых. Отметим, что в так называемые «группы риска» попадают не только подростки из неблагополучных семей, но и несовершеннолетние из семей вполне обеспеченных. За последние годы значительно изменилась качественная характеристика преступлений, которые совершают несовершеннолетние. Подростковая преступность приобретает все более организованный характер. Отмечается рост числа преступлений по ст. 158 УК РФ – «кража», ст. 161 УК РФ – «грабеж», ст. 162 УК РФ – «разбой».

2. Снижение возраста уголовной ответственности позволит поместить в уголовно-исправительные учреждения как можно больше преступников, что улучшит ситуацию в стране.

3. Возраст привлечения к уголовной ответственности должен быть понижен только для лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие или наиболее распространенные преступления. Их перечень будет содержаться в соответствующей уголовно-правовой норме Общей части УК РФ.

4. Часто причиной совершения несовершеннолетними преступления является психическое расстройство, не исключающее вменяемости подростка, искажена его ценностно-нормативная система. К таким подросткам должны применяться меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия.

5. Одним из спорных аргументов выступает тот факт, что ввиду выраженной акселерации последних поколений людей у несовершеннолетних преступников, достигших возраста 12 лет, уже присутствуют адекватные интеллектуальные и волевые элементы, характеризующие субъективную сторону совершаемых ими преступных деяний. Сегодня педагоги и психологи считают, что в 12 лет подростки способны осознавать фактический характер своих действий (бездействий). Способны осоз-

нано и взвешенно оценивать свое поведение и поступки, предвидеть возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий совершения таких действий (бездействий), а также способны руководить действиями (бездействиями). Распространены случаи, когда несовершеннолетние в возрасте 14 лет умышленно совершают преступления различных категорий тяжести, в том числе и в составе организованных групп, заранее зная о том, что их преступные деяния останутся безнаказанными.

Как говорилось выше, существует два мнения, второе категорически против снижения возраста уголовной ответственности, вот как звучат их аргументы:

1. Несовершеннолетние совершают преступления в силу недостаточного уровня зрелости, «запущенности» со стороны родителей и школы, в силу наличия искаженных представлений о нравственных приоритетах и искажений ценностно-нормативной системы, в силу вспыльчивости и импульсивности, подверженности влиянию со стороны взрослых.

2. Довольно часто такие преступники не имеют представления о содержании возможных уголовно-правовых последствий совершения общественно опасных деяний (то есть о грозящем им наказании или применении иных уголовно-правовых мер), либо их представления о грозящем наказании в значительной мере абстрактны.

3. Атмосфера и психологическая обстановка в уголовно-исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание несовершеннолетние преступники сегодня, приближена к той, которая свойственна для всех уголовно-исправительных учреждений. Подростки живут в них по определенным законам и порядкам, существует строгая внутренняя иерархия среди осужденных подростков. Такие условия жизни оказывают серьезное негативное влияние на неокрепшую психику подростков, ведут к искажению ценностно-нормативной системы. После отбытия наказания подростки оказываются неприспособленными к условиям нормальной жизнедеятельности в обществе, нередко вновь возвращаясь к осуществлению преступной деятельности, что обуславливает достаточно высокий процент рецидивистов среди несовершеннолетних.

4. Сегодня в Российской Федерации отсутствует система ювенальной юстиции и ювенального правосудия. Законодательство о ювенальной юстиции находится на стадии разработки. Система оказания психологической помощи несовершеннолетним и система мер, применяемых для оказания воспитательного воздействия на несовершеннолетних преступников и правонарушителей далека от совершенства и не эффективна. Многие специалисты считают, что снижение возраста уголовной ответственности отодвинет создание системы ювенального правосудия, так как законодателю на практике легче осуществить именно это. Пока система не будет функционировать, судьбы многих подростков могут быть искалечены в спецшколах, интернатах, уголовно-исправительных учреждениях [4, с. 1].

5. Представители Русской Православной Церкви также, в большинстве своем, выступают против снижения возраста уголовной ответственности. Главный редактор журнала «Наследник» протоиерей Максим Первозванский заявил: что надо стараться исправить человека, а не изолировать его от общества. «К сожалению, у нас принято бездумно копировать некоторые западные образцы. Вся наша пенитенциарная система перестраивается именно с учетом западного опыта, и этот законопроект, судя по всему, тоже существует в логике этой перестройки. Сейчас перед УФСИН вообще не ставится задача исправления заключенных, и это совершенно не правильно. Конечно, советская система работала не идеально, но ставила перед собой именно задачу исправления, а не просто тюремного содержания», – отметил священник. По его словам, не секрет, что человек, однажды попавший в колонию, имеет все шансы стать рецидивистом, – тем более это касается несовершеннолетних, которые и на воле-то находятся в дурной компании и совершают преступления, как правило, под ее влиянием. В тюрьме же подростки попадают в соответствующую среду и проходят там свою «школу» воспитания. «Поэтому считаю, что снижать возраст наказания не следует. Это было бы актуально, если бы мы рассуждали не только о наказании, но и об исправлении. А пока это несвоевременная мера», – высказал мнение отец Максим. Протоиерей Борис Михайлов, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях, полагает, что нужна комплексная

программа работы с «трудными» подростками, принятая на законодательном уровне. «Да, это будет тяжелая кропотливая работа, может быть внешне не очень эффективная. Но работа с детьми, особенно с теми, кто «отбился от рук», легкой и не может быть. Но это в первую очередь дети, которые должны быть в поле внимания общества. Это в том числе и дети из неблагополучных семей, которым общество не уделяет достаточно внимания. Серьезной комплексной программы работы с детьми у него нет. Появление такого законопроекта говорит о полном равнодушии к судьбе ребенка, который это очень хорошо чувствует. И то, что дети совершают тяжкие преступления, обусловлено во многом плачевным нравственным состоянием самого общества. Беда в том, что само общество погружено в атмосферу насилия, абсолютно ничем не сдерживаемого. Достаточно включить вечером любую программу телевидения. Давно пора опаматоваться. С телевидением надо что-то делать. Везде одно и то же: вседозволенность, насилие, убийство, разврат, блатная речь, правоохранители ничем не лучше преступников. Человек оказывается вовлеченным во все это. И это проблема не только нашей страны. Но мы в худшей ситуации, потому что у нас нет эффективных общественных образовательных институтов. Система образования в целом деградировала. Подлинная культура забыта. Общество не в силах что-либо противопоставить оголтелой псевдокультуре. К сожалению, и голос Церкви практически не слышен», – высказал мнение священник [6, с. 1].

При этом не учитывается тот факт, что «общественное мнение представляет собой сплав социальных убеждений ряда больших групп, отражающий все значительные стороны жизни общества, способные заинтересовать массы в силу своей доступности. Общественное мнение характеризуется способностью быстро изменить оценки явлений под воздействием новых обстоятельств» [5, с. 113].

Решить проблему подростковой преступности необходимо в ближайшие сроки, так как от этого во многом зависит будущее России. В настоящее время предложение о снижении возраста уголовной ответственности является преждевременным. Целесообразно сконцентрировать внимание на профилактике правонарушений, повысить уровень воспитания в семьях и школах.

Активизировать и вывести на новый уровень работу по организации активного досуга детей и подростков.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Личность преступника и профилактика преступления: Монография. М.: Проспект, 2016.

2. Актуальные проблемы уголовного права. Общая часть: Учебник / Д.М. Молчанов / Под ред. проф. А.М. Рарог. М.: Проспект, 2014.

3. Криминальная психология / О.Д. Ситковская, М.С. Андрианов [и др.] / Под ред. доц. О.Д. Ситковской. М.: Проспект, 2016.

4. Кузнецов К.В. К вопросу о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности. Научно-практические конференции ученых и студентов. <http://sibac.info/conf/law/> (дата обращения: 12.11.2016).

5. Лопатина Т.М. Формирование антикоррупционного менталитета // Современное право. 2009. № 4.

6. Русская Народная Линия. Нужно ли снижать возраст уголовной ответственности за тяжкие преступления? Православные священнослужители о подростковой преступности. <http://ruskline.ru> (дата обращения 12.11 2016).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LAW AGAINST ILLEGAL DRUG TRAFFICKING

Сайнук Анастасия Игоревна

студентка 3-го курса

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Бойкова Нина Григорьевна

старший преподаватель кафедры

уголовно-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Saynuk A.

3rd year students Smolensk branch International law

Institute Smolensk, Russia

Boikova N.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law,

branch International law Institute,

Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассмотрены актуальные вопросы борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Автор сделал акцент на проблемах распространения наркотиков в сети Интернет и наркопритонах, а также затронул вопрос легализации некоторых наркотических средств в РФ.*

***Abstract.** The article deals with current issues of the fight against illegal drug trafficking author laid emphasis on the problems of drug trafficking in the world wide network and shooting galleries and also raised the issue of legalization of some drugs in the Russian Federation.*

***Ключевые слова:** уголовно-правовая борьба, наркотические средства, сеть Интернет, сбыт, притон, склонение к потреблению, легализация.*

Key words: criminal law fighting, drugs, «Internet» network, marketing, a den, a decline to consumption, legalization.

Наркотики – одна из главных проблем современного мира. Наркотики – это вещества, парализующие разум человека, скывающие его силу воли. Наркомания – это тяжелейшее заболевание, которое возникает в результате систематического употребления наркотических средств. В мире нет человека, который бы не был восприимчив к этому дурману. Несмотря на то, что весь мир борется с этой «чумой», до сих пор не существует эффективных методов борьбы с проблемой наркотиков. Тяга к наркотикам возникает буквально после первого потребления, благодаря которому возникает физическая зависимость. Последующее потребление вызывает зависимость психологическую.

К сожалению, мировая статистика по заболеванию наркоманией лишь продолжает расти, несмотря на попытки борьбы. По состоянию на начало 2016 г. статистика насчитывала около 28 млн. людей, страдающих наркоманией. 350 млн. хотя бы раз в жизни пробовали наркотики. Цифры довольно внушительные и пугающие. В Российской Федерации статистика также не может порадовать. По данным ГАК РФ, на начало 2016 г. наркотики употребляли 8 % населения. Ежегодная смертность насчитывает 70 тыс. человек.

Помимо статистики заболеваний и смертности, растут и показатели преступлений, так или иначе связанных с незаконным оборотом наркотических веществ. По данным Федеральной службы государственной статистики, на территории РФ за январь–сентябрь 2016 г. количество преступлений, напрямую связанных с наркотическими веществами, составляет 153489. Большое число. Однако официальная статистика показывает лишь ту часть преступлений, которую удалось выявить. По мнению экспертов-криминологов, в настоящее время удается выявить лишь одно из десяти преступлений, которые связаны с незаконным оборотом наркотиков.

Борьба с незаконным оборотом наркотиков – тема актуальная в настоящее время. Сколько бы обсуждений не было, сколько бы мероприятий, направленных на борьбу с наркотиками, не было создано, проблема остается на месте. Невозможно полно-

стью запретить оборот некоторых наркотических веществ, ведь они активно применяются в медицинской практике. Поэтому правовой режим существования наркотиков заключается не только в установлении запретов, но и в создании эффективных правовых норм для регулирования их законного оборота и использования [6].

Проблемой борьбы с наркотиками занимаются во всем мире. Самым первым шагом на пути к международной борьбе с наркотиками явился созыв Шанхайской опиумной комиссии в 1909 г. В комиссию входили 13 государств, и Россия была в их числе. Она же предопределила направление международно-правовой помощи в этой сфере. Первая в истории Конвенция о наркотиках была выработана на международной конференции по опиуму, проходившая в ГААГЕ в 1911–1912 гг. [7, с. 22]. В ней участвовали 12 государств, в том числе и Россия. Наше государство подписало ее, но не ратифицировало. Проблема до сих пор решается на международной арене. Так, например, в марте 2016 г. в Вене состоялась 59 сессия Комиссии ООН по наркотическим средствам, в которой принимали участие и представители нашей страны, как, например, Виктор Иванов, бывший руководитель ныне упраздненной ФСКН, который предложил приравнять проблему незаконного оборота к терроризму. Ежегодно 26 июня во всем мире отмечается Международный день борьбы со злоупотреблением и незаконным оборотом наркотиков.

Началом же отсчета отечественной борьбы с наркотиками считают Киевскую Русь. Опираясь на зафиксированные археологами факты, наши предки принимали одурманивающие вещества в обрядовых и лечебных целях и только под строгим надзором жрецов. По оценкам профессора Б.Н. Головнина (ВНИИ МВД России) – таких препаратов, полученных из различных трав, мхов, ягод, грибов и т.п. естественных продуктов, волхвам и ведунам было известно свыше ста наименований. Уже после крещения Руси применение наркотических средств наказывалось от выплаты штрафа вплоть до сожжения на костре. Урегулированием этой проблемы занималась церковь. В Российской Империи контролем над оборотом наркотиков ведало Министерство внутренних дел и Церковь. Более усовершенствованные меры борьбы применялись в XX в., когда появились первые шаги международной борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Тем не менее, несмотря на прилагаемые усилия, эта борьба не имеет конца. Какие проблемы существуют в нашей стране в борьбе с таким злом?

Ни для кого не секрет, что в последнее время участились случаи распространения наркотиков через сеть Интернет. В марте 2012 г. ст. 228¹ УК РФ была дополнена квалифицирующим признаком сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов при помощи средств массовой информации, электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). При такой форме сбыта наркотических средств сеть Интернет может быть использована для рекламы или предложения сбыта наркотических средств, для получения информации об оплате за приобретение, для указания тайника, где они находятся и откуда их можно забрать.

Реклама и предложение сбыта, размещенные в сети Интернет, сообщения о возможности предоставить наркотические средства, квалифицируют как подготовительную стадию к сбыту. Для этого необходимо установить у лица прямой умысел на сбыт и совершение лицом действий, направленных на реализацию умысла (приобретение, удобная для сбыта расфасовка). Если лицо, получившее посредством электронной системы заказ на приобретение наркотических средств, направляется с ними к месту расположения тайника в целях размещения, чтобы затем сообщить через систему Интернет приобретателю информацию о местонахождении, и лицо задерживают при направлении к тайнику, ему вменяют приготовление к сбыту наркотических средств с использованием сети Интернет. Так, например, у Сажиной, не употреблявшей наркотические средства и задержанной во время ночной поездки на такси по городу, были изъяты наркотические средства в удобной для сбыта расфасовке, а в операционных системах системного блока ее компьютера обнаружены следы переписки его пользователя, содержащего информацию о распространении наркотических средств, в том числе адреса закладок. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 октября 2013 г. № 50-АПУ 13-26 РФ Сажина признана виновной в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств в крупном размере с использованием сети Интернет [3, с. 51].

Реклама рекламой, а что делать в случае, когда предлагают заработать на наркотиках с помощью социальных сетей? Далеко за примером отправляться не нужно. В мае этого года многим смолянам в популярной социальной сети «ВКонтакте» предлагали работу курьера. Казалось бы, безобидная вакансия, удобный график работы (3–5 ч в день) и хороший заработок (30000 руб. в неделю). При этом «работодатель», отправляющий предложения о работе с «фейковой» страницы, не скрывал от тех, кто поинтересовался о легальности товара, что те курительные смеси, которые нужно доставлять, содержат «легкие эйфоретики», запрещенные в нашей стране.

Также популярностью для распространения наркотиков через сеть Интернет пользуются мессенджеры, такие как WhatsApp, Telegram и Viber. Но наибольшей популярностью все же пользуются системы анонимайзеров, в том числе VPN и наиболее распространенный TOR. Для перевода денежных средств применяются электронные платежи WebMoney, QIWI-кошелек и «Яндекс. Деньги».

Более подробно остановимся на системе TOR. Это свободное и открытое программное обеспечение, предназначенное для анонимного обмена информацией. Вычислить злоумышленников в этой системе – дело небыстрое и нелегкое. В первую очередь, за подозреваемым следят непосредственно в сети, параллельно обрабатывая круг его общения и клиентскую базу. Порой уже на этой стадии в действиях преступника удастся выявить ошибку, которая поможет вывести оперативников на его реальный IP-адрес. После этого его местоположение легко устанавливается, производится задержание.

Преступников в TOR могут поймать и при помощи подставных ресурсов, форумов и ссылок. На них размещают изображения и видео, часть которых располагается в другой доменной зоне – например: .com или .ru. Файлы открываются вне TOR-браузера, и полицейские сразу узнают настоящий IP-адрес злоумышленника.

Тем не менее борьба со сбытом наркотических средств в сети Интернет все еще затруднена, идет поиск более эффективных и быстрых мер по выявлению лиц, занимающихся распространением через электронные ресурсы.

Еще одной проблемой в борьбе с незаконным оборотом наркотиков являются притоны. Большой юридический словарь дает следующее определение:

Притон – это, с точки зрения уголовного законодательства, систематически используемое помещение для совершения развратных действий, участия в азартных играх, распития спиртных напитков и употребления наркотиков.

Под организацией притона (ст. 232 УК РФ) следует понимать подыскание, приобретение или наем жилого или нежилого помещения, финансирование, ремонт, обустройство помещения различными приспособлениями и тому подобные действия, совершенные в целях последующего использования указанного помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов несколькими лицами. Под содержанием притона следует понимать умышленные действия лица по использованию помещения, отведенного и (или) приспособленного для потребления наркотических средств или психотропных веществ, по оплате расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения [5].

Наркопритоны являются одной из самых опасных форм распространения наркомании. Именно в них происходит процесс склонения к потреблению наркотических средств новичков, а также последующее вовлечение в наркоманию.

Сложившаяся практика квалификации такого деяния представляется спорной: если предоставляемое для потребления наркотических средств жилое помещение используется для собственного проживания, то такие действия не расцениваются как организация или содержание притона.

А.М. Мингазов признан виновным и осужден, в том числе за покушение на незаконный сбыт наркотических средств, а также за незаконное хранение наркотического средства без цели сбыта в крупном размере. Однако его осуждение по ч. 1 ст. 232 УК РФ за организацию и содержание притона для потребления наркотических средств Верховным Судом признано необоснованным [4, с. 21]. Он действительно принимал у себя дома лиц, которым предоставлял приспособления для принятия наркотических средств, изготавливал средства для совместного принятия. Од-

нако, как следует из материалов дела, дом, в котором проживал Мингазов, использовался им по прямому назначению.

Как показывает практика, выявление наркопритона действительно является сложной задачей. Сложной, но не невозможной. Так, Д.А. Хлебников рассказал в интервью для РИА Новости способы распознать притон:

1) наркопритоны чаще всего находятся в жилых секторах. Если в притоне изготавливаются наркотики, в подъезде будет распространяться специфический запах;

2) такую квартиру часто будет посещать большое количество людей, чаще всего – молодежь;

3) нужно обращать внимание на то, как часто к дому подъезжает скорая помощь, так как в наркопритонах происходят регулярные случаи передозировки наркотиками.

Осуществлению оперативно-розыскных мероприятий по борьбе с наркопритонами предшествует получение информации о содержании такого притона. Источниками получения такой информации, как правило, являются инициативные сообщения граждан, чаще всего – бдительных соседей, которые подозревают содержание наркопритона как раз по перечисленным выше признакам. Полученная информация должна проверяться и анализироваться. Результативность мероприятий зависит от трех слагаемых:

- 1) обладания точной информацией о притоне;
- 2) внезапности проведения обыска и осмотра;
- 3) подготовленности к нему следственно-оперативной группы [2, с. 75].

Глобальная комиссия по наркотической политике в июне 2011 г. рекомендовала странам поэкспериментировать с правовым регулированием тех видов наркотиков, которые допустимы к легализации. Многие страны встали на путь легализации «легких» наркотиков, считая, что более свободный подход к вопросу оборота наркотических средств уменьшит ту долю наркотиков, которая проходит через черный рынок, а равно снизит количество правонарушений, связанных с ними. В последнее время все чаще ведутся дискуссии на тему того, чтобы включить некоторые виды наркотиков в свободный оборот в нашей стране.

Президент В.В. Путин на второй Московской международной антинаркотической конференции в 2015 г. сказал о необходимости пресечения оборота всех видов наркотиков и о том, что обеспокоен вопросом легализации в других странах.

Стоит ли нам равняться на «Запад» и идти по их либерально-настроенному пути в вопросах, касающихся наркотиков?

Как показывает практика, те страны, которые пошли по либеральному пути в этом вопросе, уже убедились в том, что их ожидания не оправдались. Так, например, Нидерланды убедились в том, что после легализации «легких» наркотиков проблемы уголовно-правового характера, связанные с наркотиками, только возросли, эту информацию подтвердили органы власти.

Что есть «легкий» наркотик? Многие эксперты считают, что понятие «легкий» просто невозможно употребить в словосочетании с наркотиками из-за того вреда, что они несут. Вопрос легализации все еще обсуждается, но на данном этапе этот вопрос не уйдет дальше дискуссионных площадок. Воплощать его в жизнь в любом случае рано. Наша страна не готова к таким переменам, иначе ситуация грозит быть в десятки раз хуже, чем это происходит в других странах.

Особую тревогу вызывает распространение и доступность наркотических средств среди подростков из неблагополучных семей, совершающих правонарушения, что требует повышения эффективности их социально-психологической адаптации. В связи с чем важную роль приобретает профилактика правонарушений, представляющая собой совокупность организационных, правовых, экономических, социальных, демографических, воспитательных и иных мер по выявлению и устранению причин и условий совершения правонарушений или их недопущению [1, с. 26].

Таким образом, были рассмотрены наиболее проблемные вопросы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в настоящее время. Экспертами подтверждено, что именно информация в сети Интернет и притоны являются наиболее сильными методами распространения наркомании.

На наш взгляд, можно принять следующие меры борьбы:

1) наиболее эффективным способом решения проблем, связанных с наркотиками, является усовершенствование и ужесто-

чение мер уголовно-правового воздействия, в частности, предлагается ввести смертную казнь за наркоторговлю в особо крупном размере;

2) усиление пограничного и таможенного контроля, направление на выявление и пресечение наркотрафика;

3) продолжить блокировку сайтов в сети Интернет, ограничить возможность доступа в системы анонимайзеров;

4) усиление контроля над реализацией программ, направленных на борьбу с наркотиками, ввести меры ответственности для уполномоченных лиц за отказ от реализации программ;

5) организовать работу правоохранительных органов более слаженно, усилить их взаимодействие друг с другом.

Полагаем, что существующие и будущие более эффективные меры борьбы, если не искоренят до конца, то, по крайней мере, снизят количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Список литературы

1. Бойкова Н.Г. Межведомственное взаимодействие органов и учреждений при организации профилактической работы с несовершеннолетними (на примере Смоленской области) // Вестник Международного юридического института: научно-информационный журнал. 2016. № 3 (58).

2. Бражников Д.А., Щукин А.М. О некоторых проблемах выявления и раскрытия преступлений, связанных с организацией либо содержанием наркопритонов и склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3.

3. Винокуров В., Мальков С. Квалификация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право. 2014. № 4.

4. Гарбатович Д. Понятие наркопритона // Уголовное право. 2012. № 6.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средства-

ми, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. 2006. 28 июня. № 137.

6. Проблемы борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ требуют программно-целевого подхода и эффективных законодательных мер. Режим доступа <http://www.buroadvokat.ru> (дата обращения: 22.11.2016).

7. Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков. Барнаул: Сизиф, 2011.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

PROBLEMS OF DETERMINING LIMITS OF NECESSARY DEFENSE

Сеножанская Ольга Валерьевна

магистрант

Смоленский государственный университет

Фролов Михаил Григорьевич

канд. юрид. наук, доцент кафедры права

Смоленский государственный университет

Senozhanskaya O.

master of Smolensk State University,

Smolensk, Russia

Frolov M.

candidate of science in law, associate Professor of the

Department of law Smolensk State University,

Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье проанализировано уголовное законодательство Российской Федерации, рассмотрены актуальные проблемы определения пределов необходимой обороны, ошибки, допускаемые судами при применении норм о необходимой обороне, проведен анализ судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за период с 2012 по 2015 гг.*

***Abstract.** The article analyzes the criminal law of the Russian Federation, discussed topical issues of the definition of the limits of*

necessary defense, mistakes made by the courts in the application of rules of necessary defense, the analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the period from 2012 to 2015.

Ключевые слова: *необходимая оборона, состояние необходимой обороны, пределы необходимой обороны, посягающее лицо, насилие, опасное для жизни, насилие, не опасное для жизни*

Key words: *necessary defense, readiness for necessary defense, limits of necessary defense, encroaching person, life-threatening violence, not life-threatening violence*

Наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации положений о необходимой обороне, устанавливающих основания для признания правомерным причинение вреда лицам, посягающим на охраняемые социальные ценности, является одной из важнейших гарантий реализации положения ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1]. Однако предоставляя право причинить вред посягающему лицу, закон одновременно устанавливает пределы необходимой обороны.

Норма о необходимой обороне, содержащаяся в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливает пределы правомерности только для защиты от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В случае же, когда посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, закон допускает причинение любого вреда посягающему лицу [2].

Некоторые ученые полагают, что такое деление института необходимой обороны на два вида, хотя и было продиктовано стремлением законодателя облегчить для обороняющегося условия защиты, на практике только усложнило положение, так как обороняющийся вынужден в момент посягательства оценивать, является ли данное посягательство опасным для его жизни

или жизни другого лица [5, с. 249]. С этим утверждением отчасти можно согласиться.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», применявшемся судами до 2012 г., не содержалось разъяснения понятия посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, в то время как норма, делящая институт необходимой обороны на две части, уже существовала. Это создавало трудности при решении вопроса о правомерности действий оборонявшегося лица. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» такие разъяснения появились. Согласно его положениям, о наличии опасного для жизни посягательства могут свидетельствовать, в частности, причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например ранения жизненно важных органов); применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.). Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [4].

Однако принятие этого документа также не решило проблему определения пределов необходимой обороны в полном объеме. В судебной и следственной практике, сформировавшейся после 2012 г., встречаются случаи, когда правоприменитель неверно квалифицирует деяния лиц, оборонявшихся от посягательств, сопряженных с насилием, опасным для жизни, либо как деяния, совершенные при превышении пределов необходимой обороны,

либо на общих основаниях как иные преступления. В большинстве случаев такие ошибки судов первой инстанции исправляются судами апелляционной инстанции (как правило, судами субъектов РФ). Тем не менее имеют место случаи рассмотрения подобных дел и Верховным Судом РФ.

Так, приговором Бокситогорского городского суда Ленинградской области от 22.08.2012 С. был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ за то, что 2 июля 2011 г. в ходе конфликта, спровоцированного П., М. и Н., умышленно причинил тяжкий вред здоровью П., который от полученных травм скончался в больнице. С. и О. пытались избежать конфликта и ушли, однако П., М. и Н. стали преследовать их с деревянными брусками в руках. О. успел позвонить жене и попросить ее вызвать полицию в связи с опасениями за свою жизнь и жизнь С. П. М. и Н. их догнали и стали наносить удары брусками, один из нападавших выронил брусок, который поднял С. и нанес П. удары, послужившие причиной смерти. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 29.11.2012 приговор был оставлен без изменения. Постановлением президиума Ленинградского областного суда от 23 апреля 2013 г. действия С. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ [6]. Надзорным определением Верховного Суда Российской Федерации от 25.11.2013 приговор, кассационное определение и постановление президиума отменены, уголовное дело прекращено за отсутствием в действиях С. состава преступления. Суд обратил внимание на попытку С. избежать конфликта, на ответный характер его действий, направленных на защиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, на заключение судебно-медицинской экспертизы о наличии на теле С. телесных повреждений, характерных для самообороны, а также на то, что количество нападавших превышало количество оборонявшихся, нападавшие использовали в качестве оружия деревянные бруски значительных габаритов, в то время как оборонявшиеся не имели при себе каких-либо предметов и оборонялись лишь брусками, отобранными у нападавших [7].

В другом случае приговором Навлинского районного суда Брянской области от 7.05.2013 Л. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Преступление было совершено при следующих обстоя-

тельствах. Л. подошел к гаражу соседа Ш. и заговорил с ФИО, а находящийся в гараже Ш. стал выражаться нецензурной бранью в адрес Л., по поводу того, что якобы ранее Л. не положил на место какой-то ключ. Затем, продолжая выражаться нецензурной бранью, Ш. вышел из гаража на улицу и ударил Л. по боку канистрой. В результате между Л. и Ш. произошел очередной конфликт, в ходе которого последний, угрожая Л., сорвал с его шеи нательный крестик. ФИО сказал Л., чтобы он во избежание развития конфликта шел к себе домой. Л. направился домой, но Ш., не успокоившись, крикнул в его адрес, что сейчас придет и убьет Л. Зайдя домой, Л. увидел, как Ш. вместе с ФИО на машине последнего отъехали от дома Ш. Через несколько минут Л. увидел, что Ш. вернулся и продолжает выражаться нецензурной бранью и высказывать угрозы в его адрес. Предполагая, что Ш. может зайти к нему домой и угрожать каким-либо предметом, Л. решил напугать Ш. выстрелом в воздух из своего охотничьего ружья, для чего он прошел в свою спальную комнату, собрал ружье, зарядил его одним патроном и, вернувшись на веранду с ружьем, продолжил наблюдать за действиями Ш. Затем он увидел, как Ш. закрыл свой гараж и ушел в дом. Понаблюдав за домом Ш. и не увидев больше соседа, Л. предположил, что Ш. успокоился и к нему не придет, поэтому сел в кресло, а охотничье ружье положил себе на колени. Входная дверь веранды была открыта. Неожиданно через несколько минут на пороге появился Ш. с металлическим предметом в руке. Л. подскочил с кресла, но в этот момент получил удар металлическим предметом по левому плечу, в результате самопроизвольно произошел выстрел. Ш. упал на пол, а Л., поняв, что убил Ш., вызвал скорую помощь, полицию и позвонил дочери [8].

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Брянского областного суда от 12.07.2013 приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Брянского областного суда от 6.11.2013 действия Л. были переквалифицированы с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ. Президиум Брянского областного суда указал, что выводы суда апелляционной инстанции о том, что Л., имея реальную возможность защититься от нападения Ш., не принял должных мер по обеспечению собственной безо-

пасности, а напротив, дождавшись, когда Ш. придет к нему, умышленно выстрелил в последнего, противоречат материалам дела, поскольку с момента, когда Л. взял ружье, до производства выстрела прошел достаточно большой промежуток времени, в течение которого у Л. имелась возможность выстрелить в Ш. То, что Л. реально опасался угроз Ш., подтверждается тем обстоятельством, что, предвидя продолжение конфликта, Л. взял для защиты ружье и зарядил его. Наличие у Ш. во время конфликта металлического предмета подтверждается протоколом осмотра места происшествия.

Делая вывод о квалификации действий Л., как об убийстве, суд апелляционной инстанции не учел, что последний находился в состоянии необходимой обороны от реального посягательства со стороны Ш., который принес металлический ключ к нему в дом, что свидетельствует о реальном намерении применить его. Также суд не учел агрессивного поведения Ш. и угроз в адрес осужденного.

Однако Л., находясь в состоянии необходимой обороны, без явной необходимости, умышленно, причинил Ш. огнестрельное ранение, повлекшее его смерть. При этом способ защиты, принятый Л., не соответствовал характеру и степени общественной опасности посягательства со стороны Ш. [9].

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2014 судебные постановления изменены, уменьшен размер взысканной с Л. в счет компенсации морального вреда суммы в пользу потерпевших [10].

В третьем случае приговором Алтайского краевого суда от 4 августа 2014 г. Ш. был осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ, по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 167 УК РФ (совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны, покушение на уничтожение чужого имущества). В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

Как установлено приговором, убийство при превышении пределов необходимой обороны было совершено Ш. при следующих обстоятельствах. 3 апреля 2013 г. в период с 22 ч 30 мин до 23 ч Ш., С. и К. употребляли спиртные напитки в арендуемой последним квартире. Между Ш., с одной стороны, К. и

С., с другой, возник конфликт, перешедший в драку, в ходе которой последний нанес Ш. два удара кулаком в область лица. После этого К. нанес Ш. ножом удар в область бедра правой ноги, а С., присоединившись к действиям К., стал наносить Ш. удары кулаками в область головы и туловища, а также высказал требования К. о нанесении Ш. ударов ножом. Однако когда К., продолжая наносить удары, от которых Ш. защищался руками, в очередной раз замахнулся на Ш. ножом, последний перехватил руку К., выхватил нож и стал наносить С. и К. удары ножом. При этом К. нанес не менее 23 ударов в область головы, шеи, передней и задней поверхностей грудной клетки, а также левой верхней конечности, а С. не менее 29 ударов в область головы, шеи, передней, задней и боковых поверхностей грудной клетки, а также правой верхней конечности. В результате К. и С. был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший их смерть на месте происшествия.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении от 5.08.2015 указала на то, что данным обстоятельствам судом первой инстанции дана ошибочная юридическая оценка. Действия К. и С. по отношению к Ш. следовало оценить как посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни Ш. При таких обстоятельствах, в силу положений ч. 1 ст. 37 УК РФ, Ш. имел право на причинение нападающим любого вреда в целях защиты от такого нападения. Переход оружия, то есть ножа, от посягавших лиц к обороняющемуся, сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства, так как потерпевшие продолжили свое нападение, нанося Ш. удары руками по телу и голове. Вывод суда о том, что нападавшие перестали представлять угрозу его жизни, противоречит установленному судом способу и интенсивности посягательства (групповое нападение, нанесение ударов в область жизненно важных органов – головы), а также тому обстоятельству, что инициаторами конфликта были К. и С., которые препятствовали намерению Ш. покинуть квартиру.

Таким образом, в действиях Ш. отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 108 ч. 1 УК РФ.

Кроме того, Судебная коллегия пришла к выводу о том, что приговор суда в части осуждения Ш. по ст. 30 ч. 3, ст. 167 ч. 2

УК РФ не отвечает требованиям уголовно-процессуального закона об обоснованности обвинительного судебного решения, а также положениям об оценке собранных по делу доказательств в их совокупности, а значит, подлежит отмене в этой части, а уголовное дело – направлению на новое судебное рассмотрение в тот же суд со стадии подготовки к судебному заседанию [11].

Следует отметить, что анализ судебной практики Верховного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что жалобы, подаваемые в Верховный Суд РФ и содержащие просьбы лиц, осужденных по статьям, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против жизни и здоровья, о переквалификации их действий по статьям, предусматривающим ответственность за деяния, совершенные при превышении пределов необходимой обороны, чаще всего остаются без удовлетворения, как неосновательные, направленные на уход от заслуженного наказания.

Вместе с тем «профилактическая результативность уголовного закона определяется не столько рамками санкций, сколько фактическими назначениями и исполнением наказания, когда угроза применения наказания является не фразой, а реальной мерой» [12, с. 51].

Как мы видим, несмотря на подробные разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ в сентябре 2012 г. относительно вопроса о применении судами законодательства о необходимой обороне, проблема определения пределов необходимой обороны является актуальной и на сегодняшний день. Суды первой инстанции при вынесении решений часто руководствуются тяжестью вреда, причиненного посягающему лицу, при этом должным образом не оценивая опасности посягательства, что приводит к постановлению неправосудных приговоров в отношении лиц, пострадавших от противоправных действий потерпевших.

Данная проблема требует тщательного изучения и взвешенного подхода к ее решению, который, с одной стороны, защитит права обороняющихся лиц, а с другой – не допустит произвола при осуществлении права на необходимую оборону.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. 13.06.1996 № 63-ФЗ в ред. от 6.07.2016 // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» от 16.08.1984. № 14 // БВС СССР. 1984. № 5.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19 // БВС РФ. 2012. № 11.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.
6. Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2013 г. . <http://www.consultant.ru/cons> (12.11.2016).
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.11.2013 <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (12.11.2016).
8. Приговор Навлинского районного суда Брянской области от 7.05.2013. <http://sudact.ru/regular/doc> (12.11.2016).
9. Постановление президиума Брянского областного суда от 6.11.2013 <http://sudact.ru/regular/doc> (12.11.2016).
10. Определение суда кассационной инстанции от 21.05.2014 <http://sudact.ru/vsrf/doc/> (12.11.2016).
11. Определение Верховного Суда РФ от 5.08.2015. <http://www.consultant.ru/cons/> (12.11.2016).
12. Лопатина Т.М. Противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации // Законность. 2006. № 6.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ANALYSIS OF PROBLEMS OF ENFORCEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Сидоренкова Ирина Викторовна

канд. пед. наук, доцент кафедры товароведения
и таможенного дела АНО ОВО ЦС РФ
«Российский университет кооперации»
Смоленский филиал

Очеретнюк Виктория Викторовна

ст. преподаватель кафедры товароведения
и таможенного дела АНО ОВО ЦС РФ «Российский
университет кооперации»
Смоленский филиал

Sidorenkova I.

the candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the chair of commodity research and of customs, Smolensk branch of Russian University of cooperation Smolensk, Russia

Ocheretnyuk V.

senior lecturer of commodity research and of customs, Smolensk branch of Russian University of cooperation Smolensk, Russia

***Аннотация.** В данной статье речь идет о проблемах правоприменительной практики уголовного законодательства в борьбе с таможенными преступлениями на территории стран – участниц Евразийского экономического союза.*

***Abstract.** In this article we are talking about the problems of enforcement of criminal law in the fight against customs offences in the territory of member countries of the Eurasian economic Union.*

***Ключевые слова:** Евразийский экономический союз, уголовное законодательство, таможенные преступления, контрабанда.*

Key words: *Eurasian economic Union, criminal law, customs crimes, smuggling.*

Евразийский экономический союз является своего рода аналогом Европейского Союза. Между странами – участниками Евразийского экономического союза существует общий рынок труда, общий рынок товаров и услуг, однако не существует общего уголовного и административного законодательства. Для бесперебойного функционирования такого большого механизма, как Евразийский экономический союз, необходимо, чтобы каждая сфера деятельности правильно выполняла свою функцию [5, с. 76].

Договор «О Евразийском экономическом союзе» был принят 29 мая 2014 г., а вступил в силу с 1 января 2015 г. В состав Евразийского экономического союза входят пять стран: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения и Кыргызская Республика. Главенствующую роль в данном союзе занимает Российская Федерация, благодаря большому количеству запасов полезных ископаемых, особенно нефти и газа. Все важные для ЕАЭС нормативно-правовые акты принимает Евразийская экономическая комиссия. Все спорные вопросы, возникающие в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности, решаются Евразийским экономическим судом, который располагается в Минске.

Проанализировав нормативно-правовую базу стран – участниц Евразийского экономического союза, было установлено, что таможенные органы стран – участниц ЕАЭС при осуществлении правоохранительной деятельности опираются на два международных нормативно-правовых акта: «Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов таможенного союза» и «Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств – членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях». Согласно этим документам уголовные дела рассматриваются по уголовному законодательству той страны, где было совершено преступление, если преступление было совершено в нескольких странах – участницах союза, то уголовное дело возбуждается в той стране, где было совершено

последнее преступление, а также по согласованию стран – участниц союза уголовное дело может быть передано той стране, где было совершено большинство преступлений или наиболее тяжкое преступление.

Рассматривая виды совершаемых преступлений и наказаний за совершенные преступления на территории Евразийского экономического союза, было выявлено, что различие в законодательстве стран – участниц союза затрудняет деятельность таможенных органов.

Проанализировав причины совершения экономических преступлений в таможенной сфере, стало понятно, что большинство экономических преступлений совершается ради выгоды. Чаще всего преступления совершаются по статьям, связанным с контрабандой (во всех странах ЕАЭС, кроме России, статья «Контрабанда» присутствует в Уголовном кодексе, в УК РФ данная статья разбита на статьи, связанные с контрабандой сильнодействующих ядовитых веществ, наркотических веществ и контрабандой оружия и др.) и неуплатой таможенных пошлин. Усиленный контроль на пограничных пунктах пропуска позволяет выявлять сокрытые вложения, и система управления рисками помогает таможенным органам в осуществлении своей деятельности [6, с. 100].

Рассматривая проблемы, связанные с предотвращением преступлений на территории Евразийского экономического союза и пути их решения, можно предположить, что не знание или неполное знание законодательства остается одной из основных причин совершения таможенных преступлений гражданами [7, с. 66].

Чтобы несколько снизить уровень преступности, связанной с незнанием законодательства на пунктах пропуска через границу, обязательно вывешивают памятки с необходимой информацией для людей, пересекающих границу. Так, например, при пересечении границы Польша – Белоруссия можно увидеть бегущую строку с информацией о количестве товаров и денежных средств, перевозимых без уплаты таможенных платежей, что дает возможность гражданам избегать проблем, связанных с перемещением товаров и денежных средств через границу союза, такие памятки очень важны.

Подводя итог проведенного исследования, можно выделить следующие проблемы. Одной из наиболее важных проблем остается различие уголовного законодательства стран – участниц ЕАЭС. Для решения данной проблемы можно предложить два варианта. Первый – создать Уголовный кодекс Евразийского экономического союза. Однако мы считаем, что введение такого кодекса нецелесообразно ввиду религиозных, культурных, территориальных различий государств – участниц ЕАЭС.

Второй – разработать единый подход к уголовной ответственности в отношении таможенных преступлений, и в частности за контрабанду во всех странах, членах ЕАЭС, в первую очередь, вернув в УК РФ статью о контрабанде.

Кроме того, мы предлагаем внести в действующее уголовное законодательство всех стран – участниц ЕАЭС ряд дополнений и изменений следующего содержания:

- ввести отказ от условного осуждения за совершение преступлений по ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ, ст. 228 УК РБ, ст. 234 УК РК, ст. 215 УК РА, ст. 204 УК КР;

- ввести в эти же статьи пункт, предусматривающий наказания в случае повторного привлечения к ответственности за контрабанду.

Еще одной проблемой является большое количество преступлений, совершаемых на границах Евразийского экономического союза. Для сокращения количества преступлений, совершаемых в сфере таможенного дела, можно предложить оснастить пограничные пункты пропуска современной компьютерной техникой и новейшими компьютерными программами, а также необходимыми техническими средствами таможенного контроля. Бесперебойный обмен информацией, помогающей предотвратить преступления, между таможенными органами стран – участниц Евразийского экономического союза и таможенными органами других стран, облегчит работу таможенных органов и увеличит количество предотвращенных преступлений.

Проблемой остается и правовая неграмотность населения, чтобы решить данную проблему можно предложить показывать на федеральных каналах стран – участниц ЕАЭС в таких передачах, как «Человек и закон», репортажи о преступлениях, связанных с контрабандой и рассказывать о судебных решениях по этим делам.

Достаточно пятнадцатиминутного ролика один раз в неделю. Федеральные каналы имеют большую аудиторию зрителей, поэтому такие репортажи увидит большое количество людей.

Данные меры, по нашему предположению, позволят предотвратить и уменьшить количество совершаемых преступлений.

Евразийский экономический союз – это «молодой» союз, еще даже не принят Таможенный кодекс ЕАЭС и во всех нормативных документах до сих пор фигурирует Таможенный союз, а не Евразийский экономический союз. Создание унифицированного уголовного законодательства во многом облегчит деятельность таможенных органов государств – членов Евразийского экономического союза. Надеемся, что в скором будущем будут разработаны нормативные акты, которые помогут осуществлять свою профессиональную деятельность таможенным органам, а также принятие общих нормативных документов для всех стран – членов ЕАЭС позволит физическим и юридическим лицам осуществлять внешнеэкономическую деятельность без рисков и препятствий.

Список литературы

1. Договор «О Евразийском экономическом союзе» от 29.05.2014 г. (в ред. 1.10.2015 г.) <http://economy.gov.ru/mines/> (дата обращения 28.11.2016 г.)

2. Договор об особенностях уголовного и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов таможенного союза от 30 декабря 2011 г. // Собрание законодательства РФ. 6.08.2013. № 32.

3. Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств – членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. 6.08.2012. № 32. Ст. 4474.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 1.05.2016) // Российская газета. 1996. 18 июня. № 113; 1996. 19 июня. № 114; 1996. 20 июня. № 115; 1996. 25 июня. № 118.

5. Грачев О.В. Правовое обеспечение экономической безопасности РФ и ЕАЭС в сфере таможенной интеграции // Российская юстиция. М., 2014. № 5.

6. Драгнева Р. и Волчик Е. Россия, Евразийский Таможенный союз и ЕС: сотрудничество, стагнация или соперничество? Чатем-Хаус. Программы России и Евразии. 2014. Август.

7. Максимов Ю. Правовые и организационные особенности развития Таможенного союза // Хозяйство и право. 2014. № 3.

ОЦЕНКА ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО

EVALUATION VICTIM TESTIMONY

Сотченков Роман Михайлович

магистрант

Смоленский государственный университет

Sotchenko R.

undergraduate, Smolensk State University,

Smolensk, Russia

***Аннотация.** Показания потерпевшего – это сведения, сообщенные им на допросе и зафиксированные в установленном законом порядке. Оценка показаний потерпевшего производится по тем же правилам, что и оценка показаний свидетеля. Спецификой оценки показаний потерпевшего является учет эмоциональной нагрузки, которая всегда сопровождает показания потерпевшего. Потерпевший нередко заинтересован в преувеличении размера причиненного ему ущерба и в результатах разрешения уголовного дела. Условия, в которых он наблюдал преступление, могут влиять на восприятие им события, места его совершения, примет преступника. Все эти и многие другие обстоятельства должны учитываться при оценке показаний потерпевшего.*

***Abstract.** The testimony of the victim is information that is notified to them during the interrogation, and recorded in the manner prescribed by law. Evaluation of the testimony of the victim is based on the same rules as the evaluation of witness testimony. A specific evaluation of the testimony of the victim is the consideration of emotional stress that always accompanies the testimony of the victim. The victim often is interested in the exaggeration of the size of the damage caused to him and the outcome of the criminal case. The*

conditions in which he observed a crime can influence the perception of the event, the place of its Commission, the offender will take. All these and many other circumstances must be considered when evaluating victim's testimony.

Ключевые слова: показания потерпевшего, оценка достоверности, доказательства, виновность или невиновность лица, ценность показаний потерпевшего, уголовное дело, источник получения доказательств, потерпевший, заведомо ложное показание, допрос потерпевшего, уголовно-процессуальный закон.

Key words: victim's testimony, credibility estimate, evidenc, guilt or innocence of an individual, value of a victim's testimony, criminal case source of evidence, victim, deliberately false evidence, interrogation of a victim, procedural criminal law.

В ходе доказывания согласно уголовному процессу анализ любого доказательства с точки зрения его правдивости и действительности обладает огромной ролью. Непосредственно в результате него совершается установление того, какое из доказательств соответствует действительности, а какое – нет. Признание же доказательства достоверным является одним из условий, которое позволяет определить причастность либо непричастность личности в совершении преступления, а кроме этого и определить другие условия совершенного преступления.

Установление достоверности показаний пострадавшего необходимо связывать с достижением такого результата их проверки и оценки, в ходе которого можно сделать вывод о том, что соответствуют ли полученные сведения об обстоятельствах уголовного дела объективной действительности. Оценка и проверка достоверности показаний потерпевшего возможна лишь при условии того, что они будут признаны допустимыми и относимыми доказательствами. Поэтому недопустимые либо неотносимые показания потерпевшего являются в то же время и недостоверными доказательствами.

Специфика показаний потерпевшего выражается в том, что именно в них содержатся сведения, которые имеют непосредственное отношение к материалам уголовного дела и разрешению дела по существу. Исходя из этого, органы предварительного следствия должны относиться к этому процессу более внима-

тельно и тщательно относиться к проверке и оценке полученной информации, потому что в итоге могут быть установлены обстоятельства, исключаящие ответственность обвиняемого, либо, напротив, виновность в совершении преступления. Проверка и оценка показаний потерпевшего явление не минутное, оно представляет собой длящийся во времени процесс, в течение которого проверяются, анализируются и сопоставляются доказательства.

Оценка показаний потерпевшего представляет собой не просто изложение информации потерпевшим по произошедшему преступлению, а сложный психологический процесс, где на первый план выходит эмоциональное состояние человека. Эмоции притупляют сознание потерпевшего, в связи с чем он не в состоянии дать полную и точную оценку произошедшего. Грубо говоря, эмоциональное состояние может сказаться на процессе запоминания, сохранения в памяти обстоятельств произошедшего, и все это в конечном итоге затрудняет процесс допроса.

Значительную роль здесь играют качественные стороны памяти потерпевшего, интерес, проявленный им к случившемуся, его впечатлительность, а также общий интеллектуальный, образовательный уровень. Надлежит также учесть, что память любого человека может быть двигательной, эмоциональной, образной, смысловой, профессиональной. У каждого она своеобразна и недоучет этого во многих случаях приводит к неверной оценке показаний, недоверию к ним, их восприятию как ошибочной информации.

Не менее важной проблемой при оценке показаний потерпевшего является его злоупотребление алкоголем и наркотическими средствами, в связи с этим допрос данной категории лиц и оценка их показаний становятся затруднительными. Из практики следует, что лица, которые страдают данными недугами, довольно часто относятся к категории потерпевших. Таким лицам присущи провалы в памяти, лживость, хитрость, неустойчивое настроение, происходит нарушение нервной системы, в связи с чем пьяный потерпевший теряет способность к нормальному восприятию окружающей среды. У органов правосудия такие лица зачастую не пользуются уважением и не вызывают доверия, тем самым оценка их показаний с точки зрения правдивости и точности носит сложный характер.

Показания потерпевшего имеют много общих черт со свидетельскими показаниями, однако они не могут ни отождествляться с ними, ни рассматриваться как их разновидность [1, с. 13].

Момент, который необходимо учесть при оценке доказательств органам предварительного следствия и суда в частности, – это различия между показаниями, которые дает потерпевший, с одной стороны, и свидетель, с другой. Это связано с тем, что потерпевший, в первую очередь, лицо, которому преступлением причинен вред, а свидетель, это лицо, которое всего лишь видело обстоятельства произошедшего, поэтому для потерпевшего в отличие от свидетеля важен исход дела, что способно отразиться на правдивости его показаний.

Уголовно-процессуальным законом допускается возможность использования доказательств при допросе потерпевшего. По существу, при предъявлении доказательств потерпевшему во время его допроса происходит проверка и оценка достоверности сообщаемых им сведений. «Следователь получает возможность предъявления отдельных доказательств «с ходу», без собирания совокупности доказательств, используя в целях установления истины психологическую неподготовленность допрашиваемого ко лжи, его эмоциональное состояние, препятствующее взамен разоблаченной ложной позиции выдвинуть достаточно убедительные новые измышления» [3, с. 45].

Со стороны следователей и дознавателей имеют место случаи, которые осложняют оценку показаний потерпевшего. Так, в ч. 2 ст. 190 УПК сказано, что показания допрашиваемого лица записываются по возможности дословно, но в нарушение требований данной статьи следователи и дознаватели на свой вкус редактируют полученные показания при их записи в протокол допроса. Это можно увидеть невооруженным взглядом, например, для некоторой категории лиц, которые даже не имеют среднего образования, не присущи многие словосочетания, термины, которые отображены в протоколе, такие термины присущи больше для официального стиля, нежели для свободной устной речи.

Следовательно, многие протоколы допроса содержат ту информацию, которая не исходила от допрашиваемого лица. Но здесь встает вопрос о том, а что же делать с ненормативной лексикой, ко-

торая исходит от допрашиваемого лица, то в данной ситуации следователь или дознаватель должны записать эти слова в том случае, если они имеют значение для дела, и только в приемлемом виде.

Затрудняет оценку достоверности показаний и то, что в протоколах допроса изложены названия различного рода организаций в сложных аббревиатурах. Например, в протоколе записано: «За помощью я обратился в МО МВД России «Краснинский», а в беседе допрашиваемого лица со следователем он сказал: «Я обратился за помощью в Краснинский отдел полиции». Из этого видно, что следователь изложил это название так, как ему это известно, это говорит о явном искажении протокола допроса и дает основания предполагать, что и иные, отраженные в протоколе обстоятельства записаны неверно.

Переходя к написанию обвинительного заключения, следователь излагает в нем показания потерпевшего, не изменяя вид лица, от которого записываются показания. Так, в обвинительных заключениях имеются местоимения «он, она, я», хотя в обвинительных заключениях показания записываются от третьего лица.

На дополнительном допросе выясняются не только вопросы, которые возникли при расследовании дела, либо не выясненные на первоначальном допросе, но и переписываются показания, данные лицом на первом допросе. Это мешает сосредоточиться на тех моментах, которые имеют непосредственное отношение к делу. В итоге при оглашении показаний суд должен следовать тексту протокола допроса, тем самым повторяя ошибки, которые были допущены органами предварительного следствия, все это, вместе взятое, оказывает влияние на оценку показаний.

Показания потерпевшего, в которых он описывает события произошедшего, должны быть проверены на предмет полноты и достоверности, имеются ли в них существенные несхождения, различного рода противоречия. Чтобы выявить данные противоречия органам предварительного следствия и суда, необходимо детально, тщательно проанализировать информацию, полученную от потерпевшего. Например, потерпевший говорит о том, что преступление произошло в вечернее время, значит его показания должны соответствовать специфике того времени суток.

Во время допроса потерпевшему могут быть заданы уточняющие и дополнительные вопросы. Этим также проверяется достоверность показаний потерпевшего.

Показания потерпевшего – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде [5]. Он предупрежден об уголовной ответственности по ст. 308 за отказ от дачи показаний и по ст. 307 за дачу заведомо ложных показаний.

Наряду с вышеуказанными способами проверки показаний потерпевшего является сопоставление первоначальных и новых показаний потерпевшего, ведь в большинстве случаев при первом допросе потерпевшего он находится еще в эмоционально неустойчивом состоянии, может приукрасить события совершенного против него преступления, поскольку первый допрос проходит спустя небольшого количества времени после преступления. Поэтому необходимо прощупать ту грань, которая позволяет усмотреть несоответствие, пробелы в показаниях и наметить пути устранения этих недочетов.

При существенных противоречиях между показаниями те и другие подлежат тщательной проверке и оценке, в результате чего одни из них могут быть подтверждены и положены в основу обвинения, а другие отвергнуты [1, с. 111].

Практика показывает, что имеются такие ситуации, когда потерпевшему под воздействием самых различных факторов приходится врать. Так, например, в Кировской области в июле 2015 г. жительницу Малмыжского района В.В. Туеву оштрафовали за принуждение к даче заведомо ложных показаний, ее сын совершил разбой в отношении пожилого человека. Пенсионер обратился в полицию, на сына Туевой завели уголовное дело. Позже она встретила потерпевшего и стала уговаривать его отказаться от своих показаний и дать новые, заведомо ложные. При этом она угрожала ему физической расправой. Мужчина не поддавался на провокацию и обратился в полицию. На Туеву завели уголовное дело.

Таких случаев по стране достаточно много, и поэтому на органы предварительного следствия и правосудие ложится бремя выяснения причин несоответствия новых показаний прежним. Установив причины изменения показаний, можно правильно

оценить с точки зрения достоверности как те показания, которые давались прежде, так и те, что были получены позднее.

В стадии судебного разбирательства при наличии существенных противоречий между показаниями потерпевшего и его показаниями, полученными при производстве дознания или предварительного следствия, допускается оглашение на суде его прежних показаний и воспроизведение звукозаписи. Не исключено при этом, что достоверными будут признаны именно показания, данные потерпевшим на досудебном производстве [4, с. 146].

Если имеются незначительные расхождения в показаниях потерпевшего, то это не говорит о недостоверности одних и достоверности других, вероятно, что вторые показания уточняют или дополняют первые и наоборот.

Таким образом, в большинстве случаев показания потерпевшего правдивы, в их достоверности не приходится сомневаться, но нельзя забывать о факторах, которые так или иначе могли повлиять на ход изложения показаний потерпевшего. Таких как психическое переживание, испуг, стресс, состояние возбуждения.

Чтобы давать правдивые показания, потерпевший должен осознавать, воспринимать обстоятельства и факты, правильно их воспроизводить. Нахождение же потерпевшего в состоянии опьянения или наркотическом опьянении отражается на весь процесс дачи показаний. Все эти факторы необходимо учитывать при оценки показаний.

Остается важным вопрос о том, каким все же показаниям потерпевшего следует отдать предпочтение: первым или последующим, данным в ходе предварительного расследования или в судебном заседании.

Список литературы

1. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. М., 2000.
2. Показания свидетелей потерпевших как средство доказывания // Советская юстиция. 1964. № 18.
3. Соловьев А.Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии / А.Б. Соловьев. М., 2001.

4. Теория доказательств в советском уголовном процессе (часть Особенная). М., 1967.

5. Уголовно-процессуальный кодекс. Ст. 190.

МУСУЛЬМАНСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

MUSLIM CRIMINAL LAW (GENERAL CHARACTERISTICS)

Фомин Олег Евгеньевич

канд. юрид. наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Международный юридический институт

Тульский филиал

Fomin O.

candidate of legal Sciences, head of the Department of criminal law disciplines, Tula branch of the International law Institute

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу важного аспекта при изучении мусульманской правовой системы – мусульманскому уголовному праву. По мнению автора, в настоящее время данная тема является весьма актуальной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Усиления влияния мусульманского права в правовых системах ряда государств, идеологической и политической жизни настоятельно требуют дальнейшего изучения мусульманской правовой доктрины в целом и мусульманского уголовного права в частности. Автор дает общую характеристику основных элементов мусульманского уголовного права – понятию преступления, классификации преступлений, особенностям их видов, формулирует отличительные признаки мусульманской уголовно-правовой доктрины.*

***Abstract.** This article analyzes an important aspect in the study of the Muslim legal system Muslim criminal law. According to the author, is currently the topic is highly relevant from both theoretical and practical points of view. The growing influence of Islamic law in the legal systems of a number of States, ideological and political life,*

urged further study of the Muslim legal doctrine in General, and Muslim criminal law in particular.

The author gives a General characterization of the main elements of the Muslim criminal law the concept of crime, classification of crimes, characteristics of their species, formulates the distinguishing features of the Muslim criminal law doctrine.

Ключевые слова: *ислам, шариаат, деликтное право, деликт, хаад, кисас, тазир.*

Key words: *Islam, Sharia law, tort law, tort, Haad, qisas, tazir.*

Мусульманское право как нормативная система является, безусловно, архаичной, с точки зрения регулирования современных общественных реалий. Тем не менее влияние ислама на общественно-политическое развитие ряда зарубежных стран, международную обстановку в последние годы заметно возросло. При этом ценности данной религиозной доктрины зачастую используются для оправдания экстремистской и террористической деятельности (о чем очень ярко свидетельствует деятельность т.н. ИГИЛ). На состоявшейся 6 октября 2016 г. в Российском университете Дружбы народов научно-практической конференции «Религия против терроризма» обсуждались проблемы противодействия данной глобальной угрозе. Ее инициировали лидеры России и Казахстана. Дипломаты просили разделять понятия «ислам» и «терроризм» и не связывать религию с действиями «тех, кто рядится в одежды ислама». В то же время Чрезвычайный и полномочный посол Республики Казахстан в РФ Марат Тажин отметил, что терроризма **исламского** (выделено автором) как такового не существует, но «...это словосочетание само по себе задает некую интонацию, связанную с конкретной конфессией». По мнению директора Института философии РАН Андрея Смирнова, «...мир религии приближается к нашим границам, а борьбу за сердца и умы мы пока проигрываем». По данным участников конференции, из 1,7 млрд. мусульман 20 млн. проживают в России. В связи с этим чрезвычайный и полномочный посол, директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО Вениамин Попов считает, «что надо связать религиозных деятелей, науку, политику и культуру – без этого общая победа над терроризмом не-

возможна» [1, с. 10]. Отмеченное усиление влияния мусульманского права в правовых системах ряда государств, идеологической и политической жизни, оправдания экстремистской и террористической деятельности настоятельно требуют дальнейшего изучения мусульманской правовой доктрины как в целом, так и отдельных ее элементов.

Мусульманское право (шариат – в переводе с арабского правильнейший путь) – составная часть религиозного направления – ислама, возникшего на рубеже VI–VII вв. н.э. на Аравийском полуострове. Для обозначения мусульманского права исследователи наряду с термином «шариат» используют еще один термин – «фикх», хотя ряд авторов считают эти понятия неравнозначными.

Мусульманская концепция права характеризуется своеобразием подходов к оценке его основных параметров: происхождению права, его сущности, системе, соотношению прав и обязанностей, санкциям и т.д. Существенными особенностями характеризуется и концепция мусульманского уголовного права, рассмотрение теоретических основ которого весьма актуально в условиях усиления влияния ислама на современное политическое и правовое развитие.

В настоящее время в целом ряде государств, в которых государственной религией является ислам (Судан, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Оман и др.), уголовная ответственность основывается на принципах мусульманского права. При этом, по мнению А.В. Петровского, мусульманское уголовное право (укубат) основано на взаимодействии формального признака (закон запрещает деяние) и традиционного (шариата) или только традиционного (шариата) и существует в двух видах. Во-первых, в тех государствах, где его применение не прерывалось и где оно является классической доктриной. Во-вторых, в государствах, где оно стало возрождаться в последней трети XX в. в виде уголовных законов и кодексов европейского типа [2, с. 19–20].

Необходимо отметить, что классификация отраслей мусульманского права была разработана его доктриной и, по мнению некоторых исследователей, включает три больших блока принципов и норм:

- 1) отношения между мусульманами и Аллахом;
- 2) отношения между людьми;
- 3) отношения между государствами или иными религиозными доктринами и конфессиями [3, с. 47–60].

При этом мусульманское уголовное право, наряду с так называемым «правом личного статута» и комплексом гражданско-правовых норм входило во вторую группу норм. Анализ содержания структурных элементов мусульманского права свидетельствует о неодинаковом характере их развитости и механизмов правового регулирования, позволяет сделать вывод о том, что мусульманское право в целом – в большей степени частное право, содержащее нормы, ориентирующие на религиозные принципы и морально-религиозные критерии. Это объясняется в первую очередь самой направленностью ислама, стремление его ориентироваться прежде всего на исполнение обязанностей и запретов, а не на правах мусульман [4, с. 39–45]. Сказанное позволяет сделать вывод о частноправовой (в римской правовой традиции – деликтной) природе мусульманского уголовного права, представляющего единый комплекс правонарушений в целом (а не отрасль права в современном теоретико-правовом понимании), условно называемый «уголовным» по исторически сложившейся российской терминологии (от закрепленных в «Русской Правде» категорий «головничество», «головщина», «головщизна» – компенсации за убийство) [5].

В основе мусульманской уголовной деликтной концепции лежат несколько важных постулатов. Первый устанавливает, что поведение мусульманина, с точки зрения его правового содержания, включает поступки пяти категорий:

- поступки обязательные («вард» или «ваджиб»);
- поступки запрещенные («харам»);
- поступки рекомендуемые («мандуб» или «мустахаб»);
- поступки дозволенные («макрух»);
- поступки, основанные на некоторой свободе выбора, но «... в пределах разума, в гармонии с исламскими принципами и личной совестью» [6, с. 86]. Таким образом, мусульманское деликтное право призвано обеспечить, главным образом, соблюдение **обязанностей и запретов.**

Вторым важным положением, определяющим содержание мусульманского деликтного права, является постулат шариата о его направленности на защиту пяти основополагающих ценностей ислама – **религии, жизни, разума, собственности и продолжения рода**. В связи с этим любое серьезное правонарушение рассматривается двояко. С одной стороны, не только поведение, но и мысли людей определяются волей Аллаха, сфокусированной в мусульманских запретах, нарушение которых и является наказуемым деянием. С другой стороны, любое неправомерное поведение не просто отклонение от правового предписания, за которое следует «земная» санкция. С философски-религиозной точки зрения это непослушание воли Аллаха, нарушение религиозных требований, т.е. прежде всего – грех. Таким образом, понятие преступления в мусульманском праве основывается на его понимании в двух значениях – формально-юридическом и философско-богословском. Правонарушение, с одной стороны, – это совершение запрещенного и наказуемого Аллахом деяния, т.е. отклонение от любой нормы, регулирующей поведение человека в обществе (и не только в отношении других, но и себя). С другой – это нарушение тех религиозных обязанностей, которые приобрели правовое значение. При этом мусульманская доктрина мусульманского деликтного права не знает строгого разграничения санкций за нарушение отдельных категорий религиозно-правовых норм.

Весьма своеобразным является и классификация преступлений в мусульманском деликтном праве. Заметим, что для нее (в отличие от современных светских уголовно-правовых концепций о видах преступлений) характерно отсутствие единства, свидетельствующее о неоднозначном закреплении подавляющего числа принципов и норм, их неодинаковом толковании в различных мусульманских школах [7, с. 38–48]. Особенно наглядно это наблюдается при анализе классификаций преступлений, сохранении отдельных групп правонарушений и др.

Классифицируя правонарушения, мусульманские правоведы учитывали не столько степень общественной опасности, общественно-опасных последствий, характер нарушения и т.д., сколько сугубо религиозно-догматические критерии. Общеизвестной является классификация, в основу которой положено

два очень своеобразных, одновременно действующих оценочных момента: точность определенности санкции за то или иное нарушение и характер прав и интересов, на которые посягнуло данное деяние. Исходя из этих критериев, в мусульманской концепции деликтного права выделяются три большие группы.

1 группа. Преступления категории «**хаад**» («худуд»), характеризующиеся тем, что:

– санкции за их совершение четко определены Кораном, сунной или правоприменительной практикой «праведных» халифов [8, с. 48];

– объектом посягательства являются права и интересы всего мусульманского общества (т.е. «права Аллаха»).

Исходя из такого публичного характера, деяния данной группы не случайно признаются максимально опасными.

2 группа. Преступления категории «**кисас**» («дия», «кавад»):

– санкции за них строго определены (как и за деяния категории «хаад»);

– объектом их посягательства являются права и интересы не мусульманской общины в целом, а отдельных частных физических лиц.

3 группа. Преступления категории «**тазир**»:

– санкция за них точно не определена;

– они могут посягать как на интересы и права всего мусульманского сообщества, так и отдельных лиц. К данной группе правонарушений относятся все иные деяния, не вошедшие в категории «хаад» и «кисас».

Необходимо отметить, что ответственность за совершение правонарушений категорий «хаад» и «кисас» (с точки зрения современного учения о составе преступления) устанавливалась с учетом лишь объективных признаков. Отдельные субъективные признаки учитывались при совершении лишь правонарушений категории «тазир».

Р. Шарль определял данную трехчастную классификацию иным образом. По его мнению, к первой группе правонарушений, восходящих к доисламскому периоду, относятся убийство и нанесение ранений, допускающих кровную месть. Вторую – составляют правонарушения, наказания за которые были установлены религиозными законами в эпоху Корана и являющимися

ся преступлениями против Аллаха. К третьей – относятся все иные деяния, рассматривавшиеся в период Корана как посягательства на общественный строй [9].

Преступления категории «хаад», по мнению большинства мусульманских юристов, включает в себя семь правонарушений, представляющих в мусульманской концепции деликтного права максимальную опасность, как посягающих на интересы всей мусульманской общины, ее основополагающих принципов и ценностей (религии, жизни, разума, собственности и продолжения рода). Это:

- прелюбодейание (внебрачные половые связи, что посягало на семейные ценности, моральные принципы и **продолжение рода**);

- ложное обвинение в прелюбодейании (имело то же объект посягательства, что и прелюбодейание, хотя некоторые мусульманские школы считали, что это посягательство на интересы частных лиц);

- кража (относилась к данной категории в силу посягательства на такую ценность ислама, как **собственность**);

- разбой (опасность разбоя определялась посягательством не только на **собственность**, но также, пусть и косвенно, на такой объект защиты ислама, как **жизнь**);

- бунт, мятеж (данное деяние рассматривается как посягательство на интересы всего мусульманского общества, акт агрессии на всю мусульманскую общину и предусматривает наказание за любую попытку протеста или неповиновения как антигосударственной и антиисламской деятельности);

- предательство веры, вероотступничество (трактовалось достаточно широко, включая язычество, богохульство, измену исламу, посягающих на такую ценность, как **религия** – основу существующего миропорядка и в некоторых случаях рассматривалось как понятие близкое к бунту и мятежу);

- употребление спиртных напитков (посягающих в первую очередь на такую важнейшую ценность ислама как, интеллект, **разум**, без которого немислима истинная вера в Аллаха).

Как было отмечено выше, в содержании данной группы правонарушений (как и в оценке иных элементов доктрины) в мусульманской концепции деликтного права отсутствует единство

и некоторые школы оспаривают включение в нее некоторых деяний (например таких как бунт или вероотступничество).

Второй категорией в мусульманской концепции деликтного права признаются правонарушения категории «кисас». К данной группе относятся прежде всего убийство и причинение вреда здоровью различной степени тяжести (в основном в виде физического вреда, телесных повреждений). Особенность данных правонарушений, во-первых, заключается в установлении точной санкции за содеянное против физических лиц. Во-вторых, основополагающим принципом их применения является положение Корана о тождественности наказания нанесенному вреду, т.е. по принципу талиона («равное за равное»): «Кто же преступает против вас, то и вы преступайте против него подобно тому, как он преступил против вас» [10, с. 34–36]. Данное положение подтверждает архаичный (по сути раннефеодальный) характер многих положений шариата, устанавливая месть как основную цель наказания за данные правонарушения.

Третьей категорией правонарушений является группа деяний «тазир», которые посягают как на интересы всей мусульманской общины, так и частных лиц, но наказания за которые точно не определяются мусульманской правовой доктриной и не вошедшие в категории «хаад» и «кисас». В данную группу (по мнению разных школ) входило от 4 до 11 видов наказания (от лишения свободы и телесных наказаний до таких своеобразных, как устное порицание или бритье головы). В то же время наказания по категории «тазир» не применялись в случае раскаяния правонарушителя, а также в случае его прощения потерпевшим [11]. Это давало возможность правоприменительной практике (с учетом личных качеств нарушителя, характера правонарушения и др.) весьма свободно избирать вид наказания и его размер, а следовательно, и достаточно быстро реагировать на те или иные исторические изменения. В то же время отсутствие четкой санкции, имело и негативные последствия.

Тем не менее подавляющее число исследователей, оценивая историческое развитие мусульманского деликтного права, его перспективу, делают вывод, что оно отличается крайней архаичностью, отражает взгляды средневековья и, несмотря на его распространение в современном мире, не соответствует про-

грессивному развитию современного уголовного права, представляет попытку вернуть его к варварству и жестокости [12]. Е.В. Бычкова отмечает, что ислам – это универсальное мировоззрение, содержащее свои концепции культуры, политики и человека, которые порой превосходят международные декларации и конвенции [13, с. 21–25], такие как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и др., запрещающие пытки и иные жестокие и унижающие честь и достоинство личности наказания. Весьма точную, на наш взгляд, продолжающую и в современных условиях оставаться очень актуальной, оценку влияния шариата (в том числе и деликтного права) в современном мире, несмотря на то, что она была сформулирована три десятилетия назад), дал Л.Р. Сюкияйнен. Он отметил, «...что в ряде стран зарубежного Востока под прикрытием ислама возрождаются архаичные, средневековые по своему происхождению правовые институты. ... Причем воспринимаются и реализуются на практике, как правило, консервативные и антигуманные нормы» [14, с. 212–213].

Список литературы

1. Косякова Н. Религия против терроризма // Аргументы и факты. 2016. № 41 (1874). 12–18 октября.
2. Петровский А.В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств: Монография. Краснодар, 2013.
3. Садагдар М.И. Основы мусульманского права. М., 1968.
4. Фомин О.Е. Источники (формы) и структура мусульманского права (теоретико-правовая характеристика) / Сборник научных трудов Новомосковского филиала Университета Российской академии образования / Университет Российской академии образования. Новомосковский филиал. Новомосковск, 2015. Т. 13. Ч. 2.
5. Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984.
6. Акимова Н.В. Стратегия и тактика противодействия преступности в странах мусульманского права // Юридическая техника. 2015. № 9.

7. Хайдарова М.С. Основные направления и школы мусульманского права // Мусульманское право. М., 1984.
8. Фомин О.Е. Источники мусульманского права // Вестник Международного юридического институт. Научно информационный журнал. 2014. № 4 (51).
9. Шарль Р. Мусульманское право. М., 1959.
10. Коран. М., 1991.
11. Артемов В.Ю. Основные черты мусульманского уголовного права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
12. Уголовное право: Учебник. [www. bibliotekar. ru](http://www.bibliotekar.ru)
13. Бычкова Е.В. Ислам, мусульманское право и общечеловеческие ценности // Международное публичное и частное право. 2010. № 4.
14. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986.

ФАКТЫ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FACTS OF CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Яковлев Михаил Михайлович

магистрант

Смоленский государственный университет

Yakovlev M.

master of Smolensk State University, Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассматриваются определенные факторы коррупции, выделяются на основе них проблемы и предлагаются пути решения. Также все факторы коррупции подтверждаются конкретными примерами на основе Российской Федерации.*

***Abstract.** The article deals with certain factors of corruption, identified on the basis of their problems and proposed solutions. Also all the factors of corruption are confirmed by specific examples on the basis of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *уровень коррумпированности, чиновник, государственный служащий, взятка.*

Key words: *corruption, official, public servant, a bribe.*

Сегодня в мире проблема коррупции все чаще поднимется на всех уровнях власти и это, прежде всего, связано с тем, что коррупция – это прогрессирующая проблема мирового масштаба, которая требует длительного и целенаправленного искоренения. Если проводить параллель с другой глобальной проблемой как терроризм, то там уже на протяжении нескольких десятков лет ведется активная борьба на всех точках мира. По моему мнению, такая же активная работа должна вестись и в борьбе с коррупцией. «В обществе существуют определенные традиции, унаследованные от предшествующих поколений. Уместно вести речь о традициях двух видов: традициях собственно коррупционного поведения и традициях противодействия такому поведению» [5, с. 113].

У коррупции существует ряд факторов, которые оказывают на нее либо косвенное, либо непосредственное влияние при ее становлении и развитии. У каждого государства уровень коррупции разный и соответственно, я считаю, что факторы будут у каждого государства разные. В Российской Федерации, по моему мнению, определяющим фактором является психологический фактор. Здесь, прежде всего, главным является то, что у граждан Российской Федерации, у государственных служащих, у чиновников разного уровня не заложено в сознании то, что коррупция уничтожает собственное государство изнутри. Поэтому когда простой гражданин несет взятку чиновнику для решения своего вопроса, а чиновник берет эту взятку, то в совокупности этих действий государство постепенно рушится. Если обычный гражданин не верит в то, что власть может честно работать, то это значит, он не верит в собственное государство, что в итоге порождает преступность разного уровня и самое главное коррупцию. Некоторые эксперты указывают также, что среди факторов коррупции значительную роль могут играть определенные этнокультурные традиции и обычаи, пережитки, которые в определенной степени программируют поведение личности. Так, в некоторых южных регионах России коррупция

не просто имеет место, «а ею пропитано все общество на различных уровнях; методы коррупционного характера не просто предпочтительны при реализации каких-либо задач, а необходимы, ибо в ином случае зачастую сопряжены с невероятными трудностями».

Вторым фактором, влияющим на коррупцию, является правовой фактор. Это, прежде всего, связано с тем законодательством, которое направлено на пресечение и наказание за коррупционные преступления. Так, в Российской Федерации на 2016–2017 гг. Президентом РФ принят Национальный план противодействия коррупции на 2016–2017 гг. [2]. В нем содержатся положения по улучшению работы по противодействию коррупции, определенные цели и ориентиры, куда нужно двигаться и что делать в этом направлении, но какими средствами и как эти цели достигаются не изложено. Это и есть важная проблема, что в РФ не существует единых методов по борьбе с коррупцией, нет единого кодифицированного акта, который мог бы посодействовать органам власти, которые занимаются этой проблемой. Хочу привести цитату В.Ф. Жириновского, который высказался по данной проблеме: «Закон и меры есть, возбуждаются десятки тысяч дел, десятки тысяч людей арестованы, но проблема остается. Поэтому вопрос заключается в том, как нас с вами обезопасить от этого дела. В таких опасных делах, как борьба с террором, где имеет место коррупция, обязательно есть успехи. Неужели вам приятно, что у нас переполнены камеры, в том числе работниками милиции, налоговиками, таможенниками? Идет борьба, арестованных можно показывать каждый день, но это по мелочи, а крупная рыба сидит и там все отлажено. Например, ловят директора детского сада, который берет взятку, чтобы взять ребенка, взятку за лечение берет врач. ФСБ должно контролировать все это дело, потому что у нас коррупция завязана на политическую составляющую, а это самая опасная коррупция» [2].

В других странах мира с коррупцией легче бороться, она примитивная, как состав преступления. Если у нас разворачивать цепочку, то она потянется очень высоко. Ее обрубают на определенном этапе и до конца эту заразу не зачищают. Специфика русской взятки в том, что ее дают и все равно ничего не делают. За рубежом если дал взятку, ты знаешь, что сделают. В

России человек не уверен, что он ее дал и от этого будет результат. Нужно дать еще тому, кто будет полезен тому, кому дали, чтобы тот, наконец, дал сигнал остальным.

Третьим фактором является социально-экономический фактор. Он складывается из того, что Российская Федерация сильно отстает в плане внедрения в социальную жизнь новых технологий. С коррупцией это связано тем, что фактором уменьшения уровня коррупции будет переводение всех расчетов на электронные носители. То есть привести все расчеты между гражданином с государством на электронный носитель, исключить наличный расчет. Тогда будет легко определять момент, начиная с коррупционной схемы, и момент окончания, куда ушли деньги. Электронные средства позволят проводить тотальный контроль над каждым чиновником. Сегодня в России чиновник лицо неприкосновенное и правоохранительным органам очень сложно привлечь его к ответственности. Чтобы прослушать телефон депутата, необходимо получать специальное разрешение суда, что в итоге может повлечь утечку информации, потраченное время, а чиновник за это время может уже скрыться за границей. Если позволить нашим правоохранительным органам больше свободы в следственных действиях по коррупционным преступлениям, то я уверен результат не заставит себя долго ждать.

Ряд экспертов считают, что переход к пластиковым платежным картам послужит огромным толчком для снижения уровня коррупции. Сейчас в обществе ходят мнения о создании единой национальной платежной системы. В Европе уже давно за гражданином начнут следить, если он вдруг неожиданно пришел в банк и снял миллион, а в России человек может снять наличными десять миллионов и не у кого это не вызовет подозрений. Спрашивается, зачем человеку такие деньги наличными, если нужно оплатить дорогую покупку, то сделай это платежной картой, сейчас, например, те же автомобильные салоны практически исключают наличный расчет за покупку автомобилей.

Еще одним фактором коррупции в РФ я считаю организационный фактор. В государственных органах и даже в крупных фирмах необходимо полностью исключить родственные отношения. Родственные отношения не должны пересекаться в деятельности конкретной организации. Также нужно исключить

любые вознаграждения как подарки. Зачем нести подарок чиновнику, когда он и без него должен делать свою работу за которую получает зарплату. Для того чтобы государственный служащий не брал взяток ему нужно в процессе его трудовой деятельности создать все условия: предоставить жилье, льготы, хорошую зарплату, лечение, достойную пенсию, то есть создать такие условия, чтобы он не думал, что ему нужны еще деньги. Для того чтобы чиновник дорожил своим рабочим местом, необходимо ввести прогрессивную зарплату, чтобы молодой сотрудник получал, например, 40000 руб., а к 45 годам 300000 руб. и пенсия была 50000 руб., тогда он будет думать, зачем ему взятки, если он через несколько лет и так получит эти же деньги.

Сегодняшняя вертикаль власти не позволяет четко контролировать друг друга чиновникам. У нас судебная и правоохранительная власти стоят по рангу ниже, чем законодательная и исполнительные власти. Это не дает свободу действий правоохранительным и судебным органам своевременно пресекать действия чиновников, связанных с коррупцией.

По результатам исследования коррумпированности стран мира Международной общественной организации по противодействию коррупции «Transparency International», Россия занимает 146-е место по уровню коррупции среди 180 стран мира [4]. Это говорит о том, что дела обстоят очень плохо. Недостаточно только критиковать чиновников в том, что они взяточники и казнокрады. Ведь любой чиновник – это изначально был простой гражданин, который воспитывался в семье, которого вырастило государство. Значит, проблема лежит в истоках воспитания и право понимания человека.

Привожу простой пример: в день теракта в аэропорте в Домодедово в Москве в 2011 г., местные таксисты вместо того, чтобы помочь пострадавшим и бесплатно довести их в больницы, подняли цены на свои услуги в 10 раз, где цена поездки от аэропорта до Москвы доходила до 10000 рублей. Это говорит о низком нравственном воспитании Российского гражданина, и о высокой склонности любого нашего соотечественника к коррупции. Президент объявил борьбу с коррупцией в качестве одного из главных пунктов своей программы, он вносит предложения, а депутаты, которые не хотели принимать закон, выхо-

лачивают оттуда самое главное. А потом Генеральный прокурор пишет критерии, как нужно рассматривать дела о коррупции. Тогда для чего принимался Федеральный закон «О противодействии коррупции». Все это только усиливает коррупцию.

В России есть отдельные органы власти, которые представляют собой образец для подражания всем гражданам и другим органам власти. Это, например, ФСБ. Там четкая отлаженная внутренняя структура, которая полностью исключает коррупцию. Необходимо постепенно и в других органах создать такие же условия. Если, например, чиновник – это публичное лицо, то необходимо, чтобы народ мог за ним публично следить. Поставить камеры в кабинеты чиновникам и отслеживать их действия, у нас уже есть примеры, когда это помогало в работе, при выборах на избирательных участках были по всей стране установлены камеры.

С одной стороны, в последнее время состояние дел по борьбе с коррупцией улучшается, и система отчета чиновников и государственных служащих становится прозрачнее. Например, каждый может посмотреть налоговую декларацию государственного служащего. Но даже там опубликование налоговой декларации с сумасшедшим доходом за год, практически не дает никакой реакции правоохранительных органов. То же самое происходит при опубликовании государственного заказа на сайте государственных закупок. При явном нецелевом расходовании средств реакции практически нет.

25 декабря 2008 г. был принят Федеральный закон от № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который призван усилить противодействие коррупции. Он определяет коррупцию как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

На протяжении последних десятилетий в нашей стране наблюдается активный рост числа и разновидностей коррупционных правонарушений. С каждым годом ситуация становится все более напряженной. Развитию коррупции способствует как общее снижение духовно-нравственного потенциала общества, господствующий в нем правовой нигилизм, так и неверие в неотвратимость наказания, ослабление государственного контроля и несовершенство законодательства.

Коррупция относится к числу наиболее опасных негативных социальных явлений, приводящих к разрушению основ правопорядка и резко ослабляющих все государственные институты. Она неизбежна при избыточном государственном администрировании. Коррупция препятствует социальным преобразованиям и повышению эффективности национальной экономики, вызывая большую тревогу в российском обществе и порождая недоверие к государственным структурам. Это явление способствует созданию негативного имиджа России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Рейтинг уровня коррупции. . <https://lenta.ru/>
2. Жириновский В.В. Антикоррупционное законодательство. <http://www.garant.ru/interview/237456>.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «О противодействии коррупции». <http://www.consultant.ru/document/cons>
3. Госслужба «О противодействии коррупции» <http://goss-luzhba.gov.ru/anticorruption>
4. Денисов С.А. Анализ коррупционного юридического климата России и выработка на его основе программ противодействия коррупции. <http://chinovnik.uara.ru>
5. Лопатина Т.М. Формирование антикоррупционного менталитета // Современное право. 2009. № 4.

Раздел 4
Роль общественного контроля
в формировании гражданского общества

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКОГО ОМБУДСМЕНА КАК
ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ИНСТРУМЕНТОВ
ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ**

THE ACTIVITY OF OMBUDSMAN FOR CHILDREN
AS ONE OF THE ELEMENTS OF THE
INSTRUMENTS OF PUBLIC CONTROL

Васильева Светлана Валерьевна

канд. юрид. наук,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Vasilieva S.

candidate of science in law associate Professor of the
Department of constitutional and municipal law (general
institute) Smolensk branch International law Insitute,
Smolensk, Russia

***Аннотация.** Статья посвящена мерам, которые проводятся в Смоленской области аппаратом Уполномоченного по правам ребенка в Смоленской области в отношении детей, которые остались без попечения родителей.*

***Abstract.** The article is devoted to measures carried out in the Smolensk region, office of the Commissioner for children's rights in Smolensk region in respect of children left without parental care.*

***Ключевые слова:** ребенок, приемная семья, опека, попечительство, Уполномоченный по правам ребенка.*

***Key words:** child, foster family, guardianship, the Commissioner for the rights of the child.*

В жизни многих детей случается несчастье – по тем либо иным причинам они становятся сиротами, то есть остаются без родителей. В социуме принято считать сиротами тех детей, которые остались без родителей в результате их смерти. Общество обязано взять на себя ответственность за их будущее. Сироты с 2016 г. защищены новым законом. Выделяют такие группы:

1) собственно сироты – это те несовершеннолетние дети, у которых умерли родители;

2) «лишенцы»: дети родителей, лишенных родительских прав;

3) «отказники»: такие дети, от которых отказались биологические родители;

4) сироты 2016 г., которые проживают в интернатах, их родители не принимают участия в воспитании собственного ребенка, так как интернаты находятся далеко от места их проживания;

5) условно домашние сироты 2016 г.: ребенок проживает совместно с биологическими родителями, но им нет до него никакого дела.

Федеральный закон России «Об опеке и попечительстве» содержит следующую норму: «Опека – это форма социального устройства граждан, которые не достигли четырнадцати лет, то есть являются малолетними». Опека 2016 г. – это приоритетное направление работы органов опеки и попечительства. Основная задача, которую ставит правительство: сироты с 2016 г. должны меньше времени находиться в детских домах.

В целях реализации указа Президента Российской Федерации от 7.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» [4] с 1 января 2013 г. на территории Смоленской области областным законом от 20.08.2011 г. № 60-3 «О мере социальной поддержки семей при рождении или усыновлении третьего ребенка или последующих детей на территории Смоленской области» [6] введена мера социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты, которая назначается семьям при рождении или усыновлении в 2013 г. третьего и последующих детей. Данное право имеют граждане Российской Федерации, проживающие на территории Смоленской области.

На базе МБОУ ДО Центр детского творчества «Звездный» г. Гагарина Смоленской области состоялся практико-ориентированный семинар, проведенный специалистами СОГБУ «Центр психолого-

медико-социального сопровождения для детей и семей» г. Смоленска на тему: «Выявление и работа с семьей на ранней стадии неблагополучия». Данный семинар был организован отделом опеки и попечительства Комитета по образованию Администрации МО «Гагаринский район» Смоленской области. В семинаре приняли участие социальные педагоги и общественные инспектора образовательных учреждений Гагаринского района, СОГБУ «Гагаринский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Яуза». Участники семинара имели возможность познакомиться с признаками семейного неблагополучия на ранней стадии, этапами и приемами коррекционной работы, получить рекомендации по эффективному осуществлению межведомственного взаимодействия в работе с неблагополучными семьями. В рамках семинара также прошел тренинг для родителей из семей, находящихся в социально-опасном положении.

Опекуны и приемные родители занимались по теме: «Психологическая травма утраты». Также сотрудники Центра провели обучающий тренинг с детьми по теме: «Конфликты и пути их преодоления». По отзывам участников семинара, он прошел плодотворно и интересно. Сотрудники Центра получили приглашение проводить подобные обучающие мероприятия в нашем районе и в дальнейшем.

В феврале прошлого года прошло очередное психолого-медико-социальное обследование детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в замещающих семьях. Данное обследование организуется отделом опеки и попечительства Комитета по образованию ежегодно с 2008 г. Цель его проведения – выявление уровня социальной и функциональной адаптации подопечных и приемных детей. В 2015 г. было обследовано 18 детей, переданных недавно на воспитание в замещающие семьи. Обследование проводилось поэтапно. На первом этапе прошло собеседование детей и замещающих родителей с социальным педагогом и их диагностика психологом. Данными специалистами была определена степень адаптации каждого ребенка в семье, состояние детско-родительских отношений, уровень социализации детей, наличие признаков и при-

чин девиантного поведения, правильность выбора опекунами и приемными родителями форм и методов воспитания [6].

Второй этап обследования был проведен врачами ОГБУЗ «Гагаринская ЦРБ» логопедом и дефектологом. Все они участвуют в обследовании не первый год. Ими был выявлен уровень развития и наличие трудностей в обучении подопечных и приемных детей, проверено состояние их здоровья, отслежена динамика течения имеющихся заболеваний, скорректировано лечение. Итоги проведенного обследования были подведены на консилиуме. В нем участвовали начальник и специалисты отдела опеки и попечительства, социальные педагоги и общественные инспектора по охране прав детей образовательных учреждений. Во время консилиума в соответствии с результатами диагностирования детей, собеседования с замещающими родителями, выводами и рекомендациями специалистов, психолого-педагогической характеристики образовательного учреждения был составлен индивидуальный план развития каждого ребенка.

Со всеми рекомендациями по требуемому медикаментозному лечению и дополнительному медицинскому обследованию, необходимости организации коррекционно-развивающих занятий детей с психологом и логопедом были ознакомлены опекуны и приемные родители. Выполнение рекомендаций взято на контроль специалистами отдела опеки и попечительства.

Мониторинг результатов психолого-медико-социального обследования подопечных и приемных детей за последние пять лет показал, что своевременное выявление и устранение трудностей и проблем позволяет улучшить школьную успеваемость и социализацию ребенка, предупредить возникновение и развитие кризисных ситуаций в подопечных и приемных семьях, а также способствует профилактике вторичного отказа от детей из замещающих семей.

Итоги мониторингового обследования подводились на консилиуме, в котором помимо начальника и специалистов отдела опеки и попечительства приняли участие социальные педагоги и общественные инспектора по охране прав детей школ и детских садов, посещаемых детьми, участвовавшими в мониторинге. Участники консилиума познакомились с результатами диагностирования и осмотра детей, собеседования с родителями, выво-

дами и рекомендациями специалистов. С учетом данных заключений и характеристик, представленных образовательными учреждениями, были сделаны выводы о необходимых коррекционно-развивающих занятиях с детьми, изменении линии воспитания некоторыми замещающими родителями для улучшения детско-родительских отношений.

Список литературы

1. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // СПС Консультант Плюс.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ред. от 28.11.2015). 1996. 21 дек. № 159-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. Указ Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // СПС ГАРАНТ. 2012. 7 мая. № 606.
5. Воробьева Л.В. Семейное право Российской Федерации: Учебно-практическое пособие. М., 2011.
6. <http://www.help4mama.ru/content/>

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

**IMPROVING FOLLOW-UP OF ADMINISTRATIVE
IMPOSITIONS ADOPTED FOR USE OF NAZISM
SYMBOLS (AN EXAMPLE OF RUSSIAN
FEDERATION)**

Емельянова Алеся Михайловна

студентка 4-го курса

Белорусский государственный социальный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Абдурахманов Александр Амангельдыевич

канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики

Белорусский государственный университет

г. Минск, Республика Беларусь

Emelyanova A.

4 year student, Russian government social university,
subsidiary in Minsk, Minsk, Republic of Belarus

Abdurahmanov A.

candidate of legal sciences, assistant professor Associate
Professor of forensic science Belorussian state university,
Minsk, Republic of Belarus

***Аннотация.** В статье рассматриваются возможности применения мер административного принуждения за использование нацистской символики в Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу современного состояния и мер административной ответственности за совершение данного правонарушения и возможностям ее совершенствования с использованием соответствующего опыта Республики Беларусь.*

***Abstract.** This article presents possibilities of applying measures administrative impositions adopted for use of Nazism symbols in*

Russian Federation. Particular emphasis are placed on the analysis of current state and measures of administrative penalties for committed the offence and possible improvements with help of experience of Republic of Belarus.

Ключевые слова: административное принуждение, административная ответственность, нацистская символика.

Key words: administrative coercion, administrative responsibility, Nazism symbols.

Административное принуждение является одним из видов государственного принуждения и заключается в понуждении физических и юридических лиц к исполнению установленных нормами права обязанностей. Целевое назначение мер административного принуждения состоит в прекращении противоправных деяний; административном наказании правонарушителей; охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в случаях, когда чрезвычайные обстоятельства обуславливают возможность применения мер административного принуждения и в отсутствие правонарушения. В правовой литературе, во многом справедливо, административное принуждение определяется как «применение органами государственного управления, судами (судьями), а в случае делегирования соответствующих полномочий общественными организациями установленных законом мер, состоящих в понуждении к исполнению гражданами, должностными лицами юридических обязанностей в целях прекращения противоправных действий, привлечения к ответственности за административные проступки или обеспечения общественной безопасности» [1, с. 109].

Согласно устоявшейся в науке административного права классификации меры административного принуждения можно подразделить на три крупные группы: меры административного предупреждения; меры административного пресечения; меры административной ответственности.

Представляется, что в настоящее время наиболее перспективным направлением в борьбе с административными правонарушениями, посягающими на общественный порядок и общественную безопасность, является совершенствование мер административной ответственности.

Административная ответственность является действенным средством предупреждения значительного количества правонарушений, в том числе связанных с использованием нацистской символики. Сегодня законодатель акцентирует внимание на ужесточении административной ответственности за использование, распространение нацистской символики. В частности в 2014 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации появилась ст. 354.1 «Реабилитация нацизма».

В России противодействие экстремизму, одним из компонентов которого является фашизм, является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем Т.Л. Евдокимова справедливо отмечает, что «... несмотря на значительную работу, проделанную за последние годы российскими законодателями, действующее антиэкстремистское законодательство по-прежнему характеризуется отсутствием целостной системы и внутренней противоречивостью» [2, с. 4].

В КоАП РФ содержится ст. 20.3, предусматривающая ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. Для граждан предусмотрен административный штраф в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией нацистской или иной указанной атрибутики или символики либо административный арест на срок до пятнадцати суток с аналогичной конфискацией [5]. В случае изготовления, сбыта или приобретения в целях сбыта нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, направленных на их пропаганду предусмотрен административный штраф в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; для должностных лиц – от двух тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; для юридических лиц – от двадцати тысяч до ста тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения. Помимо этого, указанные выше отношения отчасти регламентируются Федеральными законами № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной

войне 1941–1945 гг.» [7] и № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6].

В Республике Беларусь действует ст. 17.10 КоАП, согласно которой за пропаганду и (или) публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети, изготовление и (или) распространение нацистской символики или атрибутики предусмотрена административная ответственность. Ее санкция предусматривает наложение штрафа в размере до десяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения, или административный арест с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения, на индивидуального предпринимателя – до пятидесяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения, а на юридическое лицо – до двухсот базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения [4].

Законодатель определяет понятие «нацистская символика и атрибутика» как флаг, гимн, эмблема, вымпел, галстук, нагрудный и опознавательный знак Национал-социалистической рабочей партии Германии или их копии. Однако не являются административными правонарушениями изготовление, публичное демонстрирование и (или) распространение нацистской символики или атрибутики физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом при осуществлении деятельности в области театрального, музыкального, циркового и изобразительного искусства, библиотечного дела, кинематографии, музейного дела, организации и проведения культурно-зрелищных мероприятий, издательского дела, образовательной деятельности, средств массовой информации в соответствии с законодательством.

В ближайшее время ст. 17.10 КоАП Республики Беларусь должна быть введена ответственность за нанесение или публичное демонстрирование татуировки с изображением нацистской символики. Теперь к административной ответственности будут привлекаться и обладатель запрещенной татуировки, и мастер ее

изготовивший. Вместе с тем от административной ответственности будут освобождаться обладатели наци-тату, если они еще до рассмотрения дела добровольно выведут указанные татуировки либо внесут в них изменения, исключающие изображение нацистской символики и иное антиобщественное содержание [3]. Необходимо также отметить, что перечень символики и атрибутики справедливо расширен за счет элементов, использовавшихся не только в Национал-социалистической рабочей партии Германии, но и в государственных, военных и иных структурах, признанных Международным военным трибуналом преступными. Наказуемыми станут приветственные жесты национал-социалистов, пароли, цифры, в которых зашифрованы имена фюрера, всевозможные руны, «кельты», «коловраты».

Кроме того, размещение в свободном доступе в социальных сетях атрибутики или символики организаций, сотрудничавших с группами, организациями, движениями или лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников в европейских странах оси (далее – Нюрнбергского трибунала) либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Нюрнбергского трибунала либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны; атрибутики или символики организаций (в том числе иностранных или международных), отрицающих факты и выводы, установленные приговором Нюрнбергского трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Нюрнбергского трибунала либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны также запрещено и карается в соответствии с законом.

Вместе с тем необходимо отметить, что используемые российским законодателем термины «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» носят оценочный характер, что позволяет толковать их расширительно.

Таким образом, анализ диспозиций ст. 17.10 КоАП Республики Беларусь и ст. 20.3 КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что белорусский законодатель более взвешенно подошел к

вопросу о случаях правомерного использования нацистской символики или атрибутики, изложив закрытый перечень такой символики и атрибутики, а также перечень случаев, когда такое деяние не является правонарушением, в примечании к ст. 17.10 КоАП. Отсутствие подобного примечания в КоАП РФ на практике привело к многочисленным случаям неправомерного и противоречащего духу закона привлечения к ответственности по ст. 20.3 физических и юридических лиц.

При анализе санкций вызывает недоумение и размер штрафа за рассматриваемое правонарушение в КоАП РФ. Так, для граждан он составляет от одной тысячи до двух тысяч рублей, что эквивалентно примерно сумме от 15 до 30 долларов США (для сравнения в Беларуси – до 10 базовых величин, что эквивалентно примерно 107 долларам США).

В завершение хотелось бы отметить, что в рассматриваемом аспекте целесообразно изучить возможность использования административной преюдиции за совершение нескольких правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ, в течение года. Тогда содеянное будет расцениваться как совершение преступления и к виновному будут применены меры уголовной ответственности. Думается, что это позволит усилить профилактический эффект соответствующей нормы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Список литературы

1. Советское административное право. Методы и формы государственного управления. М.: Юрид. лит, 1977.

2. Евдокимова Т.Л. Конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел России по ограничению основных прав и свобод человека и гражданина в условиях противодействия экстремизму: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Акад. упр. МВД РФ. М., 2010.

3. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. <http://www.pravo.by> (дата доступа: 12.11.2016).

4. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. <http://etalonline.by/> (дата доступа: 10.11.2016.)

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195-ФЗ. В ред. от 6.07.2016 // СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru/document/> (дата доступа: 11.11.2016).

6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ в ред. от 23.11.2015 «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 29 июля. № 30. Ст. 3031.

7. Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. 22 мая. № 21. Ст. 1928.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

PUBLIC REGULATION AS A STATE-SOCIETY
INTERACTION MECHANISM AT CURRENT STAGE
OF RUSSIAN'S STATE DEVELOPMENT

Карташова Людмила Эдуардовна

канд. филос. наук, доцент
кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Международный юридический институт
Одинцовский филиал

Kartashova L.

PhD in philosophy, associate professor at the
Department of all-humanitarian and natural-science
disciplines of the International Law Institute, Odintsovo
(Odintsovo, Moscow region) branch, Russia

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование института общественного контроля и его роль в укреплении взаимодействия между властью и обществом на современном этапе развития Российского государства.

Abstract. *The article analyzes legal control of the public regulation's institute. Also, describes its role in strengthening the interaction between political authority and society at current stage of Russian's state development.*

Ключевые слова: *общественный контроль, правовое регулирование, власть, гражданское общество, взаимодействие*

Key words: *public regulation, legal control, political authority, civil society, interaction.*

«...Граждане должны обладать теми же возможностями принуждения властвующих к точному и безусловному исполнению закона, которыми обладают последние по отношению к гражданам»

И. Кант. Основы метафизики нравственности

Проблемы взаимодействия гражданского общества и государственной власти относятся к проблемам управления политическими процессами. Механизмы взаимодействия и формирования взаимного доверия и сотрудничества между властью и обществом весьма различны. Так, в условиях развития демократического общества обыденным явлением российской жизни стал электоральный механизм, который достаточно успешно действует уже несколько десятилетий, хотя и нуждается в доработке и совершенствовании.

Однако электоральный механизм, будучи дискретным по своему характеру, действует только в период выборных кампаний и не может обеспечить практически постоянно необходимого гражданам, субъектам экономической деятельности, различным общественным, корпоративным и иным негосударственным объединениям и организациям взаимодействия со структурами власти и, в первую очередь, с ее исполнительной ветвью. В то время как даже в государствах с устойчиво развивающейся экономикой и отлаженной политической системой постоянное взаимодействие общества и различных его элементов с властью является необходимым для обеспечения социально-политической стабильности и выработки оптимальных решений по дальнейшему развитию. Не менее актуален этот вопрос для об-

ществ переходного типа в целях обеспечения динамичного, без социальных потрясений и взрывов процесса реформирования системы общественного развития.

Взаимоотношения демократической власти и гражданского общества должны строиться на основе взаимного уважения и делового партнерства, включая неукоснительное соблюдение закона, разрешение всех конфликтов и споров либо по взаимному согласию, либо в судебном порядке. Механизмы взаимодействия должны исключать силовое давление и внесудебное принуждение, носить информационно открытый характер и базироваться на четкой законодательной основе.

В демократических государствах для взаимодействия власти и общества, кроме основного электорального механизма, власть широко использует механизмы связи с общественностью и предоставления информационных услуг населению, а общество – механизмы законодательно регламентированного лоббирования и публичного выражения общественного мнения (публичной политики). Перечисленные механизмы функционируют в тесном взаимодействии и будучи различными по своей сути они реализуются не только с использованием одних и тех же методов и средств, но и фактически параллельно.

В современном российском обществе одним из важнейших инструментов обеспечения взаимодействия власти и общества является система общественного контроля как непосредственного инструмента реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства и важнейшем элементе в системе защиты прав и свобод человека и гражданина. Следует отметить, что общественный контроль до настоящего времени находится в стадии становления, и еще не получил должного закрепления в действующем законодательстве и правоприменительной практике. Основными законами, регулирующими эту сферу в настоящее время, являются Федеральный закон № 212-ФЗ от 21.07.2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», а также ряд иных федеральных законов: Федеральный закон № 32-ФЗ от 4.04.2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации», Федеральный закон № 3-ФЗ от 7.02.2011 г. «О полиции» и др.

Общественный контроль, будучи индикатором развитого гражданского общества, является необходимым атрибутом демократического правового общества. До настоящего времени единого сложившегося понимания данной категории в отечественной юридической науке не состоялось. Юридическая лингвистика предлагает два варианта значения понятия «контроль»:

1) составная часть управления объектами и процессами в целях установления соответствия наблюдаемого состояния объекта необходимому положению, предусмотренному законами, иными нормативными актами, программами, планами, договорами, соглашениями;

2) реальная власть, сосредоточение прав управления объектом в одних руках [1, с. 352].

По справедливому замечанию исследователя С.И. Носова: «контроль выявляет соотношение фактического и должного, ... необходим для повышения исполнительской дисциплины, оценки работы, предотвращения нежелательных последствий» [2, с. 20]. В широком смысле слова под «общественным контролем» целесообразно понимать механизм наблюдения институтами гражданского общества за соблюдением законодательства субъектами публично-правовых отношений, основной целью которого является обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Согласно Федеральному закону субъекты общественного контроля осуществляют деятельность в целях «наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [3].

В законе обозначены три взаимосвязанные цели общественного контроля (ч. 1, ст. 5 № 212-ФЗ), а именно:

1) обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций;

2) обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных не-

государственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

3) общественная оценка деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Сформулированы задачи общественного контроля, включая следующие:

- 1) формирование и развитие гражданского правосознания;
- 2) повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества;
- 3) содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов;
- 4) реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций;
- 5) обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;
- 6) формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;
- 7) повышение эффективности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия.

Приобретают все большее многообразие формы общественного контроля, получившие в России развитие в последние десятилетия: наблюдение, общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания, общественная инициатива.

Интерес к теоретическому обоснованию и практическому регулированию вопросов осуществления общественного контроля в отношении, прежде всего, органов власти различного уровня, стали возможны в условиях активного развития институтов гражданского общества в постсоветской России. При этом эволюционирует восприятие общественного контроля как части репрессивного механизма государства, требующего от граждан одностороннего подчинения государственной машине, до элемента обеспечения социальной справедливости и стабильности (понимания государственного аппарата и гражданского общества как равноправных субъектов управления и контроля общественных отношений, защиты прав и свобод гражданина и человека).

Современные интерпретации сущности общественного контроля, с одной стороны, признают его самостоятельный статус, с другой – подчеркивают необходимость правовой регламентации, развития многообразных форм контроля и более активного вовлечения граждан в процесс управления делами государства и общества.

В последние годы в стране все более крепнет общероссийское общественное движение «Народный фронт за Россию». Его лидером единогласно был избран Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Цель Народного фронта – дать возможность каждому созидать, созидать великую страну, великую Россию. И мы готовы работать со всеми, кто разделяет эти идеи и ценности, кто готов разделить общую ответственность за исторический успех нашей Родины» [4].

Общероссийский народный фронт (ОНФ) – это добровольный альянс общественных организаций и частных лиц, который подчеркивает свою народность и независимость от каких-либо политических партий. Главная цель этого общественного движения заключается в объединении широкой коалиции политических и общественных сил – тех людей, которые поддержива-

ют курс на развитие сильной России. В нашей стране никогда, наверное, не было простых времен, но сейчас в условиях кризисных явлений, серьезного осложнения внешней среды, политической ситуации единение внутри российского общества особенно нужно, как никогда. Поэтому Народный фронт, по мнению его членов и сочувствующих, должен стать одним из институтов гражданского общества, который поможет поднять и разбудить инициативу жителей нашей страны на федеральном уровне и в регионах.

В центре внимания ОНФ – самые насущные нужды сограждан – борьба с недостатками, решение проблем, которые более всего волнуют население: равнодушие, лицемерие, мздоимство, неисполнительность и многие другие явления, которые мешают жить и трудиться людям. Это – противостояние социальной несправедливости, проблемам в образовании и медицинском обслуживании, дорожном хозяйстве и ЖКХ, коррупции и бюрократизму, искусственным ограничениям гражданской и предпринимательской активности, низкому культурному уровню и социальной апатии. Главная задача на сегодня – контроль за работой чиновников и разоблачение злоупотребления властью на местах. Принципиальный подход ОНФ – не конфронтация, а компромисс, не сила, а разум, не агрессия, а добрая воля и диалог. Диалог не только общества с властью, но и внутри самого общества, что не менее важно.

По инициативе ОНФ разработана согласованная с органами власти как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях программа народных инициатив, *«конкретный план первоочередных действий по обустройству жизни россиян»*. В документе подчеркивается, что *«Программа народных инициатив определяет основные направления и приоритеты законотворческой деятельности Государственной Думы нового созыва на ближайшие пять лет и задает вектор развития России»* [5].

Обобщая сущностные характеристики общественного контроля, необходимо подчеркнуть его весьма важную роль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина. Сегодня общественный контроль в России позволяет гражданам не только непосредственно влиять на эффективность реализации прав человека, но и самостоятельно и результативно защищать свои права.

Осуществление общественного контроля позволяет гражданам реализовывать собственный потенциал по наблюдению и координации деятельности государства, а также формированию государственной политики в интересах ее граждан, и в то же время оказывает влияние по повышению ответственности государства перед обществом, что ведет к повышению конкурентоспособности экономики страны, формированию сильного гражданского общества, демократического правового государства.

Список литературы

1. Большая юридическая энциклопедия / Под ред. А.Б. Барихина. М.: Книжный мир, 2010.
2. Носов С.И. Административная реформа в России: нужны новые импульсы // Социология власти. 2007. № 2.
3. Федеральный закон РФ № 212-ФЗ от 21.07.2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Ч. 1. Ст. 4 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://docs.pravo.ru/search/lis> (дата обращения: 26.11.2016).
4. Выступление Президента РФ В.В. Путина на учредительном Съезде Общероссийского народного фронта 12.06.2013 г. <http://onf.ru/2013/06/12/sezd-zavershil-rabotu/> (дата обращения: 26.11.2016).
5. Программа народных инициатив Общероссийского народного фронта: официальный сайт российской партии «Единая Россия» <http://er.ru/news/64014> (дата обращения: 27.11.2016).

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

LEGAL MONITORING AS AN ELEMENT OF COMMUNITY CONTROL

Колмаков Алексей Геннадьевич

канд. истор. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Kolmakov A.

Associate Professor at the Department of the Theory and
History of State, Candidate of Historical sciences,
International Law Institute, Smolensk brunch, Smolensk,
Russia

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с состоянием правового мониторинга в Российской Федерации, роли институтов гражданского общества в его осуществлении. Автором анализируются различные аспекты проведения правового мониторинга на федеральном и региональном уровне, обозначаются ключевые проблемы в теоретическом обосновании и практическом применении правового мониторинга. Определяется роль общественности в проведении правовой экспертизы законопроектов. Подчеркивается значимость мониторинговой деятельности в целях совершенствования правовой системы, построения гражданского общества и правового государства.*

***Abstract.** The questions connected with a condition of legal monitoring in the Russian Federation, a role of institutes of civil society in its implementation are considered. By the author it is analyzed various aspects of carrying out legal monitoring at the federal and regional level, key problems in theoretical justification and practical application of legal monitoring are designated. The role of the public in conducting legal examination of bills is defined. The importance*

of monitoring activity for improvement of legal system, creation of civil society and the constitutional state is emphasized.

Ключевые слова: *правовой мониторинг, общественный контроль, гражданское общество, общественная экспертиза, правовое регулирование.*

Key words: *legal monitoring, public control, civil society, public examination, legal regulation.*

В настоящее время важнейшей задачей Российского государства является повышение эффективности системы государственного управления, усиление роли и формирования институтов гражданского общества и их участия в защите конституционных прав, законных интересов граждан от противоправного посягательства со стороны государственных органов. Модернизация управления, связанная с повышением общественной активности, требует решения вопросов эффективного взаимодействия общества и государства. Институт общественного контроля в этой связи выступает эффективным инструментом не только в качестве мониторинга за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, но и в формировании активного гражданского общества в целом. Правовой мониторинг приобретает в современных условиях особую актуальность в связи с необходимостью достижения единого правового поля страны, развития широкого спектра институтов гражданского общества, способных оказывать общественную экспертизу правовым актам различного уровня.

Следует констатировать, что количество принимаемых нормативно-правовых актов в России из года в год увеличивается, но при этом явно прослеживается тенденция увеличения числа несогласованных друг с другом, не скоординированных с нормами международного права законодательных актов. Более того, количественный рост не всегда сопровождается качественным. Правовое сознание населения уже не успевает за стремительным процессом изменений в правовой сфере, что серьезно ограничивает возможности правового воздействия на развитие различных сфер общественной жизни, препятствует формированию и реализации современной государственной правовой политики, эффективному функ-

ционированию системы мониторинга о состоянии и тенденциях развития процессов, обеспечивающих ее проведение.

Для решения вышеуказанных проблем юридическая наука разрабатывает и совершенствует мониторинг правового пространства, который представляет собой систему теоретических и эмпирических методов исследования, направленных на получение информации, необходимой для обеспечения его оптимального функционирования.

Сегодня правовой мониторинг получил нормативное закрепление и стал «особым» видом государственной деятельности, направленным на совершенствование всей правовой системы России. Однако результативное и единообразное осуществление данного вида деятельности органами государственной власти как на федеральном, так и региональном (местном) уровне возможен при условии четкого понимания субъектами мониторинговых исследований функционального предназначения данного института, а также полноценного правового, материального, организационного и методического обеспечения реализации его функций. Решение указанной задачи осложняется тем, что в нашей стране до сих пор отсутствует единая система правового мониторинга, введение которой в масштабах государства значительно осложняется также и теоретической непроработкой основных вопросов его системной организации и проведения, в частности, на местном уровне.

В настоящее время многие теоретические положения, связанные с правовым мониторингом, являются дискуссионными [1]. Так, в современной юридической литературе правовой мониторинг нередко сводится к мониторингу законодательства и правоприменительной практики, что, в свою очередь, значительно «сужает» теоретическое и практическое обоснование повышения эффективности правового регулирования тех или иных сфер общественных отношений и определении конкретных правовых, организационных мер ее обеспечения. Также негативным образом сказывается разобщенность мониторинговых исследований и исследований государственной политики, что отрицательно сказывается как на процессе формулирования и коррекции государственной политики, так и на технологиях проведения мониторинговых исследований и их практической значимо-

сти [2]. Объективно сдерживающим фактором на пути дальнейшего развития правового мониторинга в России является отсутствие единого понимания сущности мониторинга правового поля, как собственно и самих объектов для юридического анализа.

Центральной и основополагающей функцией правового мониторинга выступает аналитическая функция. Именно она в большей степени отражает сущность и содержание данного института. В ходе ее реализации решается главная задача – оценка эффективности правового регулирования общественных отношений. С реализацией этой функции связано создание устойчивой обратной связи общества и законодателя, обеспечивающей адекватное отражение реально складывающихся социальных отношений в принимаемых законодательных и иных правовых актах, оперативное выявление потребности в правовом урегулировании вновь возникших общественных отношений, а также в изменении содержания уже существующей нормативной базы.

Практическая реализация функции правового регулирования невозможна без создания полноценного механизма ее реализации, разработки научно обоснованных форм и методов. Разработка механизма реализации аналитической функции правового мониторинга является одной из актуальных задач, стоящих как перед юридической наукой, так и перед практикой совершенствования правовой системы. Постигание разработчиками законодательных актов методологии правового мониторинга будет способствовать дальнейшему совершенствованию и гармонизации правовых отношений в нашей стране. Ввиду того, что методологическая база мониторинга находится в стадии перманентного становления, а также ввиду отсутствия его правовой регламентации, затрудняется координация данной деятельности в масштабе государства, сдерживается создание единого специализированного органа, способного координировать и осуществлять мониторинг. Создание единого центра способствовало решению и еще одной актуальной задачи – подготовки специалистов в области правового мониторинга.

В мониторинге правового пространства, в той или иной степени, принимают участие органы всех ветвей и всех уровней государственной власти [4]. Вместе с тем далеко не всегда активное участие в данном процессе принимают органы местного само-

управления, институты гражданского общества, научные центры, средства массовой информации. Одной из причин сложившейся ситуации выступает низкий уровень правовой грамотности населения, недостаточно высокая профессиональная квалификация людей с высшим юридическим образованием. Вместе с тем это не означает, что граждане не должны принимать непосредственное участие в правовом мониторинге. Напротив, именно широкое участие простых граждан в мониторинге правового поля нашего государства будет содействовать повышению эффективности становления правового государства. Использование сети Интернет в качестве «площадки» для предварительного, «нулевого» чтения законопроектов представляется наиболее эффективным способом участия граждан в управлении государством, что является основой любого демократического общества.

Рассмотрение указанных проблем и способов их разрешения будет способствовать деятельности по приведению законодательства Российской Федерации в соответствие с потребностями общества, повышению качества нормативных правовых актов и правоприменения.

Далее одной из причин недостаточной эффективности правового мониторинга в Российской Федерации является отсутствие необходимых нормативных актов, направленных на конкретизацию, детализацию и организационное обеспечение федеральных законов, либо явное несоответствие направленности принимаемых актов стратегии развития общества и государства. Следует отметить, что в Конституции РФ используются термины «правовой акт» и «нормативный правовой акт», однако не всегда акт, обладающий явными признаками нормативности, является правовым, т.е. связанным с правом и сферой правового регулирования общественных отношений, отличным от всех других актов, имеющих нормативные свойства, но никак не связанных с правовой сферой. В юридической науке используется более общее и упрощенное название данного источника права – «нормативный акт». На наш взгляд, следует развивать мониторинг именно нормативных актов, так как в этом случае анализу подлежат все действующие акты государственной власти, имеющие нормативный характер.

Также важной составляющей правотворческого процесса является проведение мониторинга целых отраслей права и законода-

тельства, оценка качества норм права, то есть проверка их соответствия требованиям законности в целях выявления, имеющихся коллизий и пробелов, а затем определения наиболее оптимальных путей и способов совершенствования системы законодательства. Особое внимание следует, на наш взгляд, уделять правовому мониторингу локальных правовых актов, нормотворчеству местных органов законодательной власти. Именно в этой части роль общественных палат, наблюдательных советов и собственно граждан должна проявляться в полной мере: особенно это касается комплекса мер по противодействию коррупции. Однако на сегодня эффективность мер, предпринимаемых местными органами общественного контроля, не столь велика, не последнюю роль в этом играет несовершенное законодательство, прежде всего на региональном уровне, а также нехватка действенных способов влияния общественности на органы государственной власти. Следовательно, необходимы новые способы оценки адекватности всей правовой системы развивающимся общественным потребностям – как на федеральном, так и региональном уровнях.

Современное состояние мониторинга нормативных актов в нашей стране характеризуется разовыми мероприятиями, это объясняется тем, что в его проведении отсутствует координирующая и обобщающая ее результаты сила, способная возглавить данное направление деятельности в государстве. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в создании единого координационного центра правового мониторинга, в особенности на региональном уровне. В целях эффективной работы данного института следует привлекать представителей общественности, правозащитных, экологических и других организаций – представителей гражданского общества. Правовой мониторинг пространства региона должен быть не разовым мероприятием, а планомерным, осуществляться на постоянной основе.

Таким образом, сегодня необходимо консолидировать деятельность различных субъектов и видов мониторинга в целях преодоления определенной бессистемности в данном направлении. Эффективность мер по совершенствованию законодательства во многом зависит от результатов правовой общественной экспертизы законопроектов и уже действующих законов.

Правовой мониторинг в России нуждается в создании единой динамично-развивающейся системы мониторинга нормативных актов с обязательным участием институтов гражданского общества. Общественный контроль правового пространства поможет не только вывести на качественно новый уровень законодательство и правоприменительную деятельность органов государственной власти, но, что более важно, создаст реальную основу для поступательного строительства системы плодотворного взаимодействия между российским обществом и государством.

Список литературы

1. Жужгов И.В. Мониторинг правового пространства Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2006.
2. Правовой мониторинг и государственная политика: теоретико-правовые основы взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Невеселов. Ростов н/Д, 2009.
3. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М.: Юриспруденция, 2009.
4. Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики. Стратегия правового развития России // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. М., 2007.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И КОРРУПЦИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

CIVIL SOCIETY AND CORRUPTION: POLITICAL ASPECT

Летуновский Петр Васильевич

д-р полит. наук, профессор

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Letunovsky P.

doctor of political Sciences, Professor of the Smolensk
branch of the International law Institute, Smolensk, Russia

Аннотация. Автор рассматривает ряд направлений политики государства по эффективности антикоррупционного воздействия во взаимодействии с институтами гражданского общества, которое напрямую зависит от антикоррупционных комплексных мер, где следуют выделить такой важный фактор, как общественный (гражданский) контроль одновременно с формированием антикоррупционной государственной концепции.

Abstract. The author examines a number of directions of the state policy on the effectiveness of anti-corruption impact in cooperation with civil society institutions, which depends on a comprehensive anti-corruption measures where followed to allocate such important factors as public (civil) control simultaneously with the formation of the state anti-corruption concept.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, институты гражданского общества, гражданский контроль, коррупция, государственные структуры, политические элиты.

Key words: anti-corruption policy, the institutions of civil society, civilian control, corruption, state agencies, and political elites.

Современная коррупция – это социальный феномен, тесно связанный с деятельностью государственных структур и их взаимоотношений с гражданским обществом. Коррупция является универсальным явлением, так как, возникнув вместе с человеческой цивилизацией, объективно присуща всем социальным моделям устройства общества. Ее возникновение связано с моментом обособления функций управления обществом, формированием соответствующих государственных органов и появлением группы управляющих людей.

В настоящее время в Российской Федерации не определены структуры, которые бы курировали антикоррупционную политику и имели полномочия по координации деятельности по профилактике и противодействию коррупции. В системе различных ветвей органов власти Российского государства еще нет конкретных адресатов, где бы сосредотачивались результаты общественной экспертизы, как решений, так и действий на наличие фактов и событий коррупционного характера.

В «Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 гг.», утвержденном Указом Президента РФ в апреле

2016 г. [1], включены только рекомендации по созданию в государственных структурах специальных служб (в составе кадровых органов), с возложением на них организационных мер по профилактике коррупционных и иных связанных с ними правонарушений.

В этом документе только предлагается общественным объединениям, институтам гражданского общества организовать комплекс организационных, разъяснительных и иных мер по противодействию коррупции.

Проблемой можно считать и то, что в «Национальной стратегии по противодействию коррупции» не раскрыты и методологические принципы деятельности гражданского общества по осуществлению контроля за мерами по противодействию коррупции, без чего проводимый контроль не функционален и имеет нормативно неопределенный характер. Но, как известно, «одним из приоритетных направлений государственной политики является поддержка и развитие институтов гражданского общества» [2]. Автор полагает, что в политико-правовом смысле, при осуществлении гражданского контроля необходимо учитывать ряд обстоятельств:

– во-первых, для квалифицированного анализа по противодействию коррупции законодательных и других нормативно-правовых актов, имеющих обширный фактологический материал, требуются специалисты юридического профиля с определенным опытом работы;

– во-вторых, сферы жизнедеятельности и предметные направления развития коррупции весьма разнообразны и многочисленны. Поэтому для проведения гражданской экспертизы необходимо привлечь достаточное количество независимых экспертов (структур), обладающих специальными знаниями по конкретной предметной проблематике общественной жизни;

– в-третьих, проведение гражданского контроля требует значительного привлечения не только человеческих, но финансово-материальных ресурсов.

В современной антикоррупционной практике деятельности общественных организаций, различных исследовательских центров (фондов) широко должен применяться, положительно зарекомендовавший себя и комплексный подход антикоррупционно-

го воздействия гражданского общества на все стороны политической жизни Российского государства. Его применение во многом зависит от факторов государственно-политического, социально-экономического, нормативно-правового, информационного характеров и ряда других. В этой связи необходимо говорить об организационных (правовых) аспектах гражданского (общественного) контроля, который должен заключаться в анализе соответствия решений федеральных и региональных органов власти, должностных лиц нормам Конституции РФ, международных актов о правах и свободах человека и гражданина, действующего национального законодательства.

Как показывает анализ, антикоррупционные мероприятия не всегда соответствуют уровню и характеру коррупционных проявлений в современном обществе. С одной стороны, эффективность антикоррупционного воздействия общества напрямую зависит от специализации антикоррупционных мер (территориальный принцип выявления правонарушения, характер и степень общественной опасности и т.д.). С другой, эта эффективность предполагает четкий вектор выбранного объекта воздействия, а также уровни вовлеченности институтов гражданского общества в деятельность по выявлению фактов коррупции.

Эффективность противодействия коррупции определяется и уровнем согласованности институтов гражданского общества с органами государственной власти, в обязанности которых входит выявление и пресечение фактов коррупции. К сожалению, российское законодательство еще не предусматривает антикоррупционную экспертизу с привлечением общественных и научных организаций.

Автор полагает, что эффективность антикоррупционного воздействия гражданского общества напрямую зависит и от специализации антикоррупционных мер, где следуют учитывать такие факторы, как место и роль общественного контроля за деятельностью государственных органов, учет государственных структур и должностных лиц, которые могут оказаться участниками коррупционных отношений.

При взаимодействии государственных органов и институтов гражданского общества в антикоррупционных действиях порой возникают серьезные проблемы, а именно:

- отказ органов государственной власти в предоставлении необходимой информации по причинам служебной тайны, зачастую ложной, представителям общественного контроля;
- формальный подход к отбору лиц для расследований коррупционных правонарушений, выявленных институтами гражданского общества.

Особенность современного развития России состоит в том, что решения органов власти всех уровней опираются на положения законов и подзаконных нормативно-правовых актов. Так, например, Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», принятый еще в 2009 г. [4], устанавливает, что органы государственной власти обязаны обеспечивать свободный доступ гражданам к своей деятельности. В нем определен порядок предоставления и ответственность за нарушения. Но как показывает практика, отдельные положения документа носят декларативный характер, что препятствует развитию антикоррупционного контроля в полном объеме. Видимо, подошло время доработать этот документ, внести изменения в соответствии с современными реалиями.

Большие перспективы органы гражданского контроля возлагают на системы «электронного правительства», а также на сформированный портал государственных услуг (gosuslugi.ru), которые позволяют решать проблемы коррупции при получении гражданами государственных услуг, где возможен высокий уровень коррупционного риска.

Так, к примеру, с введением портала государственных услуг (gosuslugi.ru) снижены риски «взяточничества» в органах юстиции на регистрацию права собственности, федеральной паспортно-визовой службы и др.

Однако с введением вышеуказанных интернет-ресурсов и порталов услуг имеет место ряд фактов, когда не все министерства и ведомства обеспечивают полную информацию о своей деятельности на электронных сайтах, присутствует формализм и фиктивность выставленных данных.

Разный уровень информатизации, компьютерной грамотности населения в регионах России накладывает и определенные проблемы по функционированию «электронного правительст-

ва». Важную роль в модернизации, выработке предложений и совершенствовании этой сферы деятельности должно сыграть активное привлечение интернет-сообщества.

Проблемой эффективности антикоррупционного воздействия следует считать и отсутствие в Российской Федерации комплексной системы антикоррупционного мониторинга, что заметно снижает эффективность борьбы с коррупцией как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества.

Антикоррупционный мониторинг должен охватывать основные направления деятельности государственных структур в коррупциогенных сферах и областях как государственной, так и общественной жизни.

Заключительный этап гражданского контроля предполагает публичное представление результатов общественной экспертизы, где ведущая роль в этой деятельности отводится СМИ.

Таким образом, перспективы антикоррупционной деятельности гражданского общества во многом зависят от способности политической элиты активно решать часть перечисленных проблем, при весомой поддержке разрешения и других гражданских инициатив, имеющих антикоррупционную направленность.

При этом более активную роль необходимо отводить системе «антикоррупционного» образования в средних и высших учебных заведениях, создавая «специализированные центры гражданского воспитания», где формирование основных направлений деятельности гражданского общества будет закладываться на начальных этапах становления молодого гражданина. «От того как мы воспитываем молодежь, зависит то, сможет ли Россия сберечь и приумножить саму себя» [3].

Обозначенные меры профилактического характера должны быть направлены на изменение и устранение социокультурных основ коррупции, которые могут осуществляться по следующим направлениям:

– во-первых, изменение самого характера властных отношений в современном обществе в сторону ограничения возможностей для произвола чиновничьего аппарата. Это предполагает формирование информационной открытости «механизмов» контроля за деятельностью чиновников, а также более широкого

привлечения институтов гражданского общества к управлению государством;

– во-вторых, формирование в сознании российских граждан, должностных лиц государства негативного отношения к коррупционной деятельности, что предполагает разработку антикоррупционной (идеологической) концепции и внедрение основ административной этики в систему государственной службы.

Коррупция негативно сказывается на всех сферах российской общественной жизни. Она приводит к нарушению конкурентных рыночных механизмов государства, росту теневой экономики, ослаблению бюджетов всех уровней, уменьшению налоговых поступлений и т.д.

В результате чего снижается работоспособность государственных управленческих структур, падает доверие населения к органам власти, уменьшается престиж России на международной арене. Из-за развития коррупционных механизмов растет увеличение имущественного неравенства среди населения. Коррупция содействует криминализации общества, росту организованной преступности и дискредитации современных правовых отношений в жизни общества и государства в целом.

В этой связи гражданский контроль должен представлять собой один из ключевых механизмов институтов гражданского общества по противодействию и подавлению коррупции в современном обществе.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 гг.» <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 16.12.2016).

2. Летуновский П.В., Бейсенбин К.А. Политико-правовые проблемы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в условиях постсоветской России // Армия и общество. 2013. № 5(37).

3. Летуновский П.В. Эволюция политико-идеологических институтов подготовки молодежи к защите Отечества: Автореф. дис. ... д-ра пол. наук. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. М., 2013.

4. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9.02.2009 № 8-ФЗ (действующая редакция) www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 16.12.2016).

МИГРАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

MIGRATION CONTROL AS A TOOL FOR SOCIAL CONTROL

Лопатина Татьяна Михайловна

д-р юрид. наук, профессор
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Lopatina T.

doctor of juridical science, Professor of the Smolensk
branch of the International law Institute, Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассмотрен вопрос о влиянии общественного миграционного контроля на криминогенный потенциал миграции. Назрела необходимость привлечения возможностей общественного контроля в противодействии нелегальной миграции.*

***Abstract.** The article considers the impact of migration control on public criminogenic potential of migration. There is a need to attract opportunities of public control in combating illegal migration.*

***Ключевые слова:** миграция, глобализация, миграционный контроль, общественный контроль.*

***Key words:** migration, globalization, migration control, public control.*

Словарь иностранных слов определяет миграцию как «перемещение, переселение населения. Внутри страны – внутренняя миграция, перемещение населения из одной страны в другую – внешняя миграция» [2, с. 309–310]. Миграция имеет длительную историю, и государственные границы не повлияли на ее сущность. Вопрос о том, чем отличаются мигранты, вынужденно

покидающие территорию своих стран, стремясь спасти свои жизни, от мигрантов, бегущих в поисках лучшей жизни, сохраняет свою актуальность. Одни мигранты растворяются в массе коренного населения государства, другие – не ассимилируются, третьи – сохраняют свою историческую идентичность. Современная миграция является следствием процесса глобализации, когда объединяются экономические, политические, информационные, экологические пространства разных государств. В этой связи миграция выступает в качестве своеобразного интегратора не только междисциплинарных знаний, но и межотраслевых правовых норм по причине многоаспектности правового статуса мигранта.

«Согласно прогнозам Росстата России в 2020 г. в России будет находиться не менее 29 млн. нелегальных мигрантов» [1, с. 149–155]. Нелегальная миграция порождает экономические, социально-политические, межэтнические проблемы жизнедеятельности принимающих государств и насильственную преупность.

В докладе Общественной Палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 г.» нелегальная миграция отмечена среди проблем, решение которых требует консолидированных усилий общества и государства. Контроль со стороны общества в сфере миграционной политики получил свое развитие в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3], новая редакция которого начнет действовать с 1 января 2017 г.

Под общественным контролем в Федеральном законе «понимается деятельность, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [3].

Миграционный контроль как разновидность общественного контроля должен быть ориентирован на выявление несоответствий реального миграционного потока в стране (субъекте Феде-

рации, отдельном регионе) запланированным показателям, а также на устранение этих несоответствий.

Выделяется несколько форм общественного контроля за реализацией миграционной политики.

Превентивный миграционный контроль, основанный на оценке потребностей внутреннего рынка труда, на эффективном планировании дистрибуции иностранной рабочей силы по собственной территории и отраслям приложения труда. Реализация превентивного миграционного контроля требует создания системы мониторинга рынка труда, что предполагает возможность привлечения волонтеров.

Оперативный миграционный контроль, основанный на решении миграционных проблем. Реализация оперативного миграционного контроля требует наличия не только системы соответствующих органов государственной власти, но также структур гражданского общества, осуществляющих общественный контроль за текущим состоянием миграционного процесса на местах.

Надзорный миграционный контроль, осуществляемый государственно-общественным механизмом. В условиях низкого качества миграционного администрирования, непрозрачности процессов принятия решений в сфере миграционного регулирования, одним из реальных способов разрешения миграционных проблем является возможность применения инструментария прямого регулирования миграционной ситуации посредством общественного контроля в сфере миграционных отношений.

Общественный миграционный контроль способен оперативно стимулировать адекватную реакцию как со стороны социально-экономической системы, так и конкретных органов, отвечающих за регулирование миграционных процессов. Государственные органы в миграционной сфере осуществляют свою деятельность по трем основным направлениям. Первое – это ужесточение ответственности для тех, кто уже совершил правонарушение и был выдворен из России. Второе – содействие тем гражданам, которым были необоснованно выданы российские паспорта. Третье – переход на электронный учет, создание электронных документов мигрантов.

Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» «устанавливает основные формы участия

граждан в охране общественного порядка, особенности создания и деятельности общественных объединений правоохранительной направленности» [4] и ничего не говорит об иных формах участия граждан в обеспечении безопасности в обществе. В частности в сфере контроля за состоянием миграционной ситуации в обществе. Проведение миграционного мониторинга диктуется острой необходимостью, с одной стороны, исследовать преступность мигрантов как проблему, имеющую теоретическое и прикладное значение, с другой – повысить эффективность действий органов правопорядка, способствовать снижению неблагоприятных последствий преступности мигрантов в целом в ближайшей и долгосрочной перспективе.

До реорганизации миграционной службы при ФМС существовал Общественный совет, который позволял поддерживать контакт с общественными организациями в осуществлении миграционной политики, диаспорами и ведомственными структурами. Общественный совет позволял развивать механизмы общественного контроля и осуществлять мониторинг в области миграции.

На сегодняшний день отсутствует правовой документ о создании при МВД России Совета или иного органа для продолжения ведения работы в данном направлении и за контакты между общественными организациями и МВД именно в вопросах миграционной политики.

Нам представляется, что слабыми местами в действующей системе миграционного контроля являются:

- отсутствие диалога между государственными органами и общественными формированиями по миграционным вопросам;
- недостаточность механизмов сбора миграционных данных, предусматривающих формы общественного контроля;
- неразвитый потенциал общественного контроля в управлении нелегальной миграцией;
- отсутствие информации о времяпровождении компактно проживающих мигрантов.

Таким образом проблема миграции имеет две противоположные стороны: стремление государства, с одной стороны, привлечь иммигрантов-профессионалов, бизнесменов и инвесторов, а с

другой – оградить страну от въезда нежелательных категорий мигрантов, в частности нелегальных.

Данная ситуация присутствует и в России. Нам представляется, что назрела необходимость привлечения возможностей общественного контроля в деле противодействия нелегальной миграции, с которой государство без поддержки общества не в состоянии справиться.

Потенциал общественного контроля в России полностью не раскрыт. Более того, имеют место факты негативной реакции на проявление общественной инициативы со стороны государственных органов и должностных лиц. Задачей государства является мобилизация гражданского общества в их поддержку.

Список литературы

1. Витковская Г.С. Вынужденная миграция: проблемы и перспективы. М., 1993.

2. Винницкий В.И. Проблемы неконтролируемой миграции в контексте международной безопасности и борьбы с терроризмом // Актуальные проблемы расширения Шанхайской организации сотрудничества: Материалы Международной конференции (форума): «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества» (Институт стран СНГ). М., 2016.

3. Словарь иностранных слов. Изд. 10, стереотип. М., 1983.

4. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. 28 июля. № 30 (Ч. I). Ст. 4213.

5. Федеральный закон от 2.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. 2014. 7 апр. № 14. Ст. 1536.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

PUBLIC CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF THE JUDICIARY: MYTH OR REALITY

Лукина Жанна Анатольевна

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Lukina Zh.

lecturer of the Department of criminal law disciplines
Smolensk branch International law Institute, Smolensk,
Russia

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются возможные формы общественного контроля за деятельностью судебной системы Российской Федерации, а также дается анализ их целесообразности и действенности на современном этапе.*

***Abstract.** This article discusses the possible forms of public control over activities of the judicial system of the Russian Federation, as well as the analysis of their feasibility and effectiveness at the present stage.*

***Ключевые слова:** общественный контроль, судебная система, представители общественности, органы судейского сообщества, экспертиза правовых актов.*

***Key words:** social control, the judiciary, members of the public, bodies of the judicial community, expertise of legal acts.*

Одним из основных направлений развития Российского государства является активное взаимодействие всех его органов власти с институтами гражданского общества, что, в первую очередь, предполагает возможность контроля со стороны граждан за соблюдением выполнения государственными органами своих обязанностей. Целью данного контроля должно являться исключение злоупотребления властью, а также защита прав и сво-

бод человека и гражданина, значимых интересов общества и государства. В настоящее время существует возможность осуществления общественного контроля практически на всех уровнях функционирования государственной власти. Логично предположить, что судебная система не должна являться исключением. Российские суды различных уровней ежегодно рассматривают сотни тысяч дел, в том числе затрагивающих права и свободы отдельной личности. В этой связи особый интерес представляет изучение возможности функционирования общественного контроля за деятельностью судебной системы. С одной стороны, как отмечают сами представители судейского корпуса, «общественный контроль необходим и очень полезен для выявления проблем судебной системы и понимания действительного положения дел в правосудии» [7]. С другой стороны, неочевидно, на каких этапах отправления правосудия, а также в каких формах допустимо осуществление общественного контроля. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5] содержит положение, согласно которому осуществление общественного контроля за деятельностью судов регулируется соответствующими федеральными законами. Однако какого-либо специального акта по данному вопросу не принято. Отдельные элементы, которые могут иметь отношение к общественному контролю, содержатся в Федеральных законах «Об органах судейского сообщества» [3] и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [4], о чем речь пойдет ниже.

Как известно, государство не может называться правовым, придерживаясь принципа верховенства права, если отсутствует независимый и беспристрастный суд. При этом любое вмешательство в осуществление правосудия как со стороны органов государственной власти, так и со стороны общественности нарушают принцип независимости судей, гарантированный ст. 120 Конституции Российской Федерации [2]. В Основных принципах независимости судебных органов, принятых Седьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и утвержденных Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 40/32 от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г. [1] особо

подчеркивается, что все государственные и другие учреждения обязаны уважать и соблюдать независимость судебных органов. Судебные органы решают переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, с чьей бы то ни было стороны и по каким бы то ни было причинам.

Если следовать конституционным положениям и международным нормам, то возможность вмешательства общественности в процесс принятия судебных решений полностью исключена, причем под страхом уголовной ответственности (ст. 294 УК РФ). Отдельные исследователи, тем не менее, рассматривают в качестве форм общественного контроля за судебной системой участие граждан в отправлении правосудия. Имеются в виду процессы с участием присяжных и арбитражных заседателей. Как отмечает исследователь данного вопроса Е.В. Бердникова [6], правовую возможность участия граждан в отправлении правосудия в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей уверенно можно отнести к формам общественного контроля, в ходе которого происходят всестороннее изучение материальных и процессуальных аспектов рассматриваемых дел, их оценка, а также непосредственное участие в вынесении судебного решения. Позволим себе не согласиться с такой точкой зрения. Если следовать этой логике, заседатели выступают в качестве субъектов общественного контроля. Что же необходимо рассматривать в качестве объекта: процедуру принятия самими заседателями решения или «материальные и процессуальные аспекты рассматриваемых дел»? В первом случае заседатели фактически вынуждены контролировать сами себя, говорить о втором, особенно в части процессуальных аспектов, бессмысленно, так как эти субъекты практически не владеют юридическими познаниями.

Принцип гласности предполагает открытость судебного разбирательства, возможность доступа граждан в залы судебных заседаний. Не останавливаясь на проблеме, связанной с тем, что судьи не могут позволить присутствовать на судебном процессе всем желающим из-за элементарного отсутствия свободных мест, зададимся вопросом, может ли присутствие граждан в

процессе в качестве наблюдателей являться непосредственно контролем. Допустим, в такой обстановке судья будет вынужден соблюдать все формальности ведения процесса, а также более тщательно отнестись к вынесению решения. Но в противном случае, если присутствующие отметят какие-либо нарушения, они не вправе указывать суду на их устранение. Более того, судебный акт не будет признан неправосудным, если стороны не будут его обжаловать, а присутствующие таким правом не обладают. Формально контроль осуществлен, но контроль ради контроля бессмыслен, если он не влечет результата.

Таким образом, сам процесс рассмотрения и разрешения дела судом не может быть объектом общественного контроля, что по смыслу вытекает и из действующего законодательства. Однако возможность общественного контроля за деятельностью судебной системы не исключается, если она не связана с принятием судебных решений.

Представляется, что реальный, действенный и объективный общественный контроль нужен, прежде всего, за отбором кандидатов на должность судьи, а также за процедурой привлечения судей к дисциплинарной ответственности. Законодатель, казалось бы, именно с этой целью ввел представителей общественности в состав квалификационных коллегий судей. Тем не менее следует согласиться с мнением, что за все время своего существования представителям общественности в составе ККС не удалось выполнить функцию гражданского контроля за осуществлением справедливого правосудия, повысить независимость судей, сделать суд и органы судейского сообщества более прозрачными для общества. Институт представителя общественности в ККС является скорее имитацией гражданского участия [11].

Во-первых, представителей общественности в составе ККС очень мало, в лучшем случае треть от общего количества, а иногда вообще один представитель общественности от независимой гражданской организации. Безусловно, говорить при таких обстоятельствах о том, что общественность может повлиять на принятие решения, отличного от позиции действующих судей, нет смысла.

Во многом малое число представителей общественности связано с ограничениями, которые предъявляются к ним законом

(35 лет, юридическое образование, запрет быть руководителем организации применительно к общественным объединениям) [3]. Существует мнение, что данные требования избыточны, что подтверждается результатами исследования, проведенного в 2010–2011 гг. Московской Хельсинкской группой совместно с авторитетными общественными организациями, такими как Экспертно-правовой совет, ассоциация «Агора» и другими при поддержке Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Кроме того, отсутствие понятия «общественность» в рамках Федерального закона «Об органах судейского сообщества» влечет недопущение в состав ККС людей, реально независимых от власти, включая судебные органы и их руководство. Ни один региональный законодательный акт не конкретизирует, какие общественные коллективы могут выдвигать своих кандидатов. Отметим также, что ни федеральный закон, ни нормативные акты субъектов не запрещают выдвигать кандидатов, которые вообще не являются членами общественных объединений, достаточно того, что эти люди формально соответствуют критериям, а это исключает их подотчетность выдвинувшей их кандидатуру общественной организации. В некоторых регионах устанавливаются дополнительные требования к кандидатам, включая медицинское заключение о состоянии здоровья, характеристики с последнего места работы, трудовую книжку и др.

Во-вторых, не существует прямого запрета на включение в число представителей общественности лиц, которые являются судьями в отставке, членами общественных организаций, объединяющих бывших сотрудников органов внутренних дел, ФСБ, прокуратуры. Это, по нашему мнению, приводит к еще большей замкнутости и «кастовости» судебной власти, в которую попасть людям не из системы практически невозможно. К указанному перечню можно добавить и бывших адвокатов. Для сравнения отметим, что указанные лица в течение 5 лет после окончания профессиональной деятельности исключаются из списков присяжных заседателей. Кроме того, существует и проблема отсутствия публичности в деятельности ККС, в том числе незначительная информированность общественности об открытии вакансий в ККС.

На сегодняшний день, очевидно, что нормативная регламентация участия общественных представителей недостаточна, дает много возможностей для различного рода злоупотреблений и делает институт общественного представителя недостаточно эффективным. Увеличение количества представителей общественности в составе ККС, установление фиксированного перечня требований к их кандидатурам, устранение из числа представителей общественности бывших судей и сотрудников правоохранительных органов, по нашему мнению, способно изменить ситуацию в лучшую сторону и повысить статус представителей общественности. А в целях недопущения субъективизма самого представителя необходимо обязать его вести регулярный прием граждан, обеспечить информационную открытость (наличие сайта, публичная отчетность и т.д.).

В качестве форм общественного контроля постпроцессуальной деятельности суда следует рассмотреть возможность доступа к информации о деятельности судов и текстам судебных актов, что предусмотрено Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [4], а также проведение их экспертизы.

Само по себе ознакомление с текстом судебного решения независимыми лицами позволяет сделать вывод о качестве принимаемых решений. Однако стоит обратить внимание, что далеко не все судебные решения публикуются, что вполне может вызвать подозрения относительно причин их не размещения. Собственный опыт показывает, что зачастую решения вынесены с нарушением норм как материального, так и процессуального права, имеют грубые стилистические, лингвистические и собственно юридические погрешности. Более того, судя по дате вступления их в силу, многие из них даже не были обжалованы. Однако какой-либо действенной реакции на подобные нарушения последовать со стороны общественности не может. Повторимся, что общественность не относится к субъектам, правомочным обжаловать принятое судом решение. Интересным в этой связи видится предложение о внесении изменений в процессуальное законодательство, которые позволят общественным объединениям получить право на обжалование принятого судебного решения как по гражданским и уголовным, так и административ-

ным делам. Однако этот вопрос требует самостоятельного изучения. На некоторых юридических форумах можно встретить предложения об открытии публичных обсуждений опубликованных судебных актов, с привлечением практикующих юристов и других групп населения. Результатом этой деятельности должно стать обращение в ККС в целях привлечения судей к ответственности. Однако эти идеи представляются более чем утопичными. Тем более, что практически к любому судебному решению, особенно принимаемому на низших уровнях судебной системы, можно придаться, а группа заказанных кем-либо «активистов» может быть далеко не лишена заинтересованности в том, чтобы «убрать» конкретного судью.

Общественная экспертиза судебных решений является новой формой общественного контроля за деятельностью органов судебной власти. В принципе, вполне легально она проводилась по резонансным делам (например дело С. Магнитского или дело М. Ходорковского и П. Лебедева). Совет судей Российской Федерации, поставив под сомнение законность данных экспертиз и усмотрев в них публичную форму влияния на суд, попросил председателя Конституционного Суда Российской Федерации Валерия Зорькина оценить конституционность инициативы Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека по проведению экспертизы резонансных уголовных дел. В свою очередь, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации не усмотрел в подобного рода процедуре нарушения Конституции Российской Федерации, однако подчеркнул, что анализ резонансных судебных решений не будет иметь прямых юридических последствий [10].

Тамара Морщакова, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, которая принимала участие в общественной научной экспертизе по уголовному делу М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева («второму делу»), выявившей несоответствие правоприменительных практик по данному делу требованиям российского законодательства и стандартам справедливого правосудия, отметила: «Во всех странах мира существует правовой экспертный анализ со стороны специалистов в области права судебных решений. Ежегодно, например в Канаде, устраивается такая научная разборка всех решений, принятых Вер-

ховным судом Канады за год. Это мероприятие и научного характера, и большого общественного значения, потому что, кроме профессионалов – следователей, прокуроров и судей, существуют юристы-профессионалы, работающие в области науки. Это профессора вузов, это работники научных юридических учреждений, и судебная практика является для них предметом исследований. В той же Канаде или в Австралии, или в практике таких судов верховных европейских, допустим, как высшие суды в Бельгии, таких судов международных, как Европейский суд по правам человека, и многих других международных судов позиции науки рассматриваются как *amicus curiae*, как «дружеский совет» [8]. Судя по реакции представителей судебного корпуса на проведение подобных экспертиз, данный вариант контроля пока видится неприемлемым для нашей страны.

Таким образом, можно констатировать, что действенного механизма общественного контроля за судебной системой в настоящее время в Российской Федерации не существует. Скорее, можно говорить о «прикосновенности» общественности к деятельности судов.

Список литературы

1. Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа – 6 сентября 1985 г., одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 и от 13 декабря 1985 г. № 40/146) // Судебная система Российской Федерации. Сборник нормативных актов. М., 2004.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

3. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 2.06.2016) «Об органах судебного сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 11. Ст. 1022.

4. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6217.

5. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 3.07.2016) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.

6. Бердникова Е.В. Формы общественного контроля в судебной системе Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12. № 1.

7. Валерий Зорькин одобрил общественный контроль за резонансными делами // <http://www.kommersant.ru/doc> (дата обращения: 27.11.2016).

8. Новая газета. 2013. 10 июня. № 62 // Интервью с Т. Морщковой. <https://www.novayagazeta.ru/> (дата обращения: 28.11.2016).

9. Лукина Ж.А., Лукьяненко В.В. Система принципов общественного контроля в России // Негосударственные, неправительственные, общественные организации в системе общественного контроля и антикоррупционной деятельности: Материалы научно-практической конференции. 17 апреля 2015 г. (Смоленск). М., 2015.

10. Новиков В. Общество вправе оценивать судебные решения по резонансным делам – глава КС РФ // Судебная система в России. Мониторинг СМИ за период с 12 по 18 февраля 2011 г. <http://files.sudrf.ru/> (дата обращения: 27.11.2016).

11. Шахова Е.В. Роль представителей общественности в работе квалификационных коллегий судей // Итоги общероссийского гражданского форума от 19 ноября 2016 г. <https://civilforum.ru/forums/2016/itog/> (дата обращения: 27.11.2016).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

PUBLIC CONTROL IN THE SPHERE OF PROTECTION THE RIGHTS OF CONSUMERS

Лукьяненко Виктория Валерьевна

канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права
Международный юридический институт
Смоленский филиал

Lukanenkova V.

candidate of legal Sciences, associate Professor civil rights
(General chair) The Smolensk Branch of the International
law Institute Smolensk, Russia

***Аннотация.** Проводится анализ законодательства, и выделяются формы участия общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в осуществлении общественного контроля. Автор раскрывает объем полномочий, которым наделяются общественные объединения в целях защиты прав потребителей.*

***Abstract.** The analysis of the legislation and identify forms of participation of public associations and other non-governmental organizations in the implementation of public control. The author reveals the scope of the powers that vested with a public Association to protect the rights of consumers.*

***Ключевые слова:** общественный контроль, общественное объединение, некоммерческая организация, права потребителей.*

***Key words:** public control, public Association, a nonprofit organization, the rights of consumers.*

Закон «О защите прав потребителей» предусматривает не только государственную, но и общественную защиту прав потребителей, а также общественный контроль над соблюдением законов и иных нормативных правовых актов РФ, регулирующих отношения в данной области [1]. Для этого создаются специальные общественные объединения в организационно-правовой форме ассоциаций (союзов). Наиболее известными являются

Всероссийская лига защитников потребителей, Конфедерация обществ потребителей и Союз потребителей РФ.

Важным признаком любой некоммерческой организации, в том числе и ассоциации, является и та цель, ради которой она была создана. В данном случае такой целью и является защита прав и законных интересов потребителей.

Ассоциация (союз) является некоммерческой корпоративной организацией, то есть не имеющей извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющей полученную прибыль между участниками. Соответственно, ее члены обладают так называемыми корпоративными правами. Они осуществляют свою деятельность в соответствии с уставами указанных объединений и законодательством Российской Федерации. В последнем случае речь идет о Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2].

Законодатель в тексте Федерального закона «Об основах общественного контроля в РФ» (ч. 5 ст. 3) закрепляет право общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций участвовать в осуществлении общественного контроля в качестве организатора таких форм общественного контроля, как общественный мониторинг, общественное обсуждение, а также правом принимать участие в осуществлении общественного контроля в других предусмотренных законом формах. Более того, ряд негосударственных некоммерческих организаций самостоятельно законодательно наделен полномочиями по осуществлению общественного контроля.

Общественный контроль может осуществляться как в формах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, так и в иных формах, предусмотренных другими федеральными законами. При этом субъекты общественного контроля могут наделяться иными правами и нести иные обязанности, помимо предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Закон о защите прав потребителей (ст. 45) предоставляет общественным объединениям, действующим в сфере защиты прав потребителей, права, необходимые для эффективного исполнения лежащих на них задач.

Так, в качестве примера подобной организации на территории Смоленской области можно привести «Региональный центр

защиты прав потребителей». Это социально ориентированная областная общественная организация, оказывающая бесплатную правовую поддержку жителям области [3]. Для подтверждения положения об участии данного центра в защите прав потребителей хочется привести пример, в котором общественная организация помогала отстоять потребителю свои права в суде. 27 декабря 2013 г. Смоленская областная общественная организация «Региональный центр защиты прав потребителей» обратилась в Промышленный районный суд города Смоленска в интересах потребителя к ИП о защите прав потребителей, указав в обоснование, что 15.11.2012 г. между сторонами заключен договор № 297, по которому ответчик обязалась в течение 35 дней со дня оплаты заказа изготовить и в течение пяти рабочих дней установить набор кухонной мебели, а истец обязался уплатить. Во исполнение условий договора истцом была внесена предоплата.

4.02.2013 г. при установке выявились недостатки мебели по качеству, комплектности, размерам, в связи с чем 18.02.2013 г. мебель была демонтирована и вывезена ответчиком. 15.11.2012 г. между сторонами также был заключен договор № 298 на поставку кухонного оборудования, по которому истцом была внесена предоплата. В связи с тем, что ответчик забрал кухонную мебель, необходимость в кухонном оборудовании отпала. Поскольку претензия истца от 10.02.2013 г. оставлена ответчиком без ответа, просит суд расторгнуть договоры № 297, 298 от 15.11.2012 г., взыскать с ИП в свою пользу уплаченную по договорам сумму, неустойку, возмещение причиненного морального вреда, штраф за неудовлетворение требований потребителя в добровольном порядке.

Ответчик иск не признал, обратился в суд со встречным иском о понуждении к исполнению договоров и взыскании убытков, указав, что помимо договоров поставки кухонной мебели и бытовой техники между сторонами заключено дополнительное соглашение, по которому потребитель обязался внести остаток суммы за мебель и технику после подписания накладной на отгрузку мебели и техники, в которой должны были быть зафиксированы претензии по комплектности и выявленные дефекты при доставке (сборке) мебели.

Заслушав представителя истца, ответчика, исследовав письменные доказательства, суд приходит к следующему: заключением судебной товароведческой экспертизы № 313/11-Э, проведенной экспертами ООО, установлено, что габаритные размеры набора кухонной мебели не соответствуют представленным эскизам и составляют 2400 мм. Данные выводы экспертизы подтвердила в судебном заседании эксперт. Таким образом, выявленные недостатки мебели обоснованно признаны судом существенными и не оговоренными продавцом при заключении договора, а потому у истца возникло право отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной по договору суммы.

Рассмотрев дело, суд решил удовлетворить иск: расторгнуть договоры № 297, 298 от 15.11.2012 г., взыскать с ИП в пользу заказчика уплаченные по договорам денежные средства, взыскать с ИП в пользу заказчика неустойку и моральный вред, взыскать с ИП в пользу г. Смоленской областной общественной организации «Региональный центр защиты прав потребителей» штраф в размере 50 %, от удовлетворенных исковых требований.

Действенными мерами подобных общественных объединений являются разъяснительная и просветительская работа среди предпринимательских структур и граждан-потребителей, консультирование, оказание помощи в составлении искового заявления и сопровождении дел при судебной защите, широкое информирование населения через средства массовой информации о правах потребителей [4].

В новой редакции ст. 45 Закона «О защите прав потребителей» закреплено в настоящее время только право общественного объединения осуществлять общественный контроль и направлять в орган государственного надзора и органы местного самоуправления информацию о фактах нарушений прав потребителей для проведения проверки этих фактов и принятия в случае их подтверждения мер по пресечению нарушений прав потребителей в пределах полномочий указанных органов, участвовать в проведении экспертиз по фактам нарушений прав потребителей в связи с обращениями потребителей.

Список литературы

1. Закон РФ от 7.02.1992 № 2300-1 (ред. от 3.07.2016) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
2. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.
3. Лукьяненко В.В. Оказание бесплатной юридической помощи в клиниках: система обеспечения качества: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2014.
4. Лукьяненко В.В., Лукина Ж.А. Система принципов общественного контроля // Негосударственные неправительственные общественные организации в системе общественного контроля и антикоррупционной деятельности: Материалы научно-практической конференции. 17 апреля 2015 г. М.: Международный юридический институт, 2015.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ И ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

PUBLIC CONTROL IN THE FIELD OF HEALTH AND HEALTH CARE PROTECTION

Пучкова Виктория Викторовна

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Puchkova V.

PhD, Associate Professor, Associate Professor, Department
of Civil Law Smolensk branch of the International Law
Institute, Smolensk, Russia

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем вниманием, которое в настоящее время руководством страны обращается на реализацию основополагающих конституционных прав

граждан России, связанных с охраной здоровья. В статье анализируется влияние общественного контроля на обеспечение соблюдения и защиты прав и интересов граждан в сфере охраны здоровья, повышения качества медицинской помощи.

Abstract. *The relevance of the topic due to the attention that is now the country's leadership is drawn to the realization of the fundamental constitutional rights of Russian citizens, the health-related. The article analyzes the impact of public control to ensure the observance and protection of human rights and in the field of health protection of citizens' interests, improve the quality of care.*

Ключевые слова: *общественный контроль; общественные организации; медицинская помощь; медицинские услуги.*

Key words: *social control; civil society organizations; health care; medical services.*

Формирование общественного контроля является одним из приоритетных направлений в сфере здравоохранения. Роль общественного контроля в формировании института здравоохранения велика. Общественный контроль способствует организации взаимодействия между органами государственной власти, учреждениями здравоохранения, их должностными лицами и населением. Взаимодействие пациентов с общественными организациями способствует органам государственной власти в сфере охраны здоровья получать информацию о проблемах в сфере здравоохранения, установить обратную связь с потребителями медицинских услуг, подготавливать проекты нормативных документов, предварительно обсудив их с сообществом пациентов. Информация поступает от граждан, обращающихся в общественные организации, относительно некачественных лекарственных средств, оказания некачественной медицинской помощи, установления неверных диагнозов, об отказах в оказании медицинской помощи и других нарушениях и несоблюдении прав граждан в сфере охраны здоровья.

Основными аспектами взаимодействия общественных организаций с пациентами являются информирование населения органами власти субъектов РФ о своей деятельности и государственной политики в сфере охраны здоровья [3].

В целях осуществления народного контроля граждане на добровольной основе объединяются в общественные объединения (ассоциации, союзы), деятельность которых регламентирована Федеральным законом «Об общественных объединениях» [1].

Общественный контроль не заменяет собой государственный контроль, но имеет существенное значение при осуществлении проверок за исполнением медицинскими и фармацевтическими организациями требований, установленных действующим законодательством. Общественный контроль направлен на обеспечение соблюдения и защиты прав и интересов граждан в сфере охраны здоровья, повышения качества медицинской помощи, производимых и отпускаемых лекарственных средств, выявление нарушений медицинскими и фармацевтическими организациями, привлечение их к ответственности за нарушение требований, установленных законодательством.

Общественные объединения в результате осуществления общественного контроля вправе принимать участие в разработке проектов законов и иных нормативных правовых актов, проводить независимую экспертизу качества, безопасности оказания медицинской помощи, направлять в орган государственного контроля и надзора информацию о фактах нарушения прав и интересов граждан в сфере здравоохранения. Данная информация служит основанием для осуществления проверок наличия фактов, свидетельствующих о нарушении прав и интересов граждан в сфере охраны здоровья и оказания медицинской помощи. В результате их выявления и подтверждения – принятия мер по восстановлению прав или пресечению нарушений прав пациентов. Кроме того, общественные организации могут распространять информацию о правах граждан в сфере оказания медицинской помощи и предоставления медицинских услуг, вносить в федеральные органы власти предложения о принятии мер по повышению качества, оказываемых медицинских услугах и другую информацию в сфере охраны здоровья [5].

Общественный контроль может являться основанием для инициирования государственного контроля в целях выявления нарушителя прав населения и для принятия мер по устранению правонарушения.

В целях контроля качества и безопасности медицинской деятельности проводится государственный контроль, ведомственный и внутренний контроль.

Государственный контроль (надзор) представляет собой функционирование должностных лиц органов государственной власти, органов субъектов РФ в сфере здравоохранения. Государственный контроль проводится в целях обнаружения нарушений обязательных требований, установленных законодательством. В результате этого организуются и проводятся проверки юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, в соответствии с которыми принимаются соответствующие меры для предупреждения и исключения правонарушений в сфере здравоохранения [2].

Государственный контроль осуществляется на федеральном уровне, региональном уровне и на местном уровне.

На федеральном уровне осуществляется федеральный государственный контроль (надзор), который представляет собой деятельность федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора) на всей территории Российской Федерации. Порядок организации и осуществления федерального государственного контроля (надзора) в соответствующей сфере деятельности устанавливается Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации в случае, если указанный порядок не установлен федеральным законом. В отдельных сферах деятельности полномочия Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) передаются должностным лицам органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

На региональном уровне осуществляется региональный государственный контроль (надзор), представляющий собой деятельность органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора) на территории этого субъекта Российской Федерации. Причем контроль осуществляется данными органами самостоятельно, то есть финансирование происходит из бюджетных средств субъекта РФ. Порядок организации и осуществления регионального государственного контроля (над-

зора) определяется высшим государственным органом исполнительной власти субъекта РФ. В отдельных сферах деятельности полномочия субъектов Российской Федерации по осуществлению регионального государственного контроля (надзора) передаются органам местного самоуправления в соответствии с законами субъектов РФ.

Должностными лицами органов власти на местах осуществляется *муниципальный контроль*. Органы местного самоуправления в пределах своих полномочий вправе организовывать и проводить на территории муниципального образования проверки соблюдения норм и правил, предусмотренных законами и иными нормативными правовыми актами, принятыми на местном уровне, и требований, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации. Причем соответствующие виды контроля должны относиться к вопросам местного значения.

Указанные уполномоченные органы проводят мероприятия по контролю, направленные на проведение проверок путем приглашения лиц, осуществляющих экспертизу качества и безопасности медицинской деятельности. Экспертизы проводятся по обследованию медикаментов и других объектов, которые являются показателями благополучия населения в сфере здравоохранения. В отношении указанных объектов, в частности качества и безопасности медицинской деятельности, проводятся исследования, испытания медицинских изделий, лекарственных препаратов, качества оказания медицинской помощи, а также проводятся экспертизы и расследования, направленные на определение каузальной связи обнаруженного несоблюдения норм и правил с причиненным ущербом [4, с. 36–39].

Как было отмечено выше, указанные уполномоченные органы проводят проверки в целях выявления качества и безопасности медицинской деятельности. Надо определиться с понятием «проверка». **Проверка** означает совокупность проводимых органом государственного контроля (надзора) или органом муниципального контроля мероприятий по контролю в целях оценки соответствия осуществляемой медицинской деятельности или действий (бездействия), производимых и реализуемых медицинских изделий и лекарственных препаратов, оказываемой меди-

цинской помощи обязательным требованиям и требованиям, установленным на законодательном уровне. Проверки осуществляются в отношении юридического лица, индивидуального предпринимателя, оказывающих медицинскую помощь, занятых производством, реализацией, хранением, транспортировкой медицинских изделий и лекарственных препаратов.

Государственный контроль осуществляется путем проведения плановых, внеплановых, документарных или выездных проверок и осуществления лицензирования медицинской деятельности.

Следует отметить, что основаниями внеплановых проверок являются:

- истечение срока исполнения предписания об устранении выявленного нарушения;
- обращения и заявления граждан, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей или уведомления от органов государственной власти о наличии возникновения угрозы жизни и здоровью граждан, безопасности государства;
- нарушения прав потребителей в сфере оказания медицинских услуг;
- приказ (распоряжение) руководителя органа государственного контроля (надзора) и на основании требования прокурора о проведении внеплановой проверки в рамках надзора за исполнением законов по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям.

Не допускается проведение проверок одних и тех же обязательных требований у одного юридического лица или индивидуального предпринимателя различными органами государственного контроля.

Срок проведения каждой из проверок не должен превышать двадцати рабочих дней.

За качеством и безопасностью деятельности в области оказания медицинской помощи осуществляется **ведомственный контроль**, который направлен на выявление дефектов медицинской помощи, врачебных ошибок, оценку состояний и использования кадровых и материально-технических ресурсов медицинских организаций. Ведомственный контроль включает в себя

подготовку рекомендаций для руководителей организаций здравоохранения и органов управления здравоохранением, направленных на предупреждение врачебных ошибок и дефектов в работе и способствующих повышению качества и эффективности медицинской помощи.

Система ведомственного контроля качества медицинской помощи включает экспертизу процесса оказания медицинской помощи пациентам, изучение удовлетворенности пациентов их взаимодействием с системой здравоохранения. Ведомственный контроль проводится должностными лицами органов исполнительной власти на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ в целях проверки качества и безопасности медицинской деятельности, подведомственных им органов и организаций.

Основными их полномочиями являются:

- проведение проверок по соблюдению медицинскими организациями своей деятельности в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и стандартами медицинской помощи;
- осуществление проверок по исполнению требований медицинскими организациями в сфере создания безопасных условий труда, требований по безопасному применению и эксплуатации медицинских изделий и их утилизации (уничтожению);
- осуществление проверок исполнения норм закона, правил, требований в сфере осуществления медицинской деятельности.

Порядок и организация данного контроля утверждается органом исполнительной власти на федеральном уровне.

В целях реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь организуется **внутренний контроль** для проверки качества оказания медицинской помощи. Кроме того, внутренний контроль необходим для проверки достаточности объема оказания медицинской помощи в организациях, осуществляющих медицинскую деятельность. Проверка качества и безопасности медицинской деятельности осуществляется с учетом требований стандартов оказания медицинской помощи.

Норма, касающаяся внутреннего контроля, устанавливает, что данный вид контроля осуществляется внутри медицинской организации или системы здравоохранения. Таким образом, существует

трехуровневый контроль качества медицинской помощи. На первом уровне контроль осуществляется заведующим отделением медицинской организации. На втором уровне – заместителями или самим руководителем медицинской организации системы здравоохранения. На третьем уровне контроль осуществляется врачебной комиссией организации здравоохранения.

Таким образом, общественный контроль является необходимым звеном в системе организации контроля качества медицинской помощи, так как происходит сотрудничество общественных организаций с государством. В ходе общественного контроля происходит выявление дефектов медицинской помощи, установление причин их возникновения и степени их влияния на состояние здоровья пациента. Также данный вид контроля должен быть направлен на изучение удовлетворенности граждан оказанной медицинской помощью. В случае выявления дефектов медицинской помощи осуществляется подготовка предложений для руководителей медицинских организаций по устранению причин возникновения дефектов медицинской помощи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Российская газета. 1995. 25 мая. № 100.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 нояб. № 5639.
3. Орешкин А.М. Общественный контроль в сфере здравоохранения // Время актуальности: 1.04. 2015. <http://forum.patients.ru>
4. Пучкова В.В. Особенности реализации конституционного права выбора лечебного учреждения для граждан, проживающих в закрытых местностях // Международный правовой журнал «Проблемы права». 2016. № 1 (35).
5. Юридический отдел «Факультет медицинского права». Народный контроль. Время актуальности: 25.11.2016. <http://www.kormed.ru>

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

THE PUBLIC ECOLOGICAL EXPERTISE IN SYSTEM OF ENVIRONMENTAL CONTROL

Сморгунова Юлия Анатольевна

старший преподаватель кафедры

гражданского права

Международный юридический институт

Смоленский филиал

Smorgunova Y.

senior lecturer of the department of Civil law (all-institute department) International Law Institute, Smolensk, Russia

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы места общественной экологической экспертизы в системе общественного контроля, проблемы реализации норм об общественной экологической экспертизе.*

***Abstract.** The article examines questions of a place of public ecological expertise in public environmental control system, problems of implementation regulations of public ecological expertise.*

***Ключевые слова:** экологический контроль, общественная экологическая экспертиза.*

***Key words:** environmental control, public ecological expertise.*

За последние годы достаточно динамично начала совершенствоваться правовая база для гражданского участия общественных и правозащитных организаций, активно реализующих функции развития и усиления общественного экологического контроля, участия общества в решении экологических проблем. Расширение сферы общественного контроля и развитие его институтов приводит к тому, что он способен оказывать государственным органам неоценимую помощь и поддержку в процессе реализации права граждан на благоприятную окружающую среду, профилактики и предупреждения экологических правонару-

шений, но не должен подменять или заменять деятельность государственных органов.

Общественный экологический контроль – один из наиболее часто используемых общественными организациями методов выявления и пресечения нарушений требований природоохранного и природоресурсного законодательства предприятиями и организациями. Целью экологического контроля является привлечение внимания органов власти всех уровней к проблемам в области охраны окружающей среды и рационального природопользования.

Посредством осуществления экологического контроля участие граждан в охране окружающей среды является эффективным средством обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду и конституционной формой управления делами государства. Общественный контроль является важным средством обеспечения законности в сфере государственного управления. Развитие его институтов называется в числе мер по профилактике коррупции [1]. А трансляция процесса и результатов общественного контроля в средствах массовой информации в разы повышает его эффективность.

Наиболее распространенной формой предупредительного общественного экологического контроля на сегодняшний день является общественная экологическая экспертиза, которая является одним из вариантов контроля гражданского общества за деятельностью органов публичной власти и коммерческих структур [2]. Роль общественной экологической экспертизы как важной формы общественного контроля с каждым годом растет, но, как показывает практика учета результатов общественного экологического контроля, органы власти стараются свести участие граждан и общественных организаций в принятии решений о разрешении хозяйственной и иной деятельности и допустимости объектов экологической экспертизы к минимуму. Это связано, в первую очередь, с тем, что и на федеральном и на местном уровне законодательного закрепления и четкой регламентации процедура общественной экологической экспертизы не получила.

Законодательно нормы, регламентирующие порядок организации и проведения общественной экологической экспертизы, прописаны только в ФЗ «Об экологической экспертизе» [3]. Однако

большинство экспертов при проведении данной экспертизы руководствуются нормативными правовыми актами, регулирующими проведение государственной экологической экспертизы.

Согласно ст. 20 ФЗ «Об экологической экспертизе», общественная экологическая экспертиза организуется и проводится по инициативе граждан и общественных организаций (объединений), а также по инициативе органов местного самоуправления общественными организациями (объединениями), основным направлением деятельности которых в соответствии с их уставами является охрана окружающей среды, в том числе организация и проведение экологической экспертизы, и которые зарегистрированы в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Следовательно, если в уставе общественного объединения отсутствует указание на «организацию и проведение экологической экспертизы», то провести общественную экологическую экспертизу оно не имеет права.

Цель экспертизы достигается путем оценки соблюдения требований к порядку разработки проектной документации и путем оценки качества прогноза воздействий на окружающую среду. Следует отметить, что оценка воздействия на окружающую среду в России выполняется за счет средств заказчика проектной документации, поэтому независимая проверка этого документа является сугубой необходимостью.

Формально общественная экологическая экспертиза может проводиться только по проектам, являющимся объектами государственной экологической экспертизы, за исключением тех, сведения о которых составляют государственную, коммерческую и (или) иную охраняемую законом тайну. Также проводится она или до проведения государственной экологической экспертизы, или одновременно с ней. Право провести общественную экологическую экспертизу независимо от проведения государственной экологической экспертизы гарантировано п. 2 ст. 22 ФЗ «Об экологической экспертизе».

В соответствии с Законом «Об экологической экспертизе» общественная экологическая экспертиза может быть осуществлена при условии государственной регистрации заявления общественных организаций (объединений) о ее проведении органом местного самоуправления [4].

Закон устанавливает также требования по содержанию заявления общественных организаций (объединений) о проведении общественной экологической экспертизы. Оно должно содержать наименование, юридический адрес, характер предусмотренной уставом деятельности, сведения о составе экспертной комиссии, об объекте общественной экологической экспертизы, сроки ее проведения. В законодательстве предусматривается исчерпывающий перечень оснований для отказа в государственной регистрации заявления о проведении общественной экологической экспертизы.

Согласно п. 1 ст. 25 ФЗ «Об экологической экспертизе» заключение общественной экологической экспертизы направляется федеральному органу в области экологической экспертизы или органу субъекта РФ, осуществляющему государственную экологическую экспертизу, заказчику документации, органам, принимающим решение о реализации объектов экологической экспертизы, органам местного самоуправления, может передаваться другим заинтересованным лицам. Заключение общественной экологической экспертизы приобретает юридическую силу после утверждения его федеральным органом исполнительной власти в области экологической экспертизы или органом государственной власти субъекта РФ.

Как показывает практика проведения общественных экологических экспертиз, государственные служащие неохотно предоставляют необходимую документацию независимым экспертам, а в случае с антикоррупционной экспертизой – неохотно используют результаты работы независимых экспертов [5].

Государственные и муниципальные органы власти, как правило, нарушают сроки предоставления экологически значимой информации, а коммерческие организации иногда вовсе отказываются ее предоставить, аргументируя свой отказ нормами законодательства о коммерческой тайне. В ст. 5 ФЗ «О Коммерческой тайне» определяется, что режим коммерческой тайны не может быть установлен лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, в отношении следующих сведений: о загрязнении окружающей среды, состоянии противопожарной безопасности, санитарно-эпидемиологической и радиационной обстановке, безопасности пищевых продуктов и других факторах, оказы-

вающих негативное воздействие на обеспечение безопасного функционирования производственных объектов, безопасности каждого гражданина и безопасности населения в целом [2].

Стоит отметить, что общественная экологическая экспертиза в отличие от государственной проводится по инициативе заинтересованных лиц на добровольной основе. Заключение, подготовленное экспертной комиссией государственной экологической экспертизы и в установленном порядке подписанное ею, после его утверждения федеральным органом исполнительной власти в области экологической экспертизы или органами государственной власти субъектов Российской Федерации приобретает статус заключения государственной экологической экспертизы. Заключение общественной экологической экспертизы приобретает юридическую силу после утверждения его специально уполномоченным государственным органом в области экологической экспертизы. Необходимо отметить, что ни один государственный орган не может объяснить, в чем же конкретно заключается эта приобретаемая заключением общественной экологической экспертизы юридическая сила и какие правовые последствия она влечет именно для общественной экспертизы. ФЗ «Об экологической экспертизе» просто вводит этот термин и для государственной, и для общественной экологической экспертизы, никак его не объясняя. И если в отношении государственной экспертизы это в целом понятно по смыслу закона, то в отношении общественной экологической экспертизы – абсолютно не ясно [6].

Таким образом, рекомендательный характер общественной экологической экспертизы ставит под вопрос учет ее результатов, особенно когда они кардинально расходятся с заключением государственной экспертизы. С таким законодательным подходом общественная экологическая экспертиза становится простой формальностью и доверие граждан к такому рычагу общественного контроля неизбежно подрывается.

Список литературы

1. Шерстобоев О.Н. Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4.

2. Рекомендации «круглого стола» на тему «Актуальные вопросы экологического контроля (надзора) в Российской Федерации». 2012. 17 дек. <http://zmdosie.ru/actual/problemu/> (дата обращения: 15.11.2016).

3. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. 1995. 27 нояб. № 48. Ст. 4556.

4. Бринчук М.М. Экологическое право: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2003.

5. Сморгунова Ю.А. Некоторые вопросы применения законодательства об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов // Диалектика противодействия коррупции: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Министерство образования и науки Республики Татарстан. Казань, 2013.

6. <http://ecodelo.org>

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

**PUBLIC ANTI-CORRUPTION CONTROL AS
A MECHANISM OF FIGHTING CORRUPTION**

Шумякина Юлия Александровна

студентка 4-го курса

Российский университет кооперации

Смоленский филиал

Долгова Юлия Викторовна

студентка 4-го курса

Российский университет кооперации

Смоленский филиал

Сидоренкова Ирина Викторовна

канд. пед. наук,

доцент кафедры товароведения и таможенного дела

Российский университет кооперации

Смоленский филиал

Shumyakina Y.

4th year student, Smolensk branch of Russian University of cooperation Smolensk, Russia

Dolgova Y.

4th year student, Smolensk branch of Russian University of cooperation Smolensk, Russia

Sidorenkova I.

the candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the chair of commodity research and of customs, Smolensk branch of Russian University of cooperation Smolensk, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы эффективности взаимодействия институтов гражданского общества и государства в сфере противодействия коррупции, исследуем формы и механизмы общественного антикоррупционного кон-

троля, реальные практики и проблемы участия институтов гражданского общества в антикоррупционной политике.

Abstract. *The article considers the problems of efficiency of interaction of civil society institutions and the state in the sphere of counteraction of corruption, examine the forms and mechanisms of public anti-corruption control, real practices and problems of participation of institutes of civil society in anti-corruption policy.*

Ключевые слова: *гражданское общество, коррупция, антикоррупционный контроль, антикоррупционная политика.*

Key words: *civil society, corruption, anti-corruption monitoring, anti-corruption policy.*

В современной России важнейшим средством противостояния коррупции должно стать выделение коррупционной практики государственных и муниципальных органов. В качестве такового можно определить, в частности, контроль за властью со стороны граждан и структур гражданского общества.

В настоящее время коррупция в России перешла из отдельной проблемы криминального характера в проблему общегосударственного масштаба, разрушающую государственность и подрывающую авторитет власти, ставя под угрозу дальнейшее развитие и даже существование нашего государства [4, с. 42].

Чтобы понять, каким образом происходит борьба с коррупцией, обратимся к Уголовному кодексу РФ. Вообще, взяточничество относится к преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (Глава 30 УК РФ). По ст. 291 УК РФ дача взятки должностному лицу наказывается штрафом, принудительными работами или лишением свободы. Причем отдельным пунктом выделена дача взятки за совершение незаконных действий (бездействий). Также важную роль играет размер взятки, который и определяет размер штрафа или срок тюремного заключения. Получение должностным лицом взятки также наказывается законом. Наказание определяется ст. 290 УК РФ. Это, как и в случае дачи взятки, может быть штраф, принудительные работы или лишение свободы. Однако наказание за получение взятки сопровождается еще и лишением права занимать определенные должности в течение определенного срока. Если процесс

дачи/получения взятки проходит через посредника, то этот посредник также подвергается наказанию по ст. 291.1 УК РФ. Виды наказания такие же, как и у взяткополучателя: лишение права занимать определенные должности, штраф, принудительные работы или лишение свободы [2, с. 158].

Мы считаем, что для того, чтобы глубже понять суть коррупции и разрабатывать способы успешной борьбы с ней, нужно, прежде всего, рассмотреть причины ее возникновения, влияние этого общественного явления на развитие общества и экономики. И, прежде всего, нужно осознавать, что коррупция – явление глобальное не просто, потому что проявляется во многих странах и регионах, а еще и потому, что проявляется на протяжении всей истории человечества, на разных ее этапах [5, с. 76].

Нам кажется, что на появление коррупции и взяточничества повлияли самые разные факторы. Нельзя точно установить, когда появилась коррупция. Но по всей вероятности: коррупция – это явление, зародившееся вместе с расслоением общества, делением его на различные классы и страты, основанные именно на различном материальном положении и различном статусе в обществе. Ведь в основе коррупции лежит, прежде всего, желание и возможность людей воспользоваться нечестными путями достижения своих целей. В частности, с помощью незаконного использования своих должностных полномочий, общественного положения или взятки. Ведь взятку можно давать не только непосредственно деньгами, но и какими-либо материальными ценностями, недвижимостью, ценными бумагами и др. [7].

Если подумать, то на том этапе развития человечества, на котором не существовало товарно-денежных отношений и даже натурального обмена, когда не было личной собственности, и все принадлежало общине, когда все были равны между собой, коррупции просто не могло быть. У всех людей были равные возможности, права и обязанности. Всем доставалось равное количество пищи и одежды, у всех было жилье и т.д.

Поэтому никто не мог воспользоваться чем-либо, чем не могли воспользоваться все остальные, и ни у кого не было больших возможностей, чем у других.

За последние десятилетия новейшей истории коррупция претерпела качественное изменение, превратившись из разряда от-

дельных самостоятельных преступлений, совершаемых некоторыми нечестными на руку чиновниками, в массовое социальное явление, которое стало привычной составляющей социально-экономической жизни современной России. Более того, коррупция фактически превратилась в системный, высокодоходный бизнес для большинства чиновников различного уровня. В настоящее время коррупция институционализировалась, упорядочившись и приобретя устойчивые организационные формы, сложную разветвленную структуру, в нее вовлечены взаимосвязанные множественные группы людей, занимающих должности как во властных структурах различного уровня, так и в многочисленных бизнес-структурах. Одновременно коррупционная деятельность стала уже «стилем ведения бизнеса» нашего века, привычным для государственных и муниципальных служащих, предпринимателей, топ-менеджеров в различных отраслях бизнеса, а также простых обывателей, пытающихся извлечь из коррупции свою выгоду [3, с. 54].

Непосредственное и действенное участие граждан и факторов гражданского общества в процессе предупреждения и противодействия коррупции призван обеспечивать механизм общественного антикоррупционного контроля. Под ним следует понимать подотчетность органов государственной и муниципальной власти и должностных лиц гражданам, предполагающую: во-первых, право граждан получать отчет посредством необходимой информации о деятельности власти; во-вторых, право граждан принимать меры, то есть налагать санкции в случае, если информация или объяснения будут сочтены неудовлетворительными. Следовательно, общественный антикоррупционный контроль как механизм противодействия коррупции прежде всего в сфере государственного и муниципального управления включает последовательность действий, осуществляемых гражданами и их автономными объединениями в целях предотвращения возможностей и устранения условий, способствующих возникновению коррупционных отношений, выявления и пресечения фактов коррупции [6].

По сути общественный контроль – явление совершенно не новое. Ассамблея Совета Европы отметила, что параметры оценки демократического развития каждой конкретной страны

должны в дополнение к традиционным стандартам Совета Европы включать следующие показатели:

- открытость принятия процесса политических решений;
- уровень политической активности общественности за пределами парламента и ее влияния на функционирование парламента как форума для демократического обсуждения и принятия решений;
- степень, в которой структуры и организации гражданского общества свободны от контроля государства и при этом не выступают в роли скрытых оппозиционных партий, лишенных демократической легитимности;
- меры по защите демократии от недемократических инициатив. Таким образом, общественный антикоррупционный контроль является не только средством противодействия коррупции, но и мерой оценки демократичности.

Принципами такого контроля являются:

- 1) приоритет прав и законных интересов человека и гражданина;
- 2) добровольность участия в осуществлении общественного контроля;
- 3) самостоятельность субъектов общественного контроля;
- 4) публичность и открытость проведения общественного контроля и рассмотрения его результатов;
- 5) законность действий субъектов общественного контроля;
- 6) объективность и достоверность.

Растущий уровень коррупции, сращивание уголовного элемента с органами власти различных уровней, судебными и правоохранительными органами вызывают обоснованный протест у общества и часто вызывают у граждан неверие в способность государственных институтов в одиночку обеспечить защиту их конституционных прав. При этом подобные настроения являются благодатной почвой для пропагандистских лозунгов различных экстремистских элементов в целях разжигания конфликтов, межнациональной розни и т.д. Неудовлетворенность деятельностью государственных органов власти, возмущение их бездействием или произволом, невозможность повлиять на деятельность и решения госорганов уже неоднократно приводили к сплочиванию граждан в неконтролируемую толпу, вспышкам гнева и

массовым беспорядкам, достаточно лишь вспомнить события в Москве на Манежной площади или в районе Бирюлево, а также события на Украине [8].

Мы считаем, что в сложившейся ситуации необходимо проводить государственную политику, направленную на вовлечение различных институтов гражданского общества и широких слоев населения в борьбу с коррупцией, развивать активность институтов гражданского общества. Нужна организация полноценного диалога между государством и гражданским обществом, при этом государство в лице своих органов власти должно эффективнее развивать партнерские отношения и сотрудничать с различными институтами гражданского общества.

Общественный контроль является важнейшим институтом гражданского общества и давно доказал свою значимость как эффективный инструмент обеспечения законности и профилактики различных правонарушений на всех уровнях власти, в том числе коррупционного характера.

Коррупция вытекает, прежде всего, из неудовлетворенных потребностей людей. И, следовательно, чтобы ее устранить, нужно сделать так, чтобы все потребности каждого человека были удовлетворены, или чтобы у каждого человека была возможность удовлетворить все свои потребности, используя исключительно законные методы. Тогда у людей не возникнет желания искать иных путей достижения своих целей. Не будет больше взяток, потому что все люди будут материально обеспечены. Можно долго мечтать об этом. Но эти идеи утопические. Их невозможно привести в исполнение, хотя бы потому, что потребности людей неограниченны, бесконечны. Чем больше потребностей удовлетворяет человек, тем больше у него появляется новых. Поэтому решающую роль в укоренении коррупции играет именно человеческий фактор, человеческая жадность, эгоизм, безграничность потребностей, постоянное желание брать себе все больше и больше, не задумываясь при этом о последствиях [9].

После всего сказанного можно здраво взглянуть на ситуацию и сделать вывод, что идея полностью победить коррупцию такая же утопическая, как, например, абсолютное равенство всех людей между собой. Однако если нельзя победить коррупцию пол-

ностью, то можно снизить ее уровень, попытаться свести его к минимуму. Есть много путей для достижения этой цели. И мы хотели бы рассмотреть несколько направлений, следуя по которым можно добиться снижения уровня коррупции. Они не имеют четких разграничений, поэтому могут и даже должны переплетаться и взаимно дополнять друг друга.

Первым направлением в борьбе с коррупцией мы считаем улучшение взаимодействия общества и государства. В нашем государстве гражданское общество развито довольно плохо. Поэтому борьба с коррупцией ведется только в направлении «сверху», то есть фактически против нее борется только государство. Поэтому просто необходимо наличие в стране развитого гражданского общества. Люди должны иметь реальную возможность защищать свои интересы, опираясь при этом на закон. А государство должно всячески этому способствовать. Мы думаем, что взаимодействие общества и государства является первоосновой в борьбе с коррупцией. Недаром же сама коррупция и мешает становлению развитого гражданского общества, созданию общественных объединений, разрешенных ст. 30 Конституции РФ.

Сложившаяся бюрократическая система заметно усложняет создание союзов граждан для защиты общих интересов. Однако в основном сами люди боятся противостоять этой системе из-за огромных масштабов ее влияния. Сказывается человеческий фактор. То есть в данном случае нужно стараться морально воздействовать на людей, чтобы побудить их к активным действиям, поднять их на защиту собственных интересов.

Отсюда вытекает второе направление борьбы с коррупцией – нравственное. Ведь, как уже не раз отмечалось, коррупция – явление настолько же нравственное, насколько и экономическое. Поэтому для успешной борьбы с коррупцией необходимо воздействовать на обе составляющие. Во-первых, необходимо, чтобы люди доверяли государству. Нужно, чтобы общество и государство были открыты друг для друга. Люди не должны думать, что все инстанции и государственные органы уже куплены и не должны бояться защищать свои права всеми законными методами: различными жалобами, петициями, забастовками и так далее. Во-вторых, все люди должны осознавать катастрофические последствия коррупционных действий, которые уже начи-

нают проявляться в наше время. Нужно на доступных примерах и реальных событиях показать людям, что может стать с государством и какой может стать жизнь в ближайшем будущем, если разрушительный смерч коррупционных действий не утихомирить. В-третьих, люди не только должны сообщать государству о коррупционных действиях. Они сами не должны порождать их. То есть, проще говоря, каждый человек обязан понимать, что давать или брать взятки – это плохо и даже опасно и что в своей деятельности нельзя поступаться общественными интересами ради собственных. И когда каждый осознает, что рано или поздно последствия его преступных действий обязательно коснутся его самого, то коррупционная система очень и очень сильно ослабнет и станет вполне уязвимой.

Для достижения результатов подобного масштаба необходимы и соответствующие условия, которых в настоящее время в современной России мы пока не видим, но надеемся, что они появятся.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. 12 декабря 1993 г. // 1993. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 1.10.2016) // Российская газета. 1996. 18 июня. № 113; 1996. 19 июня. № 114; 1996. 20 июня. № 115; 1996. 25 июня. № 118.
3. Киричек Е.В. Гражданский (общественный) контроль за деятельностью органов публичной власти в сфере обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 9.
4. Купреев С.С. Административное право и защита прав и свобод человека и гражданина в современный период // Административное право и процесс. 2015. № 9.
5. Купреев С.С. Российское антикоррупционное законодательство и пути преодоления правового нигилизма в обществе: Материалы выступлений на конференции «Роль общественной экспертизы законодательства как формы взаимодействия госу-

дарства и гражданского общества», состоявшейся 9 декабря 2009 г. в Москве. М.: ИГ «Юрист», 2009.

6. Проект поэтапного плана (дорожной карты) совершенствования форм и методов общественного контроля в Российской Федерации.

7. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

Сводная Резолюция научно-практической конференции

1. Тематика представленных докладов достаточно широка: затронуты актуальные вопросы теории государства и права, гражданского законодательства, уголовно-правового законодательства права, общественного контроля. Обсуждены вопросы теории и практики применения в рассматриваемых областях конференции.

2. Сегодня в научных и политических кругах модным стало дискутировать о роли государства в дальнейшем развитии общества, о типе государства, которое в наибольшей степени отвечает российским традициям и современным условиям. Повышается интерес и к современным концепциям социального государства, которые существенно отличаются от традиционных либеральных и марксистских воззрений на сущность и формы государственно-общественного устройства. Известно, идеи правового государства складывались исторически на протяжении многих веков в контексте разработки теории права и государственного строительства. Многие из них были сформулированы еще в древности. А вот концептуально-научные представления о социальном государстве сложились относительно недавно. Одна из причин – специфика России, в отличие от Запада, состоит в том, что задача формирования социальной государственности возникла не на фундаменте государственности, основанной на праве, а в обстановке очередного системного кризиса российского общества, глубокого социального расслоения общества и углубляющейся пропасти между бедными и богатыми, массового правового нигилизма, пренебрежительного отношения к правам и свободам человека.

3. Для всех важно избегать правового нигилизма, экстремизма, и с этой целью целесообразно заниматься самообразованием в сфере правовой культуры.

4. Предложено принятие ряда поправок к законодательству о территориальном общественном самоуправлении.

5. Остро стоит вопрос о законодательном урегулировании добровольческой деятельности в России.

6. Необходимо продолжить унификацию гражданского и арбитражного процессуального законодательства (оповещение участников посредством сети Интернет).

7. При введении совместного завещания необходимо учитывать зарубежный опыт (положительный и отрицательный), историю и менталитет.

8. Необходимо предъявлять к юридической деятельности более жесткие требования. Современное общество не готово к введению «адвокатской монополии», поэтому юридическую деятельность нужно лицензировать.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации вступил в силу с 1 января 1997 г. Со времени его действия было принято более 120 федеральных законов о внесении изменений и дополнений.

Современный этап развития уголовного законодательства характеризуется внесением бессистемных, хаотичных изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, вызванных сиюминутной необходимостью. К сожалению, остаются не учтенными законодателем мнения ученых, содержащиеся в диссертациях, монографиях, научной литературе, не всегда соблюдается юридическая техника, из-за чего возникают дополнительные проблемы квалификации преступных деяний и, как следствие, ошибки в судебно-следственной практике.

10. Нормы действующего Уголовного кодекса далеки от совершенства и вызывают множество нареканий со стороны правоприменителя. В частности, можно отметить следующие недостатки действующего уголовно-правового законодательства:

- многие нормы являются декларативными;
- кодекс насчитывает большое количество бланкетных норм;
- уголовное законодательство не стабильно;
- кодекс содержит большое количество неточностей и расплывчатых формулировок;
- имеется противоречивость некоторых норм УК;
- наличие в УК РФ так называемых «мертвых» (неприменяемых в практике) составов.

11. Необходимо продолжить систематизировать анализ теоретических и практических аспектов общественного контроля в сфере местного самоуправления. Разрабатывать направления совершенствования правового регулирования отношений за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления.

Актуальные
теоретические и практические вопросы
развития юриспруденции

Материалы Всероссийской межвузовской
научно-практической конференции
1 декабря 2016 г.

Составитель *А.А. Березина, М.В. Гудкова*
Отв. за выпуск *В.Г. Федорченко*
Выпускающий редактор *В.О. Дайнес*
Компьютерная верстка *Н.А. Кузнецова*

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 13.05.2017. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 33,125
Тираж 500 экз. Заказ 170513

Международный юридический институт
127427, г. Москва, Кашенкин луг, д. 4